

ПРЕМИЯ БРЭМА СТОКЕРА И WORLD FANTASY AWARD
ЗА ЛУЧШИЙ РОМАН ГОДА!

РОБЕРТ МАККАММОН

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Книга 2. ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

РОБЕРТ МАККАММОН

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Книга 2. ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

ЭКСМО
МОСКВА
ИД ДОМИНО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2011

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
М 15

Robert R. McCammon
BOY'S LIFE

Copyright © 1991 by McCammon Corporation

Составитель серии Александр Жикаренцев

Оформление серии Сергея Шикина

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

Маккаммон Р. Р.
М 15 Жизнь мальчишки. Кн. 2 : Люди и призраки / Роберт Р. Маккаммон ; [пер. с англ. Б. Кадникова, О. Колесникова]. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2011. — 496 с.

ISBN 978-5-699-49523-8

В реальный быт маленького американского городка 60-х годов прошлого века вплетены обстоятельства, совершенно непостижимые с точки зрения здравого смысла: сонное захолустье превращается в удивительный мир, населенный причудливыми существами и фантомами. Тут и древний ящер — зверь из Затерянного мира, и речное чудовище Старый Мозес, и призраки погибших людей, с которыми можно общаться.

Однако все эти чудеса не кажутся чем-то сверхъестественным, потому что они пропущены через восприятие 12-летнего Кори Маккенсона, талантливый выдумщик, мечтающий стать писателем. Его жизнь наполнена фантазиями и волшебством, захватывающими приключениями и невыдуманными опасностями...

«Жизнь мальчишки» — лучшая из полутора десятков книг мастера мистического романа Роберта Рика Маккаммона, принесяшая ему две престижные литературные премии — Bram Stoker Awards 1991 и World Fantasy Award 1992.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-49523-8

© Б. Кадников, перевод на русский язык, 2011
© О. Колесников, перевод на русский язык, 2011
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2011

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ОГОНЬ ОСЕНИ

Глава 1

ШАЛЯПА С ЗЕЛЕНЫМ ПЕРОМ

— Кори?

Делаю вид, что не слышу зловещего шепота.

— Кори?

Нет уж, дудки. Я не собираюсь оборачиваться. У доски миссис Юдит Харпер, известная как Гарпия или Луженая Глотка, объясняет нам правила деления дробей. Для меня арифметика всегда была путешествием в Сумеречную зону, что же касается деления дробей, то его можно было сравнить с выпадением за пределы реальности.

— Кори? — снова раздался у меня за спиной шепот. — У меня на пальце здоровенная зеленая козявка, слышишь?

Господи, кричу я про себя. Только не это!

— Если ты сейчас же не повернешься и не улыбнешься мне, я вытру ее о твою шею.

Шел четвертый день школы. С самого начала занятий я понял, что учебный год предстоит долгий и тяжелый, а все потому, что какой-то идиот объявил Демона «одаренным ребенком» и добился ее перевода с перескоком одного класса, где перст непредсказуемой судьбы в лице мис-

сис Харпер, установившей схему рассадки учеников «мальчик, девочка, мальчик, девочка», указал Демону место прямо за моей спиной.

Но самое плохое заключалось в том (рассказывая мне об этом, Дэви Рэй покатывался со смеху), что Демон втрескалась в меня по уши, словно мартовская кошка.

— Кори? — продолжала настаивать она.

Я вынужден был обернуться. В прошлый раз, когда я попытался послушаться Демона, она нарисовала мне слюнями на шее сердечко.

Бренда Сатли широко улыбалась, ее огненно-рыжие сальные волосы торчали лохмами, в шальных глазах светилось лукавство. Она продемонстрировала мне свой указательный палец с черной каемкой грязи под ногтем, но козявки на нем не было.

— Попался, — прошептала Демон.

— Кори Джей Маккенсон! — разнесся под сводами класса рев Луженой Глотки. — Повернись сию же секунду!

Я повиновался, в душе кляня себя за свою слабость. Вокруг слышалось предательское хихиканье — все знали, что Гарпия не удовлетворится этим внешним проявлением покорности.

— Итак, Маккенсон, я вижу, ты уже усвоил деление дробей? — спросила Гарпия, уперев руки в бока, большая, как танк бригады Паттона¹. — Тогда почему бы тебе не выйти к доске и не продемонстрировать нам свое умение?

С этими словами она протянула мне ненавистный желтоватый кусочек мела.

¹ Паттон Джордж Смит, мл. (1885–1945) — генерал-лейтенант армии США во Второй мировой войне.

КНИГА 2. ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

Окажись я преступником, приговоренным к смерти, прогулка от камеры к электрическому стулу была бы для меня меньшим испытанием, чем путь к мелку в руке миссис Харпер, а затем к неотвратимой классной доске.

— Отлично,— сказала она, глядя на то, как я застыл у доски с понуро опущенными плечами и поникшей головой.— Запиши такие дробь,— сказала она и выпалила их одним духом.

Я едва успел записать то, что она диктовала, даже мел сломался. Нельсон Биттнер хихикнул и через несколько секунд оказался у доски в качестве моего товарища по несчастью.

Все знали: миссис Харпер лобовой атакой не одолеть. Никому еще не удавалось овладеть ее бастионами в один молодецкий наскок, испустив победный клич над поверженными учебниками математики. Предстояла долгая и хитроумная кампания: дуэли снайперов, расстановка мин-ловушек, кропотливое прощупывание для выявления слабых сторон неприятеля. Все мы были уже достаточно умудренными бойцами и точно знали, что у всех без исключения учителей есть свое уязвимое место: некоторые сходят с ума при виде челюстей, перемалывающих жвачку, иные не выносят хихиканья за спиной, другие боятся от повторяющегося скрипа или шарканья обуви по линолеуму. Пулеметный кашель, ослиное фырканье, рулады прочищаемых глоток, стрельба жеваной бумагой из трубочек в классную доску — в борьбе со зверствующими учителями шел в ход весь арсенал, были хороши любые средства. Может быть, нам даже придется прибегнуть к помощи Демона и уговорить ее принести в класс какую-нибудь вонючую дохлятину в коробке из-под ботинок или как следует чихнуть, как она, Демон, это уме-

ет: с соплями, лентами вылетающими из ее талантливых ноздрей... В общем, выкинуть что-нибудь эдакое, чтобы у Гарпии зашевелились на голове ее кудряшки.

— Неправильно, неправильно, опять неправильно! — криками прокомментировала Луженая Глотка мои жалкие попытки справиться с делением дробей. — Иди на место, дубина, и впредь внимательно меня слушай!

Я угодил между двух огней — Луженой Глоткой и Демоном, и небо у меня над головой стало с овчинку.

В три часа раздался долгожданный звонок с последнего урока. Я обсудил с Дэви Рэем, Беном и Джонни события дня и поколесил к дому, поглядывая на темное, предвещающее пасмурную погоду небо. Я зашел на кухню за печеньем и увидел там маму — она чистила плитку.

— Кори, — сказала мама, — минут десять назад звонила женщина из мэрии. Мэр Своуп просил, чтобы ты зашел к нему.

— Мэр Своуп? — Моя рука с печеньем «Лорна Дун» замерла на полпути ко рту. — Что ему от меня нужно?

— Его секретарша не сказала, в чем дело, но, очевидно, что-то важное.

Мама с тревогой взглянула в окно.

— Собирается гроза. Подожди часок, вернется папа и подбросит тебя на машине.

Ну уж нет, я просто места себе не находил от любопытства. Что мэру Своупу нужно от меня? Пройдя к окну мимо мамы, продолжавшей чистить плитку, я оценивающе взглянул на небо, где действительно собирались тучи.

— Думаю, что успею до того, как начнется дождь, — сказал я.

Оторвавшись от плиты, мама еще раз взглянула на небо и нахмурилась.

— Ну, не знаю. Если начнется дождь, ты весь промокнешь.

Я пожал плечами.

— Я успею.

Мама заколебалась. Боязливый характер не давал ей покоя. Я знал, что со времен моего похода в лес с ночевкой она борется с собой, старается не трястись надо мной так сильно. Хотя я и заблудился в лесу, но доказал, что умею выживать в условиях дикой природы, преодолевать трудности. Наконец мама, вздохнув, проговорила:

— Ладно, иди.

Взяв еще пару печенюшек, я вышел на крыльцо.

— Если ливень будет сильный, лучше пережди там! — крикнула мне вслед мама. — Слышишь меня?

— Слышу! — отозвался я и покатил, оседлав Ракету.

Похрустывая печеньем, я немного отъехал от дома, но тут Ракета вздрогнула, и руль ощутимо дернулся влево. Подняв голову, я увидел впереди себя Брэнлинов, неторопливо ехавших бок о бок на своих черных велосипедах в одном направлении со мной и потому не видевших меня. Повинуясь мудрому совету Ракеты, я свернул налево на ближайшем же перекрестке, решив добраться окольным путем.

Когда я подъехал к готическому зданию суда из темного камня, находившемуся в конце Мерчантс-стрит, в вышине уже ворчал гром и начинало накрапывать. Первые капли дождя пронзили меня холодом — лето с теплыми дождями осталось позади. Приковав Ракету цепью к пожарному гидранту, я вошел в здание. Там пахло плесенью, словно в сыром подвале. Табличка на стене извещала, что офис мэра Своупа находится на втором этаже. Я пошел вверх по широкой лестнице, мимо высоких окон,

сквозь которые лился мрачный синеватый предгрозовый свет с улицы. На верху лестницы перила из черного орехового дерева были увенчаны тремя горгульями, скрестившими свои чешуйчатые ноги и переплетшими на груди когтистые лапы. На стене висел старый рваный флаг Конфедерации и стояли шкафы со стеклянными дверцами, в которых была выставлена серая военная униформа, изрядно изъеденная молью. Над моей головой, там, куда можно было добраться только по лестнице, виднелся стеклянный купол, темневший по мере того, как усиливались раскаты грома, резонирующего, словно в колоколе.

Я шел длинным коридором, пол которого был выстелен квадратами из черного и белого линолеума. По обе стороны находились различные офисы бюро по выдаче водительских удостоверений, налоговый департамент округа, суд по делам о наследствах, завещаниях и опеке, дорожный суд и тому подобное. Стелянные двери кабинетов были закрыты, свет погашен. Только однажды я встретил темноволосого мужчину в голубом галстуке-бабочке: он запер на ключ дверь из рифленого стекла с табличкой «Ремонт водопровода и канализации». Заперев дверь ключом, висевшим на позвякивающей связке, он взглянул на меня.

— Могу я чем-то помочь вам, молодой человек? — обратился он ко мне.

— Мне нужно к мэру Своупу, — ответил я.

— Его кабинет в конце коридора.

Мужчина взглянул на карманные часы.

— Возможно, его уже нет на месте. В три тридцать почти все расходятся.

— Благодарю вас, — сказал я и пошел по коридору дальше, услышав, как за спиной у меня звякнули ключи и каблук мужчины застучали по направлению к лестнице.

На ходу он насвистывал мотивчик, который был мне совершенно незнаком.

Я прошел мимо зала совещаний городского совета и кабинета мирового судьи — и там и там было темно — и наконец остановился перед большой дубовой дверью с медными буквами «ОФИС МЭРА». Я не знал, постучать мне или нет — звонка рядом с дверью не было. Пытаясь разрешить вопрос этикета, я немного помедлил, а снаружи уже вовсю бушевала гроза. Потом постучал кулаком в дверь.

Через пару секунд она открылась. Передо мной стояла женщина в очках с роговой оправой и волосами серо-стального цвета, уложенными в высокую прическу. Ее лицо было словно высечено из гранита и составлено из прямых граней и острых углов. Ее брови вопросительно поднялись.

— Я пришел. Мэр Своуп просил меня зайти, — пролепетал я.

— Ах вот как! Ты, должно быть, Кори Маккенсон?

— Да, мэм.

— Тогда входи.

Женщина открыла дверь шире, и я проскользнул внутрь мимо нее. На мгновение я погрузился в облако фиалкового запаха то ли духов, то ли лака для волос. Я оказался в приемной мэра, где на полу лежал красный ковер, стоял письменный стол, а вдоль стены были расставлены стулья и журнальная стойка. Одну из стен украшала карта Зефира с пожелтевшими краями. На письменном столе стояли лотки для входящих и исходящих бумаг, аккуратная стопка документов, фотография в рамке: улыбающаяся молодая женщина, мужчина и ребенок между ними, а также табличка с надписью «МИССИС ИНЕС ЭКС-ФОРД» и внизу, буквами поменьше, «секретарь мэра».

— Присядь, пожалуйста, на минутку.

Миссис Эксфорд прошла через комнату к другой двери. После ее тихого стука из-за двери донесся голос мэра, как всегда говорившего, словно набрав каши в рот:

— Да?

Миссис Эксфорд отворила дверь.

— Мальчик пришел,— сказала она.

— Благодарю вас, Инес.— Я услышал, как в соседней комнате скрипнуло кресло.— На сегодня у нас все. Идите домой.

— Ему можно пройти к вам?

— Через пару минут я сам приглашу его.

— Хорошо, сэр. Э-э-э... Вы уже подписали заявку на новые световые лампы?

— Я хочу еще разок просмотреть бумагу, Инес. Завтра с утра первым же делом займусь этим.

— Хорошо, сэр. Тогда я пойду, пожалуй.

Выйдя из кабинета мэра, миссис Эксфорд затворила за собой дверь и, повернувшись ко мне, сказала:

— Мэр сам позовет тебя через пару минут.

Я принялся ждать, а миссис Эксфорд тем временем заперла свой стол, поправила фотографию. Потом она в последний раз окинула взглядом приемную, убедилась, что все на месте, и, зажав под мышкой коричневую сумочку, вышла из кабинета в коридор, не сказав мне ни слова на прощание.

Я ждал. За окном грохотала гроза, эхо раскатывалось по коридорам. Я услышал, как хлынул ливень: сначала падали редкие капли, но потом словно кто-то принялся колотить в стены тысячами маленьких молоточков.

Дверь кабинета отворилась, и передо мной предстал сам мэр Своуп. Рукава его голубой рубашки, пересечен-

ной крест-накрест подтяжками в красную полосу, были закатаны. На нагрудном кармане белыми нитками были вышиты его инициалы.

— Кори! — обратился он ко мне с широкой улыбкой. — Входи, нам нужно поговорить.

Я понятия не имел, о чем пойдет разговор. Я, конечно, знал, кто такой мэр Своуп, но ни разу в жизни не перемолвился с ним и словечком. Но вот он сам стоит передо мной и приглашает войти к нему в кабинет. Парни не поверят мне, так же как они не поверили в то, что я заткнул метлой глотку Старому Мозесу.

— Входи, не робей! — снова позвал меня мэр Своуп.

Я послушно вошел. Внутри кабинета все было выдержано в темных тонах, блестело полированное дерево. Пахло сладким трубочным табаком. Чуть ли не половину кабинета занимал огромный письменный стол, размерами не уступавший взлетной палубе авианосца. На полках было множество толстых, переплетенных в кожу книг. Казалось, к книгам никто никогда не притрагивался: ни в одной из них не было закладок. На большом персидском ковре стояла пара кресел из черной кожи. Окна выходили на Мерчантс-стрит, но разглядеть что-либо за стеклами было невозможно, поскольку по ним стекали потоки воды.

Мэр Своуп закрыл за мной дверь. Его седые волосы были гладко зачесаны со лба назад, а голубые глаза дружелюбно смотрели на меня.

— Присаживайся, Кори, — сказал он мне.

Я мялся в нерешительности.

— Выбирай любое, — улыбнулся мэр, указывая на кресла.

Я выбрал левое. Кожа кресла мягко приняла меня в свои объятия. Мэр Своуп уселся в свое кресло с изогнутыми подлокотниками за письменным столом. На столе имелись телефон, кожаный стаканчик с пистичими перьями, коробка табака «Филд энд стрим» и стойка с набором из четырех курительных трубок. Одна из трубок была белая, с вырезанным на ней мужским бородатым лицом.

— Какой дождь на улице, настоящий ливень,— заметил мэр, переплетая пальцы на столе перед собой.

Он снова улыбнулся мне, и я ясно увидел, до чего белые у него зубы.

— Да, сэр.

— Ну что ж, фермеры рады дождю. Остается надеяться, что ливень не грозит нам новым наводнением.

— Да, сэр.

Мэр Своуп откашлялся. Потом побарабанил пальцами по столу.

— Твои родители ждут тебя на улице? — внезапно спросил он.

— Нет, сэр. Я приехал один, на велосипеде.

— Вот как? Как же ты поедешь обратно, ты же весь промокнешь?

— Не страшно.

— Это не дело,— сказал мэр.— В такой ливень машинам заливает лобовое стекло, водитель может не заметить тебя и сбить, ты можешь упасть в канаву...

Улыбка мэра исчезла, потом снова вернулась на место.

— Нет, это не дело.

— Ничего, сэр, не волнуйтесь, я доберусь.

— Наверное, ломаешь голову, зачем я пригласил тебя?

Я утвердительно кивнул.

КНИГА 2. ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

— Вероятно, ты знаешь, что я вхожу в жюри литературного конкурса? Мне очень понравился твой рассказ. Да, ты заслуживаешь награды, Кори.

Мэр выбрал курительную трубку из корня верескового дерева и открыл свою табакерку.

— Ты будешь самым молодым из всех, кто когда-либо получал приз в нашем конкурсе.

Я во все глаза смотрел, как мистер Своуп набивает трубку мелко резанным табаком.

— Я лично просмотрел все записи за прошлые годы. Ты самый молодой из всех участников, занявших призовое место. Твои родители могут гордиться тобой.

— Вероятно, да.

— Ну, не стоит скромничать, Кори! Я в твоём возрасте и мечтать не мог о том, чтобы так писать. Нет уж, сэр! Я хорошо успевал по математике, но английский никогда не был моим коньком!

Мэр Своуп достал из кармана коробок спичек, чиркнул одной из них и поднес ее к своей трубке. Из углов его рта заструился голубой дымок. Глаза мэра были устремлены на мое лицо.

— У тебя очень живое воображение,— сказал мэр.— Эта часть твоего рассказа, где ты пишешь, как увидел кого-то, стоявшего в лесу на другой стороне дороги... Мне эта часть особенно понравилась. Как тебе это пришло в голову?

— Это...— «на самом деле случилось», уже готов был выпалить я, но умолк на полуслове, потому что послышался стук.

Дверь приоткрылась, и в кабинет мэра заглянула миссис Эксфорд.

— Мэр Своуп! — сказала она. — На улице льет как из ведра, ужас что творится! Я даже не решилась добежать до машины, ведь я только вчера сделала укладку! Не найдется ли у вас зонтика?

— Не знаю, Инес, посмотрите в шкафу, вон там.

Миссис Эксфорд открыла дверцы шкафа и стала копаться внутри.

— Зонтик должен быть где-то в углу, — сказал мэр Своуп.

— Ну и запах тут! — донесся до нас голос миссис Эксфорд. — У вас тут что-то отсырело и пахнет плесенью.

— На днях наведу там порядок, — отозвался мэр.

Наконец из-за створок шкафа появилась миссис Эксфорд с зонтиком. В другой руке она держала какую-то одежду, покрытую белой плесенью.

— Вы только посмотрите на это! — брезгливо сморщив нос, воскликнула она. — Еще немного, и у вас тут грибы заведутся!

Мое сердце упало.

Миссис Эксфорд держала в руках непромокаемое пальто в пятнах плесени и шляпу, у которой был такой вид, словно она побывала в стиральной машине, а потом в прессе для отжимания белья.

Ленточка шляпы была скреплена серебряной пластинкой, под которой отчетливо виднелось смятое зеленое перышко.

— Господи! Какой ужасный запах! — Миссис Эксфорд так скривилась, что от ее вида могло скиснуть молоко. — Для чего вы храните здесь все это старье?

— Эта шляпа долго была моей любимой. Я испортил ее в ту ночь, когда случилось наводнение. А этот плащ я ношу уже пятнадцать лет и привык к нему.

— Теперь я понимаю, почему вы так долго не позволяли мне прибраться у вас в гардеробе! Что еще вы там прячете?

— Это вас не касается! Вам пора идти, Инес! Наверное, Лерой уже заждался вас дома.

— Вы позволите мне выбросить этот хлам по дороге?

— Господи, конечно нет! — воскликнул мэр Своуп. — Положите все обратно и закройте шкаф!

— Ей-богу, — заметила миссис Эксфорд, повинувшись приказанию, — мужчины крепче цепляются за свои старые вещи, чем детишки за любимое одеяльце.

Она резко захлопнула дверцы.

— Из шкафа по-прежнему сильно пахнет плесенью, мистер Своуп.

— Все в порядке, Инес. Отправляйтесь домой и ведите машину поосторожнее.

— Постараюсь.

Миссис Эксфорд бросила на меня быстрый взгляд и вышла из офиса с зонтиком под мышкой.

Во время этого разговора я не только не проронил ни слова, но даже затаил дыхание. Наконец, чувствуя, что легким не хватает воздуха, я сделал глубокий вдох.

— Так, Кори, — продолжил разговор мэр Своуп, — на чем мы остановились? Ах да, мужчина на опушке леса. Почему ты решил вставить его в свой рассказ?

— Я... я...

Шляпа с зеленым пером лежала в шкафу всего в каком-то десятке футов от меня. И мэр Своуп был тем самым человеком в шляпе, которого я видел в ночь наводнения, когда вода заливала улицы Братона.

— Я... я нигде не написал о том, что это был мужчина, — пролепетал я в ответ. — Просто упомянул, что там стоял кто-то, я даже не разглядел, кто именно.

— Что ж, отличный штрих. Уверен, что ты никогда не забудешь то утро на берегу озера.

Мэр засунул руку в карман и вытащил оттуда... небольшой ножик с серебряным лезвием.

Это был тот самый нож, который я видел в его руке в ночь наводнения, когда решил, что он собирается незаметно подкрасться к отцу и ударить его в спину, потому что тот оказался свидетелем происшедшего на озере Саксон.

— Иногда я ужасно сожалею, что не владею пером,— сказал мне мэр Своуп. Он вертел в руках свой ножик. Вместо ручки нож имел маленький металлический набалдашник, которым мэр уминал горящий табак в своей трубке.— Мне всегда нравились тайны.

— Мне тоже,— едва слышно ответил я.

Мэр встал, за его спиной барабанил по стеклу дождь. Над Зефиром зигзагом разрезала небо молния, свет в кабинете мэра замигал. Раздался раскат грома.

— Вот это да! — охнул мэр Своуп.— Эта последняя молния ударила совсем рядом!

— Да, сэр.

Мои руки стискивали подлокотники кресла так крепко, что было удивительно, как они еще целы.

— Я сейчас выйду,— сказал мне мэр,— а ты, пожалуйста, посиди тут минутку, хорошо? Я хочу кое-что тебе показать, так будет яснее.

Сжав в зубах трубку, он пересек кабинет, оставляя за собой клубы дыма. Оставив дверь открытой, мэр вышел в приемную, во владения миссис Эксфорд. Я слышал, как мэр Своуп один за другим выдвигает ящики шкафа для хранения документов.

Мой взгляд обратился к гардеробу мэра.

КНИГА 2. ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

Зеленое перо лежало там. А не выдернуть ли потихоньку его из шляпы, чтобы дома сравнить с тем зеленым пером, которое я нашел на подошве своего кеда? А вдруг перья окажутся одинаковыми?

Если я хочу это выяснить, надо действовать без промедления.

Я слышал, как в приемной задвинули один ящик и выдвинули другой.

— Одну минутку, Кори! — донесся до меня голос мэра. — Никак не могу найти!

Пора было решаться. Медлить было нельзя.

На подгибающихся ногах я подошел к гардеробу, открыл дверцы и едва не задохнулся от запаха заплесневелой ткани, ударившего мне в лицо, словно мокрая тряпка. Плащ и шляпа лежали в углу. Я услышал, как в приемной задвинулся ящик. Ухватившись за перышко, я принялся его тащить, но оно не поддавалось.

Мэр Своуп уже шел к своему кабинету. Мое сердце подкатило к самому горлу, застряв в нем холодным камнем. За окном по-прежнему грохотала буря и хлестал дождь, а я, ухватившись как следует за зеленое перо, дернул его изо всех сил. На этот раз оно оторвалось от ленты, оставшись в моей руке.

— Кори? Что ты делаешь в...

За окном блеснула молния, так близко, что было слышно ее шипение. Свет погас. Ужасный удар грома сотряс стены здания.

Я стоял в кромешной тьме с пером в руке, а мэр Своуп застыл в дверях.

— Не двигайся, Кори, — обратился ко мне мэр. — Скажи мне что-нибудь.

Я молчал. Сделав шаг назад, я прижался спиной к стене.

— Кори? Ну-ка, прекрати эти глупые игры.

Я услышал, как дверь за спиной мэра закрылась. Половицы тихо скрипнули. Мэр медленно крался ко мне.

— Давай сядем и поговорим, Кори. Я хотел объяснить тебе одну очень важную вещь.

За окном тучи стали почти черными, а кабинет мэра превратился в темницу. Мне почудилось, что я вижу, как высокий тощий силуэт бесшумно скользит ко мне по персидскому ковру. Мне нужно было пробраться мимо него к двери.

— Тебе не нужно прятаться,— сказал мэр Своуп, стараясь, чтобы его голос звучал спокойно и убедительно. Но я отчетливо слышал в нем те же фальшивые нотки, что и в голосе мистера Харджисона.— Кори? — Мэр издал долгий облегченный вздох.— Ты все знаешь, ведь так?

Чертовски верно, я все знаю.

— Где ты, сынок? Подай голос, прошу тебя.

Вот уж дудки.

— Как же ты догадался? — продолжал расспрашивать мэр.— Объясни мне.

За окном с шипением сверкнула еще одна молния. В ее ослепительной вспышке я увидел прямо перед собой посредине комнаты мэра Своупа, мертвенно-бледного, будто зомби, окутанного клубами табачного дыма, вившимися из его трубки. Мое сердце сильно забилося: молния выхватила из темноты какой-то металлический предмет, который мэр сжимал в правой руке.

— Мне очень жаль, Кори, что ты все сам узнал,— сказал мэр Своуп.— Я не хотел причинять тебе зла.

Я больше не мог этого выносить и выпалил, охваченный паникой:

— Я хочу домой!

— Я не могу позволить тебе уйти,— раздался голос в насыщенной электричеством темноте, и я увидел, как неясная тень двинулась в мою сторону.— Надеюсь, ты меня понимаешь?

Я все понял. Мои ноги отреагировали мгновенно: они молниеносно донесли меня до другой стороны персидского ковра, к выходу из кабинета, легкие судорожно втянули воздух, рука сжимала зеленое перышко. Я понятия не имел, насколько близко от мэра мне пришлось проскользнуть. Я попытался повернуть ручку двери, но безрезультатно, потому что моя ладонь была скользкой от холодного пота. Должно быть, он услышал шум и крикнул:

— Стой!

Его шаги приближались ко мне, но тут дверная ручка наконец повернулась. Я вылетел из кабинета, как ядро из пушки, и наткнулся на стол миссис Эксфорд, с которого упала фотография.

— Кори! — услышал я позади себя громовой голос мэра.— Нет!

Я отскочил от стола, как бильярдный шар, и, очутившись среди шеренги стульев, ударился коленом об острый угол. С моих губ сорвался крик боли. Я пытался найти дверь в коридор, но стулья все время путались у меня под ногами, словно обладали собственной злой волей. Рука мэра, как паучья лапа, легла на мое плечо, и холодный озноб пронзил мой позвоночник.

— Нет! — приказал он, и его пальцы начали смыкаться на моем плече.

Отчаянно рванувшись, я освободился. Рядом со мной оказался стул, и я, как щитом, оттолкнул им Своупа.

Споткнувшись, мэр чертыхнулся, его ноги запутались, и он грохнулся на пол. Отвернувшись от него, я лихорадоч-

но шарил по стене в поисках двери. Каждый миг я ожидал, что руки мэра вот-вот сомкнутся на моей лодыжке и притянут к себе, словно щупальца чудовища с головой в виде стеклянной чаши из фильма «Захватчики с Марса». Я сходил с ума от страха, чувствуя, как по моему лицу катятся слезы. Смахнув их ресницами, я внезапно наткнулся на холодную дверную ручку, сулящую избавление. Я повернул ее, вывалился наружу и бросился бежать по темному коридору, слыша, как топот моих ног по линолеуму громовым эхом отдается в пустом здании.

— Кори! Немедленно вернись! — закричал мэр, как будто верил в то, что его крик мог возыметь действие.

Мэр Своуп гнался за мной, я слышал топот его бегущих ног. Воображение рисовало мне ужасную картину: мое тело превращено в кровавую кашу, руки пристегнуты к раме Ракеты, которая тонет, уходит вниз во тьму, в кошмарное небытие озера Саксон.

И тут я поскользнулся, упал и, прокатившись на животе по линолеуму, больно стукнулся подбородком о плинтус, но сумел моментально вскочить и снова припустил изо всех сил, потому что шаги мэра Своупа громыхали совсем близко.

— Кори! — снова заорал он, в его голосе клокотала ярость. Именно так, по моим представлениям, и должен был кричать настоящий маньяк-убийца. — Остановись, я приказываю тебе!

«Черта с два», — подумал я.

И тогда в тусклом свете, лившемся сверху сквозь купол над лестницей, я различил ступеньки и бросился вниз, даже не держась за перила, — от такой картины мама наверняка бы поседела. Мэр Своуп пыхтел позади меня, но, судя по голосу, он явно выдохся:

— Нет! Кори! Нет!

Достигнув основания лестницы, я опрометью пересек холл и выскочил через входную дверь под холодный дождь. Гроза уже пронеслась над городом и ушла к лесистым холмам, опустившись на них, подобно большой серовато-синей жабе. Ловко отомкнув Ракету, я вскочил в седло, оставив болтаться цепь с замком на гидранте. Когда мэр появился на пороге, все еще призывая меня остановиться, я уже вовсю катил прочь.

Последнее, что он выкрикнул мне вслед, — эти слова показались мне несколько странными, если учесть, что они исходили из уст обезумевшего убийцы: «Ради бога, будь осторожен!»

Ракета летела через рябые от дождя лужи, ее золотой глаз сам выбирал во тьме дорогу. В тучах уже появились разрывы, через которые проникал желтый солнечный свет. Отец всегда говорил, что если во время дождя показывается солнце, значит, дьявол колотит свою жену. Уворачиваясь от брызг проходящих по Мерчантс-стрит машин, я покатил к дому.

Добравшись наконец до крыльца, я притормозил Ракету и влетел в дом с прилипшими ко лбу мокрыми волосами. В руке я сжимал пропитанное водой зеленое перо.

— Кори! — закричала мне мама, услышав, как хлопнула дверь. — Кори Маккенсон, немедленно иди сюда!

— Сейчас, минутку!

Я ворвался в свою комнату и бросился к своим семи волшебным ящичкам, которые все перерыл, пока не нашел коробку из-под сигар «Белая сова». Откинув крышку, я увидел на дне сигарной коробки перо, то самое, что нашел на опушке леса у озера Саксон.

— Иди сюда сию же секунду! — крикнула мне мама.

— Подожди!

Вытащив первое перышко из коробки, я положил его на письменный стол, а рядом поместил другое перо, вырванное из шляпы мэра Своупа.

— Кори! Тебя к телефону! Мэр Своуп!

Вот это да!

Ощущение триумфа дало трещину, рассыпалось на куски, водопадом низверглось на мои промокшие теннисные туфли.

Первое перышко, найденное мною в лесу, было темного изумрудного оттенка. То, что я добыл из шляпы мэра, было значительно светлее. Но и это еще не все: перо из шляпы мэра было раза в два больше, чем моя находка с озера Саксон.

Перышки отличались одно от другого, как небо от земли.

— Кори! Подойди и ответь мэру, пока я не пришла за тобой с хлыстом!

Когда я, набравшись духу, наконец вошел в кухню, мамино лицо было красным, как свекла. Она разговаривала по телефону.

— Нет, сэр, с Кори все в порядке, я уверена, что у него нет никакого нервного срыва, он хорошо себя чувствует. Нет, сэр, у него не бывает приступов паники. Вот он подошел, передаю ему трубку.

Бросив на меня мрачный взгляд, она протянула мне телефонную трубку.

— Ты что, спятил? Возьми трубку и поговори с мэром!

Я так и сделал. Все, на что я оказался способен, это выдавить из себя жалкое:

— Алло?

— Кори! — взволнованно выкрикнул мэр Своуп. — Я просто хотел убедиться, что ты благополучно добрался до дома. Господи, ну и страху я натерпелся, когда ты бежал в темноте по лестнице и в любой момент мог сломать себе шею! Когда ты внезапно сорвался с места и бросился бежать, мне показалось, что у тебя... что с тобой... случился какой-то припадок.

— Нет, сэр, — смиренно отозвался я. — Со мной все в порядке.

— Хорошо. Когда свет погас, я решил, что ты, наверно, испугался темноты. Ты мог упасть и ушибиться, и я хотел успокоить тебя. И потом, твои родители наверняка бы не одобрили, если бы я отпустил тебя домой на велосипеде в такой ливень. Тебя могла сбить машина... Слава богу, что все обошлось.

— Мне показалось... — У меня перехватило горло. Спинной я ощущал горящие гневом глаза мамы. — Мне показалось... что вы хотите меня убить, — наконец пролепетал я.

На несколько секунд на другом конце линии воцарилось молчание. Я прекрасно понимал, о чем думал мэр. Ясно, что в его глазах я был явным кандидатом в психушку.

— Я хотел *убить* тебя? Но почему?

— Кори? — охнула мама. — Ты что, спятил?

— Простите, — сказал я мэру. — У меня просто... разыгралось воображение. Но вы сказали, что я что-то узнал о вас, и все спрашивали, каким образом мне удалось это узнать и...

— Речь шла не обо мне, — ответил мэр Своуп. — А о твоём призе.

— О моем призе?

— Да, об именной пластинке. Ты занял третье место в конкурсе короткого рассказа. Именно поэтому я попросил тебя заглянуть ко мне. Я не хотел, чтобы кто-нибудь из жюри рассказал тебе об этом раньше меня.

— Рассказал мне о чем?

— Дело в том, что я сам хотел показать ее тебе. Я как раз нес твою награду к себе в кабинет, когда свет погас и ты словно с цепи сорвался. Видишь ли, дело в том, что гравер сделал ошибку в твоём имени: «Кора» вместо «Кори». Я хотел сообщить тебе это перед началом церемонии, чтобы ты не расстроился при вручении награды. Гравер обещал исправить твою пластинку, но сначала он должен срочно изготовить награды для победителей в соревновании по софтболу, и заняться твоим призом он сможет только через две недели. Ты меня понимаешь?

Вот так, горькая пилюля. Еще одна горькая пилюля.

— Да, сэр,— ответил я. Мне было не по себе: правое колено дергало, кажется, оно начало распухать.— Я вас понимаю.

— Ты... принимаешь таблетки от нервов? — наконец спросил мэр.

— Нет, сэр.

Мэр тихо хмыкнул. «Они тебе не мешали бы» — вот что он хотел сказать мне.

— Извините, я вел себя как дурак,— сказал я.— Не знаю, что на меня нашло.

Если мэр и без того считает меня сумасшедшим, интересно, что он скажет, когда увидит, что я сотворил с его шляпой. Я решил не признаваться, пускай увидит все сам.

— Ну что ж,— проговорил мэр с тихим смешком, как бы намекая, что он находит в случившемся и веселую сторону.— Сегодняшний день выдался для меня интересным, Кори.

— Да, сэр. Э-э-э... Мэр Своуп?

— Да?

— Я хочу сказать: не страшно, что на именной пластинке ошибка. Не нужно отдавать ее исправлять граверу.

Это послужит мне отличным наказанием: каждый раз, глядя на свою награду, я буду вспоминать о том, как бросил в мэра стулом и свалил его с ног.

— Не говори ерунды. Ее обязательно исправят.

— Понимаете, мне почему-то хочется, чтобы пластинка осталась такой, как сейчас, без исправлений,— сказал я мэру, постаравшись, чтоб мой голос звучал твердо.

Вероятно, у меня это получилось, потому что мэр ответил:

— Ну хорошо, Кори, если ты настаиваешь, пусть так и будет.

Потом он сказал мне, что должен идти: его ждет горячая ванна с английской солью, и мы с ним увидимся на церемонии награждения победителей литературного конкурса. Когда я повесил трубку, мне пришлось объяснять маме, почему я вдруг решил, что мэр Своуп собирается меня убить. В ходе этих объяснений в кухне появился пришедший с работы отец. По всем правилам, мне полагалось наказание за эту глупую выходку, но родители просто отправили меня в мою комнату, куда я, собственно, и так собирался удалиться.

Оказавшись у себя, я занялся изучением двух перышек. Оба зеленые, но разные. Одно яркое, другое мягких тонов. Одно большое, другое поменьше. Взяв со стола перышко, найденное на берегу озера Саксон, я положил его на ладонь и как следует рассмотрел через увеличительное стекло. Возможно, Шерлок Холмс мог бы извлечь из него какую-то информацию, но я по своим способностям к де-

дукции стоял гораздо ниже даже его друга доктора Ватсона.

Мэр Своуп был тем самым человеком в зеленой шляпе, которого я видел во время наводнения. Его «нож» оказался специальным приспособлением для чистки курительной трубки. Что у него могло быть общего с неизвестным, которого, как мне показалось, я видел на опушке леса, или с мертвецом на дне озера? Одно я знал точно: в лесу у озера Саксон не водятся птицы с изумрудно-зеленым оперением. Тогда откуда там могло взяться перо?

Я отложил в сторону перо из шляпы мэра, намереваясь вернуть его позже, хотя в глубине души знал, что этого никогда не случится, а перо с озера Саксон убрал обратно в коробку с белой совой, которую снова спрятал в один из семи волшебных ящиков.

В ту ночь мне вновь снились четыре девочки-негритянки, одетые так, словно собрались в церковь. На мой взгляд, младшей из них было не больше десяти-одиннадцати лет, трем другим — около четырнадцати. На этот раз они стояли под зеленым, в густой листве, деревом, оживленно переговариваясь. Две из них держали в руках Библии. О чем они говорили, я не разобрал. Внезапно одна из девочек рассмеялась, а за ней засмеялись ее подруги. Их смех журчал в моих ушах, будто вода в ручье. И тут последовала вспышка такой невиданной силы, что мне пришлось зажмурить глаза. Оказалось, что я стою в эпицентре урагана; горячий ветер рвет с меня одежду и развевает волосы. Вновь открыв глаза, я обнаружил, что четыре чернокожие девочки куда-то исчезли, а дерево лишилось всех своих листьев.

Когда я проснулся, мое лицо было покрыто потом, словно его действительно тронуло обжигающее дыхание

урагана. На заднем дворе лаял Бунтарь. Взглянув на светящийся циферблат будильника, я обнаружил, что уже почти половина третьего ночи. Бунтарь все гавкал как заводной, к его лаю вскоре присоединились все окрестные собаки, и я решил, что раз уж все равно не сплю, то выйду и успокою пса. На пороге своей комнаты я увидел, что в каморке горит свет.

Слышалось какое-то поскрипывание. Заглянув в каморку, я увидел отца: он сидел в одной пижаме за рабочим столом, где обычно выписывал чеки для оплаты счетов. Крепко сжимая ручку, он то ли писал, то ли рисовал что-то на листке бумаги при свете лампы. Его ввалившиеся глаза лихорадочно горели. Приглядевшись, я заметил, что на его лбу, так же как недавно на моем, блестит пот.

Бунтарь перестал лаять и жутко завыл.

— Черт побери, — пробормотал отец, потом осторожно, стараясь не скрипнуть стулом, поднялся.

Я спрятался в тень. Не знаю, зачем я так поступил, но, казалось, отец не хотел, чтобы его беспокоили. Он вышел через заднюю дверь, и я услышал, как он шикнул на Бунтаря.

Бунтарь перестал выть. Отец должен был вернуться через пару минут.

Я не мог больше выносить эту неизвестность. Мне просто необходимо было узнать, какое важное дело заставило отца подняться в половине третьего ночи.

Зайдя в каморку, я взглянул на листок бумаги.

Мой отец, который никогда не имел особой тяги к рисованию, изобразил на листке около полудюжины черепов с крылышками на височных костях. Тут же была целая колонка вопросительных знаков и слова «озеро Саксон», повторявшиеся пять раз. Ниже было написано: «Леди», а потом шла еще одна череда вопросительных

знаков. После этого он написал: «Вниз, в темноту», здесь кончик пера едва не прорвал бумагу. Затем следовали два вопроса, оба одними заглавными буквами: КТО? и ПОЧЕМУ?

В заключение я прочитал такое, отчего у меня внутри все перевернулось:

«Я не выдержу.

Я больше не выдержу.

Я больше этого не выдержу».

Задняя дверь открылась.

Я спрятался в тени, наблюдая, как отец вошел в каморку. Он снова сел и стал рассматривать то, что было нарисовано и написано на листке бумаги.

Никогда раньше я не видел его таким. В эти тихие предрассветные часы его лицо было неузнаваемо. Это было лицо насмерть перепуганного мальчика, которого мучило что-то, выходящее за границы его понимания.

Открыв выдвижной ящик, отец достал кофейную чашку со сделанной по трафарету надписью «Молочная ферма “Зеленые луга”». Потом вытащил из кармана коробок спичек, сложил листок бумаги вчетверо и аккуратно порвал его на мелкие клочки. Обрывки отправились в кофейную чашку, после чего отец чиркнул спичкой и поджег бумагу.

Дыма было совсем немного, и отец открыл окно, чтобы проветрить комнатку.

Я бесшумно проскользнул в свою спальню и долго лежал, размышляя об увиденном.

Что за сон видел мой отец, пока мне снились четыре одетых по-воскресному негритянки? Может быть, ему грезилось облепленное илом мертвое тело, которое поднимается из непроглядного мрака озера Саксон целая фло-

КНИГА 2. ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

тилия кусачих черепах с покрытыми мхом спинами? Разбитое, изуродованное лицо покойника, который шепчет ему: «Идем со мной, идем со мной вниз, в темноту?» Наручники на запястье руки с татуировкой в виде черепа? Или понимание того, что покойником мог быть любой человек, закончивший свой жизненный путь в одиночестве, всеми покинутый и погрузившийся в забвение?

Я не знал, что думать, боялся даже строить какие-нибудь предположения. В одном я был уверен: тот, кто убил незнакомца, убивает теперь и моего отца.

В конце концов пришел сон, избавив меня от всех страданий. Я спал, а чудовища на стенах несли стражу у моей постели.

Глава 2

ВОЛШЕБНАЯ ШКАТУЛКА

Наступила суббота, а с ней — церемония награждения победителей в конкурсе, устроенном Советом по делам искусств города Зефира. Приодевшись, мы втиснулись в наш пикап и поехали в библиотеку. Уровень испытываемого мной ужаса, колебавшийся до тех пор по десятибальной шкале где-то около восьми, преодолел отметку «девять». Каждый день в течение прошедшей недели мои так называемые приятели живописали мне, что может случиться, когда я начну читать рассказ. Если их предсказания сбудутся, то у меня выступит крапивница, я намочу штаны или в мучительном приступе стыда извергну свой обед с обеих сторон. Чтобы чувствовать себя спокойно, Дэви Рэй посоветовал мне заткнуть зад пробкой. Бен предупредил, что мне следует быть особенно внимательным при восхождении на подиум, так как несчастный случай, вероятнее всего, случится именно в этот момент. Джонни сказал, что был знаком с парнишкой, который, поднявшись на сцену, чтобы выступить перед публикой, внезапно забыл родной язык и начал бормотать то ли на зулусском, то ли по-гречески.

Обдумав предложение, касающееся пробки, я решил от него отказаться, но, как только увидел огни библиотечных окон и множество машин, припаркованных перед зданием, пожалел, что пренебрег советом Дэви. Мама ободряюще обняла меня за плечи:

- Все будет хорошо, сынок.
- Точно, — подтвердил отец.

Его лицо снова стало обычным «лицом моего отца», если не считать темных кругов под глазами, заметив которые мама завела разговор о том, что отцу хорошо бы по-принимать геритол. Она, конечно, тоже видела, что с ним творится что-то неладное, но вряд ли представляла глубину душевного кризиса, в котором он пребывал.

- Все пройдет отлично, — сказал мне отец.

В библиотечном зале были рядами расставлены стулья, на вселявшей ужас сцене стояли стол и стулья для жюри. Но самое ужасное: на подиуме стоял микрофон! На стульях уже сидели человек сорок, среди них были мэр Своуп, миссис Пратмор, мистер Гровер Дин и другие члены жюри литературного конкурса, некоторых из них прогуливались в проходах, негромко переговариваясь друг с другом. Когда мэр Своуп заметил нас и направился в нашу сторону, мне захотелось съежиться и забиться в угол, но, почувствовав руку отца на своем плече, я решил выдержать все до конца.

— Привет, Кори! — улыбнулся мне мэр Своуп, но в глазах его ясно читалась настороженность. Он, наверно, думал, что я могу сорваться с катушек в любую секунду. — Ты готов прочитать нам свой рассказ?

«Нет, сэр» — вот что мне хотелось ответить, но наружу вырвалось совершенно иное:

- Конечно, сэр.

— Что ж, чувствую, сегодня вечером у нас будет полный зал народу.

Внимание мэра переместилось на моих родителей.

— Уверен, вы гордитесь своим мальчиком.

— Конечно,— ответила мама.— В нашей семье до сих пор не было писателей.

— У него очень живое воображение.— На лице мэра Своупа появилась натянутая улыбка.— Кстати, Кори, ту шляпу из гардероба в моем кабинете мне пришлось отдать в мастерскую, чтобы ее привели в порядок. Ты не знаешь, что случилось с...

— Лютер! — пророкотал голос, заглушивший конец вопроса мэра.— Ты-то мне и нужен!

К мэру протолкался мистер Доллар в темно-голубом костюме, источая аромат одеколона «Аква Велва». Никогда за всю свою жизнь я не был так рад кого-то видеть.

— Что такое, Перри? — спросил мэр, наконец-то отвернувшись от меня.

— Лютер, ты должен в конце концов что-то сделать с этой чертовой обезьяной! — заявил мистер Доллар.— Эта проклятая тварь забралась ко мне на крышу и устроила там такой тарарам, что ни я, ни Элен всю ночь глаз не сомкнули! Вдобавок она измазала своим дерьмом всю мою машину! Дьявол ее раздери, должен же быть какой-то способ изловить это исчадие ада!

Речь шла о Люцифере. Обезьяна все еще была на свободе, лазала по деревьям Зефира, и горе было жителям тех домов, чьи крыши Люцифер выбирал для ночлега. Из-за растущего гнева горожан и угрозы судебных исков за нанесение ущерба имуществу преподобный Блессет тайком бежал из города в середине августа, не оставив даже адреса для пересылки писем.

— Если у тебя, Перри, есть конкретное предложение по этому поводу, ознакомь меня с ним, — отозвался мэр Своуп, в голосе которого явственно прозвучало раздражение. — Мы уже все перепробовали, разве только не просили летчиков с авиабазы сбросить на город бомбу.

— Может быть, доктор Лезандер сумеет изловить этого демона или нам придется заплатить специалисту из зоопарка, чтобы он приехал сюда...

Мистер Доллар все еще говорил, а мэр Своуп уже шел прочь от него. Мистеру Доллару, который продолжал жаловаться на обезьяну, пришлось бежать за ним следом. Мы с родителями уселись, и я нервно ерзал на своем месте, пока зал наполнялся. Пришел док Пэрриш со своей женой, а после — подумать только! — явилась Демон собственной персоной в сопровождении своей мамочки цвета пожарного гидранта и напоминающего подсвечник папочки. Я попытался вжаться в стул, но Демон немедленно меня обнаружила и радостно замахала рукой в знак приветствия. По счастью, рядом с нами не нашлось свободных стульев, а не то мне пришлось бы подниматься на сцену с козьявкой, размазанной по затылку. Через пару минут я пережил новое нервное потрясение: сначала в дверях появился Джонни Уилсон со своими родителями, потом Бен с матерью и отцом и сразу же за ними — Дэви Рэй со своими предками. Я понял, что мне придется во время своего выступления любоваться ухмыляющимися физиономиями моих приятелей, но, по правде говоря, я был рад их видеть. Ведь, как сказал мне однажды Бен, они были моими старыми добрыми корешами.

Должен признать, что жители Зефира проявили большой интерес к этому мероприятию. Да, похоже, дело обстояло именно так, а может быть, в тот субботний вечер не было ничего интересного по телевизору. Народу яви-

лось столько, что из кладовой пришлось доставать складные стулья, чтобы все могли сесть. Собравшиеся притихли на несколько секунд, когда в зале появился лучезарно улыбающийся Вернон Такстер, прикрывавший тело лишь остатками своего летнего загара. Люди уже привыкли к Вернону и знали, куда следует смотреть, а куда нет.

— Мапочка, этот дядя опять ходит голышом! — громогласно объявила Демон, но, если не считать нескольких сдавленных смешков да покрасневших щек, никто не стал придавать большого значения его виду.

Взяв стул, Вернон поставил его в самый дальний угол и уселся там, довольный собой, как корова или, вернее, бык.

К тому времени, когда мэр Своуп и миссис Пратмор наконец поднялись на сцену и поставили на стол коробку, полную именных табличек, в зале собралось не менее семидесяти любителей изящной словесности. Мистер Гровер Дин, худощавый человек средних лет, носивший аккуратно уложенный парик под шатена и круглые очки в серебряной оправе, уселся за стол вместе с мэром Своупом и миссис Пратмор. Расстегнув портфель, мистер Дин достал из него стопку бумаг, где, как я понял, были списки победителей в трех номинациях — рассказ, эссе и стихотворение — и сами сочинения.

Мэр Своуп подошел к микрофону и для проверки слегка постучал по нему пальцем. Начало речи мэра сопровождалось свистом и слоновьей одышкой динамика, что вызвало в зале взрыв хохота. Мэр замолчал и сделал знак технику, ведавшему звуком. Наконец толпа затихла, микрофон был настроен. Мэр прочистил горло, готовясь заговорить, но тут по залу пополз шепоток. Я оглянулся в сторону двери и почувствовал, как мое сердце нырнуло к животу и забилось, как пойманная рыба. В зал вошла Леди.

Она была облачена во все фиолетовое, на голове красовалась маленькая шляпка, на руках были перчатки. Ее лицо было скрыто за тонкой вуалью. Леди казалась очень хрупкой, ее синевато-черные руки и ноги были тонкими, как палки. Ее осторожно поддерживал под локоть Чарльз Дамаронд, плечистый человек с бровями оборотня. В трех шагах позади Леди следовал ее муж Человек-Луна с обычной своей тросточкой в руках, облаченный в черный потертый костюм и красный галстук. Человек-Луна был без шляпы, поэтому сразу бросались в глаза разделенные на две половины — черную и белую — лицо и лоб.

Наступила такая тишина, что можно было услышать, как падает булавка. Или, что более подходило к данной ситуации, козявка из носа Демона.

— Господи! — прошептала мама.

Отец нервно заерзал на стуле. Мне показалось, что он готов был подняться и выбежать вон, если бы не был обязан присутствовать из-за меня.

Леди внимательно осмотрела собравшуюся публику из-под вуали. Свободных стульев не было, все места были заняты. На какой-то миг я ощутил на себе быстрый взгляд ее зеленых глаз, но этого оказалось достаточно для того, чтобы я ощутил запах влажной земли и болотных цветов. Неожиданно для всех Вернон Такстер поднялся с места и, учтиво поклонившись, предложил Леди свой стул.

— Благодарю вас, сэр, — произнесла она своим вибрирующим голосом и села.

Человек-Луна и Чарльз Дамаронд встали по обе стороны от элегантной Леди, а Вернон подпер стенку в дальнем конце зала. Несколько человек — совсем немного, всего пятеро или шестеро — поднялись с мест, но не для того, чтобы предложить свои стулья, а чтобы выйти из за-

ла. В отличие от отца Леди не пугала их: так они выражали свое возмущение тем, что чернокожие без позволения вошли в зал, полный белых людей. Мы все это понимали, как, впрочем, и Леди. Ничего не поделаешь: в такие времена мы тогда жили.

— Что ж, теперь, я думаю, можно начинать,— заговорил мэр Своуп.

Обведя глазами публику, мэр Своуп остановил взгляд на Леди и Человеке-Луне, потом опять оглядел зал.

— Хочу поприветствовать всех собравшихся на церемонию награждения победителей литературного конкурса, проводимого Советом по делам искусств города Зефира в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году. В первую очередь я хотел бы поблагодарить всех принявших участие в конкурсе, без них это мероприятие было бы невозможно.

В таком духе все продолжалось еще некоторое время. Я, может быть, даже задремал бы, если бы не нервничал так сильно. Мэр Своуп представил по очереди членов жюри и членов Совета по делам искусств, после чего отдельно представил мистера Квентина Фаррадея из «Журнала» Адамс-Вэлли, который собирался сфотографировать победителей конкурса и взять у них интервью.

Мэр Своуп сел, а миссис Пратмор вызвала на сцену участника конкурса, занявшего третье место в номинации «эссе». Им оказалась пожилая леди по имени Делорес Хайтауэр, которая, шаркая ногами, поднялась на сцену и, приняв у мистера Дина свое эссе, минут пятнадцать развлекала аудиторию повествованием о радостях садоводства, после чего получила свою именную табличку, спустилась в зал и уселась на место.

Занявший первое место в конкурсе эссе мясистый редкозубый джентльмен по имени Джордж Игерс опи-

сал день, когда проколол шину около Таскалусы, и только Медведь Брайант остановился, чтобы поинтересоваться, не нуждается ли мистер Игерс в помощи, что, безусловно, свидетельствовало о доброй душе Медведя.

Следующим шел конкурс поэтических произведений. Вообразите мое удивление, когда оказалось, что второе место заняла мама Демона, зачитавшая свое творение со сцены. Вот несколько строк из ее стихотворения: «Дождь, дождь, дождь, уходи/ Да будет солнце в летний день/ Впереди в жизни моей будет еще много светлых дней/ А мрачные тучи в небесах заставляют меня плакать». Мама Демона прочитала все это с таким воодушевлением, что я испугался, как бы слезы и дождь не пролились на наши головы прямо со сцены. Демон и ее отец хлопали в ладоши так громко и восторженно, что можно было подумать, будто только что они стали свидетелями второго пришествия Христа.

Первое место в конкурсе поэтов заняла маленькая морщинистая леди по имени Хелен Троттер. Ее творение представляло собой, по существу, любовное письмо, первые строки которого были:

Я не безразлична ему,
И он мне дает понять почему.

А последние:

О, как приятно видеть мне улыбку его лица,
Нашего губернатора штата Джорджа Си Уоллиса.

— Кошмар,— прошептал отец.

Леди, Чарльз Дамаронд и Человек-Луна молчали: они не привыкли проявлять свои чувства на публике.

— Теперь,— объявила миссис Пратмор,— мы переходим к номинации «рассказ».

Мне нужна была пробка. Я хорошо это чувствовал.

— В этом году среди победителей есть самый юный за все время проведения конкурса, начиная с тысяча девятьсот пятьдесят пятого года. Мы столкнулись с некоторыми затруднениями, определяя, к какому разделу конкурса — эссе или рассказу — отнести сочинение этого автора, поскольку оно основано на реальных событиях, но в конце концов решили, что, создавая свое произведение, автор проявил достаточно воображения и фантазии, и отнесли его к рассказам. Поприветствуйте нашего призера в номинации «рассказ», занявшего третье место. Его произведение называется «Перед восходом солнца». Кори Маккенсон!

Миссис Пратмор первая захлопала в ладоши.

— Иди и покажи им, сынок,— сказал отец, и я, сам не знаю как, поднялся с места и побрел к сцене.

Подходя к подиуму, объятый смертельным ужасом, я услышал позади хихиканье Дэви Рэя и мягкий шлепок подзатыльника, которым наградил Дэви его отец. Мистер Дин передал мне мой рассказ, а миссис Пратмор опустила пониже микрофон, чтобы мне было удобно говорить в него. Я взглянул вниз на море лиц: казалось, они расплываются, превращаясь в одну общую массу глаз, носов и ртов. Внезапно меня пронзил ужас: застегнута ли у меня ширинка? Могу ли я проверить это прямо сейчас? Краем глаза я заметил фотографа из «Журнала» с массивным фотоаппаратом в руках. Мое сердце билось, как пойманная в силки птица. В животе что-то отчаянно урчало, к горлу подкатывалась тошнота, но я знал, что если меня сейчас вырвет, я уже никогда не смогу показаться на публике при свете дня. В зале кто-то кашлянул, кто-то прочистил гор-

ло. Все глаза были устремлены на меня. Листки с рассказом дрожали в моих руках.

— Ну, Кори, можно начинать, — подала за моей спиной голос миссис Пратмор.

Опустив глаза, я отыскал заголовок и начал зачитывать его, но в моем горле, там, откуда выходят слова, казалось, застряло какое-то колючее яйцо. По краям поля моего зрения начала стучаться тьма: мне только не хватало упасть в обморок на глазах у всех этих людей! Нечего сказать: классная тогда получится фотография для первой страницы «Журнала»! Я лежу на полу с закатывшимися глазами, а в распахнутой шпиринке белеют мои трусы!

— Давай читай, Кори, но только не спеши, — сказала миссис Пратмор.

Чувствовалось, что она начинает нервничать.

Мои глаза, которые, казалось, вот-вот выскочат из орбит, оторвались от листка с рассказом и перескочили на аудиторию. Я видел Дэви Рэя, Бена и Джонни. Они больше не улыбались: это был дурной знак. Я увидел, как мистер Джордж Игерс смотрит на свои наручные часы, — еще один дурной знак. Я услышал, как какое-то злобное чудовище прошептало: «Он до смерти напуган, бедный мальчик».

Потом я увидел, как в самом конце зала со своего места поднялась Леди. Ее взгляд за тонкой пеленой вуали был спокоен и холоден, словно море в штить. Ее подбородок слегка поднялся, и я угадал единственное слово, обращенное ко мне: «Смелее».

Я глубоко вздохнул. Мои легкие задрезбужали, как товарняк, пересекающий шаткий железнодорожный мост. Я стоял здесь, мое время пришло, я должен был двигаться дальше, а там — будь что будет.

— Перед восходом...— начал я.

Мой голос, усиленный динамиками, прогрехотал под сводами библиотечного зала, и я в ужасе снова замолчал. Миссис Пратмор ободряюще коснулась рукой моего плеча.

— ...солнца,— закончил я.— К-к-кори Маккенсон.

Я начал читать. Я знал рассказ наизусть, помнил в нем каждое слово. Мне казалось, что мой голос принадлежит кому-то другому, но рассказ уже успел стать частью моего существа. Переходя от одного предложения к другому, я слышал, как в зале стихает кашель и замолкает шепот, никто уже не пытался прочистить горло. Я читал, будто шел тропинкой через знакомый лес, зная, куда иду, и это несло успокоение. Вскоре я уже настолько освоился, что решился поднять глаза и взглянуть на слушателей. Я увидел лица зрителей и испытал удивительное ощущение.

Это был мой первый опыт такого рода, а когда что-то переживаешь впервые, воспоминания об этом остаются с тобой на всю жизнь. Я не могу описать словами, что это было, но оно закралось в мою душу и поселилось там навсегда. Все смотрели на меня и внимательно слушали. Слова, срывающиеся с моих губ, слова, которые я зачал, которым дал жизнь, обращали время в ничто; мои слова объединяли зрителей и уносили их в путешествие, где мы были объединены общими для всех пейзажами, звуками и мыслями; слова слетали с моего языка и достигали сознания и памяти людей, которым не довелось побывать на берегу озера Саксон в то холодное мартовское утро. Глядя на этих людей, я с уверенностью мог сказать, что они следуют за мной. Но самое главное: они *хотели* именно этого — идти за мной туда, куда я их вел.

КНИГА 2. ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

Разумеется, я понял это гораздо позже. Ближе к концу рассказа меня больше всего поразило, до чего тихо и неподвижно все сидели, слушая меня. Казалось, я отыскал ключ к машине времени, открыл в себе источник силы, о котором раньше даже не подозревал. Я нашел волшебную шкатулку, имя которой было «пишущая машинка».

Мой голос зазвучал громче и уверенней, поднялся от монотонного бормотания до подлинной ясности и выразительности. Я был преисполнен изумления и ликования и действительно — чудо из чудес! — наслаждался чтением вслух своего произведения.

Добравшись до последнего предложения, я закончил читать.

На этом все.

Первой захлопала в ладоши моя мама. Вслед за ней принялся аплодировать отец, а за ними — и весь зал. Я видел, как Леди стоя хлопает ладонями, затянутыми в фиолетовые перчатки. От аплодисментов на сердце было радостно, но еще больше грело душу ощущение, что я веду слушателей в путь и они доверяют мне. Возможно, завтра я захочу стать молочником, как отец, летчиком на реактивном самолете или детективом, но в тот момент больше всего на свете я хотел быть писателем.

Я принял из рук мэра Своупа свою наградную табличку. Когда я, спустившись со сцены, шел между рядами, а потом садился на свое место, меня со всех сторон ободряюще хлопали по плечу. По тому, как светились улыбками мои родители, было видно, что они ужасно гордятся мной. И неважно, что имя на табличке было написано неверно. Главное — я понял, в чем мое призвание.

Мистер Терренс Хосмер, завоевавший второе место, писал о фермере, вознамерившемся перехитрить стаю во-

рон, которые покушались на его пшеничное поле; победитель, миссис Ада Йирби, описала полуночное поклонение зверей новорожденному Иисусу Христу. После того как все грамоты были розданы, мэр Своуп поблагодарил за внимание и сказал, что можно расходиться.

По пути Дэви Рэй, Бен и Джонни так и вились вокруг меня, и вообще мне уделяли гораздо больше внимания, чем завоевавшей первое место миссис Йирби. Мамаша Демона тоже подошла поздравить меня и, обратив к моей маме свое широкое лицо с заметными усиками, проговорила:

— Я хочу сказать, что в следующую субботу мы устраиваем праздник по случаю дня рождения Бренды и хотели бы пригласить вашего сына. Знаете, я посвятила свои стихи Бренде, потому что она тонко чувствующий ребенок. Вы позволите вашему мальчику прийти к Бренде на вечеринку? Можно просто так, никакого подарка не нужно.

Мама быстро взглянула на меня, пытаясь угадать, каким должен быть ответ. А я смотрел на Демона, которая стояла рядом с отцом в другом конце зала. Заметив, что я гляжу на нее, Демон помахала мне рукой и хихикнула. Дэви Рэй толкнул меня в бок локтем, он в тот момент даже понятия не имел, как близко от смерти находился.

— Спасибо за приглашение, миссис Сатли, но, к сожалению, в субботу у меня очень много работы по дому и я вряд ли смогу прийти. Верно, мама?

Слава богу, мама отличалась сообразительностью.

— Ах да, конечно! Ты ведь должен скосить на лужайке траву, а потом помочь отцу покрасить крыльцо.

— Правда? — хмыкнул отец.

— Крыльцо давно нуждается в покраске, — твердо сказала мама. — А суббота — единственный день, когда мы сможем заняться домашними делами все вместе.

— Я позову ребят на помощь,— подал я голос, но, обернувшись, не обнаружил никого из своих друзей: видно, на ногах у них выросли крылья.

— Нучто ж, если вдруг тебе все-таки удастся выбраться к Бренде на день рождения, она будет очень рада. Там будут только родственники, больше никого.

Миссис Сатли разочарованно улыбнулась. Она все поняла. Подойдя к Демону, она что-то сказала ей, и Демон тоже мне улыбнулась, той же улыбкой, что и ее мать. Ощущение было такое, словно меня вывалили в грязи, но я не мог подавать Демону надежду — просто не имел на это права! Было бы бесчеловечно так себя вести. И кроме того, когда я представил себе, каким может оказаться это сборище родственников Демона, просто содрогнулся от ужаса. По сравнению с ними даже мои настенные чудовища, наверно, покажутся милашками!

Мы уже почти добрались до дверей, когда тихий голос произнес:

— Том. Том Маккенсон.

Отец вздрогнул и обернулся.

Перед ним стояла Леди.

Она была гораздо меньше ростом, чем мне показалось при первой встрече. Леди едва доставала моему отцу до плеча, но в этой старой женщине чувствовалась такая сила, что и десятку мужчин с ней тягаться было бы бесполезно. Леди была сильна, как старое дерево, долгие годы стибавшееся под напором нескончаемых бурь, но так и не сломленное. Она подошла к нам одна: мистер Дамаронд и Человек-Луна ждали ее поодаль.

— Добрый день,— поздоровалась с Леди мама.

Леди кивнула ей в ответ. У отца был вид человека, запертого в темном чулане вместе с тарантулом. Его взгляд

метался по сторонам, словно в поисках путей к бегству, но отец был джентльменом и не мог позволить себе неучтивость по отношению к даме.

— Том Маккенсон,— повторила Леди,— вы и ваша жена вырастили очень талантливого сына.

— Я... мы... мы старались воспитать его как можно лучше. Благодарю вас.

— Он отличный оратор,— продолжила Леди и улыбнулась мне.— Все прошло хорошо.

— Благодарю вас, мэм.

— Как твой велосипед?

— Отлично, мэм. Я назвал его Ракетой.

— Прекрасное имя.

— Конечно, мэм. И знаете...— Я немного подумал и решил, что сказать все-таки нужно.— У него в фаре золотой глаз.

Брови Леди чуть-чуть приподнялись. Совсем немножко.

— В самом деле?

— Кори! — проворчал отец.— Прекрати выдумывать!

— Мне кажется,— сказала Леди,— велосипеду всегда необходимо видеть, куда он едет: ровная ли впереди дорога или имеет какое-нибудь препятствие. Полагаю, в велосипеде, принадлежащем мальчику, должно быть немного от коня, немного от оленя и даже, пожалуй, от рептилии. Чтобы было побольше ума, понимаете?

— Да, мэм,— отозвался я за всех.

Леди знала толк в велосипедах, это уж точно.

— Вы очень добры, мэм,— обратился к Леди отец.— Велосипед — такой щедрый дар. Обычно я не принимаю подарков, но...

— Это не подарок, мистер Маккенсон, а заслуженная награда за доброе дело. Миссис Маккенсон, мистер Лайтфут по-прежнему готов починить у вас все, что неисправно.

— Нет, благодарю вас. Вроде бы все работает нормально.

— Ну что ж,— вздохнула Леди и взглянула на моего отца.— Трудно предвидеть, когда что-нибудь сломается.

— Я очень благодарен вам за внимание, миссис... гм... Леди.— Отец взял маму под локоть.— Извините, но нам пора домой.

— Мистер Маккенсон, нам с вами есть о чем поговорить,— тихо сказала Леди отцу вслед.— Дело касается жизни и смерти, надеюсь, вы понимаете меня?

Отец остановился. Я заметил, как перекатываются на его щеках желваки. Он не хотел оборачиваться, но Леди заставляла его это сделать. Может быть, он тоже, как и я, ощутил ее огромную жизненную силу. Было видно, что он хочет идти дальше, но не может сделать ни шага.

— Вы верите в Иисуса Христа, мистер Маккенсон? — спросила Леди.

Вопрос разрушил его последнюю линию обороны. Он обернулся и взглянул на Леди.

— Да, верю,— ответил он с серьезным видом.

— Я тоже верю в Христа, мистер Маккенсон. Иисус Христос был самым совершенным из людей, насколько это вообще возможно, но и он, бывало, доходил до крайней точки, тоже боролся и страдал. Порой и Христу казалось, что больше он не сможет сделать и шага, например, когда прокаженные и калеки едва не растоптали его, умоляя о чуде, неотступно следуя за ним до тех пор, пока он все-таки не явил им чудо. Я хочу сказать, мистер Маккен-

сон, что даже Иисус Христос иногда нуждался в помощи и не считал для себя унижительным просить о ней.

— Но мне не нужна...— Отец замолчал.

— Дело в том,— продолжала Леди,— что видения времени от времени бывают у всех, это свойство осталось в человеке от животного. Эти видения словно маленькие кусочки большого лоскутного одеяла, и часто мы не в силах понять, что они означают. Чаще всего они посещают нас во сне, но иногда мы грезим и наяву. Это случается почти со всеми, вот только мало кому удается понять смысл того, что он видит. Вы понимаете меня?

— Нет,— ответил отец.

— Неправда, мистер Маккенсон, вы понимаете меня.

Леди подняла свой тонкий палец.

— Липкая пленка этого мира залепляет наши глаза и уши, делает нас слепыми, немыми и глухими, поэтому мы не можем знать того, что происходит на другой стороне.

— На другой стороне?

— В другом мире, на другом берегу реки,— объяснила Леди.— Именно оттуда взывает к вам человек, лежащий на дне озера Саксон.

— Я не хочу больше этого слышать,— сказал отец, но не сдвинулся с места.

— Он зовет вас,— повторила Леди.— Я тоже слышу его крик, он не дает мне спать, а я ведь уже немолода и нуждаюсь в покое.

Леди шагнула к отцу и взглянула ему прямо в глаза.

— Этот человек хочет сообщить, кто убил его, прежде чем упокоиться с миром. Он силится докричаться до нас с вами, мистер Маккенсон, но не может выговорить имя или показать лицо убийцы. Все, что он может нам дать,—

несколько фрагментов большого лоскутного одеяла. Если бы вы заглянули ко мне, мы бы вместе поразмыслили, и тогда, возможно, смогли бы соединить какие-то кусочки вместе. И вы снова сможете спать спокойно, как, впрочем, и я, а человек со дна озера Саксон сможет уйти туда, где ему надлежит быть. Более того: мы смогли бы изловить убийцу, если, конечно, он еще ходит по этой земле.

— Я не... верю... в такую че...

— Можете верить или не верить, это ваше дело, — перебила отца Леди. — Но когда к вам сегодня ночью снова явится мертвец — а это непременно случится, — у вас не останется выбора: вам придется слушать его. Мой вам совет, мистер Маккенсон: прислушивайтесь к нему внимательно.

Отец хотел что-то сказать: его рот приоткрылся, но он не смог выдать ни единого слова.

— Извините, — обратился тогда я к Леди. — Я хотел спросить, снятся ли вам... другие сны?

— Да, очень часто, — ответила она. — Но в моем возрасте главная беда в том, что сны зачастую повторяются.

— Я хотел спросить... может, вы когда-нибудь видели сон о четырех девочках?

— О четырех девочках? — удивленно переспросила Леди.

— Да, мэм. О четырех девочках-негритянках. Они одеты, как будто это воскресенье и они собрались в церковь.

— Нет, — ответила Леди. — Кажется, ничего такого я никогда не видела.

— А вот мне они постоянно снятся. Не то чтобы каждую ночь, но часто. Что бы это значило, вы не можете сказать?

— Это тоже лоскутки одеяла,— сказала Леди.— Скорее всего, это нечто такое, что ты уже знаешь, но еще не знаешь, что ты это знаешь.

— Простите?

— Возможно, причина не в духах умерших,— объяснила Леди,— а в тебе самом, в том, о чем ты постоянно думаешь, пытаюсь понять.

— А-а,— проговорил я.

Вот почему Леди видит сны моего отца, а не мои сны: ведь мои сны не призраки прошлого, а тени будущего.

— Скоро у нас в Братоне откроется музей, приходите, когда он будет готов,— сказала Леди маме.— Мы собрали деньги на строительство Центра отдыха и развлечений. Работа закончится через пару месяцев. В музее будет интересная экспозиция.

— Я слышала об этом,— сказала мама.— Желаю вам всяческих успехов.

— Спасибо. Я сообщу, когда состоится церемония открытия. А вам, мистер Маккенсон, советую хорошенько подумать о том, что я сказала.

Леди протянула отцу свою руку в фиолетовой перчатке, и тот осторожно ее пожал. Может быть, он и боялся Леди, но прежде всего он был джентльменом.

— Если надумаете прийти, вы знаете, где я живу.

Леди вернулась к своему мужу и мистеру Дамаронду, и они вдвоем вышли в теплую безветренную ночь. Мы вышли следом за ними и видели, как они уехали — не на «пontiаке», украшенном горным хрусталем, а на простом «шевроле» голубого цвета. Несколько человек, присутствовавших на церемонии, все еще стояли на тротуаре и разговаривали. Они воспользовались случаем, чтобы еще

раз сказать мне, как им понравилось мое сочинение и как здорово я его прочитал.

— Продолжай в том же духе, у тебя отлично получается! — весело бросил мне мистер Доллар, а потом сказал кому-то не без хвастовства: — А знаешь, этот парень — мой постоянный клиент. Да, сэр, я стригу его уже много лет!

Мы отправились домой. Я держал свою наградную пластинку на коленях, стискивая ее обеими руками.

— Мама, — спросил я, — что за музей должен открыться в Братоне? Там будут показывать кости динозавров и тому подобное?

— Нет, — ответил отец. — Это будет музей гражданских прав. Если я правильно понял, там будут разные письма, документы, фотографии.

— Как я слышала, всякие предметы времен рабовладения, — вставила мама. — Ножные кандалы, клейма и тому подобное. Лизбет Сирс рассказывала, что Леди продала свой «понтяк» и вложила деньги в это строительство.

— Не думаю, что это обрадует парней, которые сожгли крест во дворе Леди, — подал голос отец. — Клан еще обязательно скажет свое слово, я уверен.

— Я думаю, музей в Братоне — хорошее дело, — сказала мама. — Для того чтобы представлять, что ждет тебя впереди, нужно знать, откуда ты пришел.

— Да, могу вообразить, какое будущее готовит Клан обитателям Братона, — заметил отец, сбрасывая скорость перед поворотом на Хиллтоп-стрит.

Сквозь ветви деревьев я увидел огни в окнах Такстеров.

— А у нее крепкое пожатие, — сказал отец, словно обращаясь к самому себе, — у этой Леди.

Но мы и так знали, о ком он говорит.

— Сильная рука. Мне показалось, что она смотрит прямо в душу и я ничего не могу от нее скрыть...

Внезапно отец замолчал — видимо, осознал, что мы его слышим.

— Я могу сходить вместе с тобой, — предложила мама, — если ты все-таки соберешься поговорить с Леди. Я буду рядом все это время. Она хочет тебе помочь. Думаю, тебе стоит согласиться.

Отец молчал. Мы уже почти добрались до дома.

— Хорошо, я подумаю, — сказал он.

Это означало, что он больше ни слова не желает слышать о Леди.

Отец знал, где живет Леди, и, возможно, собирался попросить ее о помощи в изгнании призрака, вызвавшего к нему со дна озера Саксон, но был пока не готов к этому. Будет ли он когда-нибудь готов, согласится ли пойти к Леди, я не знал. Первый шаг должен был сделать он сам: никто не мог принудить его к этому. А меня сейчас заботило другое: навязчивый сон о четырех девушках-негритянках, втрескавшаяся в меня по уши Демон и предстоящая борьба с Луженой Глоткой. К тому же я собирался писать что-то новое, но в голову ничего не шло.

И конечно, зеленое перо. Везде и всюду — зеленое перышко с опушки леса, лежавшее в одном из моих семи волшебных ящичков. На вопросы, которые оно порождало, у меня пока не было ответа.

Тем же вечером отец повесил наградную табличку на стену в моей комнате, прямо над волшебной шкатулкой. Табличка отлично смотрелась между фоткой здоровенного детины с болтами на шее и некой личностью с высту-

КНИГА 2. ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

пающими зубами и скрытым под черным капюшоном лицом.

Я чувствовал, что во мне бурлят творческие силы, что сегодня вечером я ощутил подлинный вкус жизни. Я выбрал дорогу, сделал по ней первый шаг, и не беда, что он вышел немного неловким. Под грузом дней это ощущение восторга, наверно, исчезнет в реке времени, но в этот вечер, который никогда больше не повторится, это чувство жило во мне.

Глава 3

ОБЕД У ВЕРНОНА

Сказать, что все время, остававшееся до дня рождения Демона, она охаживала меня, было все равно что сказать, будто кот подружился с мышью. Межд двух огней — между страстными шепотками Демона и ревом Луженой Глотки, от которого дребезжали стекла, — к среде я превратился в комок нервов, но по-прежнему не понимал, как делить дробь.

Вечером в среду после ужина я протирал вымытые мамой тарелки. Неожиданно отец поднял голову от газеты и спросил:

— Перед домом остановилась машина. Мы кого-нибудь ждем?

— Нет, насколько я знаю, — отозвалась мама.

Скрипнув креслом, отец поднялся. Он собрался выйти на крыльцо, открыл дверь, но остановился и удивленно присвистнул.

— Вам стоит взглянуть на это, — сказал отец и вышел за дверь.

После таких слов мы просто не могли не выбежать на крыльцо вслед за отцом. Перед нашим домом стоял длин-

ный глянцеви́тый лимузин черного цвета, блестя́вший, будто темный атлас. Мне бросились в глаза хромированная решетка радиатора и ветровое стекло не меньше мили в ширину. То был самый длинный и красивый автомобиль из всех, которые я видел в своей жизни. Наш старый пикапчик, стоявший рядом с ним, казался ржавой жестянойкой. Дверца водителя открылась, и наружу выбрался мужчина в темном костюме.

Обойдя машину, он остановился на лужайке прямо перед нашим крыльцом и поздоровался:

— Добрый вечер.

Судя по акценту, он был явно нездешний. Пройдя по дорожке, незнакомец оказался в круте света под фонарем, и мы увидели, что у него седые волосы и усы, а черные ботинки начищены до невероятного блеска и сверкают так же сильно, как и лимузин.

— Чем могу помочь? — спросил незнакомец отец.

— Вы мистер Томас Маккенсон? — спросил мужчина.

— Да, это я.

— Очень хорошо, сэр.

Мужчина остановился у крыльца.

— Миссис Маккенсон, — вежливо кивнул он моей маме, потом обратился ко мне: — А вы, стало быть, Кори?

— Э-э-э... да, я Кори... сэр, — ответил я.

— Превосходно.

Человек улыбнулся, потом засунул руку во внутренний карман пиджака и извлек оттуда конверт.

— Прошу, это для вас.

Он протянул мне письмо.

Я оглянулся на отца. Кивком головы он позволил мне взять конверт, и пока я распечатывал его, седовласый мужчина следил за мной, заложив руки за спину. Конверт был

запечатан красным воском с выдавленной на нем буквой «Т». Я достал из конверта маленькую белую карточку, на которой было напечатано на машинке несколько строк.

— Что там такое? — спросила мама, заглядывая мне через плечо.

Я прочитал вслух:

— «Мистер Вернон Такстер имеет честь пригласить вас на обед, который будет подан в доме Такстеров в субботу, девятнадцатого сентября тысяча девятьсот шестьдесят четвертого года, в семь часов вечера. Одежда повседневная».

— Кодежде никаких особых требований,— пояснил седовласый мужчина.

— О господи,— прошептала мама.

Это означало, что она очень волнуется. Ее брови нахмурились.

— Могу я узнать, кто вы такой? — спросил незнакомец отец, принимая из моих рук белую карточку и разглядывая ее.

— Меня зовут Сирил Притчард, мистер Маккенсон. Я работаю у мистера Такстера, веду в его доме хозяйство. Мы с женой служим у мистера Мурвуда и молодого Вернона вот уже восемь лет.

— Вы мажордом... или что-то в этом роде?

— Моя жена и я служим у мистера Такстера, этим все сказано.

Отец хмыкнул и озабоченно нахмурился.

— А почему приглашение пришло от Вернона, а не от его отца?

— Дело в том, что именно Вернон хочет отобедать с вашим сыном.

КНИГА 2. ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

— Откуда Вернон Такстер знает моего сына?

— Молодой хозяин Вернон имел честь присутствовать на церемонии награждения победителей литературного конкурса. Мастерское владение языком, продемонстрированное вашим сыном, произвело на него очень большое впечатление. Видите ли, в свое время мистер Вернон также мечтал стать писателем.

— Он ведь даже написал книгу? — спросила мама.

— Совершенно верно. Эта книга называется «Луна — моя госпожа». Она вышла в тысяча девятьсот пятьдесят восьмом году в издательстве «Соннейлтон пресс» в Нью-Йорке.

— Я брала эту книгу в библиотеке, — сказала мама. — По правде сказать, покупать ее я бы не стала, в особенности из-за окровавленного мясницкого ножа на обложке. Знаете, мне эта обложка показалась очень странной, потому что на поверку книга по большей части о жизни в маленьком городке, а не о мяснике, который... ну, в общем, вы, наверно, сами знаете.

— Да, я, конечно, знаю, — кивнул мистер Притчард.

Я тогда понятия не имел, о чем шла речь. Позднее я узнал, что мясник из романа Вернона Такстера каждый раз во время полнолуния убивал какую-нибудь женщину и вырезал у нее внутренности. Все население вымышленного городка обожало деликатесы, которые искусно готовил мясник: пироги с мясом и почками, острые каджунские колбаски, сэндвичи с мясом.

— По-моему, для первого романа написано совсем неплохо, — высказала свое мнение мама. — А почему он перестал писать?

— К сожалению, по какой-то причине книга не нашла широкого спроса у читателей, и молодой хозяин Вер-

нон, как бы это сказать... разочаровался в своих способностях.

Взгляд мистера Притчарда снова обратился ко мне.

— Так что мне передать молодому мистеру Такстеру по поводу приглашения на обед?

— Подождите, не гоните лошадей,— подал голос отец.— Не люблю говорить об очевидных вещах, но ведь Вернон Такстер не совсем... в себе и вряд ли в состоянии принимать гостей. Или я ошибаюсь?

Взгляд мистера Притчарда сделался ледяным.

— Молодой мистер Такстер вполне способен принять у себя в доме гостя, мистер Маккенсон. Отвечая на ваш невысказанный вопрос, смею заверить, что в его обществе ваш сын будет в полной безопасности.

— Я не хотел никого оскорбить. Но согласитесь, что если кто-то постоянно разгуливает по улицам в голом виде, закрадывается подозрение, что у него с головой не совсем в порядке. Не понимаю, почему Мурвуд позволяет сыну появляться в городе в таком виде?

— Молодой хозяин Вернон живет своей собственной жизнью. Мистер Такстер предоставляет своему сыну возможность вести себя так, как ему нравится.

— Что ж, это можно понять,— кивнул отец.— Но знаете, вот уже года три о Мурвуде ни слуху ни духу. Он и раньше был затворником, но последнее время он что же, вообще не выходит на воздух?

— Дела мистера Такстера-старшего находятся в полном порядке. Он регулярно получает свою ренту, его собственность никогда не падает в цене. Бизнес всегда был его главным интересом и удовольствием. Так какой же ответ передать молодому хозяину Вернону?

Вернон Такстер написал книгу, она даже была опубликована. Судя по тому, что сказала мама, это детективный

роман. Настоящая книжка, в настоящем нью-йоркском издательстве. Может быть, никогда в жизни у меня больше не будет возможности поговорить с настоящим писателем, подумал я. И какое мне дело до того, что он спятил и разгуливает по улицам в чем мать родила? Он знает мир далеко за пределами Зефира, и хотя именно эти знания, по-видимому, нанесли его душе такой непоправимый вред, мне было интересно узнать об опыте, вынесенном Верноном из его знакомства с волшебной шкатулкой.

— Я хотел бы встретиться с Верноном,— сказал я.

— С вашей стороны возражений не будет? — обратился мистер Притчард к моим родителям.

— Даже не знаю, что сказать,— замаялась мама.— Помоему, Том, один из нас обязательно должен пойти на этот обед вместе с Кори. На всякий случай.

— Мне понятны ваши опасения, миссис Маккенсон. Могу вас заверить, что мне и моей жене мистер Вернон Такстер всегда был известен как добрый, тонко чувствующий и вполне разумный человек. К несчастью, у Вернона совершенно нет друзей. Его отец всегда был очень далек от него.

И снова в глазах мистера Притчарда появился лед.

— Дело в том, что мистер Такстер-старший очень неговорчив. Он всегда был против того, чтобы молодой хозяин Вернон занимался писательским трудом. До недавнего времени он категорически возражал, чтобы в библиотеке Зефира хранились экземпляры книги его сына «Луна — моя госпожа».

— И что же заставило его изменить свое мнение? — поинтересовалась мама.

— Время и обстоятельства,— ответил мистер Притчард.— Мистеру Такстеру стало совершенно ясно, что мо-

лодой хозяин Вернон не имеет склонности к бизнесу. Как я уже сказал, у мистера Вернона очень тонкая и чувствительная натура.

Лед в глазах мистера Притчарда мало-помалу растаял, он сощурился и даже попытался изобразить некое подобие улыбки.

— Прошу прощения, но я не хотел докучать вам рассказом о заботах семейства, которому я служу. Мне нужно дать определенный ответ молодому хозяину Вернону. Могу ли я сообщить ему, что юный Кори Маккенсон принимает его приглашение?

— Только если кто-нибудь из нас будет вместе с ним,— ответил Притчарду отец.— Мне всегда хотелось повидать дом Такстеров изнутри.

Отец вопросительно взглянул на маму:

— Ты не будешь возражать?

Мама размышляла примерно минуту. Я видел, как она обдумывает окончательное решение: вот она закусила нижнюю губу, что обычно означало «нет», вот слегка подергивается правый уголок ее рта,— свидетельство того, что она склоняется к положительному ответу.

— Да,— сказала мама со вздохом.

— Что ж, прекрасно.— На этот раз улыбка на лице мистера Притчарда была искренней. По-видимому, наше согласие его обрадовало.— В соответствии с отданным мне распоряжением в субботу, в шесть тридцать, я заеду за вами на машине. Вы не возражаете, сэр?

Вопрос был адресован мне. Я заверил мистера Притчарда, что это будет здорово.

— В таком случае до встречи.

Отвесив нам виртуозный поклон, при котором спина казалась абсолютно прямой, мистер Притчард проше-

ствовав к своему облаченному в черный атлас лимузину. Звук мотора, когда он его заводил, напоминал тихую музыку. Мистер Притчард отъехал от нашего дома и, свернув на следующем перекрестке, покати́л в гору по изгибу Темпл-стрит.

— Надеюсь, все пройдет спокойно, — сказала мама, когда мы вернулись в дом. — От книги Вернона у меня мурашки по спине бежали.

Снова усевшись в кресло, отец продолжил читать отложенную газету с новостями спорта. Заголовки были посвящены грядущей встрече футбольных команд Алабамы и Оберна, хиту осеннего сезона.

— Всегда хотел взглянуть, как живет старина Мурвуд, — повторил отец. — Думаю, другая возможность мне вряд ли представится. Для Кори это тоже будет полезно: он сможет поговорить с Верноном о ремесле писателя.

— Кори, надеюсь, ты не собираешься писать такие же жуткие романы, как книга Вернона? — с тревогой спросила мама. — Эту книжку было тем более странно читать, что казалось, будто все ужасы и кровь специально туда вставлены, им там не место. Если бы не это убийство, то получилась бы милая такая книжка о тихом провинциальном городке.

— Убийства иногда случаются, — подал голос отец. — Кому, как не нам, это знать.

— Я не спорю, но неужели книги просто о жизни читаются с меньшим интересом? И этот обгаренный кровью мясницкий тесак на обложке... я бы и не притронулась к этой книге, если бы не имя Вернона Такстера на обложке.

— Жизнь — это не только розы, но и шипы. — Отец снова отложил свою газету. — Хотелось бы познать жизнь

только с лучшей ее стороны, но в ней столько же радости и порядка, сколько хаоса и боли. Хаоса, пожалуй, даже значительно больше, чем порядка. И если человек начинает это понимать, — отец слегка улыбнулся, не сводя с меня печальных глаз, — значит, он повзрослел.

Замолчав, он снова развернул газету и углубился в статью о футбольной команде Оберна. Но вскоре отца посетила новая мысль, и он опять отложил газету.

— Знаешь, Ребекка, что мне кажется особенно странным? Видела ли ты хотя бы раз за последние два-три года Мурвуда Такстера? В банке, в парикмахерской, да где угодно?

— Нет, не видела. По правде сказать, я даже не знаю, как он выглядит.

— Такой тощий высокий старикан. Всегда ходит в черном костюме и темном галстуке-бабочке. Я точно помню, что однажды видел Мурвуда, но тогда я был еще мальчишкой. И уже тогда Мурвуд казался мне старым и каким-то высохшим. После того как у Мурвуда умерла жена, он почти перестал выходить из дому. Но хотя бы пару раз за эти годы мы должны же были его видеть, как ты считаешь, Ребекка?

— Кстати, и мистера Притчарда я увидела впервые. Может, они все там затворники в доме Такстеров?

— Все, кроме Вернона, — вставил словечко и я. — Пока на улице тепло, его можно встретить достаточно часто.

— Верно, как дождь, — согласился отец. — Завтра я поспрашиваю еще народ в городе. Может, кто-нибудь и видел Мурвуда за последнее время.

— Для чего тебе это нужно? — нахмурилась мама. — Не вижу смысла в подобных расспросах. В субботу вечером ты, возможно, сам его увидишь.

— Может, и увижу. Если только он не умер,— ответил отец.— Представляешь, какая это будет новость, если Мурвуд уже пару лет назад отдал Богу душу, а в городе при одном упоминании его имени люди все еще буквально вскакивают с места?

— Но кому это нужно — держать в тайне, что Мурвуд Такстер умер?

Отец пожал плечами, но я был уверен, что в уме он напряженно ищет ответ.

— Вероятно, все дело в налоге на наследство или в жадных родственниках. Или с законами вышла какая-то путаница. Да мало ли что может быть.

Его губы растянулись в улыбку, а глаза оживленно заблестели.

— Ответ на этот вопрос может дать Вернон Такстер. Вот была бы умора, если бы большая часть города принадлежала сумасшедшему, который разгуливает голым по улицам, а все его слушаются, потому что считают, что его устами говорит Мурвуд Такстер! Помнишь ту ночь, когда весь город бросился спасать Братон от наводнения? Мне уже тогда показалось, что дело нечисто. Мурвуду гораздо выгоднее держать деньги в кулаке, а не раздавать свою личность добрым самаритянам, тем более что им еще надо пригрозить, чтобы они проявили свою доброту.

— А что, если за последние годы у него смягчилось сердце? — предположила мама.

— Если он действительно умер, то это вполне можно допустить.

— Вот в субботу вечером ты и выяснишь все сам,— подвела итог мама.

Наверняка мы с отцом хоть что-нибудь да узнаем. А пока мне приходилось выслушивать рассказы Демона о том,

каким веселым будет ее день рождения, где, по ее словам, должен был собраться чуть ли не весь наш класс. И так же, как отец расспрашивал знакомых, давно ли им доводилось видеть Мурвуда Такстера, я интересовался у своих одноклассников, не собираются ли они на день рождения Демона.

Оказалось, никто к Демону не идет. Большинство опрошенных заявили, что скорее съели бы сэндвич Демона с собачьими какашками, чем пошли бы на подобную вечеринку, оказавшись во власти ее огненноволосой, козлячатой родни. В ответ я клялся, что лучше улеечься на раскаленные угли или поцеловать того лысого русского парня, что стучал башмаком по столу, чем пойти на вечеринку к Демону и лицезреть ее противных домочадцев.

Конечно, если я и говорил подобное, то лишь предварительно удостоверившись в том, что Демон меня не услышит. Мне даже стало ее чуточку жаль: я так и не нашел ни одного мальчика или девочку, кто собирался бы на ее день рождения.

Не знаю, почему я сделал это. Быть может, представил себе, что ты чувствуешь, когда приглашаешь на свой день рождения целый класс, соблазняешь мороженым и тортом, говоришь, что никаких подарков не нужно, только, ради бога, приходите, а они все как один отвечают «нет». На свете не существует ничего обиднее этого слова, а я был уверен, что Демону доведется услышать его еще много раз. Я все равно не мог пойти к ней, это значило бы — самому напрашиваться на неприятности. В четверг после школы я подъехал на Ракете к магазину Вулворта на Мерчантс-стрит и купил для Демона за пятнадцать центов поздравительную открытку по случаю дня рождения, с изображением щенка в праздничной шапочке. На развороте

открытки, под скверными стихами я подписал: «Поздравляем с днем рождения. Твои одноклассники» — и сунул открытку в красивый розовый конверт. В пятницу до начала занятий я проскользнул в класс раньше всех и положил конверт Демону на парту. Хвала Господу, никто меня не заметил — я бы этого не пережил.

После звонка мы оказались во власти Луженой Глотки. Я услышал, как за моей спиной села за парту Демон и вынула из конверта открытку. Луженая Глотка стала орать на парнишку по имени Реджи Даффи, отчитывая его за то, что тот позволил себе на уроке жевать виноградную жвачку. Это входило в наш совместный план борьбы с Луженой Глоткой: путем проб и ошибок нам удалось выяснить, что нашей училке ненавистен запах виноградной жвачки, поэтому почти каждый день кто-нибудь приходил в класс с полным ртом тягучей розовой массы и отдавал себя на растерзание учительницы.

Позади меня раздался тихий всхлип.

И наступила тишина. Один-единственный звук, от которого могло разорваться сердце. Подумать только: за каких-то пятнадцать центов можно купить слезу счастья!

Во время большой перемены на пыльной площадке для игр Демон буквально порхала от одного ученика к другому, демонстрируя всем свою поздравительную открытку. У всех оказалось достаточно сообразительности, чтобы сделать вид, будто они заранее знали о сюрпризе. Лэдд Девайн, долговязый парень с рыжими волосами ежиком, уже в ту пору демонстрировавший все признаки футбольной звезды — быстрые ноги, сильные и точные пасы и любовь к дракам, — услышав краем уха, что девочки считают очень милым, что кто-то поздравил Демона с днем рождения, объявил, будто именно он купил эту открытку. Я не

стал ему возражать: Демон уже взирала на Лэдда с любовью в глазах и пальцем в ноздре.

В субботу вечером точно в назначенное время мистер Притчард подкатил к нашему дому на своем длинном черном авто.

— Следи за своими манерами! — напутствовала меня мама, впрочем, это наверняка относилось и к отцу.

Как и было велено, мы не стали наряжаться в костюмы, «повседневной одеждой» в нашем случае служили удобные рубашки с короткими рукавами и чистые голубые джинсы. Вслед за отцом я забрался на заднее сиденье лимузина, обнаружив, что попал в пещеру со стенами, обитыми кожей и норковым мехом. Мистер Притчард сидел впереди, его и нас разделяла перегородка из прозрачного пластика. Тронувшись с места, мистер Притчард повернул на Темпл-стрит. Машина шла плавно, мотор работал настолько бесшумно, что мы едва его слышали.

На Темпл-стрит, среди раскидистых дубов и тополей, стояли дома самых богатых и уважаемых жителей Зефира. Тут находился, например, красный кирпичный дом мэра Своупа с кольцевой подъездной дорожкой. По пути отец показал мне особняк из белого мрамора, принадлежавший президенту городского банка. Чуть дальше, за поворотом извилистой Темпл-стрит, находился дом мистера Самптера Вомака, хозяина «чертова колеса», а прямо напротив него в доме с белыми колоннами жил доктор Пэрриш. Темпл-стрит заканчивалась витыми чугунными воротами, за которыми асфальт сменялся булыжником. Им была вымощена изогнутая подъездная аллея, по сторонам которой стояли двумя рядами, словно солдаты на параде, вечнозеленые деревья. В окнах особняка Такстеров горел яркий свет, на покатой крыше виднелось не-

сколько труб и башенок в форме луковицы. Мистер Притчард остановился, чтобы открыть ворота, а потом еще раз, чтобы запереть их. По булыжнику лимузин катил так же плавно, как и по асфальту. Мы проследовали по изгибу подъездной аллеи среди благоухающих сосен и остановились под широким брезентовым навесом в голубую и золотую полоску. Начинаясь под тентом кафельная лестница вела вверх к массивной парадной двери. Прежде чем отец успел справиться с дверцей лимузина, наш водитель уже отворил ее для нас. Затем мистер Притчард, двигавшийся грациозно и бесшумно, как ртуть, открыл двери особняка, и мы вошли внутрь.

Отец замер в ошеломлении.

— Ну и ну! — только и смог сказать он.

Я разделял его благоговейный восторг. Описать интерьер особняка Такстеров во всех подробностях, чего он, несомненно, заслуживал, я не в состоянии. Отмечу лишь, что я сразу был поражен его громадными размерами, высокими потолками, с которых свешивались люстры. Казалось, внутри особняка светится, блестит и сверкает все, что только возможно. Наши ноги утопали в мягком ворсе восточных ковров. Пахло кедром и дорогой кожей. На стенах висели картины в золоченых рамах, освещенные лучами заходящего солнца. Одну стену целиком занимал громадный гобелен со сценами из средневековой жизни, широкая лестница плавно, словно сладчайший изгиб плеча Чили Уиллоу, поднималась вверх, на второй этаж. Всюду было полированное дерево, лоснящаяся кожа, шелковистый бархат и витражи из цветного стекла. Все, вплоть до лампочек в люстрах без малейших следов паутины, сияло чистотой.

Навстречу нам вышла женщина примерно одних лет с мистером Притчардом. Она была облачена в белую уни-

форму, ее белые как снег волосы были собраны в пучок и скреплены серебряными булавками. У женщины было круглое и приветливое лицо и ясные голубые глаза. Она поздоровалась с нами, и я заметил, что акцент у нее точно такой же, как у мистера Притчарда, ее мужа. Как объяснил мне отец, это был британский акцент.

— Молодой хозяин Вернон занимается своими поездками, — сказала нам миссис Притчард. — Он просит вас пройти к нему.

— Благодарю, Гвендолин, — отозвался мистер Притчард. — Не соблаговолите ли проследовать за мной, джентльмены?

Мистер Притчард направился по коридору, по обеим сторонам которого располагались двери комнат, и нам пришлось прибавить шагу, чтобы не отстать от него. Мы уже успели понять, что в особняке Такстеров можно было разместить несколько домов размером с наш и еще осталось бы место для амбара. Мистер Притчард остановился и отворил высокие двери. До нас донеслось завывание паровозного свистка.

И тут перед нами предстал Вернон, голый, в чем мать родила. Он стоял, повернувшись к нам спиной, чуть наклонившись вперед, и изучал какой-то предмет, держа его совсем близко от лица.

Мистер Притчард откашлялся. Вернон обернулся, сжимая в руках локомотивчик, и улыбнулся так широко, что мне показалось, будто лицо его сейчас треснет.

— А вот и вы! — воскликнул он. — Входите, пожалуйста!

Мы с отцом так и сделали. В комнате, в которой мы оказались, не было никакой мебели, если не считать огромного стола, на котором среди зеленого ландшафта с мини-

атюрными холмами, лесом и крохотным городком двигались с пыхтением несколько игрушечных поездов. В одной руке Вернон держал помазок, а в другой — паровозик, которому, по-видимому, только что чистил колеса.

— На рельсы садится пыль, — объяснил он нам. — Если ее собирается слишком много, может произойти крушение.

Я изумленно уставился на игрушечную железную дорогу. В движении находилось одновременно семь составов. Крохотные стрелки автоматически переключались, перемигивались маленькие огоньки семафоров, перед железнодорожным переездом стояли крошечные автомобильчики. На фоне зелени леса выделялись яркие пятна багряника. Городские домишки величиной со спичечный коробок были искусно раскрашены так, что их стены казались сложенными из кирпича и камня. В конце главной улицы высилось строение в готическом стиле с куполом — точная копия здания суда, откуда я недавно едва унес ноги. Между холмами извивались змейки дорог. Через реку из зеленого стекла был перекинут мостик, а за пределами городка лежало большое, продолговатое, окаймленное черным цветом зеркало — как я догадался, озеро Саксон. Вернон даже прорисовал красным береговую линию, чтобы обозначить гранитные утесы. Я увидел бейсбольное поле, плавательный бассейн, а также домишки и улочки Братона. В конце улочки, которая наверняка должна была именоваться Джессамин-стрит, я нашел даже чудной домик, раскрашенный всеми цветами радуги. Я отыскал шоссе № 10, которое бежало вдоль леса, расступавшегося, чтобы открыть гладь озера Саксон. Я пошарил глазами, отыскивая домик, который, как я теперь знал, должен был там находиться. И действительно увидел его: он был величиной с ноготь на моем большом пальце — дом

с дурными девушками, где заправляла мисс Грейс. А в лесистых холмах на западе, между Зефиром и отсутствовавшим на этой своеобразной карте Юнион-Тауном, имелась округлая выжженная плешь, оставшаяся на месте сгоревших низкорослых деревьев.

— Должно быть, там был лесной пожар, — предположил я.

— Это место, где упал метеорит, — объяснил нам Вернон, едва взглянув в сторону выгоревшего пятна.

Он подул на колесики локомотива — обнаженный Потрясающе большой человек¹. Я отыскал Хиллтоп-стрит и наш домик на опушке леса. Проследовав взглядом за величавым изгибом Темпла-стрит, я уперся в картонный особняк, внутри которого сейчас находились мы — я и мой отец.

— А вы все вот здесь, и ты, и твой отец тоже, — сказал Вернон, показав рукой в сторону коробки из-под обуви справа от себя. Рядом были разбросаны железнодорожные вагончики, рельсы и проводки. На крышке картонной коробки черным мелком было написано: «ЛЮДИ». Подняв крышку, я заглянул внутрь и увидел там сотни крохотных человеческих фигурок с тщательно раскрашенными телами и волосами. Все фигурки были голые.

Один из поездов, катившихся по рельсам, испустил резкий свист, похожий на птичий. Другой состав тянул паровозик, выпускавший на ходу крошечные колечки дыма. Открыв рот от изумления, отец обошел кругом эту огромную, невероятно сложную композицию.

— У вас здесь все, во всех подробностях? — спросил он. — Вы только посмотрите, на Поултер-Хилл есть даже

¹ «Потрясающе большой человек» (Amazing Colossal Man) — фильм 1957 года в жанре фантастики режиссера Берта Гордона.

надгробия на могилах! Мистер Такстер, как же вам удалось все это сделать?

Вернон поднял голову от своего паровозика.

— Не нужно «мистера Такстера». Зовите меня просто Вернон.

— Хорошо, Вернон. Вы сами все это сделали?

— Не за одну ночь, конечно,— ответил Вернон и опять улыбнулся.

С расстояния в несколько шагов его лицо казалось мальчишеским, вблизи становились заметными морщины около глаз и две глубокие складки, залегшие скобками вокруг рта.

— Я сделал это потому, что люблю Зефир. Всегда любил и всегда буду любить.

Вернон оглянулся на мистера Притчарда, стоявшего в ожидании у двери.

— Благодарю вас, Сирил. Можете быть свободны. Хотя... одну минуту. Надеюсь, мистер Маккенсон все понял?

— Понял что? — спросил отец.

— Дело в том,— сказал мажордом,— что мистер Вернон хочет отобедать с вашим сыном наедине. Вам обед будет подан на кухне.

— Не понимаю. В чем причина?

Вернон продолжал молча смотреть на мистера Притчарда. Седовласый мажордом пожал плечами и ответил:

— Потому что на обед был приглашен только ваш сын, мистер Маккенсон. Вы решили сопровождать его... гм... по собственной инициативе. Если у вас остаются какие-либо сомнения, хочу успокоить вас и сообщить, что кухня находится по соседству со столовой мистера Такстера, где он собирается отобедать с вашим сыном. Таково было пожелание молодого хозяина, мистер Маккенсон.

Последняя фраза была произнесена особенно решительно.

Отец оглянулся на меня, я пожал плечами в ответ. Я видел, что ему совершенно не нравится такой план, он был готов закусить удила и уйти.

— Но вы тоже пришли, — сказал Вернон. Он поставил локомотив на рельсы, и тот, тихонько застрекотав, ожил и укатил вперед. — И можете остаться на обед.

— Ты можешь остаться, — эхом подхватил и я, обращаясь к отцу.

— Уверен, что вам понравится наша еда, — добавил мистер Притчард. — Гвендолин — отличная кухарка.

Сложив руки на груди, отец некоторое время рассматривал бегавшие по рельсам поезда.

— Хорошо, — наконец проговорил он. — Пусть будет так.

— Вот и отлично! — просиял Вернон. — Это все, Сирил.

— Да, сэр, — отозвался мистер Притчард и затворил за собой двери.

— Вы ведь молочник? — спросил отца Вернон.

— Да, именно. Я работаю в «Зеленых лугах».

— Мой отец — владелец «Зеленых лугов». — Вернон прошествовал мимо меня к дальней стороне стола, чтобы проверить там соединение проводков. — Это вон там. — Вытянув худую руку, Вернон указал туда, где находилась сыроварня. — Слышали, что в Юнион-Тауне через месяц открывается новый бакалейный магазин? Кроме того, там почти закончено строительство нового торгового центра. С недавних пор такие магазины называются «супермаркетами». Там будет большой отдел молочных продуктов. Молоко будет продаваться в пластиковых бутылках, можете себе представить?

— В пластиковых бутылках? — хмыкнул отец. — Черт знает что!

— Скоро пластик войдет в нашу жизнь повсеместно, — продолжал Вернон, выравнивая домик. — Это наше будущее. Пластик везде и всюду.

— Ваш отец, Вернон, в городе его давно не видели. Вчера я разговаривал об этом с мистером Долларом. Сегодня говорил с мэром Своупом и доктором Пэрришем, потом зашел в банк и спросил там. Никто не видел вашего отца года два или даже больше. Клерки в банке сказали, что важные бумаги забирает из банка мистер Притчард, потом привозит их обратно, уже подписанные Мурвудом.

— Да, именно так все и происходит. Ну что, Кори, как тебе нравится вид на Зефир с высоты птичьего полета? Можно вообразить, что ты летишь над крышами домов.

— Совершенно верно, сэр.

Как ни странно, но в ту минуту я именно об этом и думал.

— Нет, Кори, не нужно никакого «сэр». Просто «Вернон», договорились?

— Мы учили Кори уважительно обращаться к взрослым, — заметил отец.

Вернон посмотрел на него с удивлением и легким испугом.

— К взрослому? Но ведь мы с ним сверстники.

На несколько секунд отец словно лишился дара речи. Наконец он нашел в себе силы с опаской произнести:

— Ага.

— Кори, хочешь сам управлять поездками? Иди сюда!

Вернон стоял над пультом управления с рычажками и цифровыми шкалами.

— Приближается товарный состав, следующий без остановки! Ту-ту!

Я подошел к пульту управления и увидел, что его устройство по сложности не уступает делению дробей.

— Что мне можно делать?

— Все, что угодно,— ответил Вернон.— Это и есть самое интересное.

Я осторожно повернул парурычажков и покрутил цифровую шкалу. Один из поездов побежал быстрее, другой медленнее. Из-под колес паровоза вовсю повалил пар. Мигнули сигнальные огни, и раздался свисток.

— Мурвуд по-прежнему живет в особняке, Вернон? — спросил у нас за спиной отец.

— Он отдыхает у себя наверху.

Все внимание Вернона было сосредоточено на поездах.

— Я могу с ним повидаться?

— Когда мой отец отдыхает, к нему никто не допускается,— объяснил Вернон.

— Но не всегда же он отдыхает? — спросил отец.

— Само собой. Но отец всегда слишком утомлен, чтобы держать меня в курсе дела.

— Вернон? Не могли бы вы повернуться ко мне?

Вернон исполнил просьбу отца, краем глаза продолжая следить за железной дорогой.

— Мистер Мурвуд еще жив?

— Живо, живо. Моллюски и мидии мне, живо, живо! — негромко пропел Вернон, потом нахмурился, словно понял наконец суть вопроса.— Конечно, он жив! Кто, если не он, по-вашему, ведет семейные дела?

— Может быть, мистер Притчард?

— Мой отец сейчас находится наверху, он *отдыхает*,— повторил Вернон с легким нажимом на послед-

нем слове.— Кто вы, мистер Маккенсон,— молочник или инквизитор?

— Молочник,— ответил отец.— Любопытный молочник.

— Не просто любопытный, а очень и очень любопытный. Давай, Кори, добавь ходу! Шестой скорый идет с опозданием!

Я продолжал с упоением крутить ручки и цифровые шкалы. По мановению моей руки поезда проносились мимо, лавируя между холмами и плавно вписываясь в повороты.

— Знаешь, Кори, мне очень понравился твой рассказ про озеро,— сказал вдруг Вернон.— Оно мне всегда представлялось зловещим, поэтому я и нарисовал его черным. Там внутри скрыта страшная тайна, правда?

— Да, сэ... Вернон,— вовремя исправился я.

Я не мог с ходу приучить себя обращаться к старшему по имени.

— Я прочитал в «Журнале» о том, что случилось,— сказал Вернон и, наклонившись над миниатюрным Зефиром, поправил покосившееся деревце на склоне холма, при этом его тень упала на землю. Выполнив задуманное, он отступил на шаг и посмотрел на город сверху вниз.— Убийца наверняка знал, что озеро Саксон в наших краях считают бездонным, а это означает, что он сам из местных. Возможно, он живет в одном из этих домов в Зефире. Что же касается убитого, то, раз никто с марта месяца не заявил о его исчезновении и никто не опознал в нем по описанию своего родственника или знакомого, он человек нездешний. Таким образом, необходимо установить, какая связь может быть между этими двумя людьми, один из которых местный убийца, а другой — жертва, приехавшая откуда-то издалека.

— Шериф тоже хотел бы это выяснить.

— Шериф Эмори — хороший человек, — заметил Вернон, — но не слишком хороший шериф. Он первый с этим согласится. У него нет собачьего инстинкта ищейки, он вполне может выпустить птичку, когда она находится в его когтях.

Задумчиво склонив голову на плечо, Вернон почесал живот под пупком. Потом подошел к медной пластине с выключателями, привинченной к стене, и выключил свет. Как только над игрушечным Зефиром сгустилась тьма, в нескольких домишках зажегся свет. Локомотивы освещали пути лучами своих прожекторов.

— Итак, было раннее утро, — медленно проговорил Вернон. — Убивать кого-то лучше еще до рассвета, чтобы, когда придется сбрасывать труп в озеро, никто не появился бы на шоссе № 10. Почему убийца дожидался утра, чтобы осуществить свой план?

— Хотелось бы и мне узнать, — отозвался отец.

Я продолжал поворачивать рычажки, на шкалах зазвучала подсветка.

— Наверняка убийца — человек, к которому никогда утром не приезжает грузовик из «Зеленых лугов», — продолжал Вернон. — Вот почему он не принял во внимание график доставки молочных продуктов. Знаете, в чем я почти уверен?

Отец молча ждал ответа.

— Мне кажется, что убийца — «сова», полуночник. Думаю, последнее, что он сделал, — сбросил тело своей жертвы в озеро и лишь после этого вернулся домой и лег спать. Таким образом, если вам удастся найти «сову», которая не пьет молоко, то вы с большой вероятностью сможете считать, что нашли убийцу.

— Не пьет молоко? А откуда вы это знаете?

— Молоко способствует крепкому сну,— объяснил Вернон.— Убийца не любит спать, а если он работает днем, должно быть, пьет черный кофе.

В ответ отец лишь приглушенно хмыкнул, что могло означать согласие или понимание.

Двери растворились, и мистер Притчард объявил во тьму, что обед подан. Включив свет и прекратив бег железной дороги, Вернон позвал меня с собой:

— Пойдем, Кори.

Я прошел вслед за ним в столовую, а отец вместе с мистером Притчардом удалились на кухню. В столовой Такстеров по углам располагались рыцарские доспехи, а на длинном столе стояли два прибора, один напротив другого. Вернон предложил мне самому выбрать место, и я предпочел то, откуда мог лучше видеть рыцарей. Через несколько минут в столовой появилась Гвендолин с серебряным подносом в руках — и начался обед, наверно, самый странный в моей жизни.

На первое был земляничный суп с крошенными в него ванильными вафлями. Затем подали равиоли и шоколадные пирожные в одной тарелке. Еду мы запивали лимонно-лаймовой шипучкой «Физзи». Вернон ужасно насмешил меня, засунув целую таблетку «Физзи» себе в рот, отчего у него пошли оттуда зеленые пузыри. Потом подали запеченные в тесто гамбургеры и попкорн, намазанный маслом, а на десерт нам подали по чашке с начинкой для шоколадного торта, которую можно было есть прямо ложкой. Уминая угощение за обе щеки, я испытывал чувство вины: если бы мама узнала, какое ребяческое пиршество устроил мне Вернон, она бы упала в обморок. На столе не было никаких овощей — ни моркови, ни шпината,

ни брюссельской капусты. С кухни доносился легкий запах тушеной говядины: это означало, что отца все-таки потчуют настоящей едой для взрослых. Скорее всего, он даже не догадывался, какой массивной атаке я подвергаю свой желудок. Вернон разделял мое счастье: мы смеялись, слизывая остатки сливочного крема с наших тарелок с алчностью прирожденных сластен.

Вернон хотел знать обо мне все. Он спрашивал, чем я люблю заниматься, кто мои друзья, какие книги я предпочитаю, какие фильмы мне особенно нравятся. Оказывается, Вернон тоже смотрел «Захватчиков с Марса» — это еще больше укрепило наше взаимопонимание. Он рассказал, что когда-то давно у него был целый сундук, полный комиксов о разных супергероях, но отец заставил его выбросить все эти сокровища. Когда-то у него было несколько полок, заставленных исключительно книжками серии «Мальчишки Харди», но однажды его отец страшно разозлился на него и сжег все эти книги в камине. Вернон рассказал, что у него были и все выпуски «Дока Сэвиджа», и Тарзан, и Джон Картер с Марса, и Тень в журнале «Таинственные истории», и целый ящик журналов «Аргоси» и «Жизнь мальчишки», но его отец однажды заявил, что Вернон вырос и не нуждается в подобной чепухе, после чего все это богатство отправилось в огонь или в мусор, превратившись в пепел или канув на свалке. Вернон признался, что не пожалел бы и миллиона долларов, чтобы вернуть все это, и посоветовал мне ни за что не расставаться с такими книгами, если они у меня есть, потому что в них заключена настоящая магия.

Стоит только сжечь свое волшебство или выбросить его в мусор, и ты становишься нищим и сможешь думать лишь о том, как вернуть это волшебство.

— Мне нужно было продолжать носить короткие штаны,— сказал Вернон.

— Что? — не понял я.

Никогда не видел, чтобы Вернон носил штаны. Хотя какие-нибудь.

— Однажды я написал книгу,— сказал он.

— Да, я знаю. Моя мама читала ее.

— А ты не собираешься стать писателем, когда вырастешь?

— Не знаю,— замялся я.— Может быть, если удастся.

— Мне очень понравился рассказ, который ты написал. Было время, я тоже писал рассказы. Отец говорил, что он не имеет ничего против такого хобби, но при этом нельзя забывать, что когда-нибудь ответственность за все это ляжет на мои плечи.

— За что «все это»?

— Я не знаю. Он так и не сказал мне больше ничего.

— А.

В этом был какой-то смысл.

— А почему вы не написали больше ни одной книги?

Вернон хотел что-то ответить: его рот открылся, потом закрылся снова. Какое-то время он сидел, глядя на свои руки, на пальцы, измазанные сливочным кремом. Внезапно его глаза заблестели.

— Во мне была только одна книга,— наконец ответил Вернон.— Я принялся искать внутри себя следующую, и искал довольно долго. До сих пор ищу. Но во мне больше ничего нет. Ничего не было вчера, ничего нет сегодня... и вряд ли что-нибудь появится завтра.

— Но как же так вышло? — удивился я.— Разве вы не можете просто придумать сюжет?

— Придумать? Послушай, я тебе кое-что расскажу.

Я принялся терпеливо ждать.

Вернон глубоко вздохнул, потом так же неторопливо выдохнул. Его взгляд блуждал — казалось, он всеми силами старался не уснуть, но его неудержимо влекло в сон.

— Жил-был мальчик,— наконец заговорил Вернон.— Однажды он решил написать книгу про город. Про маленький город, такой же, как наш Зефир. Для того чтобы написать книгу так, как нужно, ему потребовалось четыре года. И пока мальчик писал свою книгу, его отец.— Голос Вернона снова стих.

Я ждал продолжения.

— Его... отец,— Вернон нахмурился, очевидно стараясь собраться с мыслями.— Да,— воскликнул он.— Его отец постоянно говорил, что его занятие — просто глупость, и ничего больше. Отец твердил это с утра до вечера. «Ты глупец,— говорил он,— сумасшедший глупец. Все свое время ты тратишь на эту книгу, а ты должен изучать дело, семейный бизнес. Именно для этого я тебя растил. Чтобы ты продолжал семейное дело. Не для того, чтобы ты тратил время и разочаровывал меня, упуская свой шанс. Я вырастил тебя, чтобы передать тебе дело, и твоя мать укоризненно смотрит на тебя из могилы, потому что ты и ее разочаровал. Ты разбил ей сердце, когда бросил колледж, из-за этого она приняла таблетки и рассталась с жизнью, только из-за тебя и ни из-за кого больше. Ты бросил колледж, и деньги, потраченные на тебя, ушли на ветер. С таким же успехом я мог просто выбросить эти деньги в окно — нигерам и белой швали».

Вернон прищурился, выражение его лица изменилось.

— «Неграм,— поправил отца мальчик.— Нужно быть культурным, папа». Ты понимаешь меня, Кори?

— Я... не совсем...

— Тогда глава вторая, — продолжил Вернон. — Прошло еще четыре года. Все эти четыре года мальчик терпеливо переносил насмешки и ругань отца. И продолжал писать свою книгу о городе и о людях, которые в нем живут, благодаря которым город таков, каков он есть. Быть может, в книге не было настоящего сюжета, ничего такого, что с первых же страниц берет вас за глотку и трясет так, что все ваши кости стучат, — но эта книга была о *жизни*. Там был ее непрерывный поток и голоса, все те незаметные повседневные мелочи, из которых складывается память живущего. Повествование в книге текло плавно, но непредсказуемо, как река: нельзя было знать заранее, куда вас вынесет следующий поворот, пока не увидишь это собственными глазами, но само путешествие было завораживающим и сладким, хотелось, чтобы оно не кончалось никогда. В книге была та настоящая жизнь, которой не было в существовании мальчика.

Вернон опять замолчал и уставился в никуда. Я заметил, как крепко вцепились в край стола его измазанные в шоколаде пальцы.

— Потом мальчик нашел издателя, — продолжил рассказ Вернон. — Настоящего издателя в самом Нью-Йорке. Ты, наверное, знаешь, что именно там находится сердце нашего мира. Там выходят в свет сотни тысяч книг, и каждая из них — дитя, не похожее на других; некоторые из них ходят ровно и прямо, а другие рождены калеками, но все они появляются на свет именно там. И вот мальчику позвонили из Нью-Йорка и сказали, что готовы издать его книгу при условии, что он слегка ее изменит. Они объяснят ему суть этих поправок, от которых книга только выиграет. Мальчик очень обрадовался. Он был горд и сказал, что согласен и сделает все от него зависящее.

Остекленевший взгляд Вернона скользил по комнате, он словно вглядывался в картины, возникавшие в воздухе.

— Вот так,— сказал он тихим голосом.— Мальчик уложил чемодан в дорогу. Отец продолжал твердить ему, что он глупый осел, что он приползет обратно на коленях и время покажет, кто из них был прав. Но в тот день мальчик был очень упрям и несговорчив. Он ответил отцу, что прав окажется он, его сын, и что смеется тот, кто смеется последним. И он поехал из Зефира в Бирмингем на автобусе, а из Бирмингема в Нью-Йорк на поезде, а там разыскал в огромном здании офис издательства, чтобы узнать, какая судьба ждет его ребенка, его книгу.

Вернон вновь погрузился в молчание. Он взял со стола тарелку из-под сливочного крема и посмотрел, не осталось ли в ней еще что-нибудь слизнуть.

— И что же случилось дальше? — решился подать голос я.

— Люди из издательства все объяснили ему.

Вернон улыбнулся, но его улыбка была полна муки.

— Первым делом они объяснили ему, что книги — это такой же бизнес, как и всякий другой. Они показали ему графики и диаграммы, которые во множестве были развешаны на стенах. Они сказали, что в этом году читатели предпочитают триллеры — книги о зловещих и загадочных убийствах, а город, описанный в книге мальчика, — идеальное место для такого преступления. Зловещее и загадочное убийство, так они и сказали. Триллер, способный вселить в человека ужас. Сегодня книгоиздательствам приходится выдерживать серьезную конкурентную борьбу с телевидением. Раньше было легче: тогда у людей было время для чтения. А сегодня люди хотят читать триллеры, а графики и схемы это подтверждают. Мальчику сказали,

что если он сумеет вплести в канву книги загадочное убийство — на самом деле это совсем не сложно, нужно только хорошенько подумать, и все получится, — то книгу обязательно напечатают, а на ее обложке будет имя мальчика. И еще они сказали, что название «Лунный город» не подходит для триллера и его надо изменить. «Ты можешь писать круто? — спросили издатели мальчика. — В этом году нам нужны крутые писатели».

— Он сделал так, как они его просили? — спросил я.

— О да! — ответил Вернон. — Он сделал все, как они его просили. Потому что цель была так близка, что он уже ощущал вкус победы. И еще он знал, что отец неотступно следит за ним. Да, он сделал все, что от него требовалось.

Улыбка Вернона напоминала свежий рубец на теле.

— Но люди из издательства ошиблись. То, что они потребовали от мальчика, оказалось невероятно сложным. Мальчик поселился в номере отеля и принялся за работу. Отель... это было все, что он мог себе позволить. Он печатал на взятой напрокат машинке, сидя целыми днями в убогом маленьком номере отеля. Мало-помалу и отель, в котором он жил, и город, в котором находился отель, — все это проникало в сознание мальчика, а потом просачивалось сквозь его пальцы и оседало на страницах книги. И вот наступил день, когда мальчик уже не понимал, где находится. Он заблудился, и не было ни единого знака, который указал бы ему дорогу. Он слышал, как люди вокруг него плачут, видел, как они причиняют друг другу боль, и от этого что-то внутри у него закрылось и сжалось, как стиснутая в кулак ладонь. С этих пор ему хотелось только одного: как можно скорее добраться до последней страницы книги и покончить с ней. Ночами ему чудился смех отца. Мальчик слышал, как отец твердит, что он все такой же

дурачок, маленький идиот, но он все равно не должен сдаваться. Его отец как бы жил в нем, проделав вместе с ним путь из Зефира в Нью-Йорк, и словно стоял все это время за его спиной.

На несколько мучительных секунд Вернон крепко зажмурился. Когда его глаза открылись снова, я увидел, что они покраснели.

— Этот мальчик, этот глупый мальчик все-таки взял деньги у издателей и бежал из большого города. Он вернулся в Зефир, назад к чистым холмам, туда, где он мог думать. А потом книга появилась на свет с именем мальчика на обложке. Он увидел эту обложку и понял, что он сам, своими руками вырядил своего ребенка в одежды проститутки, так что теперь только люди с больной и уродливой душой захотят взять книгу в руки. Возьмут, получат от нее то неизменное удовольствие, которое им нужно, и выбросят, потому что теперь она одна из сотни тысяч таких же изуродованных книг. И мальчик сам сделал ее такой, потому что был жадным и порочным.

Голос Вернона сорвался на хрип, и я вздрогнул от испуга.

Вернон прижал ладонь к губам. Когда он опустил руку, от его нижней губы протянулась тонкая серебристая нить слюны.

— Довольно скоро, — очень тихо, почти шепотом говорил он, — мальчик узнал, что его книга провалилась. Этого не пришлось долго ждать. Он позвонил тем людям. «Все, что угодно, — сказал он им. — Я сделаю все, что угодно, чтобы спасти книгу». Они ответили, что у них на стенах висят графики и схемы, таблицы и цифры. Они заявили, что людям надоели триллеры и теперь читатель желает чего-то другого. И они хотели бы издать следующую кни-

гу мальчика — ведь он весьма многообещающий автор. Вот только пусть эта книга станет другой. Они сказали ему, что он молод и впереди у него будет еще очень много книг.

Вернон вытер рот тыльной стороной руки, медленным, затрудненным движением.

— Отец мальчика ждал. Он наблюдал, не скрывая насмешки, за попытками мальчика добиться своего, с его губ не сходила улыбка. Лицо отца сделалось большим, словно солнце, и каждый раз, когда мальчик глядел на него, свет этого солнца обжигал его. Отец сказал мальчику, что ему никогда не суждено стать достойным его, своего отца. Даже обувь, рубашка и брюки мальчика куплены на деньги отца. Ему, мальчику, нечем заплатить за то, что стоит приличных денег. Все, за что мальчик ни брался, кончалось провалом, и всю оставшуюся жизнь его ждут одни неудачи. Отец сказал, что если он сегодня ночью внезапно умрет во сне, это случится потому, что его сын убивает его своими неудачами. А мальчик стоял у подножия лестницы и плакал, а потом крикнул отцу: «Ну что ж, иди и умирай, скорей бы ты умер, несчастный... сукин сын».

Как только прозвучали эти ужасные, исторгнутые из глубин души слова, я увидел, как глаза Вернона наполнились слезами, словно его насквозь пронзили копьем. Вернон тихо застонал, и на его лице отразилась такая неизбывная мука, какую я видел всего один раз, в «Нэшнл джео-график», на картине испанского художника, где был изображен обнаженный святой мученик. Слеза заскользила вниз по лицу Вернона, за ней другая — она застряла в пятнышке шоколадного крема в уголке его рта.

— Ох... — еле слышно стонал он. — Ох... ох... нет.

— Мистер Вернон?

Голос говорившего был столь же тих, как голос Вернона, но тверд. В дверях стоял мистер Притчард. Вернон

даже не взглянул на него. Я хотел было встать, но мистер Притчард сказал:

— Прошу вас, Кори, оставайтесь пока на своем месте.

Я повиновался. Мистер Притчард пересек комнату и, остановившись позади Вернона, ласково положил руку на его худое плечо.

— Обед закончен, молодой хозяин.

Сидевший напротив меня голый человек ничего не сказал и не двинулся с места. Взгляд его глаз был тусклым и безжизненным, в лице не осталось ничего живого, кроме медленно катившихся слез.

— Вам пора идти спать, сэр,— сказал мистер Притчард.

— Я проснусь снова? — спросил Вернон каким-то загробным далеким голосом.

— Уверен, что проснетесь, сэр.

Рука мистера Притчарда погладила плечо Вернона, в этом прикосновении было что-то отцовское.

— Попрощайтесь со своим гостем.

Вернон поднял на меня глаза. Казалось, он видит меня впервые, словно я незнакомец, случайно оказавшийся в его доме. Но через мгновение его глаза снова ожили, он шмыгнул носом и улыбнулся мне своей мальчишеской улыбкой.

— Пыль садится на рельсы — вот беда,— сказал он.— Если пыли соберется слишком много, состав может сойти с рельсов и выйдет крушение.

По его лицу пронеслась тень, но быстро скрылась, так и не превратившись в грозное облако.

— Кори,— еще раз улыбнулся он,— спасибо, что нашел время пообедать со мной сегодня.

— Да, сэр...

Он поднял палец.

— Вернон.

— Вернон,— поправился я.

Он встал из-за стола, вслед за ним поднялся и я.

— Ваш отец ожидает вас у парадной двери,— сказал мистер Притчард.— Когда выйдете из комнаты, поверните направо и пройдите через холл к выходу. Через несколько минут я отвезу вас домой. Подождите меня у машины.

Взяв Вернона под локоть, мистер Притчард повел его к двери. Вернон шел, едва переставляя ноги, словно глубокий старик.

— Спасибо за прекрасный обед! — крикнул я.

Остановившись, Вернон взглянул на меня. Улыбка то появлялась на его лице, то исчезала, словно свет мигающей неоновой вывески, которая вот-вот перегорит.

— Надеюсь, ты не бросишь писательства, Кори. Желаю тебе всего хорошего.

— Спасибо, Вернон.

Вернон кивнул, очевидно довольный тем, что мы поняли друг друга. Вдверях столовой он еще раз остановился.

— Знаешь, Кори, иногда по ночам я вижу удивительный сон. Вокруг ясный день, повсюду люди, а я иду по улице совершенно голый.

Вернон рассмеялся.

— Совсем голый! Можешь себе представить?

Наверно, мне нужно было улыбнуться, но в тот момент я забыл, как это делается.

Потом Вернон позволил мистеру Притчарду вывести себя из столовой. Я взглянул на гору грязных тарелок, оставшихся после нашего пиршества, и почувствовал, как к горлу подступает тошнота.

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Парадную дверь я разыскал без труда. Отец ждал меня там. Судя по его улыбке, он не имел ни малейшего представления о том, чему я только что стал свидетелем.

— Как вы поболтали?

Я пробормотал что-то невразумительное, но отца ответ устроил.

— Вернон с тобой нормально обходился?

Я молча кивнул. Теперь, когда обед закончился и Вернон не сделал мне ничего дурного, а отец ощущал приятную сытость от съеденной им тушеной говядины, он был оживлен и весел.

— Отличный у них дом, верно? — спросил он, когда мы спускались по лестнице к длинной черной машине. — Такой дом... даже страшно подумать, сколько он стоит!

Я не знал, что ответить отцу, но понимал: этот дом стоит гораздо дороже, чем человеку следует платить.

Вскоре появился мистер Притчард, который доставил нас до наших парадных дверей.

Глава 4

ГНЕВ ПЯТИ РАСКАТОВ ГРОМА

В понедельник утром я обнаружил, что Демон ко мне охладела; ее вероломные пальцы оставили в покое мой затылок. Теперь ее взгляд был устремлен на одного Лэдда Девайна. И все это сделала поздравительная открытка и легкомысленное заявление Лэдда, что это он ее написал. В старших классах школы из Лэдда вышла настоящая звезда футбола, наверно потому, что с некоторых пор ему только и приходилось, что без устали практиковаться в умении быстро бегать и уворачиваться.

История с днем рождения Бренды имела и еще одно последствие. Во время большой перемены, когда Демон наблюдала, как Лэдд делает пас Барни Гэллоуэю, я поинтересовался у нее, как прошел праздник. Она взглянула на меня так, словно я лишь на йоту отстоял от состояния полной невидимости.

— О, было очень весело! — ответила она, и ее взгляд вновь обратился к юной звезде футбола. — Собрались все мои родственники. Был именинный пирог и мороженое.

— А подарки были?

— Угу. — Демон принялась грызть свой грязный ноготь, свисающие прядями сальные волосы упали ей на гла-

за.— Мамочка и папуля подарили мне детский медицинский набор, тетя Гретна — перчатки, которые сама связала, а моя кузина Чили — засушенный венок из лесных цветов, чтобы повесить его над кроватью на счастье.

— Здорово,— проговорил я.— Это действительно...

Я уже готов был уйти, но тут меня словно током ударило.

— Кузина Чили? — переспросил я.— А как ее фамилия?

— Перселл. Вернее, раньше у нее была такая фамилия. До тех пор, пока она не вышла замуж и аист не принес им ребеночка.

Демон вздохнула.

— Правда, Лэдд самый красивый в школе?

Иногда мне кажется, что Бог просто обожает над нами насмехаться.

Прошел сентябрь, и однажды утром мы проснулись уже в октябре. За одну ночь холмы, словно по волшебству, оказались расписаны золотом и пурпуром. Днем по-прежнему было тепло, даже жарко, но утром хотелось надеть свитер. Стояло бабье лето, в витринах бакалейной лавки появились корзины, полные кукурузы с багряно-желтыми зернами, а на тротуаре под ногами стали попадаться шуршащие палые листья.

У нас в классе прошел урок «Покажи и расскажи», на который каждый должен был принести что-нибудь важное и интересное и рассказать, что это такое. Я притащил несколько выпусков «Знаменитых чудовищ», зная наперед, что, увидев их, Луженая Глотка взорвется, как шутиха, отчего я надолго укреплю свою репутацию героя сопротивления. Дэви Рэй принес сорокапятку «Я тусуюсь» и фотографию электрогитары, на которой он мечтал научиться

играть, когда его родители смогут оплачивать уроки. Джонни принес свои наконечники для стрел, аккуратно завернутые в вату и рассортированные по отдельным ящичкам металлической коробки для рыболовной наживки.

Без всякого сомнения, коллекция Джонни казалась нам настоящим чудом, любоваться которым можно было бесконечно. Наконечники были маленькие и большие, гладкие и шершавые, светлые и темные: они наводили на размышления о временах, когда леса еще были густыми и девственными, единственным источником света ночью были индейские костры, а Зефир мог существовать лишь в воспаленном воображении какого-нибудь бесноватого шамана. Джонни собирал эти наконечники, сколько я его знал, то есть со второго класса. В то время, когда все остальные лишь бегали и играли, совершенно не интересуясь пыльными осколками прошлых эпох, Джонни обшаривал лесные тропинки и русла ручьев в поисках этих остроконечных предметов для пополнения своей коллекции. К тому моменту у него было уже около сотни экземпляров. Он любовно чистил свои наконечники, избегая пользоваться шеллаком, — это было бы оскорбительно для умельца, вырезавшего кремневые орудия, — а потом прятал их обратно в коробку для рыболовной наживки. Иногда я представлял себе, как Джонни перебирает по ночам свое богатство, размышляя при этом, какой была жизнь в Адамс Вэлли двести лет назад. Возможно, в воображении Джонни возникают четыре приятеля-индейца, у которых есть четыре собаки и четыре быстрые лошади. Индейцы живут в вигвамах в одной деревне и любят поболтать о жизни, о школе и прочих вещах. Я никогда не спрашивал Джонни, но, наверно, он думал именно об этом.

В день, когда должен был состояться урок «Покажи и расскажи», которого я дожидался с тайным содрогани-

ем, пытаясь угадать, что же принесет нам похвастаться Демон, я встретился со своими друзьями перед началом занятий на обычном месте, у гимнастических брусьев на пыльной игровой площадке. Мы оставили наши велосипеды рядом с десятками других, приковав их цепями к ограде. Некоторое время мы посидели на солнышке, которое в это прохладное ясное утро только-только начинало пригревать.

— Давай покажи,— попросил Бен.— Не терпится посмотреть.

Трясшийся над своей коллекцией, словно над редкостными драгоценностями, Джонни тем не менее всегда с удовольствием демонстрировал ее желающим. И на этот раз его не пришлось упрашивать.

— Вот, нашел в прошлую субботу,— сказал он, разворачивая комочек ваты и показывая нам наконечник стрелы бледно-серого цвета.— Если присмотреться, можно увидеть, что этот наконечник делали в спешке. Видите, какие неровные и грубые сколы? Не было времени думать о красоте — просто был нужен наконечник для новой стрелы, чтобы пойти и добыть себе еду.

— Судя по его размеру, этот парень вряд ли сумел добыть что-нибудь больше суслика,— заметил Дэви Рэй.

— Наверно, это был неумелый стрелок,— предположил Бен.— Он знал, что, скорее всего, промахнется.

— Может, и так,— согласился Джонни.— Возможно, этот наконечник сделал мальчик, который только учился этому ремеслу.

— Если бы каждый раз, чтобы добыть еду, мне нужно было делать наконечники для стрел, то я бы очень скоро протянул ноги от голода,— заметил я.

— Сколько у тебя здесь наконечников, Джонни! — У Бена явно чесались руки покопаться в коробке, и его

КНИГА 2. ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

сдерживало только уважение к собственности приятеля.— А какой у тебя из них самый любимый?

— Сейчас покажу.— Достав комок ваты, Джонни развернул его и показал нам свой лучший наконечник — черный, гладкий, почти идеально правильной формы.

Я его сразу узнал.

Этот наконечник Дэви Рэй нашел в лесной чаще во время нашего памятного похода.

— Здорово красивый! — восхитился Бен.— Как будто его маслом смазали.

— Я просто недавно начистил его. А вообще он сам так блестит.

Легко потерев наконечник смуглыми пальцами, Джонни положил его в пухлую ладонь Бена.

— Поцупай,— сказал Джонни.— Ты не ощутишь ни одного скола, такой он гладкий.

Подержав наконечник в руке, Бен передал его Дэви Рэю, а тот — мне. На поверхности наконечника имелась всего одна маленькая зазубрина, но все равно казалось, что лежавший на ладони овальный предмет сливается с кожей. Стоило слегка сжать пальцы — трудно было сказать, где кончается наконечник, а где начинается плоть.

— Интересно, кто его сделал? — поинтересовался я.

— Хотелось бы и мне это знать. Ясно одно: тот, кто его делал, никуда не спешил. Он стремился, чтобы его наконечник вышел таким, как надо, чтобы снаряженная им стрела летела точно в цель, пусть даже ему и не удастся потом найти ее. Для индейцев наконечники стрел были больше чем просто наконечники, они были как деньги — показывали меру труда и усердия, вложенного в работу. По наконечникам можно было судить, насколько ты хороший охотник: нужно ли тебе множество дешевых ста-

рых наконечников или немного, но самого высшего качества, которые тебя не подведут. Да, было бы здорово узнать, кто сделал этот наконечник.

Чувствовалось, как важно это для Джонни.

— Готов биться об заклад, что это был вождь, — сказал я.

— Вождь? — Глаза Бена удивленно расширились. — Откуда ты знаешь?

— Кори приготовил для нас новую сказку, — объяснил ему Дэви Рэй. — Ни единого слова правды, одно вранье с начала до конца.

— Конечно же, это был вождь! — настаивал я. — Самый молодой вождь из всех, что когда-либо были у племени! Ему было всего двадцать, а до него вождем был его отец!

— Ой, мама! — Дэви Рэй подтянул к груди колени, на его лице появилась понимающая улыбка. — Если бы у нас в городе разыгрывался конкурс на лучшего трепача, то Кори наверняка отхватил бы там первый приз!

Джонни тоже улыбнулся, но в его глазах горел неподдельный интерес.

— Рассказывай дальше, Кори. Давайте послушаем историю этого вождя. Как его звали?

— Я не знаю. Может быть... Бегущий Олень, я еще...

— Нет, это имя не подходит, оно какое-то девчоночье! У вождя должно быть имя воина. Например, Большое Грозное Облако!

— Большое Грозное Хныканье! — хихикнул Дэви Рэй. — Очень подходит тебе, Бен.

— Вождя звали Раскат Грома, — сказал Джонни, глядя мне прямо в глаза и не обращая внимания на пререкавшуюся парочку. — То есть не совсем так. Его звали Пять

Раскатов Грома. Потому что он был высок, силен, мрачен и...

— Косоват,— подал голос Дэви Рэй.

— Скорее, косолап, как медведь,— закончил обсуждение Джонни, и Дэви Рэй перестал хихикать.

Я какое-то время молчал, глядя на наконечник, который поблескивал на моей ладони.

— Давай, Кори,— тихо, но настойчиво повторил Джонни.— Расскажи нам историю об этом вожде.

— Вождь Пять Раскатов Грома,— задумчиво проговорил я, пытаясь соединить воедино отдельные фрагменты истории, при этом сжимая нагретый в ладони кусок кремня,— он был чероки.

— Нет, из племени крик,— поправил меня Джонни.

— Хорошо, он был из племени крик, и до него у них был вождем его отец, который погиб на охоте. Отец ушел охотиться на оленей и не вернулся. Его нашли уже умирающим: он сорвался с утеса и разбился. Перед смертью старый вождь успел рассказать своему сыну, что видел Первоснега. Да, именно так. Он видел Первоснега так близко, что отчетливо разглядел его белоснежную шкуру и рога, огромные, словно ветви дуба. Старый вождь сказал, что мир будет существовать до тех пор, пока в этих лесах будет жить Первоснег. Но если Первоснега кто-нибудь убьет, миру придет конец. После этого старый вождь умер, и Пять Раскатов Грома стал новым вождем вместо своего отца.

— Мне всегда казалось, нужно быть воином и сражаться, чтобы стать вождем,— заметил Дэви Рэй.

— А кто сказал, что Пять Раскатов Грома не сражался? — возразил я.— Всем была известна его воинственность. Ему пришлось вступить в борьбу со многими храб-

рецами, которые тоже хотели стать вождем. И все же он предпочитал жить с людьми в мире, а не сражаться. Не то чтобы он не умел драться, когда это было необходимо, он просто знал, когда лучше решать споры мирно, а когда дракой. У него был характер. Именно поэтому его звали не Раскат Грома и даже не Два Раската Грома. Пять Раскатов Грома не часто удавалось вывести из себя, но уж если это случалось, тогда берегись! Его гнев напоминал пять одновременных раскатов грома.

— Скоро звонок,— сказал Джонни.— А что было дальше?

— Он был вождем... гм... довольно долго. Пока ему не исполнилось шестьдесят лет. Тогда вождем стал его сын Мудрый Лис.

Я оглянулся на школу: дети уже потянулись на уроки.

— Люди запомнили Пять Раскатов Грома, потому что при нем все племена жили в мире. После смерти вождя индейцы взяли его лучшие наконечники для стрел и рассеяли по лесу, чтобы их нашли через сто лет. Потом люди из его племени вырезали его имя на скале и похоронили его на тайном индейском кладбище.

— Вот как? — хихикнул Дэви Рэй.— А где это кладбище?

— Не знаю,— признался я.— Это тайна.

Мои приятели тяжело вздохнули — зазвенел звонок, возвещавший начало занятий. Я вернул наконечник стрелы Джонни, и он снова завернул его в вату и спрятал в коробку для рыболовной наживки. Поднявшись, мы направились к дверям школы, вздымая башмаками облака пыли.

— Как ты думаешь, может быть, такой вождь, как Пять Раскатов Грома, действительно существовал? — спросил меня Джонни перед самой дверью.

— Само собой! — подал голос Бен. — Раз Кори говорит, что он был, значит, так оно и есть.

Дэви Рэй издал звук, словно пустил ветры, но я был уверен, что он сделал это не ради насмешки надо мной. У него была особая роль в нашей компании — роль зубоскала и задиры, и он играл ее очень хорошо. Я отлично знал, кем был Дэви Рэй на самом деле, — ведь, в конце концов, именно он дал жизнь Пяти Раскатам Грома.

И тут я услышал крик Лэдда Девайна:

— Отойди от меня со своими беличьими головами!

Несколько девчонок завизжали, потом кто-то закричал. Демон была в своей стихии.

Как я и предсказывал, демонстрация киношных чудовищ всему классу вызвала недовольство Луженой Глотки. Она впала в такую ярость, в сравнении с которой гнев Пяти Раскатов Грома мог показаться детской забавой. Луженая Глотка хотела знать, известно ли моим родителям, каким мусором я забиваю себе голову. Она разразилась длинной тирадой: мол, как жаль, что все чистое и прекрасное в этом мире приходит в упадок, и почему я не читаю хорошие книги вместо этой макулатуры про монстров? Я тихо сидел за партой и молча внимал поучениям стоявшей рядом Луженой Глотки, как и подобало в моем положении. Но тут Демон открыла свою коробку, ткнув ее чуть ли не в лицо Луженой Глотки, — и зрелище четырех отрезанных беличьих голов с выковырянными зубочисткой глазами, по которым ползали муравьи, заставило учительницу поспешно вернуться на свою кафедру.

Наконец в три часа прозвенел звонок, и мы радостно покинули школу до следующего утра. В классе осталась лишь Луженая Глотка, крики которой скрипучим тихим эхом все еще звучали в наших ушах. На игровой площадке

в теплом дневном воздухе стелились клубы пыли: школьники спешили воспользоваться дарами свободы. Как обычно, Дэви Рэй поддразнивал Бена, Джонни поставил на землю свою коробку, чтобы отомкнуть велик, я тоже опустился на колени, пытаясь разобраться с цепью, которой Ракета крепилась к ограде.

Дальнейшее произошло очень быстро. Обычно так и бывает.

Они появились из клубов пыли. Я почувствовал их прежде, чем увидел, и покрылся мурашками.

— Все четыре сосунка тут! — прозвучала первая насмешка.

Моя голова дернулась: я узнал этот голос. Дэви Рэй и Бен прекратили свою перепалку. Джонни поднял голову, и его глаза потемнели от страха.

— Вот мы их и накрыли, — проговорил Гота Брэнлин, из-за спины которого выглядывал Гордо. Их улыбки напоминали лезвия опасной бритвы, позади виднелись черные велики. — Ты только посмотри на этих щенков, Гордо!

— Точно, щенки и есть.

— А это что такое?

Молниеносным движением Гота выхватил у меня из рук журнал Обложка, на которой граф Дракула в исполнении Кристофера Ли шипел от бессильной ярости, разорвалась на две половинки.

— Гляди, что за дерьмо! — толкнул локтем в бок своего брата Гота.

Гордо мерзко захохотал, кивая на изображение холеной женщины-робота из «Метрополиса».

— Все видать, вплоть до ее долбанных титек! — воскликнул Гордо. — Дай-ка мне взглянуть! — Он попытался вырвать у Готы страницу, но тот не хотел расставаться с до-

блечей, и страничка журнала исчезла в их ладонях, словно разъеденная кислотой. У Готы осталась большая половина картинки — та, где через отливавшую металлом одежду проглядывали груди, — скомканная и грязная, она исчезла в кармане его джинсов.

Гордо завопил:

— Ты, засранец, ну-ка верни ее!

Он вцепился в остатки журнала, однако Гота тянул его к себе. В следующее мгновение скрепки не выдержали такого напора, и страницы журнала, запечатлевшие мрачные и великолепные сны, героев и злодеев, фангастические видения, заколыхались в пыльном воздухе, как летучие мыши, вдруг оказавшиеся в потоке дневного света.

— Ты *порвал* его! — завопил Гота и так сильно пихнул братца в грудь, что тот грохнулся в пыль на спину, а изо рта у него брызнул фонтан слюны.

Сперекошенным от гнева лицом Гордо поднялся с земли и сел. Выражение его лица было трудно передать словами. Гота стоял над братом с занесенным кулаком, словно Годзилла над Гидрой.

— Ну что, мало тебе? — спросил Гота. — Вставай и получишь еще!

Гордо и не думал двигаться с места. Его локоть упирался в картинку с Кинг-Конгом, сражающимся со скользким гигантским змеем. Даже у чудовищ случаются столкновения и смертельные битвы. На лице Гордо застыло выражение злобы и обиды. Любой другой мальчишка, получивший такой сильный удар, непременно бы заплакал. И я понял, что слезы для Брэнлинов такая же диковина, как зубы дракона, и что все непролитые слезы и кипящая на медленном огне ярость превратили Гордо и Готу в тех, кем они были, — в диких зверей, лишенных возможно-

сти покинуть свои клетки, как бы отчаянно они ни дрались и как бы далеко ни заезжали на своих хищных велосипедах.

Возможно, поразмыслив, я бы даже пожалел их, но они не дали мне на это времени.

Прежде чем Джонни успел схватить свой ящичек для рыболовной наживки, Гота сгреб его с земли и спросил:

— А тут у нас что такое?

Когда Гота откинул защелку и поднял крышку, Джонни издал жалобный, всхлипывающий звук. Здоровенная грубая лапа забралась внутрь и стала разворачивать ватные комочки.

— Эй, приятель! — крикнул Гордо. — Погляди, что тут прячет этот недобитый индеец! Наконечники для стрел!

— Почему бы вам не оставить нас в покое? — начал было Дэви Рэй. — Ведь вас никто не трогает...

— Заткни пасть, придурок! — заорал на него Гота, а Гордо, ухмыляясь, поднялся с земли.

Братья, враз забыв о вражде, принялись перебирать коллекцию Джонни, хватая то один, то другой наконечник, — это было отвратительное зрелище, напоминавшее пиршество стервятников.

— Отдайте, они мои, — подал голос Джонни.

Увы, слова не могли остановить Брэнлинов раньше, не остановили они их и на этот раз.

— Эти наконечники мои. Отдайте, — повторил Джонни, его щеки блестели от пота.

В голосе Джонни прозвучала нотка, заставившая Готу поднять на него глаза.

— Что ты там бормочешь, черномазый?

— Это мои наконечники, и я хочу... чтобы вы их мне отдали.

— Он хочет получить их обратно! — прокаркал Гордо.

— Вы, мерзкие щенки, принесли нам кучу неприятностей.— В правой руке Гота держал пригоршню накопечников.— Пошли плакаться шерифу, чтобы он заставил нашего папашу надрать нам задницы.

Этот выпад не мог отвлечь Джонни от поставленной цели.

— Отдайте мои наконечники для стрел,— повторил он.

— Эй, Гота! Сдается мне, что этот индейский ублюдок хочет получить назад свои долбанные наконечники!

— Ребята,— начал я,— почему бы вам не...

Но через мгновение проворный Гордо уже дышал мне в лицо, его руки стискивали отвороты моей рубашки, а моя голова была прижата к ограде.

— Маленький сосунок.— Гордо издал ртом противный всасывающий звук.— Маленький сосунок-извращенец.

Я заметил, как в фаре Ракеты на миг появился золотой глаз, словно оценивающий создавшуюся ситуацию, и так же быстро исчез.

— Держи свои наконечники, индейский сын.

С этими словами Гота швырнул пригоршню наконечников в пыль игровой площадки. Джонни явственно дрожал, словно его пробрал озноб. Он молча смотрел, как рука Готы снова пошарила в коробке и как полетела очередная пригоршня наконечников, словно это была дешевая щебенка.

— Сосунок, сосунок, сосунок! — твердил мне в лицо Гордо, стискивая мою шею своей крепкой, как проволока, рукой.

От него пахло машинным маслом и какой-то тухлятиной, да еще вдобавок текло из носа.

— Перестань,— прохрипел я.

Даже дыхание его никак нельзя было назвать ароматом французской парфюмерии.

— Ву-у-ву-у! Ву-у-ву-у! — Гота принялся издавать индейские вопли, продолжая разбрасывать вокруг коллекцию Джонни.— Ву-у-ву-у! Ву-у-ву-у!

— Хватит! Прекрати это сейчас же! — заорал что есть мочи Дэви Рэй.

И тогда в руке Готы появился тот самый наконечник стрелы, гладкий и черный, почти идеальной формы. Даже Готе хватило ума понять, что он держит в руке что-то особенное, потому что он вдруг прервал свое подлое занятие и стал пристально рассматривать черный наконечник.

— Не надо,— с мольбой в голосе прошептал Джонни.

Что бы там ни разглядел Гота в черном наконечнике вождя Пять Раскатов Грома, это было мимолетное видение. Широко размахнувшись, Гота разжал пальцы, и черный наконечник пронесся в воздухе. Он высоко взмыл вверх, а потом упал в заросли сорной травы у мусорных бачков. Я услышал, как Джонни захрипел, словно его ударили кулаком в живот.

— Что ты на это скажешь, индейский...— начал Гота, но не успел договорить, потому что в следующее мгновение Джонни бросился к нему и, размахнувшись, сильно ударил кулаком в подбородок.

Гота покачнулся, удивленно заморгал, на его лице отразилась сильная боль. Из его рта вывалился язык, на котором отчетливо видна была кровь. Отбросив в сторону коробку с наконечниками стрел, Гота прохрипел:

— А вот теперь ты труп, негритянское отродье!

— Задай ему, Гота! — заорал Гордо.

Джонни не следовало начинать драку. Я знал это, да и сам Джонни это понимал. Кулаки Брэнлинов однажды

уже уложили его в больницу. До сих пор Джонни временами страдал от приступов головокружения, к тому же он был гораздо ниже Готы.

— Беги, Джонни, беги! — закричал я.

Но Джонни теперь не мог быстро бегать.

Гота, шатаясь, пошел на него. Удар пришелся Джонни в плечо и отбросил его назад, от второго удара в лицо Джонни увернулся и тут же всадил что есть силы свой кулак Готе под ребра.

— Драка! Драка! — раздались крики детей, которые все еще оставались к тому времени на школьном дворе.

Что было силы я оттолкнул от себя Гордо. Ему пришлось разжать руки, сжимавшие мне горло, и, чтобы удержаться на ногах, он схватился за руль Ракеты.

— Мать твою! — вдруг заорал Гордо и, приблизив к лицу руку, посмотрел на палец.

Между большим и указательным пальцами, в белой ложбинке плоти, показалась кровь.

— Эта дрянь меня укусила!

Я было подумал, что он имел в виду неплотно затянутый винт или заусенец, — что-нибудь в этом роде. Впоследствии я тщательно осмотрел Ракету и не нашел ни выступающего винта, ни острой металлической кромки.

Гордо повернулся ко мне спиной и пнул Ракету. И вот тут во мне заговорил индейский вождь Пять Раскатов Грома.

Он сказал мне то же самое, что сказал недавно Джонни: «С меня хватит».

Я никогда не был драчуном, но если Гордо захотелось пнуть Ракету — пусть пеняет на себя. Сделав шаг вперед и чувствуя, как в жилах бурлит кровь, я ударил его ногой в голень. Он завопил и стал прыгать, словно в каком-то бе-

зумном танце. Джонни и Гота, сцепившись, катались по земле, вокруг них клубилась пыль, их кулаки взлетали и падали. Дэви Рэй и Бен уже были готовы ввязаться в драку, если бы Гота оседал Джонни и начал молотить его кулаками, но Джонни успешно отбивался. Извиваясь, как змея, он вырывался и уклонялся от ударов, его мокрое лицо было бледным от пыли. Гота ухватил Джонни рукой за волосы, но тот сумел освободиться. Гота врезал Джонни кулаком в подбородок, но в глазах того не отразилось и тени боли. Джонни набросился на Готу с отчаянием человека, которому нечего терять, кроме своего достоинства. Пропустив целую серию ударов, Гота стал хрипеть от боли и извиваться, как червяк.

— Драка! Драка! — неся отовсюду веселый клич.

И вот уже вокруг Джонни и Готы, отчаянно молотивших друг друга кулаками, собралось кольцо зевак.

И тут Гордо погнался за мной с палкой в руке.

Меня совсем не радовало, что из моей головы вот-вот выбьют мозги или вместо меня пострадает Ракета. Я прыгнул в седло, ловко убрал подножку и налег на педали, мечтая как можно больше увеличить расстояние между нами. Я надеялся, что, может быть, Гордо отвернет в сторону и даст мне возможность ловким маневром выбить из его руки палку. Но мои расчеты не оправдались. Вскочив на своего черного скакуна, Гордо пустился за мной вдогонку, оставив Готу сражаться в одиночку.

У меня не осталось времени, чтобы хоть что-то прокричать Дэви Рэю и Бену. В любом случае они вряд ли услышали бы меня сквозь рев толпы, распаленной видом крови. Я направил Ракету прочь от Гордо и бешено покатил через площадку для игр к калитке в ограде и дальше, чтобы выехать на городские улицы. Оглянувшись, я увидел на-

лежавшего на педали Гордо. Его голова была низко наклонена к рулю, ноги работали как сумасшедшие. И я, не доехав до калитки, попытался свернуть назад, в сторону игровой площадки, надеясь, что друзья хоть как-то мне помогут.

Но Ракета не позволила мне это сделать.

Она летела вперед к калитке. Руль будто приварили к раме. У меня не было другого выбора: оставалось только гнать вперед и вперед по выбоинам тротуара.

И тут случилась странная вещь.

Педали начали крутиться быстрее, ход стал таким легким и быстрым, что я едва мог удерживать на них ноги. По правде сказать, мои теннисные туфли не раз и не два слетали с педалей, которые продолжали крутиться самостоятельно. Перестук велосипедной цепи превратился в какое-то высокое мощное пение.

Ракета неслась все дальше вперед, а я лишь старался удержаться в седле своего взбесившегося коня. Скорость нарастала, так что ветер свистел в ушах. Я оглянулся через плечо: Гордо по-прежнему висел у меня на хвосте, подобно неотвратимому року.

Он был готов содрать с меня шкуру и не собирался останавливаться до тех пор, пока эта шкура не окажется в его руках.

На школьной площадке Гота с трудом поднялся, но, прежде чем ему удалось прицелиться и нанести новый удар, Джонни схватил его за колени и снова повалил на землю под восторженные крики зрителей. Дэви Рэй и Бен, потеряв меня, оглядывались по сторонам, но обнаружили лишь, что Ракета исчезла, а вместе с ней и черный велосипед Гордо.

— Вот это да! — только и мог сказать Бен.

Велосипед Гордо был очень быстрым: на нем можно было обогнать любой велик в Зефире. Но Ракета не была похожа на остальные велосипеды: она неслась с адской скоростью, и я с ужасом думал, что будет, если цепь соскочит со звездочки. Мы пролетели мимо человека, сгребавшего граблями палую листву со своей подъездной аллеи, пронеслись мимо двух женщин, беседовавших во дворе перед домом. Мне до смерти хотелось остановиться, но всякий раз, как я пытался надавить на тормоза, Ракета сердито шипела, отказываясь мне повиноваться. На следующем перекрестке я попытался свернуть направо, к дому, но Ракета хотела повернуть влево. Когда мой велосипед свернул за угол на бешеной скорости, я заорал от страха, потому что заднее колесо занесло, и я едва избежал катастрофы. Но Ракета снова неслась по мостовой, и ветер по-прежнему свистел в моих ушах.

— Чего ты добиваешься? — заорал я. — Куда ты меня везешь?

Увы, ответ мог быть только один: Ракета взбесилась.

Вновь оглянувшись, я убедился, что Гордо все еще держится у меня за спиной; он тяжело дышал, его лицо покрывалось алыми пятнами.

— Лучше остановись! — заорал он мне в спину. — Я ведь все равно тебя поймаю!

Едва ли, пока Ракете по силам такая гонка. Каждый раз, когда я пытался заставить Ракету свернуть к дому, она отказывалась повиноваться. У моего велика было впереди собственное место назначения, и мне оставалось лишь отдаться на волю событий.

Бойцы, сражавшиеся в клубах пыли на школьном дворе, снова поднялись на ноги. Гота, не привыкший получать отпор, стал давать слабину: он бил наудачу, не целясь, и так устал, что шатался как пьяный. Джонни танцевал во-

круг него, уклоняясь от ударов, заставляя Готу раз за разом промахиваться. Когда же Гота, взревев от ярости, бросился на него, невысокий Джонни ловко уклонился, так что Гота, споткнувшись, упал головой вперед, ободрав до крови о каменистую землю свой и без того покрытый синяками подбородок. Гота нашел в себе силы подняться и вновь бросился в атаку, но Джонни увернулся, поворачиваясь на своих косолапых ногах с такой ловкостью, словно то были копыта Пана¹.

— Стой на месте! — заорал Гота, ловя ртом воздух. — Стой на месте, негритянский ублюдок!

Грудь Готы вздымалась, его щеки были красными, как говядина.

— Хорошо, — кивнул Джонни, у которого текла кровь из носа, а на скуле зияла здоровенная ссадина. — Давай, иди сюда.

Гота пошел в атаку, Джонни сделал ложный выпад влево. Дэви Рэй рассказывал потом, что смотреть на это было все равно что воочию видеть в бою самого Кассиуса Клея. Гота поддался на обман, и Джонни вложил всю оставшуюся силу в прямой удар в подбородок противника, отчего голова Готы резко дернулась. В тот миг, по словам Бена, глаза Готы закатились, так что были видны только белки. Но у Джонни оставался для Готы еще один удар грома: шагнув вперед, Джонни так врезал Готе по зубам, что все услышали, как костяшки пальцев Джонни щелкнули, как пистолетные выстрелы.

Гота не издал ни звука. Даже не всхлипнул.

Просто упал на землю, как большое подрубленное дерево.

¹ Пан — древнегреческий бог пастушества и скотоводства, плодородия и дикой природы

Так он и лежал, весь перемазанный кровью. Один из передних зубов выскользнул из его губ, после чего в тяжелой, гнетущей тишине Гота затрясся и зарыдал.

Никто не предложил ему помощь. Кто-то засмеялся, кто-то презрительно фыркнул:

— Рева-корова, иди плакаться домой к мамочке!

Бен похлопал Джонни по спине. Дэви Рэй сказал ему, обняв за плечи:

— Ты показал ему, кто здесь крутой, верно?

Джонни, высвободившись из объятий, вытер нос тыльной стороной ладони (вскоре доктору Пэрришу придется наложить на сломанные суставы пальцев две шины). Родители Джонни зададут ему перцу. Они в конце концов поймут, почему он столько времени проводил один в своей комнате: долгими летними днями он читал книгу за три с половиной доллара, заказанную по почте и присланную прямо из издательства. Книга называлась «Основы рукопашного боя», автор Шугар Рэй Робинсон.

— Никакой я не крутой, — ответил Джонни и, наклонившись к Готе, спросил: — Помочь?

К сожалению, я не был знаком с теорией рукопашного боя Робинсона. Подо мной была лишь Ракета, а позади — Гордо, неумолимый преследователь. И когда Ракета внезапно повернула на лесную тропинку, я с ужасом понял, что гонка близится к концу.

Ракета не слушалась тормозов, не отзывалась даже на мои отчаянные попытки повернуть руль. Если мой велосипед окончательно спятил, пора с него слезать. Привстав в седле, я приготовился нырнуть в кусты.

Однако когда Ракета прорвалась сквозь заросли на опушке, мы оказались перед большой канавой, полной сорняков и всяческого мусора, и мой велик понесся пря-

миком туда со скоростью, от которой волосы у меня на затылке встали дыбом.

Наверно, я пронзительно заорал. Штаны, во всяком случае, намочил точно и так крепко вцепился в руль, что кисти у меня болели после этого еще долго.

Ракета перелетела канаву и приземлилась на другой стороне, ударившись о землю с такой силой, что зубы у меня лязгнули, а позвоночник натянулся, как тетива. Этот прыжок обошелся недешево и самой Ракете: рама издавала брэнчащий звук, шины заскользили по ковру из листьев и сосновых игл, и мы кубарем полетели на землю. Я видел, как продирается ко мне сквозь кусты Гордо, как перекосилось от страха его лицо, когда он увидел внезапно разверзшийся перед ним ров. Гордо нажал на тормоза, но он ехал слишком быстро, чтобы остановиться вовремя. Черный велосипед Гордо, скользя, опрокинулся набок, а его хозяин упал в сорную траву, перемешанную с мусором.

Канавы не были особенно глубоки. Там не торчали колючки, не было острых камней. Гордо мягко приземлился в густых зарослях дикого винограда, заваленных всякой всячиной: разодранными подушками с вываливающейся набивкой, крышками мусорных баков, пустыми консервными банками, алюминиевыми поддонами от плит, рваными носками и рубашками, тряпками и прочими отходами. Гордо с минуту барахтался в путанице виноградных лоз, пытаясь выбраться из-под своего черного велосипеда. Он был не из тех, кто легко сдавался.

— Никуда не уходи, маленький засранец. Жди меня там, если жизнь дорога.

Внезапно он вскрикнул от страха.

В канаве он был не один — там сидел кто-то еще.

Гордо приземлился прямо на голову этого существа, когда оно поедало остатки пирога с кокосовым кремом из коробки, украденной с подоконника кухни близлежащего домика не более десяти минут назад.

Это был Люцифер, который совершенно не желал делиться сокровищами из своей мусорной кучи, и он был очень зол.

Выскочив из зарослей дикого винограда, обезьяна оскалилась и бросилась на Гордо, выпустив из-под хвоста струю жидкого вонючего дерьма.

Гордо пришлось отчаянно бороться за свою жизнь. Зловредная обезьяна впиалась в его щеки, руки и уши, откусив от них по кусочку, потом почти отгрызла Гордо палец, прежде чем он, вереща, как поросенок, и распространяя вокруг жуткую вонь, сумел выбраться из канавы и пустился наутек. Люцифер неся сзади, визжа, плюясь и испражняясь. Напоследок я увидел, как Люцифер запрыгнул на голову Гордо и выгнал большой клок обесцвеченных волос. Оседлав Гордо, Люцифер ехал на нем, как император на слоне.

Я поднял Ракету и забрался в седло. Мой велик вновь стал послушным: его своеволие испарилось, как по волшебству. Когда я объезжал канаву в поисках тропинки, с ужасом представил себе, на кого будет похож в ближайшие дни Гордо с лицом и руками, искусанными Люцифером. К тому же в канаве, где сидел Люцифер, виноградные лозы были переплетены с ядовитым плющом, таящим немалую угрозу для здоровья. Он превратится в ходячую гноящуюся рану. Если, конечно, вообще *может* ходить.

— Однако жестоко ты его отделала, — сказал я Ракете.

Потерпевший крушение черный велосипед остался лежать на дне канавы. Теперь, чтобы отмыть его, придется извести не один флакон шампуня.

КНИГА 2. ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

Я покати́л обратно. Драка на школьном дворе уже закончилась, но трое мальчишек все еще бродили по игровой площадке. Один из них держал под мышкой коробку для рыболовной наживки.

Мы разыскивали большую часть наконечников для стрел. Но не все. Не менее десятка оказалось втоптано в землю, можно сказать, были принесены в жертву. Среди них оказался и гладкий черный наконечник стрелы вождя Пять Раскатов Грома.

Из-за пропажи этого наконечника Джонни не стал особо горевать. Он сказал, что еще поищет его, а если поиски не увенчаются успехом, может быть, кто-нибудь другой найдет его, лет так через десять — двадцать или того больше. Как бы то ни было, он не был его подлинным владельцем, а лишь хранителем на короткое время, пока наконечник не оказался нужен вождю в раю для охотников, где он, несомненно, пребывает.

Мне всегда было интересно, что имеет в виду преподабный Ловой, когда говорит о милости. Теперь я это понял. Отдать то, что тебе дороже всего на свете, и чувствовать себя от этого счастливым — вот что такое милость.

Итак, милость для Джонни была чем-то священным. Сам же я в ту пору еще не знал, что вскоре и мне предстоит пройти нелегкое испытание.

Глава 5

ДЕЛО № 3432

После драки на школьном дворе Брэнлины больше нас не трогали.

Гота вернулся в школу со вставным передним зубом и униженностью во взгляде, а Гордо, после того как выписался из больницы, обходил меня стороной. Самое интересное, что Гота подошел к Джонни и попросил показать в замедленном темпе тот прямой в челюсть, который свалил его с ног. Глупо думать, что Гота и Гордо за одну ночь сделались святыми. Но поражение Готы и позор Гордо явно пошли им на пользу. Они испили чашу горечи до дна, и этот урок не прошел им даром.

Наступил октябрь, раскрасивший склоны холмов золотом и пурпуром. В воздухе стоял привычный для осени дым сжигаемой листвы. Команды Алабамы и Оберна шли в лидерах, Луженая Глотка приглушила свои тирады, Демон вторилась в кого-то еще, по счастью, не в меня. Все в мире потихоньку налаживалось.

За небольшим исключением.

Я часто думал об отце и о вопросах, которые он ночью писал на клочке бумаги, не в силах дать на них ответы. Отец совершенно исхудал, у него пропал аппетит. Когда

ему удавалось вымучить улыбку на лице, его зубы казались слишком большими, а глаза сияли странным блеском. Мама не отставала от отца, уговаривая его сходить показаться доку Пэрришу или Леди, но тот отказывался наотрез. Пару раз они ссорились, после этого отец темнел лицом, молча выходил из дому, садился в грузовичок и куда-то уезжал, а мама плакала в своей комнате. Не единожды я слышал, как она уговаривала бабушку Сару вселить в отца хоть немного разума.

— Что-то гложет его изнутри,— слышал я ее разговоры по телефону и выходил во двор поиграть с Бунтарем, потому что мне больно было видеть, как переживает моя мать. Отец, по-видимому, решил страдать в одиночку, не перекладывая ни на кого свою муку.

И конечно, этот сон, один и тот же. Он повторялся две ночи подряд, одна ночь была спокойная, а потом сон приходил снова, после шли три спокойные ночи, а затем эта мука длилась семь ночей кряду.

«Кори? Кори Маккенсон?» — шептали мне негритяночки в белых платьях под ветвями обгорелого дерева без листьев. Их голоса были тихими, как шелест крыльев летящих голубок, но в этом шепоте слышалась такая неотступная настойчивость, что страх молнией пронзал меня. Этот сон повторялся вновь и вновь, и каждый раз в нем проявлялись новые детали, словно видимые мной сквозь запотевшее стекло: позади четырех негритянок возвышалась стена из темного камня с окном, стекла которого были выбиты, осталось лишь несколько зазубренных осколков. «Кори Маккенсон?» Откуда-то издалека доносился тихий тикающий звук. «Кори?» Тиканье становилось все громче, и во мне поднимался непонятный страх. «Кор...»

На седьмую ночь мне в лицо ударил свет. Сквозь сон, все еще застилающий мне глаза и сознание, я разглядел перед собой родителей.

— Что за шум тут был? — спросил отец.

— Ты только посмотри на это, Том! — потрясенно проговорила мама.

На стене, как раз напротив кровати, виднелась выбоина. На полу валялись шестеренки часов и битое стекло, стрелки на циферблате показывали два девятнадцать.

— Я понимаю, что время иногда летит, — заметила мама, — но будильник стоил недешево.

Тема разбитых часов обсуждалась за мексиканской энчиладой¹ в горшочке, которую мама приготовила на обед.

Вскоре события начали обретать форму и наполняться смыслом, в котором угадывалось и предначертание судьбы, и место действия. Я же пока пребывал в полном неведении, как, впрочем, и мои родители. Точно так же ничего не ведал о близящемся несчастье водитель грузовика из Бирмингема, каждое утро доставлявший согласно своему графику прохладительные напитки сначала на бензозаправочные станции, а потом в продуктовые магазины. Как, по-вашему, что-нибудь изменилось бы, если бы водитель грузовика провел лишнюю пару минут в душе тем утром? Если бы ел яичницу не с беконом, а, к примеру, с сосисками? Или если бы я бросил Бунтарю палку еще один, лишний раз, прежде чем отправиться в школу? Изменило бы это хоть что-нибудь в ткани грядущих событий?

Будучи полноценным кобелем, Бунтарь, когда приходила пора, убегал из дома бродяжничать. Доктор Лезан-

¹ Энчилада — кукурузная лепешка с острой начинкой и приправой чили, национальное мексиканское блюдо.

дер не раз предлагал нам удалить у него «хозяйство», после чего его пыл к странствиям должен был ослабнуть, но отца даже мысль об этом приводила в содрогание, да и меня совсем не радовала подобная перспектива. Короче говоря, наш Бунтарь так и остался нестерилизованным. Маме не нравилось, что псу целый день приходится проводить взаперти, поэтому большую часть времени он лежал на крыльце, к тому же движение транспорта на нашей улице никогда не было оживленным.

Итак, сцена, где должно было разыгаться действие, была готова. И трагедия не заставила себя долго ждать.

Тринадцатого октября, придя из школы, я обнаружил, что отец вернулся домой раньше обычного и явно дожидается меня.

— Сынок, — начал он.

Это слово и тон, каким оно было сказано, означали, что случилось что-то ужасное и непоправимое.

Отец довез меня на нашем пикапе до дома доктора Лезандера, стоявшего на трех акрах обнесенной штакетником земли между Мерчантс-стрит и Шентак-стрит. На зеленой траве перед домом паслась на солнышке пара лошадей. С одной стороны дома была устроена собачья площадка с конурой, с другой — сарай. Аккуратный двухэтажный белый домик доктора Лезандера имел математически выверенную прямоугольную форму. По подъездной дорожке мы попали на задний двор, где над черным ходом висела табличка с надписью: «Пожалуйста, привяжите ваших животных». Оставив там пикап, мы поднялись на крыльцо, и отец потянул за цепочку звонка. Через минуту дверь открылась, и миссис Лезандер за слонила собой проход.

Как я уже упоминал раньше, лошадиное лицо и могучее бесформенное тело миссис Лезандер могли устра-

шить даже гризли, не то что человека. Она обычно была не-улыбчива и мрачна, будто грозовая туча. Но я плакал, мои глаза покраснели, возможно именно это явилось причиной внезапного преображения, свидетелем которого я стал в тот день.

— Ах ты бедный маленький ангелок,— проворковала миссис Лезандер, и лицо ее выразило такое несвойственное ей участие, что я едва не лишился дара речи.— Господи, мне так жалко твоего песика!

Она сказала «песеика» — вот как это вышло у нее.

— Пожалуйста, входите! — сказала она отцу.

Вслед за ней мы прошли в небольшую приемную, где на обшитых сосновыми панелями стенах висели снимки счастливых детей, сжимающих в объятиях своих собак и кошек. Она отворила дверь на лестницу, ведущую в подвал, где располагался кабинет доктора Лезандера. Каждый шаг был для меня мукой, потому что я уже знал, что меня ждет.

Моя собака умирала.

Около часа дня грузовик с прохладительными напитками из Бирмингема сбил Бунтаря, когда он перебежал Мерчантс-стрит. Как сообщил маме по телефону мистер Доллар, Бунтарь был среди целой стаи собак. Выходя после ланча из кафе «Яркая звезда», мистер Доллар услышал пронзительный визг тормозов и последний короткий лай моего пса. Бунтарь лежал на мостовой, а собаки стояли над ним и лаем пытались заставить его подняться. Увидев это, мистер Доллар позвонил шефу Марчетту, они погрузили Бунтаря в кузов пикапа Уинна Гилли и отвезли к доктору Лезандеру. Для мамы известие было тяжким ударом, потому что еще с утра она хотела посадить Бунтаря в загончик, но забыла об этом, увлекшись очередной серией

«В поисках завтрашнего дня». Никогда раньше Бунтарь не забирался на Мерчантс-стрит. На этот раз он связался с дурной компанией, за что ему пришлось заплатить дорогую цену.

Внизу пахло животными, запах был не то чтобы неприятный, но резкий. Вокруг стояли клетки из блестящей нержавеющей стали, стены были выложены сверкающей белой кафельной плиткой, а свет давали флюоресцентные лампы. Доктор Лезандер был одет в свой обычный белый халат, его лысина блестела под ярким светом ламп. Когда он здоровался с отцом, его голос был тихим, а лицо невеселым. Доктор Лезандер взглянул на меня и положил мне руку на плечо.

— Кори? — спросил он. — Хочешь посмотреть на Бунтаря?

— Да, сэр.

— Тогда я отведу тебя к нему.

— Так... он еще не умер?

— Нет, он еще не умер. — Рука доктора принялась осторожно разминать сжавшиеся в тугой клубок мышцы у меня на затылке. — Но он умирает. Я хочу, чтобы ты это понимал.

Глаза доктора Лезандера поймали мой взгляд и уже больше не отпускали его.

— Я сделал все для того... чтобы Бунтарю не было больно... но ему все равно очень плохо.

— Пожалуйста, помогите ему! — крикнул я. — Вы же доктор!

— Верно, но даже если я сделаю операцию, это ему не поможет. Он очень сильно пострадал.

— Но вы же... не можете... просто так дать ему умереть!

— Пойдем поглядим на Бунтаря, сынок,— позвал меня отец.— Нам лучше поторопиться.

«Пока там еще есть на кого смотреть» — вот что он хотел сказать.

Отец остался ждать снаружи, а мы с доктором Лезандером вошли в маленькую комнату. Еще в дверях я услышал свистящий звук закипающего чайника. Наверху, в кухне, миссис Лезандер готовила для нас чай: на плите у нее кипела вода. В комнате, куда мы вошли, стоял резкий, тошнотворный запах. Я увидел полку, полную пузырьков, и небольшой столик с медицинскими инструментами, аккуратно разложенными на голубой ткани. В центре комнаты стоял стол из нержавеющей стали с продолговатым возвышением посередине, накрытым одеялом размером как раз с собаку. У меня подкосились ноги: одеяло было пропитано подсыхающей кровью.

Должно быть, меня начало трясти, потому что доктор Лезандер сказал:

— Можешь не смотреть, если тебе не хочется...

— Нет, я хочу посмотреть.

Доктор осторожно откинул край одеяла.

— Спокойно, спокойно,— проговорил он, словно обращаясь к раненому ребенку.

Бугор на столе начал дрожать, и я услышал, как кто-то заскулил под одеялом, отчего у меня сразу же оборвалось сердце. Глаза мои наполнились горячими слезами. Я хорошо помнил, кто так скулил: когда отец впервые принес к нам домой щенка Бунтаря в коробке, тот боялся темноты. Подойдя к столу, я взглянул на то, что показал мне доктор Лезандер.

Колесо грузовика проехало по голове Бунтаря. Белая шерсть и кожа на одной стороне его черепа были содра-

ны, и там теперь виднелись розовая кость и оскаленные зубы. Красный язык сновал в кровавой каше. Один глаз приобрел серый, какой-то мертвенный цвет, другой был влажным, полным страха. Кровавые пузыри вырывались из ноздрей Бунтаря, дыхание было затрудненным, хриплым. Одна из передних лап превратилась в бесформенное месиво, торчали острые обломки костей.

Наверно, я застонал в тот момент, не помню. Когда единственный глаз Бунтаря нашел меня, мой друг сделал отчаянную попытку подняться, но доктор придержал его сильной рукой, и пес снова замер.

Я увидел иглу, воткнутую в бок Бунтаря, трубку, через которую из бутылки текла в его тело какая-то прозрачная жидкость. Бунтарь заскулил, и я инстинктивно протянул руку к его изуродованной морде.

— Осторожно! — предупредил меня доктор Лезандер.

Конечно, я даже не подумал о том, что в агонии животное может укусить все, что движется в поле его зрения, даже руку мальчика, который всегда его любил. Окровавленный язык Бунтаря вывалился из пасти и слабо лизнул мои протянутые пальцы. Не в силах что-либо сказать или сделать, я так и стоял, глядя в тупом отчаянии на кровь на своей руке.

— Его муки не поддаются описанию, — сказал доктор Лезандер. — Ты ведь и сам это видишь, верно?

— Да, сэр, — ответил я будто в кошмарном сне.

— У него сломано несколько ребер, их осколки проткнули ему легкие. Удивляюсь, что у него до сих пор еще не отказало сердце. Этого можно ожидать в любую минуту.

Доктор Лезандер снова накрыл Бунтаря одеялом. Я стоял и молча смотрел на дрожащий холмик.

— Ему, наверно, холодно? — наконец проговорил я.— Он замерз.

— Нет, не думаю.

«Нит»,— вот как док Лезандер сказал это. Снова взяв меня за плечо, он проводил меня до двери.

— Пойдем, нам есть о чем поговорить с твоим отцом. Он ждал нас в коридоре.

— Как дела, приятель? — спросил он.

Я ответил, что все в порядке, хотя испытывал сильную тошноту. Запах крови все еще стоял в моих ноздрях, густой и горячий как грех.

— Бунтарь — очень сильный пес,— сказал нам док Лезандер.— Большинство собак на его месте давно бы умерли.

Взяв со стола папку, он достал оттуда листок бумаги. Это был незаполненный бланк, поверх которого значилось: «Дело № 3432».

— Я не знаю, сколько еще проживет Бунтарь, но уже сейчас участь его решена.

— То есть надежды нет? — спросил отец.

— Никакой,— ответил док Лезандер и быстро перевел взгляд на меня: — Мне очень жаль, Кори.

— Бунтарь — *моя* собака,— сказал я им, и слезы вновь заструились по моим щекам. Нос заложило, я не мог продохнуть, словно бетон заполнил ноздри.— Он еще может поправиться.

Еще не договорив, я уже знал, что никакое воображение в мире не поможет осуществить мое желание.

— Том, если вы сейчас подпишете этот бланк, я сделаю собаке укол, после которого она... хм...

Док Лезандер снова взглянул на меня.

— Она уснет,— закончил за него отец.

— Совершенно верно. Лучше не скажешь. Надо вот тут подписать. Ах да, конечно, вам же нужна ручка.

Док Лезандер выдвинул ящик письменного стола, нашарил в нем ручку и протянул нам.

Отец взял ручку. Я знал, о чем идет речь. Мне было не шесть лет, и меня не нужно было утешать и обманывать. Я отлично понимал, что Бунтарю необходимо сделать укол, чтобы помочь ему умереть. Возможно, в данной ситуации это было самое правильное и гуманное решение. Но Бунтарь был моей собакой, я кормил его, когда он был голоден, и мыл, когда он прибежал с улицы весь в грязи, я отлично знал его запах и помнил ощущение его языка на своем лице. Я знал его, как никто другой. Такого пса, как Бунтарь, у меня больше не будет никогда. Большой комок поднялся у меня в горле. Отец склонился над бланком, уже почти касаясь его ручкой. Я не знал, куда девать глаза, пока мой взгляд не остановился на черно-белом снимке в серебряной рамке на столе доктора. Молодая белокурая женщина на фотографии махала кому-то рукой. На заднем фоне виднелась ветряная мельница. У меня ушло несколько секунд на то, чтобы разобраться, что эта молоденькая девушка со щеками-яблоками — не кто иная, как Вероника Лезандер.

— Эй, Кори,— вдруг позвал отец.— Давай-ка ты.

Он протягивал мне ручку.

— Ведь Бунтарь — твой пес. Тебе и решать. Что скажешь?

Я онемел. Мне никогда в жизни не приходилось принимать подобных решений. Я был в затруднении.

— Я очень люблю животных,— сказал нам доктор Лезандер,— и понимаю, что значит для мальчика его собака. Но в том, что я вам предлагаю, нет ничего плохого.

Это обычное дело. Бунтарь очень страдает, эта боль ужасна, и он не поправится. Всему, что родилось на свет, когда-то суждено умереть. Такова жизнь. Ты слышишь меня?

— А вдруг он не умрет,— пробормотал я.

— Допустим, он не умрет в течение следующего часа. Может быть, двух или трех. Возможно, он протянет еще одну ночь. Я даже готов допустить, что Бунтарь сумеет как-то продержаться еще сутки. Но он не стоит на ногах и едва дышит. Его сердце с трудом бьется, он в глубоком шоке.

Доктор Лезандер нахмурился, не замечая никакой реакции на моем лице.

— Если ты любишь Бунтаря, Кори, ты должен помочь ему уйти. Он не должен понапрасну страдать.

— Давай-ка лучше я подпишу, Кори,— предложил отец.— Такое решение непросто принять, я понимаю.

— Я могу... побыть с ним минутку наедине?

— Конечно. Только не трогай его, ладно? Он может укунить тебя.

— Да, сэр.

Как сомнамбула, я вернулся к месту своего кошмарного сна. Бунтарь все так же дрожал на столе из нержавеющей стали. Он скулил и плакал, его единственный глаз искал меня, хозяина,— того, кто может избавить его от боли.

Я заплакал. На этот раз слезы невозможно было сдерживать, рыдания буквально сотрясали меня. Я упал на жесткий холодный пол и склонил голову, обхватив ее руками.

Крепко зажмурив глаза, я принялся молиться, чувствуя, как слезы горячими ручейками текут по моим щекам. Не помню, что в точности я говорил, но о чем просил — запомнил. Я умолял Всевышнего протянуть свою

руку с небес, из Рая и оградить моего пса от СМЕРТИ, закрыть перед ним ее врата. Пусть СМЕРТЬ остается в своих владениях, пусть она неистовствует, визжит и выпускает когти, чтобы схватить моего пса. Я умолял Всевышнего коснуться Бунтаря своей рукой и исцелить его, отвести от него СМЕРТЬ, выбросить ее, как мешок с костями, прогнать, как мокнувшего под дождем нищего. Да, СМЕРТЬ голодна, я слышал, как она облизывает свои губы где-то в углу этой маленькой комнаты, дожидаясь поживы. Но рука Всевышнего способна заткнуть СМЕРТИ рот, выбить ей зубы и обратить в ничтожную, скулящую тварь с дурно пахнущими деснами.

Вот о чем я просил Господа. Я молился от всего сердца, желал этого всеми силами своей души и разума. Я чувствовал, как молитва исходит из каждой поры моего тела, я молился так, будто каждый волос на моей голове был посылающей радиосигналы антенной и каждый из них трещал от разрядов, и мой крик силой в несколько мегамиллионов ватт разносился по всему беспредельному космосу, достигая далеких ушей Всезнающего и Всемогущего.

Только ответь мне.

Умоляю.

Не помню, сколько я простоял так на коленях, молясь и проливая слезы. Может быть, десять минут, а может, и дольше. Я знал, что, когда встану, я должен буду выйти туда, где меня ждали доктор Лезандер и отец, и сказать им...

И тут я услышал хрип, ужасный звук, с которым воздух ворвался в разорванные, полные крови легкие.

Я поднял голову, посмотрел на Бунтаря и увидел, что пес собирает все силы, чтобы подняться. У меня на затылке зашевелились волосы, по спине пробежал холодок. Бунтарь приподнялся на передних лапах, его голова мо-

талась из стороны в сторону. Он завыл, и этот долгий ужасный вой пронзил меня, словно кинжал. Он повернул морду назад, будто собирался схватить себя за хвост, его единственный живой глаз блестел, на морде с оскаленными зубами застыла улыбка смерти.

— Помогите! — заорал я. — Папа! Доктор Лезандер! Помогите, скорее!

Спина Бунтаря внезапно сильно изогнулась. Мне пришло в голову, что его истерзанный позвоночник не выдержит подобной нагрузки и сломается. Я услышал странный шелест, похожий на шуршание семян в сосуде из высушенной и выдолбленной тыквы. После этого тело Бунтаря забилося в конвульсиях, и он упал на бок и больше не двигался.

В комнату вбежал доктор Лезандер, следом за ним — отец.

— Отойди от него, — приказал доктор и положил руку на грудь собаки.

Потом он достал стетоскоп и послушал сердце Бунтаря. Приподнял веко здорового глаза собаки: тот закатился наверх, так что виден был только белок.

— Держись, приятель, — шепнул отец и взял меня за плечи обеими руками. — Нужно держаться.

— Ну что ж, — проговорил наконец доктор Лезандер, — думаю, что подписывать ничего уже не придется.

— Нет! — выкрикнул я. — Нет! Папа, нет!

— Пойдем домой, Кори.

— Но папа, я же молился! Я просил, чтобы он не умерал. Бунтарь не мог просто так взять и умереть.

— Кори.

Голос доктора Лезандера был тих, но тверд. Я взглянул на него сквозь пелену горячих слез.

— Бунтарь...

Кто-то чихнул.

Звук был настолько неожиданным, что мы все вздрогнули. Словно в гулком выложенном кафелем помещении прозвучал взрыв. Потом кто-то тяжело и хрипло вздохнул.

Бунтарь привстал, из его ноздрей сочилась кровь и пена. Здоровый глаз метался по сторонам, он тряс своей ужасной головой, будто хотел стряхнуть с себя долгий тяжкий сон.

— Мне казалось, он...— начал было отец.

— Но он умер! — Доктор Лезандер был совершенно потрясен, его глаза расширились от удивления.— *Майн...* Господи боже мой! Эта собака была мертва!

— Бунтарь жив! — крикнул я. Я широко улыбался и радостно сопел.— Он жив! Я же говорил вам!

— Это невозможно! — потрясенно выкрикнул доктор Лезандер.— У него же перестало биться сердце! Он умер.

Бунтарь попытался встать на лапы, но у него не хватило на это сил. Потом сильно рыгнул. Я подошел к своему псу и дотронулся до теплого изгиба его спины. У Бунтаря началась икота, он припал головой к столу и принялся лизать холодную сталь.

— Он не умрет,— уверенно сказал я, перестав плакать.— Я молился, и смерть ушла от него.

— Я не могу... я не в силах...— начал было доктор Лезандер, но больше ничего не смог выговорить.

Дело № 3432 так и осталось неподписанным.

Бунтарь спал и просыпался, вновь засыпал и опять просыпался. Доктор Лезандер время от времени проверял его пульс и измерял температуру, записывая показания в журнал. Спустившись из кухни, миссис Лезандер спросила нас

с отцом, не хотим ли мы чая с яблочным пирогом, и мы поднялись вслед за ней наверх, в кухню. Во мне укрепились уверенность в том, что, пока меня не будет рядом, мой пес не умрет. Мы с отцом выпили по чашке чая с пирогом. Потом отец позвонил маме и сказал, что, похоже, Бунтарь выживет, а мы скоро вернемся домой.

Между делом я забрел в каморку рядом с кухней, где на крючках, вбитых в потолок, висели четыре птичьи клетки, в собственной клетке безостановочно носился в колесе хомяк. Из птиц там жили канарейка и длиннохвостый попугай, две другие клетки были пусты. Канарейка сладкозвучно запела. Вошла миссис Лезандер с пакетиком птичьего корма.

— Покормишь наших пациентов? — спросила она, и я ответил согласием.

— Только давай им понемножку. Они еще не совсем поправились, но скоро им должно полегчать.

— Кто их хозяева?

— Попугайчика принес мистер Гровер Дин. А владелица этой милой канарейки — миссис Юдит Харпер.

— Миссис Харпер? Моя учительница?

— Да, совершенно верно.

Наклонившись вперед, к клетке с канарейкой, миссис Лезандер стала издавать тихие чмокающие звуки. Их странно было слышать, поскольку они исходили от женщины, чье лицо более всего напоминало морду лошади. Увидев корм, канарейка принялась осторожно выбирать себе семена.

— Ее зовут Колокольчик. Привет, Колокольчик, ты мой ангел!

У Луженой Глотки есть канарейка по имени Колокольчик! Вот это да, в голове не укладывается!

— Больше всего на свете я люблю птиц,— сообщила мне миссис Лезандер.— Они так добры и доверчивы, так близки к Богу. Только посмотри на них, на моих крылатых друзей!

Проводив меня обратно в гостиную, миссис Лезандер показала мне набор из двенадцати сделанных из керамики и раскрашенных вручную птичек, аккуратно расставленный на пианино.

— Я привезла их с собой из Голландии,— сказала она.— Сколько я себя помню, они всегда были со мной, эти маленькие птички.

— Они очень красивые.

— Они не просто красивые. Глядя на них, я предаюсь приятным воспоминаниям: я вижу Амстердам, каналы и тюльпаны, тысячи тюльпанов, распускающихся весной.

Миссис Лезандер взяла в руку керамическую малиновку и указательным пальцем погладила ее алую грудку.

— Когда мы бежали, мне пришлось в спешке укладывать чемоданы, и мои птички разбились. Но я склеила их снова, собрала буквально по кусочку. Видишь, Кори, трещины почти незаметны.

Миссис Лезандер показала мне вблизи, как она склеила их.

— Я тоскую по Голландии,— проговорила она.— Очень тоскую.

— Вы собираетесь туда вернуться?

— Кто знает, может быть, когда-нибудь это случится. Мы с Францем много говорим об этом. Даже купили проспекты туристических фирм. Но то, что мы пережили... нацисты и все эти ужасы...

Она нахмурилась и осторожно вернула малиновку на ее прежнее место между иволгой и колибри.

— Не все, что однажды разбилось на части, удается так просто склеить снова.

Послышался собачий лай. Это был голос Бунтаря, хриплый, но уже окрепший. Лай Бунтаря доносился до нас из подвала через вентиляционное отверстие.

И сразу после этого я услышал, как доктор Лезандер зовет нас:

— Том! Кори! Пожалуйста, идите сюда!

Когда мы спустились вниз, доктор Лезандер в очередной раз измерял температуру Бунтарю. Мой пес по-прежнему был сонным и вялым, но умирать, похоже, не собирався. Доктор Лезандер принялся осторожно накладывать белую мазь на искалеченную морду Бунтаря. По двум капельницам в тело Бунтаря все еще текла прозрачная жидкость.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели показания температуры этого животного, — сказал он нам. — За последний час я измерил ее четыре раза.

Док Лезандер взял со стола свой журнал и прочитал нам цифры, взятые с термометра.

— Это неслыханно! Совершенно неслыханно!

— О чем вы? — спросил отец.

— Температура тела Бунтаря все время снижается, медленно, но неуклонно. Сейчас температура вроде бы стабилизировалась, но полчаса назад я думал, что он вот-вот умрет. Взгляните сами.

— Господи боже мой! — ошеломленно воскликнул отец. — Неужели она настолько низкая?!

— Вот именно, Том, ни одно животное не может существовать при температуре тела шестьдесят шесть градусов по Фаренгейту. Это... совершенно невозможно!

Я дотронулся до Бунтаря. Тепло ушло из моего пса — он был ужасно холодный. Белая шерсть Бунтаря стала же-

сткой и грубой. Его голова медленно повернулась, и единственный уцелевший глаз отыскал меня. Он начал вилять хвостом, хотя это и потребовало видимых усилий. Потом его язык выскользнул между зубов наружу из ужасной раны и лизнул мою руку. Язык был холоден, как могильный камень.

Но мой пес все еще был жив.

Бунтарь остался в доме дока Лезандера и пробыл там несколько дней. За это время доктор зашил ему рану на морде, буквально накачал антибиотиками и хотел было ампутировать искалеченную лапу, но она вдруг начала сохнуть. Белая шерсть на лапе Бунтаря выпала, открыв мертвую серую плоть. Заинтригованный этими переменами, доктор Лезандер решил повременить с ампутацией, укутал сохнущую лапу и стал наблюдать, что будет дальше. На четвертый день лечения у Бунтаря начался приступ кашля, его вырвало массой мертвой плоти с кулак величиной. Доктор Лезандер положил эту массу в банку со спиртом и показал мне и отцу. Это было пробитое легкое Бунтаря.

Но пес все еще был жив.

Каждый день после школы я ездил на Ракете к доку Лезандеру, чтобы проведать Бунтаря, и всякий раз доктор встречал меня с озадаченным выражением на лице. У него всегда было для меня что-нибудь новое: то Бунтаря вырвало кусочками костей, которые, очевидно, были осколками его раздавленных ребер, то из разбитой челюсти выпадали зубы, то поврежденный глаз выкатился из глазницы, словно белый камешек. Сначала Бунтарь ел немного мяса, прокрученного в мясорубке, и лакал воду. Газеты, которыми было выстлано дно его клетки, сбились в комки и пропитались кровью. Через несколько дней Бунтарь совсем перестал есть и пить, он отказывался даже

смотреть на еду, какие бы лакомства я ему ни приносил. Свернувшись клубком в углу клетки, он все время разглядывал что-то, находившееся у меня за спиной. Я понятия не имел, что могло так привлечь его внимание. Он мог часами оставаться неподвижным, словно погрузившись в дремоту с открытым глазом или видя сны. Не реагировал даже тогда, когда я щелкал у него перед носом пальцами. Иногда, неожиданно очнувшись от этого забытья, Бунтарь принимался лизать мои руки своим холодным, как могильная плита, языком и тихо скулить. Потом засыпал, или дрожал, или снова погружался в ступор.

Но Бунтарь все еще жил.

— Кори, я хочу, чтобы ты послушал его сердце, — сказал как-то док Лезандер и дал мне стетоскоп.

Прислушавшись, я различил тихий, затрудненный удар: *тук*, потом опять *тук* — это стучало сердце моей собаки. Звук дыхания Бунтаря напомнил мне скрип двери в старом заброшенном доме. Его тело было ни холодным, ни теплым — он просто был жив. Потом доктор взял игрушечную мышь, завел ее и отпустил. Мышь принялась бегать взад и вперед перед носом у Бунтаря, а я слушал стук его сердца через стетоскоп. Бунтарь слабо вилял хвостом, но ритм ударов его сердца при виде мыши не участился ни на йоту. Создавалось впечатление, будто в груди Бунтаря работает на малых оборотах мотор, который не останавливается ни днем ни ночью и всегда функционирует в определенном ритме, независимо от того, какая ему поставлена задача. То был стук бездушного механизма, работающего в крошечной тьме, не ведающего ни цели, ни радости, ни понимания. Я очень любил Бунтаря, но сразу же возненавидел этот пустой стук.

Потом мы с доком Лезандером сидели на крыльце, согреваемые теплом октябрьского дня. Я выпил стакан

чая и съел кусок яблочного пирога миссис Лезандер. На докторе была темно-синяя вязаная шерстяная кофта на пуговицах золотистого цвета — по утрам уже было холодно. Сидя в кресле-качалке и глядя на багряные холмы, он сказал:

— Все это выше моего понимания, Кори. Никогда в жизни не видел ничего подобного. Никогда. Я собираюсь подробно описать этот случай и послать статью в научный журнал, хотя там мне, скорее всего, никто не поверит.

Сложив руки на груди, он подставил лицо последним темно-желтым лучам заходящего солнца.

— Бунтарь умер, Кори.

Я молча сидел, изумленно уставясь на дока Лезандера, облизывая сладкую верхнюю губу.

— Бунтарь умер,— повторил доктор.— Наверно, ты этого не поймешь, потому что это непонятно мне самому. Бунтарь ничего не ест и не пьет, не опорожняет кишечник и мочевого пузыря. Его тело настолько охладилось, что внутренние органы просто не могут действовать. То, что у него бьется сердце... это можно сравнить с барабаном, из которого выбивают однообразную дробь без малейших вариаций. Его кровь, если мне удастся что-то выжать из его вен,— сплошной яд. Он исхудал до последней степени, но продолжает жить. Ты можешь это объяснить, Кори?

«Да,— ответил я про себя.— Своей молитвой я прогнал от него смерть».

Но вслух я не сказал ничего.

— Ну ладно. Тут какая-то тайна, не поддающаяся моему пониманию,— проговорил доктор Лезандер.— Из тьмы мы вышли, и во тьму мы уйдем.

Последние слова, сложив руки на груди и мерно покачиваясь в кресле, он произнес больше для самого себя.

— И не важно, о ком идет речь — человеке или животном.

Мне не нравилась тема этого разговора: страшно было думать о том, что Бунтарь совсем отоцзал, что его шерсть выпадает, что он ничего не ест, не пьет и тем не менее никак не умирает. Мне был ненавистен пустой, бессмысленный звук ударов его сердца, так напоминающий стук часов в доме, где никто не живет. Чтобы отделаться от этих мыслей, я сказал:

— Отец рассказывал мне, что вы убили фашиста.

— Что-что? — испуганно переспросил док Лезандер.

— Отец сказал, что вы убили немецкого фашиста в Голландии. Вы были так близко от него, что видели его лицо.

Док Лезандер с минуту молчал. Мне стало неловко: я вспомнил, что отец просил никогда не расспрашивать доктора об этом, потому что люди, побывавшие на войне, как правило, не любят вспоминать, как кого-то убивали. Что касается моих знаний о войне, то они в основном сводились к похождениям Храбрых парней¹, сержантов Рока и Сондерса. Все мои представления о героях войны укладывались в некое телевизионное шоу, приправленное картинками из комиксов.

— Да, — наконец ответил доктор Лезандер. — Я находился всего в паре шагов от него.

— Господи! — выдохнул я. — Вот уж, наверно, страху вы натерпелись! То есть... я хотел сказать... на вашем месте я бы наверняка испугался.

— Да, я и сам тогда струсил не на шутку. Этот немец, вооруженный винтовкой, ворвался ко мне в дом. У меня

¹ Храбрые парни («The Gallant Men») — герои одноименного телевизионного сериала 1962–1963 годов об американских солдатах, сражающихся в Италии во время Второй мировой войны

был пистолет. Немец был очень молод — юноша, почти мальчик. Такой светловолосый голубоглазый юнец из тех, что обожают парады. И я застрелил его. Он рухнул как подкошенный.

Доктор Лезандер продолжал мерно покачиваться в кресле.

— Никогда раньше я не стрелял из пистолета. Но на улицах было полно фашистов, они врывались в наши дома. Что еще мне оставалось делать?

— Значит, вы герой? — спросил я.

Доктор Лезандер невесело улыбнулся.

— Нет, никакой я не герой. Просто сумел выжить.

Я смотрел, как его руки стискивают и вновь отпускают подлокотники кресла. Его пальцы были короткими и тупыми, похожими на какие-то мощные орудия.

— Все мы до смерти боялись фашистов. Блицкриг, коричневые рубашки, «Ваффен СС», «Люфтваффе» — эти слова вызывали ужас. Через несколько лет после войны я встретил одного немца. Во время войны он был нацистом, настоящим чудовищем.

Подняв голову к небу, доктор Лезандер посмотрел на стаю птиц, летевших с запада на восток.

— Однако это был обычный человек, не более того, — с плохими зубами, перхотью и запахом пота. Вовсе не супермен — рядовой человек. Я рассказал ему, что был в Голландии в тысяча девятьсот сороковом году, когда немцы захватили нашу страну. Он ответил мне, что никогда не бывал в Голландии, а после... попросил у меня прощения.

— И вы простили его?

— Да. Я простил это исчадие ада, хотя многие мои друзья были раздавлены фашистским сапогом. Потому что

он был солдат и исполнял приказы. У немцев стальной характер. Они беспрекословно исполняют полученный приказ, даже если их заставляют идти прямо в огонь. Конечно, я мог бы дать этому человеку пощечину, плюнуть ему в лицо или обругать его. Я мог бы поставить перед собой цель — травить его до самой смерти. Но я не зверь. Что было, то прошло, и не следует будить спящую собаку. Ты согласен со мной?

— Да, сэр.

— А теперь, раз зашла речь о собаках, пойдем и взглянем на Бунтаря.

Доктор встал, скрипнув коленными суставами, и мы пошли в дом.

И вот настал день, когда доктор Лезандер сказал, что он сделал все, что было в его силах, и держать Бунтаря в его лечебнице больше нет смысла. Он возвращал нам Бунтаря, и мы отвезли его домой в своем пикапе.

Я по-прежнему любил своего пса, несмотря на то что сквозь его редкую белую шерсть просвечивала серая мертвая плоть, череп был деформирован и покрыт шрамами, а высохшая нога была тонкой и кривой, как веточка. Мама не могла находиться рядом с ним, таким он стал страшным. Отец завел разговор о том, что Бунтаря нужно усыпить, но я не хотел даже слышать об этом. Бунтарь был моим псом, и он, несмотря ни на что, был жив.

Бунтарь ничего не ел, не выпил и капли воды. Он все время лежал в своем загончике, потому что его лапа была изуродована и он едва мог передвигаться. Мне ничего не стоило пересчитать его ребра: их сломанные концы можно было различить под тонкой, как бумага, кожей. Когда я буду приходить днем из школы, Бунтарь будет приветствовать меня, вилая хвостом. Я буду ласково гладить его,

хотя, если быть честным до конца, от ощущения мертвой плоти под рукой у меня мурашки бежали по коже. Потом Бунтарь надолго уставится в пространство, и я все равно что останусь один, пока он вновь не вернется к действительности. Мои приятели в один голос твердили, что Бунтарь безнадежно болен и лучше бы его усыпить. В ответ я спрашивал, как бы они отнеслись к тому, что их самих решили бы усыпить в случае болезни, и это сразу затыкало им рты.

Вот так для нас начался сезон призраков.

И дело не только в том, что на горизонте замаячил Хеллоуин. На полках у Вулворта появились картонные коробки с шелковыми костюмами и масками из пластмассы, наряду с блестящими волшебными палочками, тыквенными головами из резины, шляпами колдуний и резиновыми пауками, покачивающимися на черных ниточках. В прохладном сумеречном воздухе было разлитое странное пугающее ощущение, над холмами повисла гнетущая тишина. Призраки собирались с силами, чтобы вволю порезвиться в октябрьских полях и поболтать с теми, кто согласится их слушать. Из-за моего повышенного интереса к чудовищам мои приятели и даже родители пребывали в полной уверенности, что Хеллоуин — моя любимая пора.

Они были правы, хотя и ошибались относительно причин моей любви к этому празднику. По их мнению, мне доставляли удовольствие скелет в шкафу, ночные шорохи, завернутые в белые простыни привидения в населенном призраками доме на холме. Но это было не совсем так. В канун Хеллоуина я ощущал в притихшем октябрьском воздухе не присутствие дешевых проказливых духов, а действие таинственных титанических сил. У них не могло быть названия: то были не воюющие на луну оборотни,

не скалящие зубы вампиры, не Всадник без головы. Эти силы были древними, как мир, и целомудренными, как стихии в проявлениях добра и зла. Вместо того чтобы искать под своей кроватью гремлинов, я видел армии ночи, точившие мечи и топоры, чтобы столкнуться в яростной схватке в клубящейся над землей туманной мгле. Воображение рисовало мне шабаш на Лысой горе во всем его диком и безумном неистовстве, прерываемый в финале криком петуха, возвещающим о наступлении рассвета. Тысячи скачущих демонов с горечью и ненавистью поворачивают свои ужасные лица в сторону востока и разбредаются с протестующими воплями по своим зловонным норам. Перед моим взором представляли изнывающий от тоски во тьме влюбленный, чье сердце разбито, бледный до прозрачности, потерявший родителей рыдающий ребенок, женщина в белом, жаждущая сострадания от незнакомца.

И вот в один из таких тихих и прохладных вечеров в преддверии кануна Дня всех святых я зашел в загончик Бунтаря и увидел, что там кто-то стоит.

Бунтарь сидел на задних лапах, его покрытая шрамами голова была склонена набок. Он глядел, не отрываясь, на незнакомца, стоявшего напротив, за ограждением из стальной сетки. Я разглядел, что эта маленькая фигурка — мальчик, который, казалось, разговаривал с моим псом. Я даже различил негромкое бормотание. Задняя дверь, которую я прикрывал за собой, скрипнула, мальчик, испугавшись, подскочил на месте и бросился в лес, как ошпаренный кот.

— Эй! — крикнул я ему вслед. — Подожди!

Но он и не думал останавливаться. Он бесшумно неся по палой листве. Лес расступился перед ним и принял его в свои объятия.

Дул ветер, о чем-то шептались деревья. Бунтарь ходил кругами по своему загончику, приволакивая искаленную лапу. Он лизнул мою руку своим холодным языком и ткнулся мне в ладонь носом, напоминавшим кусок льда. Я посидел с ним немного. Он попытался лизнуть меня в щеку, но я отвел лицо в сторону, не в силах вынести запаха мертвечины, исходящего из его пасти. Потом Бунтарь вновь впал в свое привычное оцепенение, его взгляд был устремлен в сторону леса. Он вильнул хвостом несколько раз и заскулил.

Стало холодно, и я вернулся в дом, оставив Бунтаря смотреть в никуда.

Ночью я проснулся от мучительного стыда за то, что не позволил Бунтарю лизнуть меня в щеку. Это было чувство, которое постепенно растет где-то внутри до тех пор, пока становится невыносимо жить вместе с ним. Я отказал в ласке своему псу, необъяснимо и жестоко. Я молитвой прогнал от него смерть, и теперь из-за моего эгоизма он продолжает существование между жизнью и смертью, не в силах прибиться ни к одному, ни к другому берегу. Я оттолкнул его, а ведь все, чего он хотел, — выразить свою преданность, лизнув меня в лицо. Поднявшись с постели, я в полной темноте натянул на голое тело свитер и вышел на улицу через заднюю дверь. Я поднял руку, чтобы включить на заднем крыльце свет, но, услышав короткий лай Бунтаря, замер, не донеся руку до выключателя.

Если собака живет у тебя много лет, ты узнаешь все ее повадки. Начинаешь понимать смысл любого ее рычания, поскуливания и лая. Малейшее подергивание ее уха или виляние хвоста воспринимаются тобой как вопрос или высказывание. Я сразу же узнал этот лай: то был радостный и веселый лай, которого я не слышал с тех пор, как Бунтарь умер, а потом вернулся к жизни.

Медленно и осторожно я приоткрыл локтем заднюю дверь. Замерев в темноте перед противомоскитной сеткой, я стал прислушиваться. Был ветер, неумоимо стрекотали последние полевые сверчки. Я слышал, как Бунтарь еще раз радостно гавкнул.

— Хочешь быть моей собакой? — услышал я голос маленького мальчика.

Мое сердце сжалось. Кем бы он ни был, он старался вести себя как можно тише.

— Я очень хочу, чтобы ты стал моей собакой, — повторил мальчик. — Ты такой хороший.

Оттуда, где я стоял, я не мог видеть ни Бунтаря, ни мальчика. Я услышал лязг двери загончика и понял, что Бунтарь привстал и положил лапы на сетку, так, как он это делал раньше, когда к нему приходил я.

Мальчик стал снова что-то шептать, но я не смог различить ни единого слова.

Но к тому времени я уже точно знал, кто этот мальчик и откуда взялся.

Я открыл дверь, стараясь сделать это как можно осторожнее, но петли все-таки скрипнули. Шум был не громче стрекотания сверчков. Но когда я вышел на крыльцо, мальчик уже бежал к лесу. Луна бросала серебристый свет на его выющиеся рыжеватые волосы.

Ему было всего восемь лет, и он никогда не станет старше.

— Карл! — крикнул я ему. — Карл Беллуд!

Это был тот самый мальчик, что жил когда-то в самом конце нашей улицы и приходил поиграть с Бунтарем, потому что его мама не разрешала ему завести собственную собаку. Это был тот самый мальчик, который получил смертельные ожоги во время пожара, начавшегося

от искры в неисправной электропроводке. Теперь он спал на Поултер-Хилл под тяжелым надгробным камнем с надписью: «Нашему любимому сыну».

— Карл, постой! — крикнул я.

Мальчик оглянулся на бегу. Я увидел неясные очертания его бледного лица, испуганные глаза, в которых блеснул лунный свет. Мне показалось, что он не добежал даже до опушки леса, а просто растворился в воздухе, словно его и не было.

Беспокойно скуля, Бунтарь снова принялся кружить по клетке, волоча за собой искалеченную лапу. Время от времени он с тоской смотрел на лес. Я остановился перед дверью загона. Задвижка была рядом, у меня под рукой.

Бунтарь был моей собакой. *Моей* собакой.

На заднем крыльце вспыхнул свет. Заспанный отец спросил:

— Кто это тут кричал, Кори?

Чтобы как-то выкрутиться, я соврал, что кто-то рылся в мусорных баках. У меня не было возможности свалить происшедшее на Люцифера: обезьянку в начале октября застрелил из дробовика Габриэль «Джазист» Джексон. Выстрел разнес Люцифера в клочья. Джазист обнаружил, что обезьянка повадилась лакомиться тыквами, которые выращивала его жена. Я сказал, что в наших бачках, наверно, хозяйничал опоссум.

Утром за завтраком я не смог проглотить ни кусочка. В школе мой сэндвич с ветчиной так и остался нетронутым. Дома за обедом я долго ковырял вилкой бифштекс, но так и не решился его отведать. Мама пощупала мой лоб.

— Температуры нет, — сказала она, — но вид у тебя все равно какой-то скислый. Что с тобой, Кори?

Мама всегда говорила «скислый», на манер южан, когда я выглядел больным.

— Как ты себя чувствуешь?

— Вроде бы хорошо,— пожал я плечами.

— В школе все в порядке? — спросил отец.

— Да, сэр.

— Брэнлины больше не пристают?

— Нет, сэр.

— Но что-то все-таки случилось? — продолжала допрос мама.

Я ответил им молчанием. Родители читали мои мысли с такой же легкостью, как водитель читает на шоссе транспарант «ПОСЕТИТЕ РОК-СИТИ» высотой в пятьдесят футов.

— Может быть, ты все-таки расскажешь, в чем дело?

— Я...

Подняв голову, я поглядел на родителей, на которых падал мягкий уютный свет нашей кухонной люстры. За окном на улице стояла темень. Ветер дребезжал в свесах крыши, луна скрылась за облаками.

— Я кое-что натворил,— сказал я, чувствуя, как глаза наполняются слезами,— кое-что плохое.

Я рассказал родителям, как вымолил для Бунтаря жизнь, прогнав от него смерть, и как теперь об этом сожалею. Я не должен был этого делать, потому что смерть для Бунтаря, страдавшего от ужасных ран, стала бы избавлением. Лучше бы я тогда не молился. Я запомнил бы Бунтаря резвым и игривым, с радостными блестящими глазами, а теперь от него осталось лишь полумертвое тело, в котором жизнь теплилась лишь благодаря моему эгоизму. Мне было жаль, что все так вышло. Я поступил дурно, и теперь мне было ужасно стыдно.

Пальцы отца все крутили и крутили чашку с кофе. Это помогало ему сосредоточиться, все разложить по полочкам, когда нужно было взвесить множество обстоятельств.

— Я понимаю тебя.— Никакие другие его слова не могли бы меня так обрадовать.— К счастью, нет такой ошибки, которую нельзя исправить. Все, что для этого нужно,— наше желание. Иногда это бывает очень трудно: нужно приложить много усилий, вытерпеть боль, но ты все равно обязательно должен это сделать.

Взгляд отца остановился на мне.

— Ты знаешь, что надо сделать?

Я кивнул:

— Нужно отвести Бунтаря обратно к доктору Лезандеру.

— Я тоже так думаю,— согласился отец.

Мы решили, что на следующий день так и сделаем. Поздним вечером, перед тем как ложиться спать, я достал кусок гамбургера, который припас для Бунтаря. Это лакомство порадовало бы всякую собаку. Я очень надеялся, что Бунтарь съест мясо, но он только понюхал гамбургер и, отвернувшись, снова уставился в сторону леса, будто дожидался, что кто-то за ним придет.

Я перестал быть хозяином для своей собаки.

Я немного посидел рядом с Бунтарем, ежась на холодном ветру. Бунтарь издавал тихие скулящие звуки, исходившие откуда-то из глубин его горла. Я гладил его, и он позволял мне делать это, но сам находился где-то далеко. Я вспоминал, каким он был веселым щенком, полным безудержной энергии, как неумоимо гонял он желтый мяч с маленьким колокольчиком внутри. Я вспоминал, как мы носились друг за другом и как истинный джентльмен-

южанин Бунтарь всегда уступал победу мне. Я вспоминал, как мы вместе летали над холмами. Все это теперь хранилось лишь в моей памяти и могло быть вызвано только силой моего воображения, но все равно это было правдивей самой правды. Я поплакал. Если честно, я ревел как корова.

Потом я встал и повернулся к лесу.

— Ты здесь, Карл? — спросил я.

Конечно, никто мне не ответил. Карл всегда был очень стеснительным мальчиком.

— Я согласен отдать тебе Бунтаря, — сказал я. — Ты слышишь меня?

Ответа не было. Но Карл был здесь, я знал это точно.

— Можешь прийти и забрать его, слышишь, Карл? Я не хочу, чтобы он долго оставался в одиночестве.

Лишь тишина в ответ. Молчаливая тишина.

— Бунтарь любит, когда его чешут за ухом, — продолжал я. — Карл? — снова позвал я. — У тебя ведь теперь нет ожогов? Может быть, и Бунтарь... тоже станет таким, как был раньше?

Только шелест ветра в ответ, и ничего больше.

— Я ухожу, — сказал тогда я. — И больше сегодня не буду выходить.

У самых дверей я оглянулся на Бунтаря. Он не сводил глаз с леса и слегка вилял хвостом. Я зашел в дом, запер за собой дверь и выключил свет на заднем крыльце.

Далеко за полночь меня разбудил счастливый лай Бунтаря. Я знал, что увижу, если выйду на заднее крыльцо и взгляну на собачий загончик. Пускай они познакомятся друг с другом — я не стану их беспокоить. Я вернулся на другой бок и снова погрузился в сон.

На другой день отец и доктор Лезандер позволили мне немного побыть наедине с Бунтарем. Они знали, что

КНИГА 2. ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

нам нужно попрощаться. Он облизал меня своим холодным языком. Я приласкал его, погладил по изуродованной голове, понимая, что это не может продолжаться долго. Доктор Лезандер уже приготовил бланк, который нужно было подписать, прежде чем все будет кончено, а отец держал наготове ручку. Последнее слово оставалось за мной.

— Папа? — спросил я. — Бунтарь ведь мой пес?

Мой отец все понял.

— Конечно твой, — ответил он и протянул мне ручку.

И я подписал Дело № 3432, оставив его на столе доктора Лезандера. Когда мы с отцом приехали домой, я пошел взглянуть на собачий загончик. Он показался мне ужасно маленьким.

Уходя, я оставил дверь загончика открытой.

Глава 6

НАПЕРЕГОНКИ С МЕРТВЕЦОМ

В конце октября отец купил велосипедную проволочную корзину, которую мы прикрепили к Ракете. Поначалу мне казалось, что велик с корзиной — это круто, но вскоре я понял, что корзина нужна для того, чтобы помогать маме, выполняя ее распоряжения. Примерно в то же время мама прилепила к доске объявлений у церкви написанное от руки извещение о том, что у Маккенсонов всегда можно купить пироги и прочую домашнюю выпечку. Точно такое же объявление мама повесила в парикмахерской. Начали поступать первые заказы; не прошло и нескольких дней, как вся жизнь мамы стала крутиться вокруг бачков для перемешивания муки, яичной скорлупы и коробок с сахарной пудрой.

Позднее я узнал: отцу сократили рабочие часы в «Зеленых лугах», что и стало причиной этих перемен. Наши доходы уменьшились, и родителям пришлось искать дополнительные источники заработка, правда, мне этого не объяснили. Дела сыроварни шли плохо: многие старые клиенты перестали делать заказы. Всему виной стал новый супермаркет, появившийся в Юнион-Тауне. Супермаркет был торжественно открыт под фанфары духово-

го оркестра, составленного из старшеклассников средней школы Адамс Вэлли. Громадина-супермаркет под названием «Кладовая Большого Пола» без труда мог поглотить наш малюсенький магазинчик «Пигли-Вигли», подобно тому как кит глотает креветку. В супермаркете имелись секции для всего, что только способен представить себе истинный гурман. Молочная секция занимала целый проход, а молоко продавалось в непрозрачных пластиковых бутылках, которые не нужно было мыть и возвращать в магазин. Поскольку объемы продаж молока в «Большом Поле» были велики, они могли позволить себе назначать такие низкие цены, от которых «Зеленые луга» затрепачали по швам. Все эти перемены в молочном бизнесе привели к тому, что обычный маршрут моего отца становился все короче и короче. Людям нравилось приходить в новый, чистый, оснащенный кондиционерами супермаркет, покупать молоко в пластиковых бутылках, которые можно было потом, не задумываясь, выбрасывать. Помимо всего прочего, «Кладовая Большого Пола» была открыта до восьми часов вечера, что само по себе было неслыханно.

Водрузить корзину на Ракету было все равно что загружать галетами мешки для писем. Тем не менее я старательно исполнял свои обязанности и день за днем развозил пироги и кексы нашим клиентам, чувствуя, как время от времени Ракета подо мной напрягается в безмолвном протесте. Однако ни один пирожок ни разу не упал на землю за все время нашего совместного труда.

Чтобы отблагодарить доктора Лезандера за то, что он уделил Бунтарю столько внимания, мама решила специально испечь для него и его жены пирог с тыквой, который удавался у нее лучше всего, и угостить их бесплатно. Когда пирог был готов, она положила его в коробку, перевязав

ее бечевкой. Я положил коробку с пирогом в корзину Ракеты и покатил к дому доктора Лезандера. По пути я встретил братьев Брэнлинов, ехавших на своих черных велосипедах. Гота поприветствовал меня легким кивком головы, а Гордо, чья ободранная Люцифером голова все еще кровоточила и была забинтована, что есть духу припустил прочь от меня. Добравшись до цели, я постучал в дверь. Через минуту мне открыла миссис Лезандер.

— Вот мама испекла для вас и доктора,— сказал я, вручая ей коробку.— Это пирог с тыквой.

— О, как мило!

Миссис Лезандер взяла у меня из рук коробку и осторожно понюхала ее.

— Ах, боже мой, ведь это со сметаной?

— Нет, по-видимому, только сгущенное молоко.

Я знал это наверняка. На кухне у мамы было полно банок «Пет Милк».

— Она испекла его сегодня утром.

— Передай маме, что я ей очень благодарна, но, к несчастью, ни я, ни мой муж не едим молочных продуктов. У нас с ним аллергия на все молочное.

Миссис Лезандер смущенно улыбнулась мне.

— Благодаря аллергии мы и познакомились. Мы встретились в клинике в Роттердаме, куда попали все покрытые красными пятнами.

— Очень жаль, но, может быть, вы тогда отдадите кому-нибудь этот пирог? Он действительно вкусный.

— Я уверена, что это чудесный пирог.

«Чадесный»,— вот как сказала миссис Лезандер.

— Стоит мне оставить пирог на кухне, как Франц обязательно доберется до него ночью и отгрызет кусочек, как маленькая мышка. Он у меня настоящий сластена и не

выдержит такого соблазна. А потом через пару дней будет выглядеть так, словно заболел корью, кожа будет чесаться настолько сильно, что он не сможет надеть никакой одежды. Так что пусть он лучше даже не почувствует запаха этого пирога, иначе ему придется ходить голым, как Вернон Такстер.

Представив себе эту картину, я рассмеялся.

— Хорошо, мэм. Я отвезу пирог обратно. Мама приготовит для вас что-нибудь другое.

— В этом нет необходимости. Она и так была очень добра к нам.

Я задержался в дверях, вспомнив, что пришло мне недавно на ум.

— Что-то еще, Кори? — спросила меня миссис Лезандер.

— Могу я увидеть доктора? Всего на минутку, я не задержу его надолго.

— Он только-только прилег отдохнуть. Опять всю ночь слушал свои радиопостановки.

— Он слушает радиопостановки?

— Да, для этого он купил себе коротковолновый приемник. Иногда Франц почти до рассвета слушает иностранные радиостанции. Что-нибудь ему передать?

— Нет, лучше я сам поговорю с ним когда-нибудь потом.

Я хотел спросить у доктора, не нужен ли ему помощник для работы днем. Наблюдая за его трудом, я пришел к выводу, что ветеринар — очень важная профессия. Ничто не мешало мне быть одновременно и ветеринаром, и писателем. Ветеринары всегда будут нужны людям, как, впрочем, и молочники.

— Я как-нибудь еще зайду,— сказал я миссис Лезандер.

Положив коробку с тыквенным пирогом в корзинку Ракеты, я сел в седло и покатил к дому.

На обратном пути я не торопился, лениво крутя педали. Ракета вела себя немного нервно, но я отнес ее недовольство на счет неудобной корзинки, которая, наверно, мешала ей, как поводок гончей. Солнце пригревало, и холмы полыхали желтым пламенем. Через неделю листва в лесах станет коричневой и начнет опадать. Стоял один из тех чудесных дней, когда даже синие тени прекрасны и ты инстинктивно ощущаешь, что нужно замедлить шаг и насладиться красотой природы, которая очень скоро увянет.

Я улыбнулся, представив себе дока Лезандера, расхаживающего по городу голышом, как Вернон Такстер. Вот это действительно было бы незабываемым зрелищем! Я слышал, что у людей бывает аллергия на траву и табак, собак и кошек, амброзию и одуванчики. Дед Остин страдал аллергией на лошадей: они вызывали у него такое сильное чихание, что он едва мог устоять на ногах. Именно по этой причине он перестал ходить на брэндиуайнскую ярмарку, которая приезжала в наш городок каждый год в ноябре. Бабушка Сара часто повторяла, что у дедушки Джейберда аллергия на любую работу. Как я догадывался, аллергия у людей могла возникнуть на что угодно, существующее в этом мире. Подумать только: Лезандеры были не в состоянии есть мороженое! Ни ему, ни его жене недоступны прелести бананового пудинга или молочного коктейля. Случись со мной что-нибудь подобное, я бы, наверно, давно уже спятил...

Вдруг мне вспомнился Вернон.

Вернон, стоящий перед своей чудесной железной дорогой. Вернон на фоне миниатюрного Зефира.

«Знаешь, что мне кажется?»

Я вспомнил, как замерцал свет в маленьких окошках, когда Вернон нажал на выключатель.

«Мне кажется, что когда ты найдешь "сову", которая не пьет молоко, то найдешь и убийцу».

Я что есть силы надавил на тормоз. Неожданность моего поступка изумила Ракету. Велосипед послушно замер у тротуара.

«Он опять всю ночь слушал радиопостановки», — сказала миссис Лезандер.

Я с трудом слотнул. Ощущение было такое, что в горле у меня встало комом сухое молоко.

«Иногда Франц почти до рассвета слушает иностранные радиостанции».

— О господи, только не он! — прошептал я. — Это не может быть док Лезандер!

Автомобиль промчался рядом со мной так близко, что едва не содрал мне с ноги кожу, потом резко свернул, перегородив мне дорогу. Это был темно-синий приземистый «шевроле» со здоровенной вмятиной на правом боку, ближе к багажнику, и пятнами ржавчины, разбросанными вокруг вмятины, словно мертвые листья ядовитого плюща. С зеркала заднего вида свешивалась белая кроличья голова. Мотор под капотом «шевроле» фырчал и клочкотал от переполнявшей его сдерживаемой энергии, так что вся машина тряслась.

— Эй, пацан! — крикнул мне из-за покрытого синим мехом руля водитель. — Ты, что ли, отродье Маккенсенов?

Он говорил, глотая слова, его красные глаза были наполовину прикрыты веками — короче, это был вдрызг пьяный Донни Блэйлок. Резкие черты его лица казались вырубленными из камня, густо напозаженные бриллиантом волосы свисали липкими сосульками.

— Я тебя запомнил по халупе Сима,— хмыкнул он.— Маленький поганец.

Я почувствовал, как Ракета подо мной задрожала. Мой велик неожиданно рванулся вперед и гулко врезался в борт «шеви», как терьер, набросившийся на добермана.

— Суешь нос куда не следует,— продолжал свою обвинительную речь Донни.— Сколько неприятностей нам доставил, стервец малолетний!

— Я не хотел ничего плохого, сэр,— отозвался я.

Ракета чуть попятилась и снова въехала в борт «шеви».

— Нечего прикидываться, будто ты тише воды ниже травы. Большое Дуло будет рад повидаться с тобой, приятель. Хочет поговорить насчет твоего носа, который ты суешь куда не следует, и твоего болтливого рта. Давай-ка полезай в машину.

Если бы мое сердце могло биться еще хоть немного быстрее, оно, наверно, вырвалось бы из груди.

— Я сказал, полезай в машину. Быстро!

Внезапно вскинув правую руку, Донни схватил пистолет и направил его прямо мне в лоб.

Ракета снова налетела на «шеви». Она спасла меня от Гордо Брэнлина, но против этой грязной крысы, вооруженной пистолетом, она была бессильна.

— Сейчас снесу твою поганую башку к чертям,— угрожающе прорычал Донни.

Я испугался до полусмерти, потеряв от ужаса всякую способность соображать. Пистолетное дуло казалось

огромным, как пушечный ствол. Это был убедительный аргумент. Когда я слезал с Ракеты и забирался в машину, в голове у меня звучал предостерегающий крик мамы, но что я мог в тот момент поделать?

— Немного прокатимся,— бросил Донни.

Перегнувшись через меня и обдав при этом удушающим зловонием затхлого пота и самодельного виски, он захлопнул дверцу с моей стороны и нажал на педаль газа. Заворчав, «шеви» заполз на край тротуара и лишь потом выкатился на дорогу. Я оглянулся на брошенную Ракету, стремительно уменьшавшуюся в размере. На тыльной стороне ветрового стекла автомобиля пластмассовая гавайка тряслась в танце хула-хула.

— Сидеть тихо! — приказал Донни.

Я не посмел ему противиться, потому что пистолет сделал меня самым послушным мальчиком на свете. Подошва Донни крепче прижала педаль газа. Движок «шеви» взвыл, и мы, промчавшись по Мерчантс-стрит, свернули к мосту с горгульями.

— Куда вы меня везете? — отважился спросить я.

— Сам скоро увидишь.

Стрелка спидометра приблизилась к шестидесяти. Мы пронеслись мимо горгулий, разинувших рты, словно в удушье. «Шеви» завывал как буря, по дороге, извивавшейся вдоль озера Саксон, мы неслись со скоростью семидесяти миль в час. Я что есть силы вцепился в подлокотники, а Донни лишь ухмылялся. По полу у меня под ногами перекатывались пустые бутылки, источавшие едкий запах ядовитого пойла, от которого у меня слезились глаза.

Лес по обе стороны дороги слился в две желтые стены. Тормоза «шевроле» визжали на поворотах извилистой дороги.

— Я жив, мать вашу! — орал Донни.

Может быть, и так, но мне он показался ходячим мертвецом. Его глаза запали, подбородок зарос клочковатой бородой, одежда была мятой и грязной, словно он три дня кряду спал в свинарнике. Скорее всего, он беспробудно пьянствовал несколько суток подряд.

— Я следил за тобой, ублюдок! — орал он, стараясь перекричать шум ветра. — Подстерег тебя! Да, сэр, старина Донни крался как лис и поймал-таки птичку в свой мешок!

При этом он заложил такой крутой вираж, что мои глаза чуть не выскочили из орбит от ужаса.

— А этот толстый сукин сын говорит, что я придурок! Пусть эта жирная задница убедится, кто из Блэйлоков самый умный!

Пистолет, быстрая машина и большая доза выпитого зелья делали Донни в собственных глазах таким умным, словно Леонардо да Винчи, Коперника и Эйнштейна скатали в одну гениальную тестообразную массу.

Не успел я и глазом моргнуть, как озеро с красными утесами осталось далеко позади.

— Тпру, тпру, Большой Дик! — орал Донни, давя на тормоза, чтобы вписаться в очередной поворот.

Машина замедлила ход ровно настолько, чтобы можно было свернуть направо, на грязную дорогу, не налетев на деревья. Потом Донни снова поддал газу, и мы с шумом пронеслись по этой дороге пятьдесят ярдов, разделявших шоссе №10 и небольшой белый домик с крыльцом, закрытым противомоскитной сеткой. Мне уже приходилось здесь бывать. Под зеленым пластиковым навесом все так же стоял красный «мустанг», но старый ржавый «кадиллак» куда-то пропал. Кусты роз по-прежнему были на своем месте, все в шипах, но без единого цветка.

— Тпру! — крикнул Донни, и Большой Дик, дрожа, остановился рядом с крыльцом дома мисс Грейс и ее дурных девушек.

«Господи, помоги! — пронеслось у меня в голове. — Что меня ждет?»

С пистолетом в руке Донни Бэйлок выбрался из машины. Еще раз продемонстрировав мне уродливое тупорылое дуло своей пушки, он сказал:

— Советую сидеть тихо и дожидаться меня! Не вздумай сбежать, иначе я тебя выслежу и пристрелю как собаку! Понятно?

Я кивнул. Если верить мистеру Доллару, Донни Бэйлоку уже случалось убивать человека. У меня не было сомнений, что он может сделать это еще раз, поэтому мой зад прилип к сиденью, словно его приклеили. Пошатываясь, Донни доплелся до двери белого домика и принялся колотить в нее кулаками. Изнутри что-то прокричали в ответ. Пинком ноги распахнув дверь, Донни ворвался внутрь с дикими воплями:

— Где она? Где эта чертова телка?

Я попал в чудовищную переделку — сомневаться в этом не приходилось. Где-то в глубине моего парализованного страхом разума зародилась мысль, что док Лезандер не мог быть убийцей того несчастного, что лежит на дне озера Саксон. Это наверняка дело рук Донни Бэйлока. Мистер Доллар сам слышал об этом от Сима Сирса. Донни Бэйлок — вот кто настоящий убийца, но никак не доктор Лезандер!

Не прошло и полминуты после того, как Донни Бэйлок скрылся в доме, и он появился снова. Теперь он был не один. Он тащил за собой девушку, схватив ее за светлые волосы. Девушка отбивалась изо всех сил, осыпая Донни ругательствами.

Это была не кто иная, как Лэйни, девушка, что в тот памятный день показала мне свернутый трубочкой язык.

— Полезай в машину! — заорал Донни, волоча ее за собой по земле.

На Лэйни был розовый лифчик от купального костюма, пурпурные джинсы и лишь одна серебристая туфля.

— Полезай в машину сейчас же!

— Отпусти меня, сволочь! Отпусти, сукин ты сын!

Из дверей домика пулей вылетела рыжеволосая приземистая мисс Грейс, в белом свитере и джинсах такого большого размера, что в них при желании можно было устроить сельский праздник с танцами. С перекошенным от ярости лицом она подняла над головой сковородку, явно собираясь огреть ею Донни по лбу.

Грохнул выстрел: *бах!* Все произошло мгновенно.

Мисс Грейс вскрикнула и схватилась рукой за плечо. На белой шерсти свитера быстро растеклось темно-красное пятно, словно распустилась роза. Продолжая кричать, мисс Грейс упала на колени.

— Стрелять в меня вздумал, идиот проклятый! Тупой мерзкий ублюдок!

Из домика выскочили еще две девушки, обе брюнетки — одна толстушка, другая тощая. Бросившись к мисс Грейс, они опустились рядом с ней на колени, а третья девушка, блондинка, кричала с крыльца:

— Все, хватит, я вызываю шерифа! Сию же минуту ему звоню!

— Дура набитая! — заорал в ответ от машины Донни. — Мы давно *купили* твоего шерифа со всеми потрохами!

Распахнув дверцу с моей стороны, он толкнул Лэйни прямо на меня. Я торопливо перебрался на заднее сиде-

нье, потому что Лэйни, стремясь выбраться из машины, принялась пинаться и царапаться.

— Замолкни, сука! — крикнул Донни.

Он с размаху залепил ей сильную оплеуху, так что я, лишь миг назад созерцавший ее затылок, увидел миловидное лицо, искаженное от боли. Из уголка ее рта струилась кровь.

— Если не хочешь получить еще, закрой рот! — предупредил ее Донни.

Обойдя машину, он сел за руль. Мотор «шеви» ожил. Я хотел было выпрыгнуть наружу и дать тягу, но Донни, заметив мое движение в зеркале заднего вида, замахнулся пистолетом, целя мне в голову. Если бы я вовремя не пригнулся, он заехал бы мне прямо в лоб и я, может быть, и в самом деле воспарил бы к праотцам.

— Сидеть, сволочи! Не дергаться, мать вашу! — прорычал Донни и, сделав замысловатый зигзаг, выехал на шоссе №10.

— Ты спятил, Донни, совсем обезумел, — всхлипывала Лэйни, прижав ладонь ко рту. — Сколько раз я просила тебя оставить меня в покое?

— Ни хрена!

— Клянусь, Донни, я не стану этого терпеть. Мисс Грейс...

— Что мисс Грейс! Что? Будет путаться под ногами, я ей мозги вышибу!

Лэйни попыталась открыть дверцу машины и выскочить на дорогу. Но было уже поздно: «шеви» выехал на шоссе, и Донни поддал газу. Шины завизжали по асфальту, и мы помчались в сторону Зефира. Рука Лэйни лежала на ручке двери, но сделать она ничего не могла: мы неслись со скоростью миль пятьдесят в час, не меньше.

— Ну что же ты не прыгаешь? — осклабился Донни.— Кишка тонка?

Пальцы Лэйни разжались. Она отпустила ручку двери.

— Я сообщу о тебе властям, попомни мое слово!

— Как я испугался, гляди, даже коленки дрожат! — Ухмылка Донни стала еще шире.— У властей нет времени возиться с такой дешевкой, как ты.

— Ты совсем спятил от виски, понятно, Донни?

Лэйни наконец оглянулась назад и заметила в машине меня.

— Какого черта ты тащишь с собой мальчишку?

— Это семейное дело. А теперь заткнись и будь куколкой.

— Чтоб тебя черти забрали, чтоб ты сдох! — Лэйни плюнула в его сторону, но Донни только рассмеялся.

Мы снова промчались через мост с горгульями. Промелькнула брошенная Ракета. На корзинке устроилась ворона. Она пыталась разорвать коробку клювом, чтобы добраться до пирога. Какое унижение! Донни промчался через Зефир, ни разу не сбросив скорость ниже шестидесяти миль в час; потревоженная палая листва еще долго кружилась за нами следом. Мы пересекли городок, вылетев с другой его стороны на шоссе №16, и помчались в сторону Юнион-Тауна.

— Так ты похитил этого мальчишку? — Лэйни еще не успокоилась.— Точно, ты его украл! Тебя пристрелят за это, Донни! Тебе это не сойдет с рук просто так!

— Мне плевать. А ты теперь будешь жить со мной — я давно этого хотел.

— Я не стану жить с тобой!

Лапа Донни схватила Лэйни за подбородок и крепко стиснула. «Шеви» бросило к обочине, у меня перехватило

дыхание, когда деревья стремительно приблизились к нам. Резко крутанув руль, Донни снова вернул машину на середину дороги — все это время мы держались разделительной линии.

— Больше никогда не говори так! Иначе очень сильно пожалеешь.

— Сейчас умру от страха!

Лэйни попыталась вырваться, но Донни крепко держал ее своими железными пальцами.

— Ей-богу, мне совсем не хочется делать тебе больно, детка.

Рука Донни разжалась, но следы от его пальцев так и остались на ее коже.

— Я не твоя детка! Много раз говорила тебе, что не желаю связываться ни с тобой, ни с твоими окаянными братьями!

— Но ведь ты берешь наши деньги? Да и под бок к себе пускаешь?

— Я профессионалка! — не без гордости отозвалась Лэйни. — Я никогда не любила тебя, как ты не понимаешь? Ты мне даже не нравишься! В жизни я любила только одного парня, но он сейчас на небесах!

— На небесах? — В голосе Донни явно прозвучала насмешка. — Этот слизняк гниет сейчас в аду.

Глаза Донни метнулись к зеркалу заднего вида и сузились от удивления.

— Это еще что за хреновина! — прохрипел он.

Я оглянулся назад. На большой скорости нас быстро догоняла какая-то машина.

Черный автомобиль. Черный, как пантера.

— Нет! — затряс головой Донни. — Я не мог *так* надраться!

Лэйни тоже оглянулась назад, ее разбитая нижняя губа распухла.

— Что там такое?

— Машина. Видишь ее?

— Какая еще машина?

Ее карие глаза ничего не замечали на дороге позади нас. Но я все видел отчетливо и ясно. И Донни тоже видел. Я это понял по тому, как завиял «шевроле» на дороге. Черный автомобиль настигал нас. Через мгновение я различил языки пламени, которыми был разрисован его капот. За ветровым стеклом виднелся силуэт водителя, пригнувшегося к рулю. Казалось, он мечтал только об одном: догнать нас.

— Что за чертовщина! — прохрипел Донни, стискивая пальцами руль так, что побелели костяшки. — Неужто я с катушек срываюсь?

— Наконец-то до тебя дошло! Уже за одно то, что ты увез меня силой, тебя по головке не погладят, а ведь ты еще и ранил мисс Грейс! А если бы ты ее убил?

— Заткнись, сука!

Крохотные капли пота вдруг высыпали на лбу Донни. Его глаза продолжали метаться от зеркала заднего вида к извивавшейся впереди дороге. На несколько мгновений черный автомобиль позади нас скрылся за поворотом, но еще через миг Полуночная Мона вылетела на дорогу и устремилась за нами. Сквозь тонированное лобовое стекло «шевроле» солнце казалось тусклым кружком. Донни разогнался до семидесяти, но Полуночная Мона настигала нас, делая не меньше девяноста миль в час.

— Вот то место, где это случилось, — проговорила вдруг Лэйни, указывая в сторону леса. Ветер развеивал волосы

вокруг ее напряженного, мрачного лица. — Здесь убили моего парня.

Ее рука указывала туда, где не было видно ничего примечательного, только сорная трава и густой подлесок, если не считать двух стоящих рядом мертвых почерневших деревьев с зияющими в стволах большими уродливыми дырами. Ветви деревьев были тесно переплетены, словно, умерев, они продолжали крепко обнимать друг друга.

Я повернулся к Лэйни и, приглядевшись, сразу же вспомнил ее.

Эта самая светловолосая головка покоилась на плече Мальшпа Стиви Коули, давным-давно, на парковке у «чертова колеса».

— Смотри вперед! — вдруг заорала в смертельном ужасе Лэйни и схватилась за руль.

Большой грузовик с прицепом взревел на холме прямо перед нами, его радиатор внезапно заслонил все лобовое стекло Большого Дика, словно рот, полный серебряных зубов. Донни, чье внимание было поглощено Полуночной Моной, отражение которой стремительно увеличивалось в зеркале заднего вида, заорал от ужаса и резко крутанул руль в сторону. Огромные, выше моего роста, колеса грузовика пронеслись мимо нас, могучий басовитый гудок негодуяще заревел. Я обернулся назад и успел увидеть, как Полуночная Мона и грузовик на мгновение слились, после чего Мона вылетела из-под задних колес грузовика и продолжила свою гонку, предоставив грузовику, тупому, как бык Пола Баньяна¹, тащиться своей дорогой.

Донни явно не заметил этого чуда: в тот момент он внимательно смотрел вперед, пытаясь избежать аварии.

¹ Баньян Пол — дровосек-великан, герой американского фольклора.

— Черт, мы едва не столкнулись с ним! — потрясенно выдохнула Лэйни.

Она оглянулась назад, и по выражению ее лица с уверенностью можно было сказать, что никакой черной машины позади нас она не замечала.

Но я-то все знал. И Донни тоже знал. Малыш Стиви Коули летел на выручку своей девушке.

— Если он хочет со мной поиграть, то черт с ним, я не прочь! — заорал вдруг Донни, и его нога резко вдавила педаль газа. Движок «шеви» завыл, машина пугающе затряслась, и все, что не было закреплено болтами, задрезжало и зазвенело. — Он никогда не побьет меня! Черта с два!

— Какого дьявола ты так гонишь? — крикнула Лэйни. — Притормози, а то всех нас отправишь на тот свет!

Но Полуночная Мона, похожая на черный реактивный самолет, привыкший противопоставлять скорости только скорость, почти настигла нас. Темный силуэт водителя маячил позади руля. Шины «шевроле» заелозили по асфальту, обливавшийся потом Донни заскрежетал зубами и, вцепившись в руль, продолжал опасную гонку. Свистел ветер, ревел мотор, Лэйни кричала, чтобы Донни сбросил скорость, лишь Полуночная Мона не издавала ни звука.

— Ну давай, сукин сын! — рычал Донни. — Один раз я уже прикончил тебя! Если нужно, я убью тебя снова!

— Ты спятил! — Лэйни цепко, как кошка, ухватилась за свое сиденье. — Я не хочу умирать!

На поворотах, которые Донни делал, не снижая скорости, меня бросало с одной стороны заднего сиденья на другую. Донни боролся с рулем из последних сил, оставшихся в его измученном теле. Мысли прыгали у меня в

голове, но определенная цепочка рассуждений все же выстраивалась; летая по салону «шевроле», как мешок с грязным бельем, я понял, что именно Донни Блэйлок убил Мальшпа Стиви Коули. О том, как это случилось, я мог только догадываться: две машины, одна синяя, другая черная, гнали так, что чертям было тошно, по этой самой дороге. При свете прошлогодней октябрьской луны из их выхлопных труб било пламя. Быть может, они гнали ноздря в ноздрю, словно колесницы в фильме «Бен Гур», и вот тогда-то Донни подло вильнул в сторону, так что правое заднее крыло Большого Дика ударило Полночную Мону. Возможно, машина Мальшпа Стиви вышла из-под контроля и ее занесло или лопнула шина. Так или иначе, Полночная Мона взлетела и, грациозная, как черная бабочка, пронеслась сквозь серебристую тьму, а едва коснувшись земли, взорвалась. Я почти слышал дьявольский хохот Донни Блэйлока, уносившегося прочь от горящих руин искореженного металла и стекла.

И этот злобный смех не грезился мне, я его слышал именно сейчас.

— Я с тобой покончу! — орал Донни.

Его глаза блестели уже совершенно безумным огнем, а напояженные волосы поднялись на голове дыбом и развевались, как змеи-щупальца горгоны Медузы. Было совершенно ясно, что он дошел до предела.

Неожиданно Донни вдавил в пол педаль тормоза. Лэйни закричала, я тоже. Даже Большой Дик и тот закричал вместе с нами.

Полночная Мона, расстояние от которой до нашего заднего бампера составляло не более пяти футов, врезалась в нас.

Чувствуя, как глаза едва не вылезают мне на лоб, я увидел, как разрисованный языками пламени капот Моны появляется из обивки заднего сиденья. Потом неторопливо, как в замедленной киносъемке, Полночная Мона стала заполнять собой салон «шеви». Я почувствовал запахи горящего масла и обожженного металла, сигаретного дыма и одеколона «Английская кожа». На краткий миг рядом со мной возник вцепившийся в руль молодой темноволосый парень с глазами голубыми, как вода в плавательном бассейне, с зажатым в зубах окурком «Честерфилда». Острый подбородок его грубоватого, но симпатичного лица был гордо и упрямо выставлен вперед, словно нос Летучего Голландца. Я почувствовал, как у меня на голове шевелятся волосы.

Полночная Мона пронеслась сквозь Большого Дика. Черный автомобиль пронзил собой переднее сиденье, и на пути к двигателю сидящий за рулем парень протянул руку и, как мне показалось, коснулся щеки Лэйни. Я увидел, как она подскочила на месте и побледнела. Донни втиснулся в сиденье, вопя благим матом от охватившего его панического страха. Он крутил руль то в одну, то в другую сторону, пытаясь избавиться от вконец загнавшего его призрака: ведь он видел его, а вот Лэйни упорно не замечала. Полночная Мона прошла через передний бампер Большого Дика, блеснула красными рубинами задних габаритных фонарей и пыхнула выхлопом в лицо Донни. «Шеви» закрутился, скрипя тормозами и вереща шинами, как будто из леса на дорогу вырвалась на ночную охоту толпа пьяных привидений.

Я почувствовал сильный удар и услышал скрежет, меня швырнуло на спинку переднего сиденья, на котором

сидела Лэйни, и прижало к нему, словно невидимым утюгом.

— Господи! — услышал я сдавленный крик Донни; на этот раз он ни над кем не смеялся.

Зазвенело стекло, в брюхе «шевроле» что-то безнадежно сломалось, громко затрещали кусты и ветви деревьев, и «шеви» наконец остановился, зарывшись носом в кучу красной глины.

— Йи-йи-йи! — завизжал Донни, словно пес со сломанной лапой.

Я почувствовал во рту привкус крови, мой нос болел так, словно его вдавили в лицо. Я заметил, как бешено крутит по сторонам головой Донни; его волосы на висках поседели.

— Я прикончил его! — завизжал он высоким и безумным голосом. — Убил эту сволочь! Полуночная Мона сторела! Вы видели, как валил из нее дым?

Лэйни смотрела на Донни, взгляд ее блуждал, на лбу быстро вздувался красный бугор размером с яйцо.

— Так это ты... убил... — с трудом ворочая языком, прошептала она.

— Да, я убил его! Сшиб с дороги к чертовой матери! Хрясь! И он улетел в кусты! Хрясь! И нет его!

Донни залился истерическим смехом и стал выбираться из машины прямо через окно с водительской стороны, не открывая двери. Его мокрое лицо распухло, вытаращенные глаза были совершенно безумными, весь перед его джинсов пропитался мочой. Выбравшись наружу, Донни принялся ходить кругами.

— Папаша! — звал он. — Помоги мне, папаша!

Потом Донни что-то забормотал, всхлипывая, и начал взбираться на кучу красной глины на опушке леса.

Я услышал щелчок.

Открыв бардачок, Лэйни достала оттуда пистолет, взвела курок и прицелилась в едва державшуюся на ногах фигуру, в эту безумную развалину, которая рыдала, в отчаянии призывая на помощь своего папашу.

Рука Лэйни дрожала. Я увидел, как напрягся ее палец на курке.

— Лучше не надо,— прошептал я.

Ее палец меня не послушался, но рука Лэйни откликнулась на мой призыв, сдвинувшись на дюйм. Пистолет дернулся, чмокнула пуля, вонзившись в красную глину. Лэйни продолжала жать на курок: еще четыре пули с чавканьем впились в глину, разбрасывая ее комья по сторонам.

Донни Блэйлок уже бежал к желтеющему недалеке лесу. Ветви поймали его в свои объятия, пытаясь высвободиться, он разорвал о сучья рубашку и помчался со всех ног дальше. Мы слышали, как он одновременно смеется и плачет. Эти ужасные звуки смолкли лишь тогда, когда он исчез в глубине леса.

Опустив голову, Лэйни спрятала лицо в ладонях. Ее спина вздрагивала. До моих ушей донеслись тихие, похожие на стоны всхлипывания. У меня в носу было такое ощущение, словно там полыхал пожар.

Нос болел, но все же я отчетливо различал легкий запах одеколona «Английская кожа».

Внезапно Лэйни в испуге подняла голову. Ее рука дотронулась до мокрой от слез щеки.

— Стиви? — прошептала она, и ее голос был полон надежды.

Я уже говорил, что это время года как нельзя лучше подходило для призраков. Они собирались с силами, что-

КНИГА 2. ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

бы бродить по октябрьским полям и дорогам и говорить с теми, кто хотел их выслушать.

Лэйни, наверно, так и не увидела Стиви. Быть может, если она что-то и почувствовала, то сама себе не поверила, иначе в будущем ее ожидал бы тот же дом с комнатами, обитыми резиной, куда теперь суждено было отправиться Донни.

Но мне кажется, она слышала голос Стиви отчетливо и ясно. Или, может быть, почувствовала запах его кожи, вспомнила прикосновение.

И мне хотелось верить, что для нее этого было достаточно.

Глава 7

ПОЛДЕНЬ В ЗЕФИРЕ

Нос я не сломал, но он распух, как дыня, и через несколько дней приобрел отвратительный багряно-зеленый цвет, а под глазами у меня залегли черные с синевой круги. Сказать, что маму до смерти перепугал мой рассказ о случившемся, было все равно что сказать, что в Мексиканском заливе местами есть водичка. Но главное — я уцелел, а вскоре и мой нос приобрел нормальный вид.

Мисс Грейс вызвала шерифа Эмори, и тот подобрал нас с Лэйни, когда мы пешком возвращались в Зефир по трассе 16. Мне не хотелось перед ним особенно распространяться: в моих ушах еще стоял крик Донни, что, мол, Блэйлоки купили зефирского шерифа с потрохами. Я рассказал об этом отцу, когда родители приехали забрать меня от дока Пэрриша. Отец никак не прокомментировал мой рассказ, но я ясно увидел, что в нем зреет грозное облако. Я знал, что он не оставит все это просто так.

Мисс Грейс поправилась. Ее отвезли в больницу в Юнион-Тауне, но оттуда она вскоре вышла: пуля не задела никаких жизненно важных органов, рана быстро зажила. У меня было ощущение, что мисс Грейс не из тех, кому удается легко заткнуть рот.

Историю Лэйни и Малыша Стиви Коули я позднее услышал от отца, которому в свое время все рассказал шериф: Лэйни и Донни Блэйлок повстречались в Бирмингеме, где девушка, в семнадцать лет сбежавшая из дома, работала стриптизершей в ночном клубе «Порт-Саид». Донни уговорил Лэйни присоединиться к семейному «бизнесу» Блэйлоков, посулив ей роскошную жизнь и большие деньги. Он убедил ее, что парни с авиабазы — настоящие джентльмены и привыкли щедро платить по счетам. Лэйни согласилась работать у мисс Грейс, но вскоре, подбирая себе летний гардероб у Вулворта, встрети-лась с Малышом Стиви. Скорее всего, это не была любовь с первого взгляда, но что-то в этом роде и, безусловно, очень романтическое. Малыш Стиви уговорил Лэйни уйти от мисс Грейс и вести добропорядочный образ жизни. Они собирались пожениться. Мисс Грейс не стала мешать Лэйни: ей не нужны были девушки, не способные полностью отдаваться работе. Но к тому времени Донни Блэйлок вообразил себя дружкой Лэйни. К тому же он питал давнюю ненависть к Малышу Стиви, поскольку, что бы там ни говорил Донни, Полуночная Мона всегда легко обставляла Большого Дика. Донни решил, что единственный способ заставить Лэйни и дальше работать на Блэйлоков — покончить с Малышом Стиви. Внутри потерпевшей аварию, пылавшей Полуночной Моны сгорели и мечты Лэйни о новой жизни. После смерти Стиви собственная судьба стала ей совершенно безразлична: она уже не задумывалась, чем занимается, с кем и где. Как заметила мисс Грейс, душа Лэйни стала грубой, как камень.

Последнее, что я слышал о Лэйни: она решила вернуться домой, повзрослевшая, умудренная жизненным опытом и хлебнувшая лиха.

Впрочем, едва ли кто-нибудь пребывает в уверенности, что все в жизни имеет счастливый конец.

Дошли до меня и кое-какие сведения о Донни. Его арестовали и теперь держали в городской тюрьме рядом со зданием суда. Донни обнаружил фермер с большим дробовиком, когда он танцевал на пару с огородным чучелом. Зрелище железной решетки перед глазами немного привело в порядок мысли Донни и позволило ему обрести здравый ум ровно настолько, чтобы сознаться, что он столкнул с дороги машину с Малышом Стиви. Теперь никто не сомневался, что Донни не удастся уйти от длинной руки правосудия, даже если эта рука запачкана деньгами Блэйлоков.

Пришел ноябрь и коснулся Зефира своими холодными пальцами. Холмы вокруг города сделались коричневыми, листва почти вся облетела. Листья высохли и, когда кто-нибудь ступал на них, громко хрустели под ногами.

Этот хруст мы слышали под окнами своего дома во вторник вечером. В очаге горел огонь, отец читал газету, а мама колдовала над поваренной книгой, изучая рецепт нового пирога или пирожного.

Вдверь постучали, и отец поднялся, чтобы открыть. На крыльце в свете фонаря стоял шериф Джуниор Талмэдж Эмори с шляпой в руках, его большеротое лицо было урюмо. Воротник его куртки был поднят: на улице уже здорово похолодало.

— Можно мне войти, Том? — спросил шериф.

— Не знаю, что и сказать, — ответил отец.

— Ты не хочешь больше со мной разговаривать, это понятно. Я не стану закатывать по этому поводу истерику. Но... я уверен, Том, что ты выслушаешь то, что я хочу сейчас тебе сказать.

Мама подошла к дверям и встала позади отца.

— Пусти его в дом,— сказала она.

Отец распахнул дверь, и шериф вошел.

— Привет, Кори,— бросил он.

Я сидел на полу рядом с камином и делал домашнее задание по истории штата Алабама. Теплое местечко у камина, так любимое Бунтарем, сейчас казалось душераздирающе пустым. Но жизнь все равно продолжалась.

— Привет,— отозвался я.

— Кори, поднимись, пожалуйста, в свою комнату,— приказал мне отец, но шериф Эмори остановил его:

— Том, мне бы хотелось, чтобы Кори тоже слышал, потому что именно благодаря ему все выплыло наружу.

Так я остался сидеть у камина. Шериф Эмори, согнувшись в три погибели, уместил в кресле свое тощее тело Икабода Крейна¹ и положил шляпу на кофейный столик. Потом некоторое время сидел молча, разглядывая серебряную звезду, украшавшую шляпу. Отец снова уселся в кресло, а мама, в любой ситуации остававшаяся гостеприимной хозяйкой, спросила шерифа, не желает ли он подкрепиться куском яблочного пирога или тортом с корицей, на что тот отрицательно покачал головой. Тогда мама тоже опустилась в кресло, стоявшее на таком же расстоянии от камина, что и кресло отца, только с другой стороны.

— Мне недолго осталось носить звание шерифа,— заговорил наконец Эмори.— Мэр Своуп подыскивает нового человека на эту должность, и как только его выбор будет сделан, я сниму звезду. Думаю, что я сложу полномочия к середине месяца.— Шериф тяжело вздохнул.—

¹ Икабод Крейн — герой новеллы Вашингтона Ирвинга «Легенда о Сонной Лощине».

До начала декабря я собираюсь уехать вместе с семьей из города.

— Жаль все это слышать,— отозвался отец.— Но еще обидней мне было узнать то, о чем рассказал Кори. Впрочем, у меня нет никаких доказательств, чтобы обличать тебя. Ведь если бы я пришел к тебе с обвинениями, ты бы мог просто все отрицать.

— Должен признать, что, скорее всего, так бы оно и вышло. Но ты поверил своему сыну, потому что если ты не веришь своей плоти и крови, то кому еще можно верить?

Отец нахмурился. Казалось, во рту у него невыносимая горечь, от которой он никак не мог избавиться.

— Бога ради, почему ты так поступил, Джей-Ти? Что заставило тебя взять у Блэйлоков деньги и покрывать этих подонков? Они травят людей самогоном и обманывают в игорном притоне. И ты закрывал на все это глаза! Не говоря уже о заведении мисс Грейс. Я уважаю ее, но, Бог свидетель, было бы лучше, если бы она нашла себе другое занятие. Что еще ты сделал для Большого Дула? Чистил ему обувь?

— Да,— ответил шериф.

— Что «да»?

— Я чистил ему ботинки. Я действительно это делал.

На лице шерифа Эмори появилась вымученная улыбка. Его глаза превратились в пару черных дыр, полных горя и раскаяния. Его улыбка ушла, на лице осталась лишь гримаса боли.

— Я регулярно приезжал за деньгами в дом Большого Дула. Он платил мне каждое первое число месяца. Две сотни долларов в белом конверте с моим именем: «Шерифу Джуниору». Так он звал меня.

Шериф скривился от воспоминаний.

— В тот день, когда я приехал к Блэйлокам, все сыновья Большого Дула были в сборе: Донни, Бодин и Уэйд. Большое Дуло чистил ружье. Он сидел в массивном кресле, казалось, заполняя собой всю комнату. Взглядом он мог сбить человека с ног. Я взял конверт с деньгами, и вот тогда он наклонился, снял свои ботинки, все в свежей грязи, поставил их на стол и сказал: «Шериф Джуниор, вот мои грязные ботинки, у меня что-то нет настроения самому их чистить. Как ты посмотришь на то, чтобы почистить их для меня?» Я открыл рот, чтобы сказать «нет», и тогда он вытащил из нагрудного кармана пятидесятидолларовую бумажку, положил ее внутрь одного из своих больших башмаков и сказал: «Само собой, не бесплатно, шериф».

— Я не хочу этого слышать, Джей-Ти. Зачем ты мне это рассказываешь? — спросил отец.

— Мне нужно все рассказать. Хочу, чтобы кто-нибудь это услышал.

Шериф взгляделся в огонь, и я увидел, как отсветы пламени заплясали на его лице.

— Я сказал Большому Дулу, что ухожу и не собираюсь чистить ему ботинки. На это он усмехнулся и ответил: «Всеу есть своя цена, шериф Джуниор. Почему бы тебе не назвать ее прямо сейчас?» Он достал из кармана еще пятьдесят долларов и положил их во второй башмак.

Шериф Эмори приблизил к глазам свою предательскую правую руку, пристально рассматривая ее.

— Мне нужно было купить дочерям новую одежду, приличную обувь, — продолжал он. — Все, что у них было, сносилось и изорвалось. И тогда я подумал: почему бы мне не заработать сейчас лишнюю сотню долларов? А Боль-

шое Дуло знал, что в тот день я к нему приеду, и специально топтался в грязи. Почистив его ботинки, я вышел на улицу, и там меня вырвало, настолько мне было противно. Я слышал, как смеялись в доме сыновья Большого Дула.

Шериф крепко зажмурился и через несколько секунд снова открыл глаза.

— На следующий день я отвез своих девочек в лучший обувной магазин в Юнион-Тауне, а для Люсинды купил букет цветов. И дело не только в том, что я хотел обрадовать жену,— после этих вонючих башмаков мне самому хотелось ощутить запах чего-то приятного.

— Значит, Люсинда все знает?

— Нет, она думает, что я получил прибавку к жалованью. Если бы вы только знали, сколько раз я просил мэра Своупа и его чертов городской совет, чтобы мне повысили оклад! И каждый раз он отвечал мне одно и то же: «Джей-Ти, мы обязательно учтем это в бюджете на следующий год».

Шериф горько усмехнулся.

— Старый добрый Джей-Ти! Он все стерпит, его можно не принимать в расчет. Он может жить на грошовое жалованье до второго пришествия, да и с какой стати прибавлять ему жалованье? Чем он занимается целый день? С утра старина Джей-Ти объезжает город на своей машине с гербом шерифа, а вторую половину дня сидит у себя в офисе за столом и читает «Настоящих детективов». Всего-то дел у него, что время от времени растащить драчунов, разыскать потерявшегося пса да вразумить соседей, повздоривших из-за сломанной изгороди. Ну, случается, конечно, иногда ограбление, или стрельба, или машина с мертвым водителем свалится в озеро Сак-

сон. Но ведь всем понятно: это вовсе не значит, что стари-на Эмори — настоящий шериф. Он всего лишь долговязый простофиля в шляпе с шерифской звездой, а в Зефире почти ничего не происходит — так что нет никаких оснований повышать ему жалованье, делать скидку на бензин, иногда выплачивать премию или хотя бы похлопать по спине в качестве поощрения.

Глаза шерифа заблестели от лихорадочной ярости. И я, и мои родители поняли, что даже представить себе не могли, какую муку все это время таил он в себе.

— Черт, — выругался он, — не для того я пришел сюда, чтобы выливать на вас свою желчь. Мне очень жаль, что так вышло.

— Зачем же вы все это терпели? — спросила мама. — Почему просто не ушли в отставку?

— Потому что... мне нравилось быть шерифом, Ребекка. Мне нравилось знать, кто, чем и где занимается, нравилось сознавать, что люди зависят от меня. Я словно был для всех горожан и отцом, и старшим братом, и лучшим другом одновременно. Может быть, мэр Своуп и его городской совет не считались со мной, но жители Зефира смотрели на меня с уважением. Раньше смотрели, я хотел сказать. Вот почему я все тянул и тянул, хотя уже давно мог выйти из игры, — еще до того, как однажды Большое Дуло позвонил мне посреди ночи и сказал, что у него есть для меня предложение. Он сказал, что его бизнес не приносит вреда. Немного алкоголя никому не вредит: от этого человек расслабляется. Люди сами приходят к нему и просят товар, иначе он никогда не стал бы гнать са-могон — так он мне сказал.

— И ты поверил ему? Господи, Джей-Ти!

Отец покачал головой, на лице его было написано отвращение.

— Большое Дуло сообщил мне еще кое-что: если бы он и его сыновья не держали бы в Зефире этот бизнес, то из соседнего округа давно бы уже заявила банда Райкера, настоящие хладнокровные убийцы, что ни для кого не секрет. Может быть, принимая от Большого Дула деньги, я и вступал в союз с дьяволом, но знакомый дьявол все-таки лучше, чем тот, которого не знаешь. Так сказал мне Большое Дуло. И я поверил ему, Том. Я и сейчас считаю, что в его словах была правда.

— Так, значит, все это время ты знал, где находится берлога Большого Дула? А нам говорил, что понятия не имеешь, где он прячется.

— Именно так. Дом Большого Дула находится неподалеку от того места, где Кори и его друзья видели, как Бэйлоки продали свой ящик. Я не знаю, что там было внутри, Богом вам в этом клянусь, могу сказать только одно: Джеральд Харджисон и Дик Моултри состоят в клане уже давно. И вот теперь я, предатель, грешник и слизняк, не имею даже права идти по улице рядом с порядочными людьми.

Шериф Эмори в упор взглянул на моего отца.

— Нет нужды говорить, Том, что я сам во всем виноват. Я знаю, что поступил бесчестно, опозорив не только звание шерифа, но и свою семью. Для меня хуже смерти, когда люди, которых я считал своими хорошими друзьями, смотрят на Люсинду и девочек так, словно они замараны грязью. Я уже говорил вам, что скоро мы уедем отсюда навсегда. Но сегодня я все еще шериф города Зефира, избранный на эту должность его жителями, и у меня осталось одно обязательство, которое я должен выполнить.

— Что же это за дело? Открыть для Большого Дула сейфы городского банка?

— Нет,— тихо ответил шериф.— Отправить Донни в тюрьму за убийство. Он убил человека и должен за это поплатиться.

— Ах вот что,— отозвался отец, и я ясно услышал нотки раздражения в его голосе.— И что на это скажет Большое Дуло? Ведь он исправно платил тебе за то, чтобы ты сидел тихо?

— Большое Дуло никогда не платил мне за то, чтобы я защищал убийц. А Донни — убийца. К счастью, он только ранил мисс Грейс, слава богу, что она жива. Я знал Стиви Коули. Он тоже был крутой парень, доставлял мне немало неприятностей, но он не был жестоким. И его родители — тоже вполне достойные люди. Я не хочу, чтобы Донни сошло с рук это убийство, и мне наплевать на угрозы Большого Дула.

— Он угрожал вам? — спросила мама, а отец поднялся, чтобы помешать в камине поленья кочергой.

— Да. Точнее, он меня предупредил.

Брови шерифа Эмори сошлись над переносицей, между глаз залегли морщины.

— Послезавтра сюда на автобусе компании «Трэйлвейз» должны будут приехать два судебных исполнителя из административного центра округа. Номер автобуса — тридцать третий, он приходит в полдень. Мне нужно подготовить бумаги для передачи преступника властям округа, и они возьмут его под стражу.

Автобус «Трэйлвейз», следовавший в Юнион-Таун, проезжал через Зефир каждый второй день. В редких случаях он делал остановку у заправочной станции «Шелл» на Риджетон-стрит, чтобы высадить или забрать одного-двух пассажиров, но, как правило, автобус просто проскакивал наш город без остановки, торопясь к своему месту назначения.

— В бардачке в машине Донни я нашел записную книжку в черной обложке,— пояснил шериф Эмори. Отец положил в камин новое полено, не переставая слушать шерифа.— Там записаны имена и телефоны людей, имеющих отношение к ставкам на результаты футбольных матчей. Некоторые имена из этой книжки вас здорово удивят. Эти люди не из Зефира, но вы, если, конечно, интересуетесь политикой, наверняка хорошо знаете их из газет. Я почти уверен, что Блэйлоки подкупили нескольких тренеров, чтобы те устроили своим командам проигрыш.

— Господи боже мой,— прошептала мама.

— Когда судебные исполнители приедут забирать Донни, я должен быть уверен, что он в целости и сохранности будет передан им в руки.

Шериф Эмори провел пальцем по краю своей звезды.

— Большое Дуло сказал, что, прежде чем его сын сядет в этот автобус, он убьет меня. Я уверен, он не шутит, Том.

— Он блефует, пытается запугать тебя! — отозвался отец.— Думает, что ты отдашь ему Донни.

— Сегодня утром, когда я вышел на крыльцо, я нашел там останки животного, по-видимому кота, изрубленного на куски, так что все вокруг было забрызгано кровью. На нашей двери было написано кровью: «Донни из города не уедет». Мне трудно описать лица девочек, когда они вышли за мной следом и увидели весь этот ужас.

Шериф Эмори на миг опустил голову, разглядывая пол.

— Я боюсь, Том. Ужасно напуган. Думаю, Большое Дуло попытается отбить Донни, прежде чем автобус появится в городе. Меня он точно не пощадит.

— Я боюсь другого: того, что эти ядовитые змеи могут сотворить с Люсиндой и твоими девочками, Джей-

Ти,— сказала мама, и я понял, что она просто кипит от негодования — такие резкие выражения нечасто срывались с ее уст.

— Еще утром, сразу же после происшедшего, я отправил девочек вместе с Люсиндой к ее матери. Около двух часов дня жена позвонила и сказала, что они благополучно добрались до места.

Шериф поднял лицо и взглянул на отца. В его глазах застыла мука.

— Я один не справлюсь, Том. Мне нужна помощь.

Эмори объяснил, что ему нужны три-четыре добровольца, чтобы сопроводить Донни к автобусу, и что сегоднешнюю ночь и завтра с утра эти волонтеры будут стеречь Донни в камере. Он сказал, что Джек Марчетт уже вызвался в добровольцы и сейчас надзирает за Донни, но больше никто не согласился помогать властям. Прежде чем идти к нам, шериф переговорил с десятком человек, и все отказались. Предстоящая миссия будет очень опасной. Он заплатит добровольцам по пятьдесят долларов из своего кармана, но это все, что он может себе позволить. В полицейском участке есть пистолеты и патроны, его тюремная камера неприступна, как крепость. Самым сложным будет доставить Донни из участка к автобусу и без помех передать его судебным исполнителям.

— Вот и вся история.— Шериф Эмори крепко сжал руками свои костлявые колени.— Как ты посмотришь на то, чтобы пойти добровольцем, Том?

— Ни за что! — громко выкрикнула мама.— Ты что, Джей-Ти, спятил?

— Мне очень жаль, Ребекка, что приходится просить об этом Тома. Но это нужно сделать.

— Тогда найди кого-нибудь другого, только не моего мужа!

— Так ты ответишь мне, Том? — настойчиво повторил шериф.

Отец молчал, стоя рядом с камином, в глубине которого потрескивали поленья. Его взгляд метался от шерифа к маме и обратно, на какое-то мгновение он остановился и на мне. Потом отец опустил глаза в пол и засунул руки глубоко в карманы.

— Не знаю, что и сказать.

— Ты признаешь, что моя просьба справедлива?

— Да, это так. Но я всей душой ненавижу насилие, даже сама мысль о нем для меня непереносима. В особенности после того... что творилось со мной последние месяцы. Словно я ходил по яичной скорлупе с привязанной к спине наковальней. Я знаю точно, что не смогу заставить себя нажать на курок и в кого-то выстрелить.

— Тебе не обязательно иметь при себе оружие, Том. Просто мне нужно, чтобы рядом были люди, и Большое Дуло убедился бы, что убийство не сойдет ему с рук.

— Если, конечно, Блэйлоки вас всех не перестреляют! — в отчаянии крикнула мама. — Нет и нет! В последние месяцы Том пережил тяжелый стресс, он не пригоден для такого дела ни морально, ни физически...

— Ребекка! — не выдержал отец. Мама замолчала. — Я сам могу за себя сказать, — добавил он.

— Только скажи мне «да», Том, — почти умолял шериф Эмори. — Это все, что я хочу от тебя услышать.

Отцу было непросто принять решение. Я видел, какая мука отражается на его лице. Он знал, как правильно поступить, но его душа корчилась и разрывалась на части,

а ледяная рука человека со дна озера Саксон сжимала его затылок.

— Нет,— проговорил наконец отец хриплым голосом.— Я не смогу пойти с тобой, Джей-Ти.

Пусть Бог меня простит, но только одно слово возникло в тот момент в моем сознании: «Трус». Горький стыд мгновенно охватил меня, и я с горящим лицом выскочил за дверь и бросился в свою комнату.

— Кори! — крикнул отец.— Подожди!

— Хорошо, это мне и нужно было услышать! — сказал шериф Эмори.

Он поднялся, взял с кофейного столика свою шляпу и нахлобучил ее себе на голову. Шляпа помялась и села криво, серебряная звезда шерифа перекосилась.

— Отлично, черт возьми! Все только и говорят, что давно пора упрятать Блэйлоков за решетку, все кому не лень пинают меня за то, что я брал их грязные деньги, но как только представляется возможность что-нибудь сделать, все прячутся в кусты и тянут туда своих братьев, мужей, дядьев и всю родню. Отлично, черт возьми!

— Мне очень жаль, но я действительно не могу... — начал было отец.

— Забудь, Том. Сиди дома в тишине и покое. Спокойной ночи.

Шериф Эмори вышел за дверь на холод. Под его ногами зашуршали и затрещали листья. Вскоре все звуки стихли. Отец постоял у окна, наблюдая, как шериф садится в машину.

— Не расстраивайся,— сказала мама.— Он найдет себе других добровольцев.

— А что, если никто не пойдет с ним? Что, если все предпочтут отсиживаться в кустах?

— Ну что ж, если в городе некому помочь шерифу, это означает, что никому нет дела до закона и порядка. Значит, Зефир заслуживает того, чтобы его иссушило солнце и стер с лица земли ветер.

Отец повернулся к маме, его губы были плотно сжаты.

— Но *мы и есть* Зефир, Ребекка. Ты, я, Кори, шериф Джей-Ти. И те десять человек, что отказались идти вместе с ним защищать закон, — все мы и есть Зефир. Не дома Зефира падут первыми, солнце и ветер в первую очередь иссушат и развеют в прах души его жителей.

— Ты не сможешь помочь ему, Том. Если с тобой что-то случится...

Она не нашла в себе сил закончить фразу: стоило только подумать об этом, как на душе становилось смертельно холодно.

— Может, шериф и поступил дурно, но он заслуживает помощи. Я не должен был ответить отказом.

— Нет, ты поступил правильно. Ты не боец, Том. Блэйлоки убьют тебя, прежде чем ты глазом успеешь моргнуть.

— Значит, тогда мне придется вообще не моргать, — холодно ответил папа, и его лицо окаменело.

— Делай так, как сказал тебе Джей-Ти. Останься дома, подальше от опасности. Ладно?

— Хороший же пример я подаю Кори. Ты заметила, как он посмотрел на меня?

— Он все поймет, — отозвалась мама, пытаясь выдать на лице улыбку. — Как насчет хорошего куска торта с корицей и чашечки кофе?

— Мне в рот ничего не лезет: ни торт с корицей, ни яблочный пирог, ни кокосовые пирожные, ни оладьи с черникой. Все, что мне сейчас нужно, это... — Отец замолчал, словно потерял дар речи от переполнявших его эмо-

дий. «Покой», — вот что он, наверное, имел в виду. — Я пойду поговорю с Кори, — сказал он маме и, остановившись перед моей дверью, тихо постучал.

Я сказал, что можно войти. В конце концов, он был мой отец. Он присел ко мне на кровать, а я даже не поднял на него глаз, продолжая рассматривать книжку комиксов о Черном Ястребе.

Еще до того, как отец поднялся ко мне, я вспомнил слова Вернона Такстера: «Шериф Эмори — хороший человек, но не слишком хороший шериф. У него нет собачьего инстинкта ищейки, он вполне может выпустить птичку, когда она находится в его когтях». Судя по тому, что рассказал шериф Эмори, нельзя было сказать, что он не заботится о своей семье.

Отец прочистил горло.

— Ну что, наверно, я пал в твоих глазах ниже некуда?

В другой раз я, наверно, улыбнулся бы ему в ответ. Но в тот момент я упорно рассматривал одну и ту же страницу комиксов, пытаясь проникнуть в мир изящных черных самолетов и героев с крепкими челюстями, без промедления пускающих в ход кулаки и свой недюжинный разум во имя справедливости.

Наверно, я чем-то выдал себя, и отец прочитал мои мысли.

— Мир — это не книжка комиксов, сынок, — сказал он.

Потом он коснулся моего плеча, поднялся и вышел из комнаты, прикрыв за собой дверь.

В ту ночь мне снились кошмары. В них не было четырех девочек, звавших меня по имени, но был автомобиль, несшийся к краю красной скалы и падавший вниз, в темную воду озера Саксон; в них была Полночная Мона,

проезжающая сквозь меня. Снилось мне и бородатое демоническое лицо Большого Дула, который повторял одно и то же: *«Я добавил туда пару штук на всякий случай»*, и оторванная дробовым зарядом голова Люцифера, которая пронзительно кричала что-то из его могилы, и миссис Лезандер, которая протягивала мне стакан чая со словами: *«Иногда Франц почти до рассвета слушает иностранные радиостанции»*.

Я проснулся и долго лежал, не смыкая глаз.

О том, что док Лезандер — «сова» и не спит по ночам до утра, а кроме того, на дух не переносит молока, я не сказал ни маме, ни отцу. Конечно же, ни то ни другое не имеет никакого отношения к автомобилю на дне озера Саксон. Да и для чего, скажите на милость, мистеру Лезандеру нужно было убивать незнакомца? К тому же док Лезандер — добрый человек, который любит животных. Предположить, что он дикий зверь, способный забить человека до смерти, а потом удушить его рояльной струной, было немыслимо. Это даже в голове не укладывалось!

Тем не менее я продолжал думать об этом.

Вернон оказался абсолютно прав в своей оценке шерифа Эмори. Может, он был прав и тогда, когда говорил про «сову», ненавидящую молоко?

Вернон, конечно, сумасшедший, но, как и «Beach Boys», он любит потусоваться. Подобно Божьему оку, он видел все, что происходило в Зефире, куда направлялись его жители и что случалось с ними, отлично разбирался в их грандиозных надеждах и низких интригах. Он видел жизнь нашего городка во всей ее неприкрытой наготе и, может быть, замечал даже больше, чем был способен понять.

Итак, я принял решение. Я буду следить за доком Лезандером и за миссис Лезандер тоже. Не может быть, чтобы док Лезандер оказался чудовищем в шкуре воспитанного, доброжелательного человека, а его жена ничего об этом не знала.

На другой день после школы, в морось и холод, я прокатился на Ракете мимо дома дока Лезандера. Конечно, в такую погоду они оба сидели дома. Даже лошади доктора и те стояли в конюшне. Я понятия не имел, что именно ожидал увидеть, но точно знал, что должен был приехать сюда. Что-то наверняка связывало дока Лезандера с происшествием на озере Саксон более прочной связью, чем умозрительная теория Вернона.

Вечером дома за ужином царила такая плотная тишина, что казалось, ее можно было резать ножом. Я не решался поднять глаза, потому что боялся встретиться взглядом с отцом. Родители тоже избегали смотреть друг на друга. Веселенький получился ужин, нечего сказать.

Когда мы доедали пирог с тыквой, который, сказать по правде, всем нам изрядно надоел, отец сказал:

— Сегодня рассчитали Рика Спаннера.

— Рика? Но ведь он работал в «Зеленых лугах» почти столько же, сколько и ты!

— Именно.

Отец подцепил корочку пирога вилкой.

— Сегодня утром я говорил с Нилом Ярброу. Он слышал, что они сокращают производство. А что поделаешь? Этот чертов... этот супермаркет, — поправился отец, не сумев сдержать ненароком вырвавшееся бранное слово. — Все из-за него, из-за «Большого Пола».

Отец так громко фыркнул, что я испугался, как бы кусок тыквенного пирога не вылетел у него через нос.

— Молоко в пластиковых бутылках! Что, скажите на милость, они придумают дальше?

— Леа Спаннер родила в августе, — проговорила мама. — Это у них уже третий ребенок. Что Рик собирается теперь делать?

— Откуда я знаю? Он ушел домой, как только ему сообщили об увольнении. Нил сказал, что ему заплатили за весь месяц, но надолго ли этого хватит, когда нужно кормить четыре рта?

Отец отложил вилку.

— Может быть, испечешь для них пирог или еще что-нибудь?

— С утра испеку им свеженький.

— Вот и хорошо.

Отец накрыл своей ладонью мамину руку. В этом жесте было столько всего — и сказанного, и невысказанного, — что у меня защемило в груди.

— Сдается мне, Ребекка, что Рик — это только начало. «Зеленые луга» не смогут тягаться с ценами, которые устанавливает супермаркет. На прошлой неделе мы опустили цены для постоянных клиентов, а еще через пару дней «Большой Пол» сделал их еще ниже. Похоже, дела пойдут совсем плохо и просвета в ближайшее время не предвидится.

Я увидел, как рука отца сжала мамину ладонь, она тоже ответила пожатием. Они за долгие годы научились понимать друг друга без лишних слов.

— И вот еще что.

Отец замолчал. Его скулы то сжимались, то вновь расслаблялись. Было видно, что ему трудно поднимать эту тему, чего бы она ни касалась.

— Сегодня днем я разговаривал с Джеком Марчеттом. Он был на заправке «Шелл», когда я остановился там залить бензин. Он сказал...

Отец снова замолчал, словно в его горле что-то застряло.

— Он сказал, что кроме него Джей-Ти сумел отыскать только одного добровольца. И знаешь кого?

Мама молча ожидала продолжения.

— Человека-Луну.

Невеселая улыбка промелькнула на лице отца.

— Представляешь? Среди всех здоровых мужиков в этом городе только Джек и Человек-Луна решились встать на сторону Джей-Ти против Блэйлоков. Я сильно сомневаюсь, что Человек-Луна вообще когда-нибудь в жизни держал в руках пистолет, не говоря уже о том, чтобы стрелять из него! А остальные, как видно, решили, что лучше отсидеться дома в безопасности. Вот так.

Мама вырвала свою руку из руки отца и отвернулась. Тогда отец взглянул на меня так пристально, что я заерзал на стуле, потому что от этого пронизывавшего насквозь взгляда мне стало не по себе.

— Что за отец у тебя, приятель? Можешь рассказать в школе своим друзьям, как твой отец помогает поддерживать в городе закон и порядок.

— Нет, сэр, я ничего не собираюсь говорить,— сказал я.

— Нет уж, расскажи все как есть Бену, Джонни и Дэви Рэю.

— Вряд ли мы увидим, как отцы одноклассников Кори выстраиваются в очередь, чтобы получить пулю от Блэйлоков! — нервно выкрикнула мама. — Где эти бравые парни, которые умеют обращаться с ружьями? Где наши храбрые охотники? Где те пустобрехи, которые, если

им верить, побывали в самых отчаянных заварушках и легко могут решить любую проблему с помощью кулаков и пистолета?

— Я не знаю, где они.— Отец отодвинул стул и поднялся.— Зато я знаю, где я сам.

Он уже шел к двери, когда мама, затаив дыхание, с испугом спросила:

— Куда ты идешь?

Отец остановился. Постояв так, между нами и дверью, он поднял руку к лицу.

— Я иду на крыльцо, Ребекка. Просто на крыльцо. Хочу посидеть там немного и подумать.

— На улице холодно, идет дождь!

— Ничего, я это переживу,— ответил отец и вышел.

Он вернулся обратно примерно через полчаса. Усевшись в свое кресло перед камином, он стал греться. Был вечер пятницы, и мне разрешалось посидеть подольше. Когда для меня настало время идти в постель между половиной одиннадцатого и одиннадцатью, отец все еще сидел в кресле перед очагом, сцепив руки и положив на них подбородок. Ветер рвался в дом и стучал в окна, дождь бил в стекла, словно швыряя в них горсти песка.

— Спокойной ночи, мама! — сказал я.

Мама тоже пожелала мне спокойной ночи, на минутку оторвавшись от своей геркулесовой работы на кухне.

— Спокойной ночи, папа.

— Кори?

— Да, сэр?

— Если мне придется убить человека, чем я буду отличаться от того негодяя, который приковал несчастного к рулю автомобиля и отправил на дно озера Саксон?

Я задумался над ответом на несколько секунд.

— Это будет совсем другое дело, потому что в данном случае речь идет о самозащите.

— А может быть, тот человек тоже каким-то образом защищал себя?

— Трудно сказать. Но ему нравилось убивать, а тебе это не доставит никакого удовольствия.

— Да, — ответил отец. — Это уж точно.

Я хотел сказать еще кое-что, но не знал, захочет ли слушать меня отец. И все-таки я должен был это сказать.

— Папа? — позвал я.

— Что, Кори?

— Мне кажется, что мир и покой для себя можно завоевать только своими руками. За мир и покой нужно сражаться, хочешь ты этого или нет. Как это случилось, например, с Джонни и Готой Брэнлином. Джонни не искал драки — ему ее навязали. И в результате он завоевал мир и покой для всех нас, его друзей.

Отец внимательно слушал меня, но выражение его лица совершенно не изменилось, и я не был уверен, что он понимает, к чему я клоню.

— Как ты считаешь, я прав?

— Абсолютно, — отозвался он.

Потом поднял на меня глаза, и я заметил, как уголок его рта растянулся в улыбке.

— Завтра играет Алабама, будут передавать по радио. Матч будет что надо. А тебе пора идти спать.

— Хорошо, сэр, — ответил я и отправился в свою комнату.

Я проснулся в семь утра от урчания мотора, который прогревали после ночного заморозка.

— Том! — услышал я крик матери с крыльца. — Том, не смей!

Выглянув в окно, я увидел, как мама, еще в халате, выбегает на улицу. Но пикап уже набирал скорость.

— Не уезжай, Том! — закричала мама.

Из окошка грузовичка показалась рука отца и несколько раз взмахнула на прощание.

По всей Хиллтоп-стрит лаяли собаки, проснувшиеся от суматохи и криков на улице. Я знал, куда и зачем поехал отец.

Мне стало страшно за него, но ночью он принял важное решение. Он ехал туда, где рассчитывал завоевать мир для себя и своей семьи, не дожидаясь, пока мир и покой установятся сами собой.

Утро стало настоящей пыткой. Мама не вымолвила и двух слов. Она бродила по дому в халате, глаза ее были полны смертельного ужаса. Каждые пятнадцать минут она звонила в офис шерифа и звала к телефону отца, пока наконец в девять часов он не запретил ей больше звонить.

В девять тридцать я оделся. Натянул джинсы и рубашку, а поверх надел еще и свитер: на улице было холодно, несмотря на то что в голубом небе сияло яркое солнце. После этого я почистил зубы и причесался. Потом стал следить, как стрелка часов ползет к десяти. Я думал об автобусе № 33 компании «Трэйлвейз», который катил к нашему городу по извилистой дороге. Прибудет ли он точно по расписанию, запоздает или появится раньше обычного? Сегодня жизнь и смерть моего отца, шерифа Эмори, Человека-Луны и шефа пожарных Марчетта могла зависеть от какой-то лишней секунды. Я изо всех сил гнал от себя эти страшные мысли, но они упорно возвращались, отравляя меня страхом, словно ядовитый плющ. В десять тридцать я понял, что мне надо уйти из дома, чтобы быть там, на месте событий, и видеть отца. Я не мог просто си-

деть и ждать, когда позвонят по телефону и скажут, что Донни уехал в автобусе под охраной судебных исполнителей или что отец лежит на дороге с пулей Блэйлоков в груди. Я должен быть там. Я надел на руку «таймекс» и приготовился уходить.

Когда до одиннадцати оставалось всего ничего, мама разнервничалась так, что включила одновременно и радио, и телевизор и принялась готовить три пирога сразу. Матч Алабамы вот-вот должен был начаться, но мне было наплевать на это.

Я вошел в кухню, где пахло тыквой и мускатным орехом, и сказал:

— Мам, я пойду схожу к Джонни.

— Что? — Мама уставилась на меня расширенными от страха глазами. — Куда ты собрался?

— К Джонни. Мы договорились встретиться, что-бы... — Я бросил взгляд на радиоприемник.

— Го-о-ол! — завыл стадион.

— Чтобы послушать игру по радио, — объяснил я. Это была ложь во спасение.

— Нет, никуда ты не пойдешь! Ты останешься здесь, со мной!

— Но я обещал ребятам...

— Я сказала тебе...

Лицо мамы исказилось от гнева. Она швырнула на стол тазик, в котором смешивала ингредиенты для пирога. Миска с тыквой соскользнула со стола. Ложки и прочие кухонные принадлежности, перепачканные в муке, со звоном попадали на пол. Глаза мамы наполнились слезами, она подняла руку ко рту, чтобы заглушить крик боли и обиды, готовый сорваться с ее губ.

На улице холод, а внутри у меня такая жара, что чертам тошно станет. Вот что творилось со мной в тот момент.

— Мне нужно идти,— твердо повторил я.

Мама больше не могла сдерживать крик.

— Давай, иди! — закричала она, потому что нервы ее были на пределе и она не могла больше переносить эту муку.— Иди куда хочешь, мне все равно!

Я повернулся и стремглав выскочил из кухни, не дожидаясь, когда вид маминых слез ослабит мою решимость, приковав ботинки к полу. Выбежав из дома, я вскочил на Ракету и услышал, как на кухне что-то с грохотом полетело на пол. Навалившись на педали, я что есть духу покати к Риджетон-стрит, чувствуя, как меня пронизывает холодный ветер.

В тот день Ракета была особенно быстра, словно предчувствуя надвигающуюся трагедию. Город еще пребывал в субботней дреме, холод загнал в дома всех обитателей, за исключением нескольких детишек. Большинство мужчин включили радиоприемники в предвкушении триумфа «Медведей». Я наклонился вперед, разрезая подбородком ветер. Шины Ракеты шуршали по мостовой, а когда мои ноги теряли педали, колеса продолжали крутиться сами по себе.

Я добрался до бензоколонки в одиннадцать пятнадцать. Заправка была маленькая: всего-то пара насосов да пневматический шланг. В конторе при заправке, примыкавшей к гаражу на две машины, обычно расхаживал среди выставленных на продажу гаечных ключей и приводных ремней престарелый горбатый владелец заправки мистер Хайрам Уайт, словно Квазимодо между колоколами. Сейчас он сидел за столом, подперев ладонью голову и повер-

нув ухо к радиоприемнику. На углу здания из шлакобетона висел желтый жестяной знак с надписью «Автобусные линии “Трэйлвейз”», прикрученный к стене ржавыми винтами. Я оставил Ракету на заднем дворе заправки, среди пустых емкостей из-под масла, и уселся на солнышке дожидаться полудня.

Без десяти двенадцать мои кулаки сжались так, что ногти впились в ладони — я услышал звук моторов. Я выглянул из-за угла на улицу. К автобусной остановке подъехали машина шерифа и пикап моего отца. Рядом с отцом сидел Человек-Луна, на голове которого красовался его обычный цилиндр. Шеф пожарных Марчетт находился спереди в машине шерифа, за спиной которого виднелся арестованный. Донни Блэйлок в серой одежде заключенного самодовольно ухмылялся. Машины остановились, но никто из них не вышел. Моторы продолжали урчать.

Из своей конторы выбрался мистер Уайт, скособоченный, будто краб. Шериф Эмори опустил окошко со своей стороны и обменялся с хозяином заправки несколькими фразами, из которых я не расслышал ни слова. Затем мистер Уайт возвратился в свою контору. Через несколько минут он появился вновь в перепачканной маслом куртке и бейсбольной кепке. Забравшись в свой «десото», он торопливо укатил восвояси, оставив за собой несколько облачков сизого дыма, напомнивших мне точки и тире азбуки Морзе.

Шериф снова поднял окно. Я бросил взгляд на «таймекс». Без двух двенадцать.

Две минуты минули, но автобус не появился.

— Не двигайся, паренек, — внезапно сказал кто-то позади меня.

Прежде чем я успел повернуться, крепкая рука сжала мой затылок будто тисками. Жилистые пальцы давили так сильно, что сердце заledenело от ужаса.

Сжимавшая меня рука потянула назад, и я отодвинулся от угла здания. Кто подкрался ко мне и застал врасплох — Уэйд или Бодин? Господи, помоги! Смогу ли я как-то предупредить отца? Рука незнакомца продолжала тянуть меня назад, до тех пор пока мы не оказались за кучей пустых канистр. Потом меня отпустили, и я наконец смог обернуться, чтобы увидеть лицо противника.

— Что ты здесь делаешь, парень, черт возьми? — спросил меня мистер Оуэн Каткоут.

Я, казалось, утратил дар речи. Морщинистое лицо мистера Каткоута было покрыто бурыми пятнами, голову венчала пропотевшая коричневая ковбойская шляпа, своей формой скорее вызывавшая воспоминания о Габби Хейесе¹, чем о Рое Роджерсе². Нечесанные светлые волосы мистера Каткоута неряшливо свисали на плечи. Помимо мятых черных штанов и свитера цвета глины на мистере Каткоуте был бежевый плащ-пыльник, выглядевший скорее заплесневелым, чем запыленным. Обтрепанные полы пыльника свисали почти до самых лодыжек, закрытых грубыми черными башмаками. Но не это было причиной моей немоты. Я совершенно утратил дар речи при виде кожаного ремня с патронташем, висевшего на тощей талии Каткоута, и револьвера, засунутого в кобуру на левом боку. На рукоятке, торчавшей из кобуры толстым концом вверх, можно было различить изображение скелета. Мис-

¹ Хейес Габби (1885–1969) — актер американского кино, радио и телевидения, особенно прославившийся в вестернах.

² Роджерс Рой (1911–1998) — актер американского кино, игравший в вестернах и мелодрамах.

тер Каткоут оценивающе разглядывал меня, прищуриив глаз.

— Я задал тебе вопрос,— напомнил он.

— Мой отец,— сумел-таки выдавить я.— Он здесь. Чтобы помочь шерифу.

— Что ж, верно, твой папаша действительно здесь. Хотя это не объясняет, почему здесь находишься ты.

— Я просто хотел...

— Чтобы тебе прострелили голову? Или я плохо знаю Блэйлоков, или здесь наверняка будет небольшой фейерверк. Так что давай-ка садись на свой велик и дуй отсюда подобру-поздорову.

— Автобус опоздал,— сообщил я, пытаясь отвлечь его внимание.

— Не заговаривай мне зубы! — шикнул на меня мистер Каткоут.— Давай крути педали!

Он подтолкнул меня к Ракете.

Я не собирался сдаваться. И уходить тоже не собирался.

— Нет, сэр,— твердо ответил я.— Я останусь здесь, с отцом.

— Хочешь, чтобы я тебе зад надрал прямо тут, сию же минуту?

На шее мистера Каткоута надулись жилы. Я сжался, ожидая порки, по сравнению с которой то, что устраивал обычно отец, могло показаться ласковым поглаживанием пуховкой для пудры. Мистер Каткоут двинулся на меня. Я попятился, но уже в следующую секунду решил, что не сойду с места, что бы он со мной ни делал.

Мистер Каткоут остановился в трех футах от меня. Жесткая улыбка растянула углы его рта.

— Что ж,— хмыкнул он,— вижу, упрямства и решительности тебе не занимать.

— Я останусь здесь,— сказал я.

Послышался шум приближающейся машины, а это значило, что время для споров закончилось. Круто развернувшись, так что зашуршали полы пыльника, мистер Каткоут прижался к стене и осторожно выглянул из-за угла на улицу. И тут я понял: передо мной уже не мистер Оуэн Каткоут.

Передо мной стоял Леденец Кид.

Я тоже подкрался к углу и, прежде чем мистер Каткоут взмахом руки прогнал меня прочь, успел кое-что разглядеть.

От того, что я увидел, мое сердце подпрыгнуло к самому горлу. Никакого автобуса «Трэйлвейз» там не было. Вместо него перед заправкой появился черный «кадиллак». Он остановился у тротуара, как раз напротив машины шерифа. Увернувшись от руки мистера Каткоута, который пытался меня поймать, я стремглав бросился к куче старых покрышек у гаража и затаился, упав на живот. Теперь место действия было мне видно во всех подробностях, и я решил там остаться, проигнорировав грозные жесты мистера Каткоута, звавшего меня обратно в укрытие за углом здания.

Передняя дверца «кадиллака» открылась, и Бодин Блэйлок в белой рубашке с открытым воротом и в сером костюме, гладкая ткань которого переливалась на солнце, вылез из-за руля. Его волосы торчали коротким ежиком, тонкий рот был крепко сжат в злобной усмешке. Нагнувшись, он взял с сиденья пистолет с красивой перламутровой рукояткой. Следующим из машины, с переднего пассажирского сиденья, вылез Уэйд Блэйлок. Его темные во-

лосы были гладко зачесаны назад, подбородок выдавался вперед. На Уэйте были узкие черные брюки, такие тесные, что казались нарисованными, рукава ковбойской рубашки в синюю клеточку, несмотря на холод, были закатаны по локоть, открывая худые татуированные руки. На его плече висела кобура с пистолетом, а из машины он достал ружье и лихо передернул затвор: *ка-чунк*.

Потом отворилась задняя дверь «кадилака», вся машина закачалась, и огромная туша медленно выплыла наружу. На Блэйлоке Большое Дуло был камуфлированный комбинезон и темно-коричневая рубашка. Глядя на него, можно было подумать, что один из ноябрьских холмов внезапно ожил и, оторвавшись от своего гранитного основания, покатился по земле. Большое Дуло улыбался во весь рот, хохолок серых волос на его лысой голове блеснул от пота. Он тяжело дышал, очевидно, ему стоило немалых усилий выбраться из машины.

— Давайте покажем им, ребята, — пророкотал он.

Уэйд вскинул ружье, Бодин взял на изготовку пистолет. Они открыли стрельбу по машине шерифа.

Я едва не лишился чувств от страха. Первые же пули пробили передние крыши, выпустив из них воздух. После этого Блэйлоки перенесли огонь на машину моего отца. Тот сделал попытку избежать опасности, дав задний ход, но, увы, бесполезно: обе передние шины были прострелены, и искалеченный пикап закачался на амортизаторах.

— Все, хватит! Поговорим теперь о деле, шериф Джуниор! — крикнул Большое Дуло.

Шериф Эмори и не думал вылезать. Донни, ухмыляясь, прижался лицом к стеклу машины, словно ребенок, оказавшийся у витрины кондитерской. Я оглянулся, что-

бы посмотреть, чем занимается мистер Каткоут. Но Леденец Кид куда-то исчез.

— Автобус вам придется подождать! — крикнул Большое Дуло.

Чуть повернувшись, он взял с сиденья машины двустольный дробовик, легко стиснул его своей похожей на окорок рукой и подхватил камуфлированный охотничий подсумок. Бросив подсумок на крышу «кадиллака», он расстегнул на нем молнию и просунул внутрь руку.

— Чертовски удачно все сложилось, шериф Джуниор!

Раскрыв дробовик, Большое Дуло вытащил из подсумка с боеприпасами пару патронов и вложил в стволы.

— Представляешь, в шести милях от города на трассе десять у автобуса спустили сразу две шины! Чтобы их поменять, понадобится уйма времени.

Большое Дуло облокотился на «кадиллак», который застонал и просел под его непомерным весом.

— Что касается меня, то я всегда ненавижу менять колеса.

Раздались два выстрела, слившихся в один: *крак-крак!*

Оба задних колеса «кадиллака» взорвались. Большое Дуло, при всем своем огромном весе, подскочил на месте. При этом он издал нечто среднее между носорожьим мычанием и «до» оперного баса. Уэйд и Бодин резко обернулись. Большое Дуло приземлился на тротуар, который заскрежетал под подошвами его башмаков.

Дымок от выстрела стелился от одинокой фигуры с револьвером в правой руке, стоявшей позади «кадиллака» рядом с буксировщиком мистера Уайта.

— Что за черт, мать твою!.. — заорал, тряся бородой, Большое Дуло, лицо которого пугающе наливалось кровью.

Шериф Эмори выскочил из машины:

— Оуэн! Я же запретил тебе приходить сюда!

Леденец Кид ничего не ответил. Не обращая внимания на крики шерифа, он смерил холодным взглядом толстую тушу Большого Дула.

— Эй, Блэйлок, знаешь, как это называется? — крикнул Леденец Кид отцу лесного семейства, ловко покрутив револьвер на указательном пальце вперед-назад, так что солнце заблестело на вороненом металле, а потом с сочным звуком: *шранк!* — отправил оружие в потертую кожаную кобуру на левом боку. — Это называется *один на один!* Слышал о такой стойке?

— Хрен тебе, а не стойка! — взревел Большое Дуло. — Гаси его, ребята!

Уэйд и Бодин открыли огонь.

— Нет! — выкрикнул шериф и вскинул ружье.

Оуэн Каткоут был стар и морщинист, но то, что осталось в нем от Леденца, вернуло ему былой пыл и характер. Он нырнул за буксировщик мистера Уайта за миг до того, как пули пробили его ветровое стекло и царапнули дверь. Шериф Эмори дважды выстрелил, и лобовое стекло «кадиллака» разлетелось на куски. Истошно завопив, Уэйд рухнул на тротуар, но Бодин обернулся с искаженным яростью лицом и, вскинув свой пистолет, с первого же выстрела сбил шляпу с головы шерифа Эмори. Следующая пуля шерифа просвистела в дюйме от короткого ежика Бодина, который, явственно почувствовав ее обжигающее дыхание, ойкнул и бросился на землю.

Из машины шерифа с пистолетом в руке выбрался шеф Марчетт. Мой отец выскочил из пикапа и бросился на землю. Со смешанным чувством гордости и страха я заметил, что отец тоже сжимает пистолет в руке. Чело-

век-Луна остался сидеть в машине, только пригнул немного голову, так что наружу выглядывал лишь его цилиндр.

Бу-у-ум! — грохнула двустволка. Буксировщик закачался, осколки стекла и металла полетели во все стороны. Большое Дуло стоял на коленях возле «кадиллака», не решаясь подняться во весь рост.

— Папаша! — заголосил из машины шерифа Донни. — Забери меня скорей отсюда, папаша!

— Никому еще не удавалось отнять у меня то, что принадлежит мне по праву! — заревел в ответ Большое Дуло.

Он вскинул свою двустволку и выпустил заряд в машину шерифа, продырявив радиатор. Вода и пар хлестали из пробойны как гейзер. С заднего сиденья, по-видимому прикованный наручниками, снова ошалело заголосил Донни:

— Только не убивайте! Папаша, спаси меня!

Донни был сметлив, и теперь стало ясно, откуда он набрался такого ума.

Схватив с крыши «кадиллака» подсумок с патронами, Большое Дуло торопливо принялся перезаряжать двустволку. Щелкнул еще один выстрел, разбив задний габаритный фонарь «кадиллака». То была работа Леденца Кида.

— Бесплезное занятие, молокососы! — заорал в ответ Большое Дуло, вновь перезаряжая свой дробовик. — Мы пройдем сквозь вас, как нож сквозь масло! Слышишь меня, шериф Джуниор?

В тот же миг отец вскочил на ноги. Похолодев от страха, я чуть было не закричал, чтобы он не делал этого, но он уже, пригнувшись, бежал вдоль машины шерифа и припал к асфальту рядом с ним. Я отлично видел, какой он бледный. Но отец был здесь, на стороне закона, а все остальное не имело значения.

Наступило кратковременное затишье: Блэйлоки собирали в кулак остатки своей храбрости. Потом Бодин и Уэйд вновь принялись палить в машину шерифа, в которой скрючился на заднем сиденье Донни.

— Прекратить стрельбу, идиоты! — рявкнул Большое Дуло. — Вы что, хотите снести голову своему брату?

Быть может, мне это только показалось, но, заслышав этот приказ, ни Бодин, ни Уэйд не прекратили стрельбу сразу.

— Зайди им в спину, Уэйд! — крикнул Бодин.

— Сам и зайди, придурок чертов!

Бодин, продемонстрировав, что ловкость и хитрость хо-рошего игрока в покер не всегда сказываются в обычной жизни, вскочил на ноги и помчался к углу дома, но успел сделать всего три шага, когда щелкнул выстрел и он, схватившись за правую ногу, повалился на мостовую.

— Я ранен, папаша! — запричитал он. — Господи, папаша, меня подстрелили! — рыдал он, забыв о пистолете, который теперь валялся в стороне.

— Не хрен было высовываться, или ты думал, что пули будут облетать тебя стороной? — рявкнул в ответ Большое Дуло. — Надо хоть немного шевелить своими цыплячьими мозгами!

— Эй, парни, покажитесь кто-нибудь! — крикнул Ле-денец Кид, укрывшийся в тени буксировщика. — У меня тут с собой пушка, полная застоявшихся пуль!

— Сдавайся, Большое Дуло! — крикнул шериф. — Тебе куда не деться, ты окружен!

— Прежде я накормлю тебя свинцом, приятель!

— Я не хочу, чтобы кто-нибудь еще пострадал! Бросайте оружие, и пойдем на мировую!

— На мировую? Черта с два! — рыкнул в ответ Большое Дуло. — Думаешь, я не бывал в таких переделках? Не

для того я поднялся от хлопковых полей и свиного дерьма, чтобы позволить какой-то жестяной звезде заграбастать моего мальчика и все разрушить! Ты неправильно использовал те деньги, что я давал тебе, шериф! Тебе надо было обратиться к доктору, чтобы подлечить голову!

— Брось ерепениться, Большое Дуло, все кончено! Ты окружен!

Это уже был голос моего отца. До самой смерти я не забуду звеневшую в этом голосе сталь. Ведь как бы там ни было, он был Черным Ястребом.

— Сдаваться? А попробуй-ка вот это! — крикнул Уэйд и, вскочив, принялся неистово палить из ружья в моего отца.

Большое Дуло крикнул, чтобы он лег, но Уэйд, по-видимому, подошел к самому краю безумия, который недавно переступил его брат, и не обращал ни малейшего внимания на окрики своего отца. Пули с визгом отскакивали от бетона, выбивая из него искры, изредка долетая даже до горы покрывшей, за которыми я прятался. Мое сердце замерло, когда почти над моей головой в резину впились несколько пуль. Но затем снова раздался треск револьвера Леденца Кида, от головы Уэйда отлетел кусок левого уха, и красная кровь забрызгала «кадиллак» Блэйлоков.

Могло показаться, что пуля Леденца оторвала Уэйду какой-то гораздо более важный орган, потому что он завизжал, как баба. Схватившись за свое разорванное ухо, он грохнулся наземь и стал извиваться, словно Керли из «Трех бездельников»¹.

¹ «Три бездельника» — телевизионный комедийный сериал, состоявший из примерно 200 короткометражных серий, демонстрировавшихся в 1934–1958 годах, после чего были повторные показы

— Сволочь проклятая! — застонал из своего укрытия Большое Дуло.

Мне было ясно, что точно так же, как и Брэнлины, семейство Бэйлок умело только издеваться над незащитными, но когда они получали отпор, вся их прыть пропадала.

— Эх, черт, жаль, что промахнулся! — крикнул Леденец Кид. — Целился ему в голову, а попал в зад!

— Я убью тебя, гад поганый! — Большое Дуло снова ревел как буря. — Я убью вас всех и спляшу на ваших могилах!

Звук его громового голоса был страшен. Но Уэйд и Бондин корчились на мостовой, Донни скулил, словно маленький щенок, — похоже, в этой грозовой туче не осталось больше молний.

И вот тогда правая передняя дверь пикапа открылась, и наружу вышел Человек-Луна. На нем был его обычный черный костюм и красный галстук-бабочка, на голове — все тот же цилиндр. На шее у Человека-Луны болтались шесть или семь ниток бус, с которых свисали какие-то маленькие пакетики, напоминавшие чайные. Клацкану пиджака была приколота цыплячья лапка, а на каждом запястье красовалось по трое часов. В отличие от остальных он даже не пытался пригнуться или прятаться, неторопливо обогнув машину шерифа, пройдя мимо лежащих на асфальте шефа пожарной команды Марчетта, моего отца и Эмори.

— Эй! — крикнул Марчетт. — Пригнитесь!

Но Человек-Луна решительно шел вперед с высоко поднятой головой. Он направлялся туда, где сидел, скорчившись за своим «кадилаком», Большое Дуло с заряженным двуствольным дробовиком в руках.

— Предлагаю прекратить бессмысленное насилие,— негромко проговорил на ходу Человек-Луна мягким, почти детским голосом. Никогда раньше я не слышал, чтобы он вообще говорил.— Прекратите насилие, ради всего святого!

Приблизившись к Уэйду, он, не раздумывая, переступил через него, благо длинные ноги легко позволяли это сделать.

— Держись от меня подальше, негритянская образина! — грозно предупредил Человека-Луну Большое Дуло.

Но того уже было не остановить.

— Осторожно! — крикнул старому негру в спину отец и начал подниматься, но рука шерифа Эмори крепко стиснула его предплечье.

— Я сейчас вышибу тебе мозги вместе со всеми твоими вуду-шмуду! — снова подал голос Большое Дуло.

Он давал понять, что ему известна репутация Человека-Луны и его супруги Леди. Глаза Большого Дула влажно блестели от страха.

— Не смей подходить, черномазый, держись от меня подальше!

Человек-Луна наконец остановился, не дойдя совсем немного до Большого Дула. Глядя на него, Человек-Луна прищурил глаза и улыбнулся, потом вытянул вперед свои длинные изящные руки.

— Давайте все вместе искать свет! — проговорил он.

Большое Дуло вскинул двустолку и прицелился в Человека-Луну.

— Сейчас тебе станет светло! — насмешливо произнес он и дернул толстыми пальцами сразу оба курка.

Я вздрогнул, приготовившись услышать оглушительный залп.

Но выстрела не последовало.

— Встань и иди, как подобает человеку, — сказал Большому Дулу Человек-Луна, продолжая улыбаться. — Еще не поздно.

Большое Дуло судорожно глотнул воздух и открыл рот от изумления. Потом вновь взвел курки двустволки и нажал на них. Тишина. Тогда Большое Дуло раскрыл свое ружье, и то, что находилось в его стволах, вывалилось ему на руки.

Это были маленькие зеленые садовые змейки. Множество извивающихся змеек, сплетенных в клубок. Совершенно безобидные змейки, но Большому Дулу они сумели причинить несомненный вред.

— Ик-к-хх! — икнул он.

Вытряхнув змеек из стволов ружья, он схватился за подсумок с патронами и вытащил оттуда целую пригоршню зеленых извивающихся тел. Большое Дуло издал звук, похожий на тот, что когда-то произвел Лу Костелло¹, очутившись лицом к лицу с оборотнем в исполнении Лона Чейни-младшего².

— Ва-ва-ва! — сказал он.

Неожиданно эта массивная туша вскочила на ноги и продемонстрировала, что может не только ходить, как человек, но и быстро бегать, не хуже кролика. Но, увы, грубая реальность наложила на его прыть свои ограничения: не успев далеко удалиться, Большое Дуло споткнулся и всем своим весом грохнулся об асфальт. Упав, он принялся беспомощно барахтаться, словно черепаха, которую перевернули на спину.

¹ Костелло Лу (1908–1959) — комедийный актер из знаменитого дуэта Эбботта и Костелло

² Чейни-младший Лон (1906–1973) — актер, прославившийся исполнением ролей монстров

Завизжали шины. Грузовик, полный народу, с ревом подрулил к заправке мистера Уайта. Среди прочих я узнал мистера Уилсона и мистера Коллана. По большей части люди были вооружены бейсбольными битами и топорами, но были и ружья. Один за другим подъехали два легковых автомобиля, а затем и второй грузовик. Здесь были люди не только из Зефира, но и из Братона, исполненные решимости, если потребуется, проломить не одну голову.

— Я здесь! — крикнул шериф Эмори, поднимаясь с земли.

Все было кончено, и люди из грузовиков испытали горькое разочарование. Позже я узнал, что, заслышав ружейную пальбу у заправки, жители Зефира обрели наконец мужество и решили, что настала пора постоять за своего шерифа, самих себя и свой город. До этого, как я догадывался, они в глубине души надеялись, что все как-нибудь обойдется и кто-то другой возьмет на себя ответственность, пока они будут отсиживаться дома в безопасности. Жены со слезами умоляли их остаться, но все-таки они пришли нам на выручку. Конечно, на шум выстрелов явились далеко не все мужчины Зефира и Братона, но их было более чем достаточно, чтобы восстановить в городе полный порядок. Могу предположить, что, увидев толпу разъяренных людей с мясницкими тесаками, топорами, бейсбольными битами, охотничьими ружьями и дедовскими револьверами в руках, Блэйлоки наверняка возблагодарили судьбу, что отправятся в тюрьму, а не на кладбище.

Пользуясь всеобщим замешательством, я выбрался из своего укрытия. Мистер Каткоут нагнулся над Уэйдом, объясняя ему, чем отличаются кривые дорожки от пря-

КНИГА 2. ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

мых и светлых путей. Для того чтобы слушать, у Уэйда осталась ровно половинка уха. Отец и Человек-Луна стояли возле «кадилака» Блэйлоков. Я подошел к ним. Заметив меня, отец, как видно, хотел спросить, что я здесь делаю, но промолчал, потому что знал: ответ может стоить мне порки. Поэтому он не сказал мне ничего, а просто кивнул.

Мы с отцом постояли немного рядом, глядя на дробовик и охотничью сумку Большого Дула. Внутри сумки сплелись в клубок несколько десятков зеленых садовых змеек, похожих на массу морских водорослей. Змеи постепенно выбирались на мостовую.

Человек-Луна улыбался.

— Моя жена, — тихо сказал он, — самая настоящая сумасшедшая старуха.

Глава 8

ИЗ ЗАТЕРЯННОГО МИРА

Остается добавить, что Блэйлоки отправились прямоком в тюрьму. У них не было пропуска на свободный выход из тюрьмы, они не смогли внести залог в двести долларов, с их монополией на производство спиртного в Зефире было покончено. Как я слышал, поначалу они держали рот на замке, но, по мере того как следователи прижимали их все больше и больше, семейные узы Блэйлоков начали ослабевать. Уэйд узнал, что Донни присваивал изрядную долю его выручки от продажи самогона. Бодин открыл, что Уэйд утаивал от семьи толику доходов от игорного притона, в свою очередь Донни подозревал Уэйда, что тот подсыпал ему мышьяку в виски и оттого ему явился на дороге призрак. Пока между братьями шли позорные препирательства, Большое Дуло решил устроить публичное покаяние. Рухнув на колени при всем честном народе, он принялся, рыдая, исповедоваться, да так, что сам Шекспир не смог бы состязаться с ним в красноречии. Он говорил, что как будто снова родился на свет и только теперь понял, что его непутевые сыновья обманом завлекли его на путь Сатаны. Как видно, они пошли в своих распутных матерей. Он поклялся, что посвятит всю дальней-

шую жизнь Господу и станет его служителем, если судья протянет ему чашу милосердия.

В ответ Большому Дулу сказали, что скоро у него будет очень много времени для того, чтобы попрактиковаться в проповедях, а также очень уютное и безопасное место, в котором он сможет сполна предаться чтению Библии.

Когда Большое Дуло выволакивали из зала суда, он кричал и вырывался, проклиная всех, кто попадался ему на глаза, включая стенографистку. Говорили, что Большое Дуло успел изрыгнуть такое количество ругательств, что если бы их удалось превратить в кирпичи, то их хватило бы, чтобы сложить отличный дом с тремя спальнями и гаражом на пару машин. Братья тоже предстали перед судьями — результат оказался аналогичным. Я не испытывал к ним ни капли жалости, поскольку достаточно хорошо знал Блэйлоков и понимал, что не пройдет и месяца, как они приберут к рукам тюремную лавочку и примутся вынимать из своих товарищей по несчастью душу за сигарету и клочок туалетной бумаги.

Единственное, в чем категорически отказались сознаться Блэйлоки, — что находилось в деревянном ящике, который они продали Джеральду Харджисону и Дикку Моултри. Суду не удалось даже доказать, что этот ящик вообще существовал. Но я-то видел его собственными глазами.

Семья шерифа Эмори уехала из города. Мистер Марчетт снял с себя полномочия шефа пожарной команды и вступил в должность шерифа. Как я понял, мистер Оуэн Каткоут получил от шерифа Марчетта предложение стать его помощником. Мистер Каткоут ответил шерифу, что

Леденца Кида больше нет — он ушел бродить вдоль дальних границ Дикого Запада, туда, откуда пришел однажды, — и что теперь он снова стал старым добрым Оуэном.

После нашего с отцом счастливого возвращения мама некоторое время пребывала в полуобморочном состоянии, потрясенная роящимися в ее воображении картинами того, что могло с нами случиться, но через день-другой пришла в себя. Уверен, что в глубине души она хотела, чтобы отец всегда оставался дома в безопасности, но после того как он показал ей, что сам принимает важные решения, она стала уважать его еще больше. Мое вранье выплыло наружу, и отец пригрозил, что не отпустит меня на Брэндиуайнскую ярмарку, когда она придет к нам в городок, но, к счастью, наказание свелось к тому, что мне было велено целую неделю мыть посуду. Я ни словом ему не возразил. В конце концов, за все хорошее приходится платить.

Через несколько дней в городе появились афиши: «Скоро! Брэндиуайнская ярмарка». Джонни с ума сходил по индейским пони и акробатам-наездникам. Бен обожал карусели с мигающими гирляндами разноцветных огней. Я же предвкушал тот миг, когда вновь окажусь в «доме с привидениями»: там ездили в темноте на шатких тележках, вздрагивая от страха, когда кто-то незримый касается твоего лица или завывает над ухом. Дэви Рэй не мог думать ни о чем, кроме балагана с карликами и уродами. Я в жизни не встречал никого, кто так сходил бы с ума по всяким ярмарочным диковинкам. У меня от одного вида уродов мурашки бежали по коже, я едва мог на них смотреть, а Дэви был преданным поклонником и знатоком всего уродливого. Выпади Дэви Рэю счастье на-

ткнуться на урода с тремя руками, крошечной головой и крокодиловой чешуей вместо кожи, через поры которой сочится кровь, восторгу его не было бы предела.

Поздним вечером в четверг, когда по всему Зефиру гасли огни, участок земли возле нашего бейсбольного поля, где в праздник Четвертого июля устраивалось барбекю, был еще пустым, а уже в пятницу утром дети стали свидетелями невиданных превращений, случившихся буквально за нескольких часов. Брэндиуайнская ярмарка возникла словно дивный остров среди моря древесных опилок. Туда-сюда сновали грузовики, рабочие натягивали шатры, крепили винтами каркас карусели, пока еще напоминавший скелет гигантского динозавра, повсюду возникали палатки для ярмарочной снеди и разных забав, где за пару долларов, которые приходилось выложить, чтобы метнуть несколько подков, можно было легко выиграть куклу Кьюпи, не стоившую и четвертака.

Перед школой я и мои друзья сделали несколько кругов на великах вокруг территории ярмарки. Другие мальчишки, слетевшиеся, как мотыльки на огонек фонаря, проделали то же самое.

— Вон «дом с привидениями»! — крикнул я, указывая в сторону летучих мышей на стенах готического замка, который сколачивала бригада рабочих.

— Смотрите, на этот раз они привезли с собой колесо Ферриса!

Взгляд Джонни был устремлен на прицеп с намаляванными на бортах лошадьми и индейцами.

— Смотрите, вот это да! — заорал Дэви Рэй.

Оглянувшись, мы увидели то, что привело его в такой восторг: здоровенная, грубовато нарисованная на холсте

морщинистая рожа лишь с одним страшным вытаращенным глазом. «Уроды от рождения! — сообщила надпись под жуткой мордой. — Такое вам и не снилось!»

Сказать по правде, наша ярмарка была не из самых крупных, скорее даже меньше средней по своему размеру. Многие шатры были залатаны, трейлеры покрыты ржавчиной, и грузовики, и рабочие, казалось, устали после долгой дороги. Для ярмарки Зефир был едва ли не конечным пунктом осеннего турне. Но что нам за дело было до того, что яблочные леденцы, которыми нас угощали, выгребались из остатков, что наездники на пони проделывали свои трюки из последних сил, что карусели дребезжали, давно нуждаясь в смазке, а голоса зазывал были визгливыми и хрипылыми — их глотки не выдерживали многодневного крика. Мы видели перед собой ярмарку, манящую, сияющую огнями.

— В этом году праздник будет что надо! — подвел итог Бен, когда мы наконец решили свернуть в сторону школы.

— Да, это уж точно...

Сзади раздался рев автомобильного гудка, и я едва успел крутануть руль к обочине, как мимо нас проехал грузовик «мак». Под его мощными колесами хрустели опилки. Грузовик был выкрашен в разные цвета, словно не хватило одной краски; издавая натужный скрип, он тянул за собой широкий прицеп без окон. На бортах прицепа рукой какого-то доморощенного живописца была намалевана перевитая лианами зеленая листва джунглей. Среди зарослей тропического леса танцевали большие красные буквы, истекавшие струйками алой крови. Буквы складывались в загадочную надпись: «Из Затерянного мира».

Неуклюжий «мак» с грохотом подъехал к скопищу других трейлеров и грузовиков, подыскивая себе место. Я сразу учуял запах, тянувшийся за прицепом. Это не был дым от выхлопов, обильно стелившийся по земле из-под брюха «мака». Это было что-то другое. Что-то... змеиное.

— Ого! — Дэви Рэй сморщил нос. — Бен опять испортил воздух!

— Это не я!

— Тихо, но смертельно! — не унимался Дэви Рэй.

— Сам ты и пернул, понятно? Не вали на меня!

— Да, воняет, — спокойно подтвердил Джонни, и Дэви Рэй с Беном мигом заткнулись. С некоторых пор мы привыкли прислушиваться к тому, что говорит Джонни. — Этот запах идет от прицепа.

Мы наблюдали, как грузовик с прицепом повернул в сторону и, проехав между двумя палатками, скрылся из виду. Колеса прицепа оставили в земле глубокие коричневые колеи, вдавив опилки глубоко в грунт.

— Интересно, что там внутри? — задумчиво проговорил Дэви Рэй, очевидно мечтавший увидеть какого-то нового, небывалого урода.

Я пожал плечами и ответил, что понятия не имею, но, по-видимому, нечто невероятно тяжелое.

По дороге в школу мы обсудили наши планы.

— Получив разрешение родителей, мы встретимся у моего дома в шесть тридцать и отправимся на ярмарку вместе, как четыре мушкетера. Это всех устраивает? — спросил я.

— Я не могу, — ответил Бен, накручивая педали рядом со мной.

В его голосе послышался зловеющий звон колокола.

— Но почему? Мы всегда раньше встречались в шесть тридцать! В это время начинает работать карусель!

— Я не могу,— повторил Бен.

— Эй, Бен, что ты твердишь, как попугай, «не могу, не могу», объясни толком, что у тебя стряслось? — спросил Дэви Рэй.

Бен вздохнул, выпустив облачко пара в морозный воздух солнечного утра. На голове у него красовалась вязаная шапочка, щеки были красные, как помидоры.

— Просто не могу... и все. Не раньше семи часов.

— Но мы всегда встречаемся в шесть тридцать! — настойчиво продолжал гнуть свое Дэви Рэй. — Это наша... наша... — Дэви оглянулся на меня в поисках помощи.

— Традиция,— подсказал я.

— Вот именно! Точно, традиция!

— По-моему, у Бена от нас какие-то тайны,— заметил Джонни и развернул велосипед, заехав с другой стороны от Дэви Рэя. — Давай выкладывай, Бен, говори начистоту.

— Просто... ну, в общем, я не могу, и все.

Бен нахмурился и выдохнул в воздух очередное облачко пара. Похоже, играть в молчанку он больше не мог.

— В общем, в шесть часов у меня будет урок *тианино*.

— *Что?* — почти выкрикнул Дэви Рэй.

Ракета подо мной вильнула в сторону. На лице у Джонни появилось такое выражение, словно он только что пропустил удар наотмашь от Кассиуса Клея.

— Урок *тианино*, — повторил Бен. По тому, как он это сказал, мне моментально представились легионы самодовольных маменькиных сынков, восседающих за пианино, в то время как их умиленные матери поощрительно гладят их по головкам. — Мисс Гласс Голубая будет обу-

чать меня игре на пианино. Мама с ней договори́лась. Сегодня в шесть у меня первый урок.

Мы окаменели от ужаса.

— Но для чего это тебе, Бен? — спросила я. — Зачем твоя мама это придумала?

— Ей всегда хотелось, чтобы я научился играть рождественские гимны. Можете себе представить? Рождественские гимны!

— Господи! — сочувственно промолвил Дэви Рэй. — Мисс Гласс Голубая вряд ли выучит тебя играть на гитаре.

«*Git-tare*» — вот как сказал он.

— Это было бы круто! А пианино... эх!

— Да сам знаю, — грустно пробормотал Бен.

— Все равно выход есть, — проговорил Джонни, когда мы уже подъезжали к школе. — Мы можем встретиться около дома сестер Гласс и поедem на ярмарку в семь вместо половины седьмого.

— Точно! — радостно кивнул Бен. — Так мы поспеем всюду.

Таким образом, все было обговорено, оставалось только уломать родителей. Каждый год мы отправлялись на ярмарку ровно в шесть тридцать вечера пятницы и развлекались там до десяти, и родители никогда не имели ничего против. Ярмарка была единственным местом, куда я и мои сверстники могли сходить в нашем городке вечером. Утро и день субботы были отданы чернокожим обитателям Братона, а субботний вечер на ярмарке — старшим ребятам. В десять утра в воскресенье на месте ярмарки уже была чистая площадка, если не считать нескольких кучек опилок, раздавленных стаканчиков и билетных корешков, которые уборщики всегда оставляют

на месте ярмарки, словно псы, которые метят свою территорию.

День в ожидании ярмарки тянулся мучительно медленно. Луженая Глотка дважды назвала меня болваном и наказала Джорджи Сандерса, заставив его стоять у классной доски, упершись носом в нарисованный мелом круг. Лэдд Девайн был отправлен к директору за то, что нарисовал похабную картинку в тетради, после чего Демон за моей спиной шепотом поклялась, что Луженой Глотке это даром не пройдет. Я подумал, что ни за какие коврижки не согласился бы оказаться в шкуре Луженой Глотки.

Вечером, как только в небе начали собираться темно-синие сумерки и появился серп луны, я увидел огни Брэндиуайнской ярмарки из окон своего дома. «Колесо обозрения», очерченное крутом красных огней, уже вовсю крутилось. Центральная ось колеса сверкала гирляндами белых лампочек. Звуки музыки, смех и веселые крики неслись над крышами Зефира, достигая моих ушей. В кармане у меня лежали пять долларов — подарок отца. Приготовившись к морозу, я надел куртку с подкладкой из овечьей шерсти.

Сестры Гласс жили на Шентак-стрит, в полумиле от меня. Когда я добрался до их жилища, похожего на пряничный домик, которому могли бы позавидовать Гензель и Гретель, было уже без пятнадцати семь. Велосипеды Дэви Рэя и Бена стояли рядышком перед домом. Оставив Ракету у крыльца, я поднялся по ступенькам. За дверью вовсю колотили по клавишам пианино.

Послышался высокий, подобный звуку флейты, голос мисс Гласс Голубой:

— Мягче, Бен, мягче.

Я надавил на кнопку дверного звонка. Внутри мелодично зазвенел колокольчик и голос мисс Гласс Голубой произнес:

— Дэви Рэй, открой дверь, будь так любезен!

Когда он распахнул передо мной дверь, грохот пианино усилился. Увидев лицо Дэви, я понял: слушать, как Бен раз за разом пытается выбить пять одних и тех же нот, едва ли полезно для здоровья.

— Это, должно быть, Уинифред Осборн? — крикнула из гостиной мисс Гласс Голубая.

— Нет, мэм, это Кори Маккенсон, — отозвался Дэви Рэй. — Он тоже хотел бы подождать Бена.

— Пускай входит внутрь. На улице холодно.

Переступив порог, я оказался в гостиной, представлявшей собой самый жуткий кошмар, который только может привидеться мальчишке. Вся мебель выглядела хрупкой и шаткой, не способной выдержать даже вес голодного москита. На низеньких столиках были расставлены фарфоровые фигурки танцующих клоунов, детей со щенками и кошками на руках и тому подобная чушь. Серый ковер на полу обладал свойством навеки запечатлевать следы от ваших ботинок. Антикварный застекленный шкаф высотой, наверно, с моего отца хранил на своих полках целый лес разноцветных хрустальных бокалов, кофейные чашки с ликами всех президентов, больше двух десятков керамических куколок в кружевных платицах и в довершение всего — около двадцати украшенных горным хрусталем декоративных яичек, каждое на четырех медных ножках. Во что превратятся все эти хрупкие вещицы, если какой-нибудь увалень случайно опрокинет это стеклянное сооружение? На пьедестале из мрамора с зелеными и синими прожилками покоилась открытая

Библия огромного размера, не уступающая моему гигантскому словарю, с таким крупным шрифтом, что ее можно было читать с другого конца комнаты. Все казалось слишком хрупким, чтобы к нему прикоснуться, и слишком драгоценным, чтобы получать от него удовольствие; мне даже стало любопытно, как можно существовать в этом мире замороженной красоты. Само собой, в комнате стояло коричневое полированное пианино, над которым трудился Бен, а рядом мисс Гласс Голубая помахивала дирижерской палочкой.

— Здравствуй, Кори. Пожалуйста, найди себе место и садись, — сказала она.

Мисс Голубая была, как обычно, в голубом платье с повязанным вокруг осиной талии широким белым поясом. Ее белесые светлые волосы были взбиты кверху наподобие пенного фонтана, очки в черной оправе были с такими толстыми стеклами, что глаза казались выпученными.

— Куда мне можно присесть? — спросил я.

— Вот сюда. На софу.

Софа, покрытая бархатным покрывалом с пастушками, наигрывавшими что-то на арфах резвящимся на лугу овцам, поддерживалась ножками, столь же прочными на вид, как намокшие от дождя веточки. Я осторожно опустился в мягчайшие объятия рядом с Дэви Рэем. Софа лишь тихонько скрипнула, но мое сердце ушло в пятки.

— Раз, два, три! Внимание! Пальцы движутся волной, раз, два, три!

Мисс Гласс Голубая снова замахала своей дирижерской палочкой, а Бен старательно бил по клавишам пухлыми пальцами, пытаясь сыграть эти пять нот так, чтобы они выстраивались в нужный ритм. Впрочем, доволь-

но скоро Бен принялся тупо молотить по клавишам, как будто давил муравьев.

— Пальцы движутся словно волны! — командовала мисс Гласс Голубая. — Мягче, мягче! Раз, два, три, раз, два, три!

Но Бен играл так, что его движения напоминали скорее не волну, а застойное болото.

— Не могу! — наконец простонал он, отдергивая руки от ненавистных клавиш. — У меня ничего не получается. Пальцы заплетаются!

— Соня, пускай мальчик отдохнет! — раздался крик мисс Гласс Зеленой откуда-то из задней части дома. — Так он у тебя сотрет все пальцы до костей.

Голос мисс Зеленой более напоминал тромбон, чем флейту.

— Катарина, я веду урок, а не ты, так что не лезь не в свое дело! — парировала мисс Гласс Голубая. — Бену с самого начала нужно поставить правильную технику.

— Милочка, это же первый урок, ради бога!

Мисс Гласс Зеленая вошла из прихожей в гостиную. Уперев руки в костлявые бедра, она сердито глядела на сестру поверх очков в черной оправе. На мисс Зеленой было все зеленое, оттенки которого распределялись от бледно-зеленого до насыщенных тонов лесной чащи. От одного взгляда на нее могла начаться морская болезнь. Светлые волосы мисс Зеленой вздымались еще выше, чем у ее сестры Сони, при этом прическа несколько напоминала формой пирамиду.

— Помни, что не все одарены такими же блестящими музыкальными способностями, как ты, Соня!

— Да, я стараюсь не забывать об этом, огромное тебе спасибо. — На бледных, как слонобая кость, щечках мисс

Гласс Голубой появились красные пятна.— Надеюсь, ты больше не станешь прерывать наш с Беном урок!

— Он все равно вот-вот кончится. Кто твоя следующая жертва?

— Моя следующая *ученица* — Уинифред Осборн,— язвительно заметила мисс Гласс Голубая.— И если бы не эти твои подписки на журнальчики, мне не пришлось бы проводить вечера за этими монотонными уроками!

— Мои журналы тут ни при чем! Ты сама во всем виновата: не нужно было столько тратить на наборы обеденных тарелок, которых у тебя и без того хоть пруд пруди! Да что тут говорить! Для чего нам эти тарелки, если к нам все равно никто не приходит на обед?

— Они нам нужны, потому что они миленькие! Мне нравятся изящные вещи! Я же не спрашиваю, зачем ты купила точно такой же набор для выпивания, как у супруги президента,— ты ведь в жизни и стежка не сделала!

— Потому что эти наборы будут подниматься в цене, это хорошее вложение денег, вот почему! А вот что ты будешь делать, когда придет нужда,— есть свои обеденные тарелки с печеньем?

Я со страхом взирал на сестер, опасаясь, как бы дело не дошло до драки. Тембры их голосов напоминали пару слегка расстроенных музыкальных инструментов. А Бен был только рад, что о нем на время забыли. Внезапно откуда-то с задней половины дома донесся странный резкий звук: *кря-а-ак*. Примерно такой же звук, по моим представлениям, мог бы издать марсианин со щупальцами и головой в виде чаши. Мисс Гласс Голубая, дав своей сестре тычка дирижерской палочкой, завопила:

— Видишь, что ты наделала? Ты расстроила его и вывела из равновесия! Теперь ты довольна?

Зазвенел дверной звонок.

— Наверно, пришли со своими претензиями соседи: им надоели твои скандалы! — прошипела мисс Гласс Зеленая. — Твои крики, вероятно, можно услышать даже в Юнион-Тауне!

Но в дверях, которые открыла мисс Зеленая, стоял Джонни в темно-коричневой куртке поверх черного свитера с высоким воротом.

— Я только хотел спросить, скоро ли выйдет Бен, — смущенно проговорил он.

— Господи, помилуй нас! Сегодня весь город решил собраться у нас, чтобы ждать Бена.

Мисс Гласс Зеленая сморщила нос, словно укусила лимон, но все же пригласила Джонни пройти внутрь.

— Бен заканчивает урок через пять минут. Можешь войти и подождать своего друга.

Оказавшись в комнате и увидев наши вытянутые физиономии, Джонни сразу понял, что происходящее никак нельзя назвать приятным времяпрепровождением.

— *Кроа-а-ак! Кроа-а-а-ак!* — снова скрипуче прокричали в задней комнате.

— Может быть, ты хотя бы заглянешь к нему, если не слишком занята? — раздраженно спросила у сестры мисс Гласс Голубая. — Ты сама его разбудила, так что иди и займись им!

— Клянусь, тотчас съехала бы отсюда, если бы удалось найти жилье размером хотя бы с картонную коробку! — проворчала мисс Гласс Зеленая.

С этими словами она удалилась в прихожую, и через несколько минут гвалт в задних комнатах затих.

— Господи, да я с ног валяюсь от усталости! — Мисс Гласс Голубая взяла с кофейного столика старый церков-

ный бюллетень и принялась обмахиваться им, словно веером.— Бен, уступи мне место, на сегодня урок закончен. Сейчас я покажу тебе, как ты мог бы играть, если бы выполнял упражнения как следует.

— Хорошо, мэм!

Бен немедленно вскочил.

Мисс Голубая удобно расположилась за пианино. Ее руки с элегантными длинными пальцами замерли над клавишами. Она закрыла глаза, как я догадался, выбирая в уме мелодию, которую мы сейчас услышим.

— Этой вещи я учу всех своих учеников, которым даю уроки игры на фортепиано,— объявила она нам.— Мелодия называется «Прекрасный мечтатель», вы когда-нибудь слышали ее?

— Нет, мэм,— поспешно отозвался Бен.

Дэви Рэй толкнул меня под ребра локтем и закатил глаза.

— Тогда слушайте,— сказала мисс Голубая и заиграла.

Конечно, это были не «Beach Boys», но все-таки тоже неплохо. Изливаясь из пианино, музыка заполняла собой комнату. Ловко перебирая пальцами по клавишам, мисс Голубая покачивалась на своем табурете из стороны в сторону. Как я уже говорил, играла она очень и очень здорово.

Но вскоре снова раздался пронзительный звук. От неожиданности у меня на затылке поднялись дыбом волосы, я ощущал их от кончиков до самых корней. Казалось, что в ушах звучит скрежет битого стекла.

— *Череп и кости! Ханна Фюрд! Череп и кости! Сверчок за печкой!*

Руки мисс Гласс Голубой замерли, и музыка прекратилась.

— Катарина! Да заткни ты ему рот печеньем, в конце-то концов!

— Он там совсем сойдет с ума! Он бьется в клетке!

— *Череп и кости! Дайте мне поправиться! Череп и кости!*

Сказать по правде, я не мог в точности разобрать, что за слова выкрикивала птица в задней комнате, — эти самые или они мне только показались. Бен, Дэви Рэй, Джонни и я переглянулись, чувствуя себя так, словно очутились в сумасшедшем доме.

— Ханна Фюрд! Кроа-а-ак! Сверчок за печкой!

— Я говорю: дай ему печенье! — заорала, сама не своя, мисс Голубая. — Ты что, забыла, что такое печенье?

— Если ты сейчас же не замолчишь, я проломлю тебе голову!

Хриплые визгливые выкрики продолжались. Среди этого переполоха вдруг снова зазвонил дверной колокольчик.

— Это все твоя мелодия! — с криком ворвалась в гостиную мисс Зеленая. — Я же просила тебя никогда не играть эту пьесу! Он каждый раз начинает беситься!

— *Череп и кости! Дайте мне поправиться! Ханна Фюрд! Ханна Фюрд!*

Вскочив с места, я отворил входную дверь, собираясь спастись бегством. На крыльце стояли средних лет мужчина и девочка лет девяти-десяти, которую он держал за руку. Я сразу узнал этого человека: это был мистер Юджин Осборн, который работал поваром в кафе «Яркая звезда».

— Я привел Уинифред на урок му. — заговорил он, но хриплый голос в задней комнате оборвал его на полуслове:

— *Череп и кости! Кроа-а-а-ак! Сверчок за печкой!*

— Господи, что это за крики? — изумленно спросил мистер Осборн.

Мистер Осборн бережно придерживал девочку за плечо. Его голубые глаза округлились от удивления. На покрытых волосками пальцах я заметил вытатуированные буквы: «А», «Р», «М», «И», «Я».

— Это мой попугай, мистер Осборн.

Мисс Гласс Голубая подошла, отодвинув меня в сторону. Быть может, она была с виду худой, но сил в ней было предостаточно.

— Он сегодня не в духе.

Из прихожей снова появилась мисс Гласс Зеленая с огромной клеткой в руках, в которой, как оказалось, и находился источник всего этого переполоха. Это был здоровенный попугай, который летал по клетке и бился о прутья, дрожа, словно лист под порывами ураганного ветра.

— *Череп и кости!* — выкрикивала птица, показывая всем свой черный язык. — *Дайте мне поправиться!*

— Никакого ему больше печенья — он только что едва не отклевал мне палец!

Мисс Гласс Зеленая со стуком поставила клетку на рояльный табурет.

— Я твоего кормила, рискуя своими пальцами, и ты моего покорми!

— В жизни больше не подойду к этому гаду!

— *Ханна Фюрд! Дайте мне поправиться! Череп и кости!*

Попугай был бирюзового цвета, без единого пятнышка, за исключением разве что желтого клюва. Он с криками бросался на прутья, голубые перья летели во все стороны.

— Тогда отнеси его в спальню! — предложила мисс Голубая. — Накрой покрывалом, пусть он успокоится!

— Я тебе не прислуга! Я не прислуга в своем доме, понятно? — завопила мисс Гласс Зеленая, но взяла клетку и с гордо поднятой головой вышла из гостиной.

— *Череп и кости!* — прохрипел на прощание попугай. — *Сверчок за печкой!*

Дверь закрылась, в доме наступила благодатная тишина.

— У него нелады со здоровьем, — объяснила с несколько нервной улыбкой мистеру Осборну мисс Гласс Голубая. — А кроме того, ему не нравится моя любимая пьеса, та, что я только что исполняла на пианино. Прошу вас, входите в дом! Бен, на сегодня урок закончен! Ты должен запомнить: главное — постоянная концентрация внимания и руки движутся плавно, словно волны.

— Хорошо, мэм! — отозвался Бен и, повернувшись ко мне, прошептал: — Давайте убираться отсюда подوبرупоздорову!

Я вскочил с места, за мной — Дэви Рэй. Попугай наконец-то замолчал: видимо, клетку накрыли покрывалом и для него наступила ночь. Перед тем как взяться за ручку двери, я услышал, как мистер Осборн сказал мисс Голубой:

— Первый раз в жизни слышу, чтобы попугай ругался по-немецки!

— Как прикажете вас понимать, мистер Осборн? — удивленно подняла подведенные карандашом брови мисс Голубая.

Остановившись в дверях, я повернулся, чтобы услышать продолжение. От неожиданности Джонни налетел на меня.

— Ваш попутай ругается по-немецки,— упрямо повторил мистер Осборн.— Кто научил его таким словам?

— Честно говоря, я не понимаю, о чем вы говорите.

— Я служил в Европе поваром в Первой пехотной дивизии. Мне приходилось встречаться с пленными немцами, и уж поверьте мне, я узнаю немецкие бранные слова. Наслушался всякой всячины.

— Мой попутай ругается как солдафон? — Мисс Голубая растерянно улыбнулась, потом вновь помрачнела.— Вы, конечно же, ошибаетесь, мистер Осборн!

— Пошли! — пихнул меня в бок Джонни.— А то ярмарка закончится!

— Конечно, он не только ругался,— примирительно продолжил мистер Осборн.— Там были и другие немецкие слова, но они были произнесены невнятно.

— Мой попутай — американец! — гордо заявила мисс Гласс Голубая, вскинув подбородок.— Я понятия не имею, о чем вы говорите!

— Ладно, лично меня это не касается,— пожал плечами мистер Осборн.

— Мальчишки! Хватит стоять в дверях. Вы выпускаете из дома тепло.

— Пошли, Кори! — позвал меня Дэви Рэй из седла велосипеда.— Мы опаздываем!

Дверь гостиной снова открылась.

— Слава богу, наконец он затих! — раздался голос мисс Гласс Зеленой.— Прошу тебя об одном, Соня, не играй больше эту свою песню, ради всего святого!

— Это не песня виновата, сколько можно тебе повторять, Катарина! Я всегда играла эту вещь для него, и она ему нравилась!

— А теперь он ненавидит эту мелодию! Больше не играй ее!

Сестры Гласс напоминали мне пару дерущихся попугаев, хрипло кричащих друг на друга. Зеленого и голубого попугаев.

— Пожалуйста, закройте дверь, мальчики! — крикнула мисс Голубая.

Джонни с силой толкнул меня в спину, и я пулей вылетел на крыльцо.

Он закрыл дверь, но пронзительные крики сестер Гласс, напоминавшие скрежет лесопилки, еще долго доносились из дома. Мне было отчаянно жалко маленькую девчонку Осборн.

— Эти старые девы — просто психованные! — сказал Бен, забираясь на свой велик. — Тут еще хуже, чем в школе!

— Тогда тебе надо устроить что-нибудь такое, чтобы твоя мама рассердилась на тебя и в наказание лишила уроков музыки! А сейчас время не ждет!

Издав радостный вопль, Дэви налег на педали и покатил в сторону ярмарки. Я отстал от остальных, стараясь не обращать внимания на призывы своих приятелей догнать их. Разумеется, я думал о немецких ругательствах. Насколько мне было известно, сестры Гласс не говорили ни на одном языке, кроме английского, на котором изъяснялись в наших краях, — диалекте американского Юга. Я понятия не имел о том, что мистер Осборн служил в Первой пехотной дивизии — весьма знаменитом армейском соединении, как мне было известно из книг. Выходит, мистер Осборн воевал на той же истерзанной войной части земли, что и сержант Рок! «Вот это да!» — сказал я себе.

Но откуда попугай мисс Голубой научился немецким ругательствам?

Тут до меня донеслись радостные звуки ярмарочного веселья вместе с ароматами жареного попкорна и яблочной карамели. Я решил оставить сквернословящего по-немецки попугая до лучших времен и приналег на педали, чтобы настигнуть своих приятелей.

Я выложил доллар за входной билет и вслед за своими друзьями ринулся в самую гущу ярмарочных наслаждений, подобно изголодавшемуся бродяге, заведящему бесплатное угощение. Гроздь гирлянд мигали над нашими головами, словно пойманные в сети звезды. Вокруг было полно народу: и наши сверстники, одни и с родителями, и взрослые, были и старшеклассники. Карусель без устали кружилась, оглашая окрестности треском веселой музыки и мерным скрипом.

Первым делом, завладев билетами, мы уселись в «чертово колесо», причем я допустил ужасную ошибку, согласившись разделить сиденье с Дэви Рэем. Когда мы вознеслись на самый верх и колесо остановилось, чтобы внизу желающие прокатиться успели рассестись по своим местам, Дэви со зловецей усмешкой внезапно закричал, что болты наших кресел вываливаются из своих гнезд, раскачивая при этом гондолу взад и вперед.

— Перестань, Дэви, пожалуйста, перестань! — взмолился я, чувствуя, как руки и ноги леденеют от ужаса, а тело становится жестким и негнушимся. С жуткой высоты, куда подняло нас колесо, мне была видна вся ярмарка. Внезапно мой взгляд остановился на кричащей надписи с потеками театрально-красной крови среди намализованной зелени джунглей: «Из Затерянного мира».

С Дэви Рэем я рассчитался в «доме с привидениями».

Когда ведьма с бородавкой на носу вдруг выскочила из темноты навстречу нашей скрипучей тележке, я схватил Дэви за волосы на затылке и заорал ему в ухо жутким голосом, в сравнении с которым все слышанные нами здесь наспех записанные на пленку завывания призраков и гоблинов могли показаться детским лепетом.

— Прошу тебя больше так не делать! — попросил меня Дэви, когда наконец смог найти в себе силы снова усесться на место.

После того как мы оказались снаружи, Дэви заявил, что ярмарочные «дома с привидениями» — самые глупые выдумки, которые он только видел в жизни, и что на самом деле ему ни капельки не было страшно. При этом, однако, походка его была несколько скованной, и он поспешил отправиться к рядам передвижных туалетов.

Потом мы погрузили свои физиономии в клубы сахарной ваты, поели жареного попкорна и угостились покрытыми глазурью маленькими пончиками. Мы отведали засахаренных яблок с арахисом, умяли по хот-догу в кукурузном тесте и наполнили животы пивом из корнеплодов. Бен пожелал прокатиться на мотоцикле «скрэмплер». Результат оказался более чем печальным: нам пришлось под руки сопроводить Бена в туалетную кабинку, где его прищел, к счастью, оказался верным и он сумел не забрызгать одежду. Бен гордо прошествовал мимо шатра с изображением морщинистой физиономии с единственным глазом. Что касается Дэви, то тот просто прорвался сквозь очередь, чтобы поскорей попасть внутрь. Мы с Джонни, вопреки своему скептическому отношению к подобным зрелищам, отправились следом.

Представлением в глубине тускло освещенного сарая управлял угрюмый мужчина, с носом, напоминавшим

маринованный огурец. Перед началом действия он держал речь перед полудюжиной любителей уродов о грехах плоти и всевидящем оке Господнем. После вступительных слов конференсье отдернул занавес и направил прожектор на вместительную бутыль со сморщенным розовым тельцем нагого младенца с двумя руками и двумя ногами, но единственным циклопическим глазом посреди выпуклого лба. Затем, чтобы нам было лучше видно, мужчина поднял наполненную формальдегидом бутыль, в которой младенец-циклоп плавал в своем сне, отчего я вздрогнул, а Джонни заерзал на своем стуле.

— Вот перед вами наглядный пример плотского греха и всевидящего ока Божьего, отмечающего и наказывающего греховодников,— объявил конференсье.

Мне показалось, что, если бы добавить немного пафоса, ярмарочный урод вполне мог бы составить конкуренцию преподобному Блессету. Когда мужчина со своей бутылкой остановился прямо передо мной, я был потрясен, заметив, что единственный глаз младенца такой же золотой, как и у моей Ракеты. Лицо младенца было сморщенным, словно у маленького старичка, его беззубый ротик был слегка приоткрыт, словно в немой просьбе к небесам ниспослать белую молнию, дабы освободить его от муки.

— Сынок, обрати внимание на то, как перст Божий изничтожил все приметы греховного орудия,— сказал мне конференсье.

Его заплавающие глаза с мешками под ними блестели от проповеднического экстаза. Приглядевшись, я понял, что именно он имел в виду: дитя было неопределенного пола, ни мальчик, ни девочка, на причинном месте у него не было ничего, кроме складки сморщенной розовой ко-

жи. Мужчина повернул ко мне бутылку обратной стороной, чтобы я смог разглядеть младенца со спины. Тот плавно переместился в своем формальдегиде, и я услышал, как его плечо, столкнувшись со стеклом, издало мягкий глухой звук. Я увидел на спине младенца выступающие лопатки. На них имелись утолщения вроде хрящевых выступов. «Как будто отростки будущих крыльев», — подумал я, уже догадываясь, что на самом деле за этим крылось.

Нет, я знал это точно. Младенец-циклоп был ангелом, по какой-то причине упавшим на землю.

— Горе грешнику! — объявил конференсье, поворачиваясь к Джонни и Дэви Рэю. — Горе грешнику, которого узрит око Божье!

— Круто было! — объявил Дэви, когда мы наконец выбрались на свежий воздух. — Я сначала подумал, что он живой и заговорит с тобой!

— В самом деле? — холодно осведомился я, и Дэви посмотрел на меня так, будто бы я не понимал самой сути жизни.

Вслед за этим мы отправились смотреть на гонки по вертикальной стене, туда, где отважные мотоциклисты носились по кругу внутри высокого цилиндра, защищенного от зрителей тонкой металлической сеткой. Ревели моторы, покрывки скрипели в опасной близости от лиц зрителей.

Потом наступил черед скачек на индейских пони. Под просторным тентом бледнолицые, не способные отличить Джеронимо¹ от Сидящего Быка², скакали вокруг

¹ Джеронимо (1829–1909) — вождь племени чирикауа, возглавил сопротивление индейцев в 1885–1886 годах.

² Сидящий Бык (1831?–1890) — вождь и шаман из общины хункпапа, один из почитаемых героев народности сиу

в перьях и набедренных повязках, пришпоривая и пытаясь вдохнуть жизнь в кляч, явно ожидавших отправки на мыльную фабрику.

В конце действия на арену выкатил фургон с ковбоями, преследовавшими псевдоиндейцев. Ковбои принялись палить холостыми, а белые «краснокожие», спасаясь бегством, с пронзительными криками бросились врассыпную. История Алабамы никогда не казалась мне настолько скучной. Что же касается Джонни, то, когда мы оказались на улице, он со смущенной улыбкой заметил, что один из пони, рыжевато-коричневый, с круглой спиной, наверно, хорошо бы несли галопом, если бы оказался на просторе.

К тому времени Дэви Рэй уже жаждал встречи с новыми уродами, и нам пришлось отправиться смотреть на рыжеволосую худую, как щепка, женщину, способную зажигать электрические лампочки, просто держа их во рту.

Следующим номером нашей программы был «Смертельный автомобиль Аль Капоне», где нам предлагалось насладиться зрелищем усыпавших тротуар окровавленных тел, в то время как злобные гангстеры оглашали окрестности треском очередей своих автоматов. Сам автомобиль представлял собой развалюху, которой побрезговал бы, наверно, даже мистер Скалли; за рулем и вокруг машины располагались манекены. Мы плелись вслед за Дэви, пока тот наслаждался милым его сердцу зрелищем, будь то Мальчик-аллигатор, Человек-гусеница или Женщина с шеей жирафа.

А потом мы повернули за угол и учуяли знакомый запах — лишь намек на него, легкий аромат, принесен-

ный к нам ветерком из облака преобладающих запахов жиров, на которых жарились гамбургеры и пончики.

Запах был змеиный, как я уже говорил.

— Бен все-таки обделался! — крикнул Дэви Рэй, исправно исполняя свою роль.

— Ничего подобного! — немедленно отозвался Бен, позволяя в очередной раз завлечь себя в безвыходный круг насмешек.

— Вот он, — объявил Джонни, и мы увидели перед собой прицеп с огромной кроваво-красной надписью «Из Затерянного мира» на обоих бортах.

К большому квадратному входу в трейлер, напоминающий фургон американских колонистов, вела лесенка. Дверь прикрывал грязно-коричневый полог. Вокошечке кассы сидел на табурете мужчина с зачесанными на лысый череп редкими прядями сальных темных волос. Он жевал зубочистку и читал комиксы о похождениях Джагхеда. Когда мы подошли, маленькие бледно-голубые глазки мужчины стрельнули в нашу сторону, и его рука сонно потянулась к микрофону. В динамике заскрипел его голос:

— Заходите, заходите! Только у нас вы сможете увидеть чудовище из Затерянного мира! Торопитесь увидеть своими глазами!

Вскоре он потерял к нам интерес и вернулся к своим комиксам.

— Здесь воняет! — заметил Дэви Рэй. — Давайте свалим отсюда.

— Подожди немного, — сказал я. — Минутку.

— Зачем?

Слово «затерянный» целиком завладело моим воображением.

— Мне хочется посмотреть, что это такое.

— Только деньги напрасно истратишь! — предостерег меня Бен. — Какая-нибудь большая змея или что-то вроде этого.

— Змея не тупее «смертельного автомобиля».

С этим трудно было не согласиться.

— Эй, сдается мне, что вон там показывают двухголового быка! — крикнул нам Дэви Рэй, указывая рукой на ярко раскрашенный шатер. — Это по мне!

Дэви направился к новой цели, Бен тоже шагнул за ним, но остановился, увидев, что ни я, ни Джонни не собираемся к ним присоединиться. Дэви Рэй оглянулся и нахмурился.

— Там наверняка какая-то лажа! — крикнул он.

— Может, и так, — отозвался я. — А может быть, там...

«...что-нибудь замечательное» — вот что хотел я сказать.

Внезапно изнутри фургона послышалась возня какого-то тяжелого тела, которое ворочалось, устраиваясь поудобнее. Трейлер заскрипел всеми своими рессорами. Бум-м-м! Массивная туша ударилась о деревянную стену. Все сооружение сильно затряслось. Сидевший в окошке кассы мужчина наклонился и достал что-то из-под стола. В его руках оказалась бейсбольная бита, утыканная гвоздями, которой он несколько раз ударил в стену трейлера рядом с собой, призывая находившееся внутри существо к спокойствию. Приглядевшись, я обнаружил, что красная краска с некоторых букв на борту трейлера уже порядком облупилась.

То, что находилось внутри фургона, послушно затихло. Стены трейлера перестали содрогаться. Не меняя выражения лица, мужчина отложил свою биты.

— Ого,— тихо проговорил Бен.— Там внутри, должно быть, что-то здоровенное.

Мое любопытство разыграло не на шутку. Невыносимый застойный дух болота гнал прочь от трейлера потенциальных посетителей, но мне позарез было нужно увидеть, что там внутри. Я подошел к окошку кассира.

— Один билет? — не поднимая головы, спросил он.

— А что там внутри? — спросил я.

— Зверь из Затерянного мира,— ответил человек.

При этом он даже не поднял на меня глаз, продолжая рассматривать комиксы. Его угреватое лицо казалось изможденным.

— Я понимаю, сэр, но что именно там находится?

На этот раз он поднял на меня взгляд. Я едва удержался от того, чтобы не отпрянуть назад, такая свирепая ярость горела в его глазах, живо напомнив мне бессмысленную злобу Брэнлинов.

— Я уже объяснил тебе, мальчик,— проговорил мужчина, чмокая зубочисткой.— Если я стану рассказывать, никакого сюрприза не выйдет.

— У вас там... какой-то урод или что-то такое?

— Входи и все увидишь сам.— Мужчина холодно улыбнулся, показав остатки съеденных до корней зубов.— А после расскажешь, что ты там увидел.

— Кори, брось, пошли отсюда! — кричал из-за моей спины Дэви Рэй.— Наверняка там какая-то лажа!

— Ты так считаешь? — Мужчина наконец отложил в сторону свои комиксы.— Что ты можешь знать, паренек? Что ты видел в жизни, кроме этого занюханного городка?

— Если я вижу перед собой лажу, то знаю точно, что так оно и есть,— сказал Дэви и, спохватившись, добавил: — Сэр.

— В самом деле? Так вот, пацан, у тебя не хватит ума, чтобы отличить свою башку от собственного зада! Либо платите деньги, либо проваливайте и прекратите морочить мне голову.

— Я ухожу,— отозвался Дэви Рэй.— Пошли, Кори, хватит тут торчать.

Дэви направился дальше, но я остался. Увидев, что я не иду за ним, Дэви презрительно фыркнул и пошел смотреть двухголового быка.

— Один билет,— сказал я кассиру и вытащил четвертак из кармана джинсов.

— Пятьдесят центов,— объявил мне хозяин.

— Но везде вход стоит четвертак! — возразил Бен, присоединяясь ко мне и Джонни.

— У меня вход пятьдесят центов,— непреклонно повторил хозяин.— Эта зверюга жрет столько, что на нее не напасешься.

Я выложил на конторку два четвертака. Хозяин смахнул деньги в жестяную банку, которая, судя по звуку, была почти пуста, и оторвал билет.

— Поднимайся по ступенькам, проходи за занавес и дожидайся меня. Напротив будет другой занавес. Туда даже и не думай заглядывать, пока я не войду. Понятно?

Я ответил, что все понял, и поднялся по ступенькам. Болотная змеиная вонь сделалась совершенно невыносимой, к ней прибавился тошнотворно-сладкий запах гниющих фруктов. Оказавшись внутри, я усомнился в правильности своего поступка, на который меня толкнуло неутолимое любопытство. Я вошел за занавес и оказался в полной темноте.

— Я тоже решил посмотреть,— раздался позади меня голос Джонни.

Протянув вперед руку, я нащупал грубую ткань другого занавеса, скрывавшего содержимое трейлера.

Что-то загрохотало, как далекий товарный поезд.

— Пройди немного дальше, — сказал хозяин фургона, поднимавшийся по ступеням в сопровождении Джонни и Бена.

Он откинул первый занавес, и я увидел в его руке утыканную гвоздями бейсбольную биту. Я подвинулся, так чтобы и мои приятели смогли зайти внутрь.

— Меня сейчас вырвет! — прохрипел Бен, зажимая пальцами ноздри.

— Он любит перезрелые фрукты, — объяснил хозяин. — А от гнилья, сами знаете, бывает понос.

— Так что все-таки это такое? — спросил Джонни. — И что значит «затерянный мир»?

— Затерянный мир, он и есть затерянный, иначе бы он так не назывался. То, что раз потеряно, невозможно больше найти. Надеюсь, хоть это вы способны уразуметь?

Никому из нас не понравились его грубые манеры. Возможно, у Джонни хватило бы сил хорошенько ему врезать. Но он покорно ответил:

— Да, сэр.

— Эй, я тоже хочу войти посмотреть, — донесся голос Дэви Рэя. — Где вы все?

Хозяин сделал шаг к входу и преградил Дэви путь.

— Пятьдесят центов, или можешь разворачиваться и уходить, — сказал хозяин.

Само собой, Дэви не мог так просто снести подобную несправедливость. Чуть отодвинув занавес, я наблюдал, как Дэви Рэй препирается с хозяином. Разговаривая,

Дэви не переставал жевать белый карамельный батончик «Зеро» с начинкой из шоколада и нуги.

— Если ты сейчас же не заткнешься,— наконец не выдержал хозяин «Затерянного мира»,— я подниму цену до семидесяти пяти центов! Так что либо плати, либо проваливай!

Еще пара четвертаков поменяла владельца. Через миг Дэви Рэй протиснулся между нами, за ним зашел хозяин, продолжая что-то злобно бормотать.

— Эй ты, парень! — кивнул он мне.— Давай заходи первым!

Я отодвинул в сторону второй дерюжный занавес и шагнул вперед, но тут же едва не бросился обратно — так сильна была вонь. Друзья потянулись за мной следом, последним вошел хозяин, мистер Вежливое Обращение с Клиентами. Свисавшие с потолочных крюков четыре керосиновые лампы давали скудный свет, в помещении царил полумрак. Прямо передо мной находилось нечто, похожее на большой загон для свиней с железными прутьями толщиной с доброго питона. За оградой кто-то лежал, такой громадный, что у меня колени затряслись от страха. Я услышал, как за моей спиной хрипло дышал Бен. Джонни тихонько присвистнул. В углу загона высилась целая гора гниющей заплесневелой кожуры. Зловонная разлагающаяся фруктовая масса плавала в зеленовато-коричневом месиве. Среди этой грязи выделялись, как бы это помягче сказать, коричневые валы, числом не менее дюжины, длиной с руку моего отца и вдвое большей толщины. Темный рой мух кружился по загону наподобие небольшого торнадо. Запах стоял такой, что даже у скусна разом сошли бы все полоски. Неудивитель-

но, что жестяная банка для выручки мистера Вежливое Обращение была пуста.

— Можете пройти вперед и посмотреть поближе! — сказал он. — Идите и смотрите, вы за это платили!

— Меня сейчас вырвет! — завопил Бен, повернувшись, чтобы выскочить наружу.

— Никакого возврата денег! — закричал ему вслед мистер Вежливое Обращение.

Возможно, причиной последовавших затем событий был именно крик хозяина балаганчика. А может быть, виною всему был наш запах, непривычный для обитателя загона. Так или иначе, животное внезапно задвигалось и стало подниматься со своего отвратительного ложа. По мере того как туша вставала, освобождаясь от жидкого месива, она становилась все огромней и огромней. Животное фыркнуло, да так басовито, словно сотня фэготов разом сыграла самую низкую ноту. Встав на лапы, зверь, неуклюже переваливаясь, прошествовал в самый дальний угол загона. Его серая шкура блестела от стекавших по ней потоков вонючей жижи, в которой копошились мириады мух. Скрипя всеми своими рессорами и балками, трейлер неожиданно начал крениться в ту сторону, куда направилось существо, и вся наша честная компания разразилась дружным воем, охваченная страхом, равно которому мы никогда не испытывали ни в одном «доме с привидениями».

— Куда тебя несет, засранец! — заорал на громадину хозяин, забравшийся на деревянную платформу сбоку от загона. — Говорят тебе, стой смирно или развалишь тут все к чертям!

Взмахнув бейсбольной битой, он со злобой опустил ее вниз.

От шлепка дерева о шкуру животного у меня свело живот. Я едва не распрощался со всем своим ярмарочным угощением, но, стиснув зубы, сдержался. Мистер Вежливое Обращение продолжал колотить животное: еще раз, потом еще и еще. Чудовище не издало ни звука, но после четвертого удара все-таки, шатаясь, отошло от дальнего борта трейлера и перебралось к центру загона, после чего фургон снова выпрямился.

— Тут и стой, болван этакий! — проорал мистер Вежливое Обращение.

— Так вы, мистер, можете забить его до смерти, — проговорил Дэви Рэй.

— Этот сукин сын не чувствует боли! У него шкура толщиной с железный лист. Послушай, пацан, не учи меня, что делать, или я выброшу тебя отсюда за шиворот!

Я не знал, чувствовало ли животное боль на самом деле. Все, что я видел наверняка, — это капли крови, появившиеся на серой шкуре там, где ее пробили гвозди бейсбольной биты.

Животное было наполовину ниже слона, величиной примерно с наш пикап. Толстые бугры мышц на его спине вздрогнули, и рой мух лениво поднялся в воздух. Оно стояло неподвижно, освещенное тусклым искусственным светом, утопая короткими и толстыми ногами в месиве из собственных экскрементов и остатков гнилых фруктов. В основании шеи, покрытой сероватой кожей, виднелись остатки трех спиленных рогов.

Я едва не сел на пол от изумления. Удержало меня лишь то, что я хорошо помнил, что находилось у нас под ногами.

— Этот зверь очень старый, — объявил мистер Вежливое Обращение. — Вы, наверно, слышали о том, что не-

которые черепахи живут по двести или даже триста лет? Так вот, по сравнению с этим зверем из Затерянного мира черепахи покажутся вам подростками. Вот кто настоящий старый хрыч! — воскликнул он и захохотал так, будто сказал что-то ужасно смешное.

— Где вы его нашли? — словно бы со стороны услышал я собственный голос, поскольку мое сознание было слишком потрясено увиденным, чтобы продолжать работать.

— Я купил его за семьсот долларов наличными. Тогдашний владелец этого зверя возил его по Луизиане, я встретил его в краю Каджунов¹. Перед этим его показывал публике один техасец, а еще раньше таскал по ярмаркам парень из Монтаны. Это, как я понимаю, было еще в двадцатые годы. Да, этому чудовищу довелось помотаться по свету.

— У него кровь течет, — проговорил Дэви Рэй.

Половинку батончика «Зеро» он держал в кулаке, опустив руку вниз. Аппетит у него, как видно, совершенно пропал.

— Ну и что с того? Иначе он бы и голову к вам не повернул, такая ленивая и тупая скотина. В его здоровенной башке мозгов всего-то с грецкий орех, уж я-то знаю.

— А откуда он вообще взялся? — спросил я. — Я хочу сказать... кто поймал его первый?

— А, это было давным-давно. Тот придурок в краю Каджунов что-то болтал мне, да я позабыл. Вроде бы его поймал какой-то профессор то ли в джунглях Амазонки,

¹ Край Каджунов — район на юго-западе штата Луизиана, населенный каджунами, потомками акадийцев, колонистов из поселения Акадия во французской Канаде.

то ли в Бельгийском Конго, точно не помню. Короче говоря, на каком-то труднодоступном плато, где никто ни до профессора, ни после него так и не бывал. А звали его... то ли профессор Чандлер, то ли Калландер... нет, не так...

Хозяин балаганчика щелкнул пальцами.

— Профессор Челленджер! Он-то и поймал эту зверюгу и привез к нам. Это три... тре...

— Трицератопс! — выпалил я.

Я-то знал названия динозавров, мне не нужно было объяснять.

— Точно, трецераттопс, — кивнул в знак согласия мистер Вежливое Обращение. — Так его и зовут.

— А зачем ему отпилили рога? — спросил Джонни.

Джонни, как видно, тоже опознал породу зверя и, встав рядом со мной, даже отважился взяться рукой за железную перекладину.

— Кто отпилил динозавру рога, мистер?

— Я и отпилил, надо думать. А что оставалось делать? Посмотрели бы вы на них прежде! Рога у него были как копыта: он протыкал ими не только стенки трейлера, но даже листовой металл. Моя цепная пила изломалась на мелкие кусочки, пока я отпилил рога до половины, пришлось остальное рубить топором, будь оно все неладно. А ему хоть бы что — лежит себе на боку и в ус не дует, только жрет да гадит.

Мистер Вежливое Обращение пнул ногой половинку недозрелого арбуза, которую динозавр вывернул из жидкой грязи.

— Можете себе представить, какая прорва денег у меня уходит, чтобы это чудовище могло лакомиться фруктами круглый год? Я никогда не прощу себе, что выкинул на ветер эти семь сотен так глупо!

Дэви Рэй подошел к решетке и остановился рядом с Джонни.

— Он ест только фрукты? — спросил он хозяина.

— Нет, эта прорва жрет все, что угодно, только давай!

Когда ярмарочный сезон заканчивается, я кормлю его всякими отбросами и древесной корой.— Мистер Вежливое Обращение ухмыльнулся.— Но от фруктов запах становится чуть получше.

Маленькие черные глазки трицератопса медленно закрылись и снова открылись. Его массивная голова покачивалась из стороны в сторону, словно в поисках какой-то мысли. В загоне ему едва хватало места, чтобы развернуться. Глубоко и печально вздохнув, зверь облегчился прямо в жижу под ногами, после чего замер, уставившись в пустоту, только струйки крови медленно стекали по его шкуре.

— Здесь у него ужасно тесно! — заметил Дэви Рэй.— Я хочу спросить: вы когда-нибудь выпускаете его наружу, погулять?

— Черт, вот умник! Конечно нет! Как после этого я смог бы загнать его обратно?

Хозяин перевесился через железную ограду, которая доходила ему до пояса, когда он стоял на своем деревянном возвышении.

— Эй ты, говноед! — крикнул он трицератопсу.— Почему бы тебе не сделать хоть что-нибудь, чтобы отработать свою чертову жратву? Сколько времени я потратил, чтобы научить тебя удерживать мяч на носу или прыгать сквозь обруч? Все надеялся обучить тебя каким-нибудь трюкам! Только и знаешь, глупый ленивец, что сидеть в дерьме и ничего не делать!

Лицо мистера Вежливое Обращение исказилось, злоба сделала его еще уродливее.

— Эй, я ведь с тобой говорю!

Он ударил трицератопса по спине утыканной гвоздями битой, потом еще раз. Из ран потекла кровь. Влажные глаза животного закрылись в безмолвном страдании. Мистер Вежливое Обращение взмахнул битой для нового удара, его стиснутые зубы хищно оскалились.

— Перестаньте его бить, мистер! — крикнул Дэви Рэй. Решительный голос Дэви звякнул сталью.

Бита замерла в верхней точке.

— Что ты сказал, парень?

— Я сказал, перестаньте его бить, — повторил Дэви. — Пожалуйста. Зачем такая жестокость?

— А затем, — ответил мистер Вежливое Обращение. — Может быть, это и жестоко, но доставляет мне удовольствие. К тому же он просто не понимает другого обращения.

И хозяин балаганчика ударил зверя в третий раз, изо всех сил.

Я увидел, как сжалась рука Дэви, раздавив остатки батончика.

— С меня хватит, — сказал Джонни.

Развернувшись, он направился мимо нас прочь от загона, к выходу из трейлера.

— Давай, Дэви Рэй, пойдем, нам пора, — сказал я своему приятелю.

— Его нельзя бить, — повторил Дэви Рэй. — Это несправедливо.

Мистер Вежливое Обращение выгравал биту из шкуры животного и повернулся к нам. С гвоздей стекали капли крови.

— Такого редкого зверя, как этот динозавр, нельзя держать в клетке в куче дерьма.

— Мне кажется, парень, ты уже насмотрелся на свои пятьдесят центов,— проговорил хозяин балагана.

Его голос звучал устало, на лбу блестяли капли пота. Похоже, бить трицератопса бейсбольной битой было нелегко: ведь каждый раз, когда гвозди втыкались в шкуру, приходилось с усилием выдирать их обратно. Поработав битой, хозяин, как видно, дал выход своей злобе и немного остыл.

— Давайте, деревенщина, пора вам двигать домой,— сказал он.

Но Дэви Рэя не так-то просто было унять. Его глаза напомнили мне пару горящих углей.

— Послушайте, мистер, вы хоть понимаете, *что* оказалось у вас в руках?

— Понимаю. Ходячий мешок с дерьмом. Хочешь купить его у меня? Черт, я уступаю его тебе со скидкой. Пусть твой папаша принесет мне пять сотен долларов, и я выгружу его у вас на дворе. А там делай с ним, что хочешь: можешь даже брать его с собой в кроватку.

Однако Дэви Рэй не внял его призыву.

— Его нельзя бить,— упрямо повторял он.— Это жестоко и несправедливо. Нельзя ненавидеть кого-то только за то, что он живой.

— Да что ты вообще можешь знать? — фыркнул мистер Вежливое Обращение.— Такой сопляк, как ты, еще ничего не знает о жизни! Поживи еще хотя бы лет двадцать и нахлебайся с мое этого вонючего мира, а потом приходи ко мне и учи, что хорошо, а что плохо!

То, что сделал Дэви Рэй дальше, было очень странным. Он бросил остатки своего батончика за ограду загона,

прямо в грязь, под самую носатую морду трицератопса. Сласть упала в отвратительную жижу с легким хлопком: *плон*. Трицератопс даже не сдвинулся с места, плотно закрыв глаза тяжелыми веками.

— Эй, ты! Не смей ничего бросать за загородку! Вам всем пора выметаться — представление окончено!

Я заторопился к выходу.

Услышав за собой хлопающий звук, я обернулся и увидел, как трицератопс, опустив морду, сгреб лакомство вместе с жидкой грязью, работая своей пастью как живой бульдозер. Сделав несколько жевательных движений, зверь откинул голову назад, позволив навозной жиже стечь в желудок.

— Давайте выметайтесь! — снова подал голос мистер Вежливое Обращение. — Я закрываюсь.

Трейлер затрясся. Трицератопс снова поднимался на ноги, словно древний болотный дуб. Могу поклясться, что на моих глазах он высунул изо рта, заляпанного комками грязи, здоровенный язык цвета ржавчины и размерами не меньше обеденной тарелки и облизнул остатки угощения. Потом, повернув свою голову с обрубками рогов в сторону Дэви Рэя, трицератопс неуклюже двинулся вперед.

Он напоминал танк, набиравший ход. Перед самой железной загородкой зверь наклонил голову, и его плотная костяная масса врезалась в железо с грохотом, напоминавшим усиленный во много раз треск столкнувшихся футбольных шлемов. Затем, отступив назад на три шага, трицератопс, возбужденно фыркнув, снова ударил головой в железные прутья.

— Эй, эй! Что еще за шутки! — заорал вне себя от ярости мистер Вежливое Обращение.

Трицератопс снова бросился вперед, скользя лапами в жидкой грязи. Его неимоверная сила внашивала благоговейный ужас, под слоноподобной кожей перекачивались бугры здоровенных мышц, от содрогания которых в страхе разлетались мухи. Железные прутья загородки, заскрипев, прогнулись вперед, болты начали со скрежетом вылетать из своих гнезд.

— Прекрати биться, сволочь паршивая! Прекрати сейчас же!

Мистер Вежливое Обращение принялся изо всех сил колотить трицератопса битой, во все стороны полетели брызги крови. Но зверь, не обращая никакого внимания на удары, вновь отступал назад и с неумолимой настойчивостью бросался на загородку; насколько я понимал, он хотел вырваться наружу и уйти вместе с Дэви Рэем.

— Сволочь, сукин сын! Старый поганый идиот! — орал вне себя от ярости владелец фургона.

Бейсбольная бита раз за разом поднималась и обрушивалась вниз. С глазами, дикими от ярости, хозяин оглянулся на нас.

— Выметайтесь сейчас же! Это вы его довели!

Схватив Дэви Рэя за плечо, я рывком выдернул его за занавес. Мы вместе сбежали вниз по лесенке, слыша, как скрипят болты, не выдерживая напора огромной туши. Трейлер раскачивался подобно чертовой колыбели — я понял, что трицератопс впал в ярость. Выбравшись наконец из трейлера, мы увидели Джонни и Бена, который с выражением ужаса на лице сидел на перевернутом ящике из-под прохладительных напитков, спрятав лицо в ладонях.

— Он пытается вырваться на свободу, — сказал Дэви Рэй. Мы обратили свои взоры к трейлеру, который про-

должал трястись, дребезжать и раскачиваться.— Видел, что творится?

— Да,— ответил я.— Трицератопс разошелся не на шутку.

— Бьюсь об заклад, что раньше он никогда не пробовал карамельных батончиков,— объяснил мне Дэви.— Ни разу за всю свою жизнь. «Зеро» понравился ему точно так же, как нравится мне, вот в чем дело. Господи, да у нас дома целая коробка этих батончиков — вот где ему было бы раздолье!

Не до конца уверенный в том, что именно восхитительный вкус карамельных батончиков оказался виной случившемуся, я все-таки ответил:

— Да, точно.

Мало-помалу трейлер перестал ходить ходуном. Через несколько минут сам мистер Вежливое Обращение появился на ступеньках своего заведения. Его одежда и лицо были забрызганы каплями грязи и жидкого помета. Мы с Дэви затряслись, пытаясь сдержать смех. Мистер Вежливое Обращение задернул занавес, закрыл дверь и навесил на нее замок с цепью, который запер на ключ. Потом, обернувшись, заметил нас и немедленно взорвался:

— Я, кажется, сказал, чтобы вы убирались отсюда! Валите, пока я вам не...

С этими словами злобный хозяин двинулся в нашу сторону, размахивая своей утыканной гвоздями битой. Нам не оставалось ничего другого, как дать стрекача.

Ярмарка закрывалась на ночь, народу поубавилось, карусель остановилась, перестали пронзительно кричать зазывалы из шоу уродов. Повсюду один за другим гасли огни.

Мы пошли к велосипедам. В воздухе чувствовался морозец. Зима была на носу.

Бен, словно сбросив ношу с плеч и вернувшись в страну живых, трещал без умолку. Джонни по большей части молчал, обратив только наше внимание на то, как ловко катались мотоциклисты. Я сказал, что мог бы построить такой дом с привидениями, в котором люди будут пугаться до полусмерти, и если у меня будет настроение, я так и сделаю. Дэви Рэй шел молча.

Когда мы наконец добрались до наших велосипедов, Дэви заметил:

— Мне не хотелось бы так жить.

— Как? — спросил Бен.

— В таком гнилом загоне. Как этот динозавр из Затерянного мира.

— А,— протянул Бен.— Он, наверно, уже привык к такому свиарнику.

— Привыкнуть,— отозвался Дэви,— совсем не то же самое, что полюбить. Болван ты, Бен.

— Послушай, тебе испортили настроение, так не срывай злобу на мне!

— Я ни на ком не срываю злобу.— Дэви Рэй оседлал велосипед и крепко стиснул руками руль.— Просто... я представить себе не могу, как жить в таком кошмаре. Он там едва может двигаться. Не видит солнца. Каждый день там похож на предыдущий, и ничего не меняется, будь таких дней хоть миллион. Мне невыносима даже мысль об этом. А ты что скажешь, Кори?

— Да, такому житью не позавидуешь,— согласился я.

— Если хозяин так и будет колотить его каждый день, то в конце концов убьет. А потом выбросит на свалку и на следующий день забудет.

Выдохнув пар, Дэви прищурился и взглянул на лунный серп.

— Этот зверь — подделка. А хозяин фургона — просто трепло. Его динозавр на самом деле — носорог, возможно, урод от рождения. Понимаете? Все это лажа с начала до конца, как я вам и говорил.

Дэви оттолкнулся ногой и нажал на педали, прежде чем я успел что-нибудь возразить.

Так закончился наш вечер на Брэндиуайнской ярмарке.

В ночь на субботу, наверно около трех часов, на крыше здания суда пронзительно завывала сирена гражданской обороны. Отец одевался с такой поспешностью, что напялил на себя белье задом наперед, и, вскочив в пикап, помчался выяснять, в чем дело. Я же спросонья решил, что русские все-таки начали нас бомбить. Через час отец вернулся и рассказал, что случилось.

Один из экспонатов ярмарки ночью сбежал. Проломил стену своего трейлера — и был таков. Человек, которому принадлежал беглец, в это время спал в другом трейлере. Чуть позже я услышал, как отец рассказывал маме, что хозяин беглеца проводил ночь с рыжеволосой женщиной, умеющей проделывать какие-то странные штуки с лампочками. Вырвавшись на свободу, зверь напролом промчался по ярмарке, как танк армии Паттона, сметая палатки и шатры, словно они были кучами палой листвы. Выбравшись на Мерчантс-стрит, зверь разбил витрины в нескольких магазинах и перевернул немало припаркованных машин, после чего некоторые из них оставалось лишь отправить на свалку мистера Скалли. Отец слышал от мэра Своупа, что, по самым грубым подсчетам, зверюга с ярмарки причинил городу убытков на десяток тысяч долларов. До сих пор беглец еще не пойман. Устро-

ив в городе переполох, зверь направился напрямиком в лес и скрылся где-то в холмах, прежде чем его преследователи успели обуться. Никто его не видел, за исключением мистера Уинна Гилли, которому зверь проломил головой стену спальни. Мистер Гилли и его жена теперь оправляются от пережитого потрясения в больнице Юнион-Тауна.

Таким образом, зверь из Затерянного мира вырвался на волю, лишив посетителей ярмарки удовольствия лицезреть его.

В тот день я не предпринимал никаких действий. В воскресный вечер я был у Джонни, и, пока его родители смотрели в гостиной телевизор, мы позвонили Колланам из комнаты в задней части дома. Трубку снял Энди, младший братишка Дэви Рэя. Я попросил его позвать к телефону мистера Коллана.

— Привет, Кори,— сказал отец Дэви.— Чем могу помочь?

— Я звоню вам по поручению отца,— сказал я ему.— На этой неделе мы хотим разобрать загончик Бунтаря, и отец велел мне спросить у вас... не могли бы вы одолжить нам вашу цепную пилу?

— Зачем она вам? Ведь загон проволочный, и вы вполне сможете обойтись обычными кусачками.

— Отец сказал, что, возможно, придется перерезать цепь.

— Хорошо. Нет проблем. Я попрошу Дэви занести ее вам завтра днем, раз уж без нее никак нельзя обойтись. Только мне придется поискать цепную пилу. Я купил ее несколько лет назад и с тех пор ни разу ею не пользовался.

— Может, Дэви Рэй знает, где она? — предположил я.

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Мистер Вежливое Обращение исчез в неизвестном направлении, очевидно сообразив, что потеря семи сотен долларов все-таки выгоднее, чем выплаты за причиненный ущерб на общую сумму в десяток тысяч или отдых в тюрьме. Зверя из Затерянного мира выслеживало немало умелых и бесстрашных охотников, но все они вернулись ни с чем — лишь с пометом на ботинках и уязвленным самолюбием.

В моем воображении возникла картина.

Я видел, как ярмарка свернула свои шатры и укатила восвояси. Поле возле бейсбольной площадки опустело, на нем осталось лишь несколько кучек опилок, раздавленные стаканчики да билетные корешки, которые уборщики всегда оставляют на месте ярмарки, словно псы, которые метят свою территорию.

А в этом году было особенно много оберток от батончиков «Зеро», которые ветер с шуршанием уносил прочь из города.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ХОЛОДНАЯ ПРАВДА ЗИМЫ

Глава 1

ОДИНОКИЙ ПУТНИК

— Твоего отца уволили,— сказала мама.

Я только что вернулся из школы. Меня ожидали четыре выходных в честь Дня благодарения. Новость ударила меня как кулак, внезапно врезавшийся в живот. Лицо у мамы было невеселым, она уже предвкушала долгие дни тяжелой экономии. Продажа пирогов и прочей выпечки не давала дохода: у «Большого Пола» был целый кондитерский отдел, как раз рядом с молочной секцией, заполненной пластиковыми бутылками одноразового использования.

— Они сразу объявили об этом, не успел он порог переступить,— продолжала рассказывать мама.— Заплатили за две недели вперед и дали премиальные, а потом сказали, что больше им не нужен водитель на доставку.

— А где папа? — спросил я, бросив учебники на ближайшую ровную поверхность.

— Около часа назад куда-то уехал. Почти целый день он сидел дома, ничего не ел и все время молчал. Потом пытался поспать, но не смог сомкнуть глаз. Я боюсь, Кори, как бы он не сорвался.

— А куда он уехал?

— Не знаю. Сказал, что ему нужно побыть одному и подумать.

— Ясно. Поеду поищу его.

— Куда ты собрался?

— Съезжу на озеро Саксон,— ответил я и направился к Ракете.

Мама проводила меня до крыльца.

— Кори, ради бога, будь осторожен...— заговорила она, но сразу же осеклась. Я уже доказал, что становлюсь настоящим мужчиной.— Надеюсь, что тебе удастся его разыскать,— добавила она.

Под низким серым небом, грозившим разразиться дождем со снегом, я покатил на поиски отца.

Я рад был уехать из дому и чем-то себя занять. Ветер дул мне в лицо. Пригнув голову к рулю, я катил по трассе 10, опасливо поглядывая по сторонам на лес, насквозь продуваемый ветром. Зверь из Затерянного мира все еще был в бегах. Для города он не представлял особой опасности: едва ли, один раз обжегшись, трицератопс решится снова ступить в коварную выгребную яму человеческой цивилизации. Я опасался другого: за несколько дней до Дня благодарения мистер Марти Баркли, возвращаясь рано утром со свежей почтой из Бирмингема, был атакован огромным зверем, который внезапно выскочил из леса и врезался в его автомобиль. После я видел машину мистера Баркли. Ее борт со стороны пассажирского сиденья был вмят внутрь, словно от удара гигантского стального башмака, окно было разбито вдребезги. Мистер Баркли рассказывал, что чудовище просто-напросто столкнуло его со своего пути и побежало дальше. По-видимому, трицератопс объявил таким образом о своих претензиях на труднопроходимые заболоченные леса вокруг озера Саксон. Всем

машинам на трассе 10 теперь угрожала опасность, так как зверь видел в них пришлых соперников-динозавров. А вдруг он решит, что и Ракета заслуживает подобного нападения? Я изо всех сил жал на педали, поглядывая по сторонам. Было совершенно очевидно, что мистер Вежливое Обращение понятия не имел о том, что обладал не простоленивой глыбой серого мяса, дни напролет дремавшей, лежа на боку в навозе, а настоящим паттоновским танком, способным обогнать автомобиль. Свобода придает скорость ногам — в этом не приходится сомневаться. К тому же, несмотря на свой немалый возраст и огромные размеры, в душе трицератопс как был, так и остался мальчишкой.

Добившись, чтобы Дэви Рэй явился ко мне с цепной пилой, я не стал делиться с ним своими подозрениями. Джонни тоже держал рот на замке, а Бену мы ничего не сказали, потому что у него всегда был слишком длинный язык. В свою очередь и сам Дэви Рэй не особенно распространялся по поводу трицератопса, лишь вскользь обронил, что, как он надеется, люди дадут зверю возможность дожить до конца своих дней в мире и спокойствии. Я никогда не был уверен до конца, что Дэви причастен к бегству динозавра, но такая проделка была вполне в его духе. Откуда ему было знать, что, вырвавшись на свободу, трицератопс учинит в городе погром, нанеся урон на десять тысяч долларов? Но как бы там ни было, стекла можно было вставить, а вмятины на автомобилях выправить. Мистер Уинн Гилли и его жена переехали во Флориду, о чем они мечтали вот уже пять или шесть лет. Перед самым отъездом мистера Гилли мистер Доллар в шутку сказал ему, что в болотах Флориды водится такое огромное количество динозавров, что, случается, они забредают к жили-

щам людей и выклянчивают объедки на задних дворах. От этих слов мистер Гилли побелел как бумага и затрясся от страха. Правда, вскоре Джазист Джексон сжалился над ним и объяснил, что мистер Доллар морочит ему голову.

Свернув в сторону озера Саксон, я сразу же увидел отцовский пикап, стоявший рядом с гранитным утесом. Остановившись, я еще не знал, о чем буду говорить. Внезапно у меня словно отнялся язык. То, что происходило, не шло ни в какое сравнение с детскими забавами: это была настоящая жизнь со всей ее неумолимой жестокостью.

Устанавливая Ракету на подножку, я не заметил отца вблизи грузовика. Вскоре я увидел его: он сидел на гранитном валуне почти у самой воды. Отец неотрывно глядел на черную, рябую от порывов ветра поверхность озера. Я видел, как он поднес к губам бутылку и сделал большой глоток, потом снова замер в прежней позе.

Я оставил велосипед и пошел к отцу сквозь тростник и колючки. Под ботинками местами хлопала красная глина, в которой отпечатались следы отца. Следов было много: он не раз и не два бывал на этом месте — в траве и низких кустиках даже образовалось что-то похожее на узкую тропку. Даже здесь он продолжал оставаться моим отцом, проложив для меня тропу, чтобы легче было идти.

Когда я подошел к нему совсем близко, он наконец заметил меня, но не взмахнул приветственно рукой, а лишь опустил голову еще ниже, и я понял, что отец, как и я, не может найти, что сказать мне в такой момент.

Я отошел футов на десять от отца и забрался на валун, который когда-то появился из недр Саксонской каменоломни. Отец сидел, опустив голову и закрыв глаза, рядом с ним на земле стояла наполовину опорожненная пластиковая бутылка с виноградным соком. Я понял, что,

перед тем как отправиться сюда, отец заглянул к «Большому Полу».

Был ветер, стучали голые ветви деревьев.

— Ты в порядке, папа? — спросил я.

— Нет, — отозвался отец.

— Мама мне уже все рассказала.

— Я понял.

Засунув руки поглубже в карманы своей джинсовой куртки, подбитой овечьей шерстью, я глядел на темную воду озера. Довольно долго мы оба молчали.

— Хочешь сока? — спросил он.

— Нет, сэр.

— Здесь еще много осталось.

— Спасибо, сэр. Мне не хочется пить.

Тогда он поднял лицо. В жестком холодном свете осеннего дня он казался ужасно постаревшим. Мне почудилось, что я вижу под тонкой кожей кости черепа, и от этой мысли по спине у меня пробежал озноб. Было такое ощущение, словно сидевший передо мной любимый человек медленно умирал. Его душевные силы были на исходе; казалось, что он с трудом держит себя в руках. Я снова вспомнил полные отчаяния вопросы, которые отец написал на клочке бумаги посреди ночи, и невысказанный страх, что он может вот-вот сломаться, не выдержав страшного психического напряжения. Я понимал, что мой отец не мифический герой, не супермен, а просто хороший человек — одинокий путник, бредущий через пустыню страдания.

— Я соглашался на все, о чем они меня просили, — сказал он. — Я отработывал по двойному маршруту, выходил сверхурочно, когда требовалось. Выезжал на работу в самую раннюю рань и оставался допоздна на складе. Я делал все, о чем меня просили.

Он взглянул вверх, в поисках солнца, но облака висели стальными плитами.

— Том, сказали они, ты должен нас понять. Для того чтобы удержать «Зеленые луга» на плаву, нам приходится сокращать штат, резать до самых костей. И знаешь, что еще они сказали мне, Кори?

— Нет, сэр.

— Они сказали, что доставка молока на дом давно уже всюду вымерла, как динозавры. Ей нет места в мире полок с рядами пластиковых бутылок. Они сказали, что будущее в упрощении процесса торговли: пришел, взял, что тебе нужно, и ушел — именно это и нравится людям.

Отец переплел пальцы рук, на его исхудалом лице играли желваки.

— Но мне это совсем не нравится.

— Мы выкарабкаемся, — сказал я.

— Да, конечно, — кивнул отец. — Я нисколько в этом не сомневаюсь. Я подыщу себе какую-нибудь другую работу. Перед тем как приехать сюда, я побывал в магазине скобяных товаров и оставил там заявление о приеме на работу. Мистеру Вандеркампу-младшему может понадобится шофер грузовика для развозки товара. Да я ведь могу работать и кассиром! Совсем недавно я надеялся, что через каких-нибудь три года меня повысят до помощника менеджера в отделе доставки. Я действительно так думал. Глупо, верно?

— Никто не мог знать наперед.

— В том-то и беда, я никогда не умел предугадать, что случится.

Ветер пронесся над водой, вздымая рябь, гоня на прибрежные камни мелкие волны. В лесу за нашими спинами каркали невидимые вороны.

— Холодает, отец,— сказал я.— Пора возвращаться домой.

— Мне невыносима мысль, что твой дедушка узнает, что я потерял работу,— сказал он, имея в виду, конечно же, дедушку Джейберда.— То-то он повеселится!

— Ни я, ни мама — никто не станет над тобой смеяться,— ответил я.— Тут нет ничего смешного.

Отец снова подхватил свою бутылку с виноградным соком и как следует глотнул.

— В «Кладовую Большого Пола» я тоже ходил. Специально зашел туда, чтобы посмотреть на все эти бутылки в молочном отделе. Молока там целое море.

Отец снова поднял на меня глаза. Его губы посинели от холода.

— Я никогда не любил перемен. Не хочу отдавать свои деньги жующей жвачку девчонке, которая даже не знает моего имени и не улыбнется мне, когда я спрошу, как у нее дела. Мне неприятно думать об огромном, открытом аж до восьми часов вечера супермаркете, в котором от яркого света режет глаза. В восемь часов вечера люди должны быть дома, в кругу семьи, а не шататься по магазинам, где с потолка свешиваются рекламные плакаты, советующие вам, что купить. Я хочу сказать... что если до этого дойдет, обратной дороги у нас не будет никогда. Наступит день, когда каждый скажет: «Как здорово, что в любой вечер, даже в темноте, мы можем сходить в супермаркет, где на полках найдешь товары, о которых ты раньше и слыхом не слыхивал». И если даже кто-нибудь спросит: «А что случилось с молочниками, с фермерами, что продавали нам спелые арбузы прямо со своих грузовиков и свежие овощи из своего огорода, которые улыбались своим покупателям, словно солнышко, когда те с ни-

ми здоровались?» — ему ответят, что, мол, они теперь продают весь свой товар в супермаркет, чтобы людям было удобно приходить и покупать здесь все сразу под одной крышей, и не нужно ничего искать. Почему бы тогда не загнать все магазинчики в городе в одно помещение, чтобы не нужно было бродить под дождем, рискуя простудиться? Разве это не превосходная идея?

Несколько мгновений отец молча хрустел пальцами.

— После этого у нас не останется больше города, будут только дома, дороги и супермаркет. Того города, в котором мы живем сейчас, больше не будет. Мы будем ходить в этот магазин, где все под одной крышей, и, спросив у девчонки, жующей жвачку, о чем-то, мы услышим от нее: «Нет, у нас нет такого товара, потому что это больше не выпускают. Этот товар больше никому не нужен, люди не хотят его покупать. Люди теперь приобретают только то, что им велят покупать рекламы, свисающие с потолка. И только тот товар теперь есть в магазине, который машины штампуют тысячами в минуту. Это самый лучший товар. Ни малейшего изъяна в целой партии, представляете? А когда вы попользуетесь этим товаром, или когда он вам надоест, или когда реклама под потолком изменится, вы просто выкинете его в мусор, потому что эта вещь как раз и сделана так, чтобы ее выкидывали легко и беззаботно. Так что поторопитесь и выберите себе что-нибудь из этих прекрасных вещей, то, что потребуется вам прямо сегодня, и не задерживайте очередь, которая уже выстроилась позади вас».

Отец замолчал. Я снова услышал, как затрещали его пальцы.

— Но это всего лишь супермаркет,— подал я голос.— Один-единственный в округе.

— Он первый, — ответил отец. — За ним будут другие.

Прищурившись, отец с минуту молча рассматривал поверхность озера, по которой ветер чертил свои письмена.

— Я слышу тебя, — тихо проговорил он.

Я знал, к кому он обращается.

— Папа! — сказал я. — Пора ехать домой.

— Можешь отправляться, если хочешь. Я посижу еще и послушаю своего приятеля.

Я прислушался, но смог разобрать только карканье ворон и шум ветра. Отец же слышал другой голос.

— Что он говорит тебе, отец? — спросил я.

— То же, что и всегда. Он не оставит меня в покое до тех пор, пока я не приду к нему, не отправлюсь вместе с ним вниз, в темноту.

Мне на глаза навернулись слезы. Крепко зажмурившись, я согнал их с глаз.

— Но ты ведь не пойдешь к нему? — спросил я.

— Нет, сынок, — ответил он. — Во всяком случае, не сегодня.

Я почти решился рассказать отцу про дока Лезандера. Открыл было рот, но тут же задал себе вопрос: «А что я ему скажу? Что док Лезандер — «сова» и он не пьет молоко? Что, по мнению Вернона Такстера, именно этими особенностями должен обладать убийца?» В результате мне удалось выдать из рта нечто совершенно иное:

— Отец, Леди — мудрая женщина и очень многое знает. Она может помочь нам, нужно только попросить ее.

— Леди, — глухо повторил отец. — Хорошую шутку она сыграла с Большим Дулом, верно?

— Да, отец. Она поможет нам, если мы придем к ней.

— Может, ты и прав. А может быть, от нее не будет никакого толку.

Отец нахмурился, словно сама мысль о том, чтобы обратиться к Леди, причиняла ему боль. Но эта боль, конечно, не была сильнее той, что уже давно мучила его.

— Вот что я сделаю, Кори,— проговорил он, когда морщины на его лице немного разгладились.— Я спрошу своего друга, что он об этом думает.

Я до смерти испугался этих его слов. Очень, очень испугался.

— Пожалуйста, возвращайся скорее домой,— сказал я ему.

— Скоро вернусь, — обещал он.

Я оставил отца на валуне под низким серым небом со свинцовыми облаками. Добравшись до Ракеты, я оглянулся и увидел, что отец стоит на самом краю утеса. Взгляд его был обращен вниз, в ужасные глубины озера, словно он искал там следы канувшего туда автомобиля. Я крикнул ему, чтобы он отошел от опасного края, но отец сам повернулся и, возвратившись к своему валуну, уселся на него снова.

«Не сегодня»,— сказал он. Мне оставалось лишь верить ему.

Я покати к дому той же дорогой, что и приехал сюда, но на обратном пути уже не думал о звере из Затерянного мира — голова моя была занята другими, более важными мыслями.

Следующие дни были такими же холодными и серыми, холмы вокруг Зефира сделались коричневыми, как трава на Поултер-Хилл. Пришел декабрь, месяц веселья и удовольствий. Иногда, когда я возвращался из школы, отец был дома, а иногда нет: он куда-то уезжал. Мама, уста-

лая не по годам и пребывавшая в постоянном напряжении, объясняла, что отец уезжает искать работу. Мне хотелось надеяться, что отец больше не ездит к утесу над озером Саксон, к знакомому валуну, откуда так удобно смотреть на темную зеркальную гладь воды, размышляя о будущем.

Матери моих друзей помогали нам как могли. Под тем или иным предлогом они заглядывали к нам в гости, приносили еду в кастрюльках, корзиночки с бисквитами, домашние соленья и маринады, всякую всячину. Мистер Коллан пообещал угостить нас олениной с первой же охоты в нынешнем сезоне. В ответ мама настойчиво угощала всех своей выпечкой. Отец ел то, что приносили нам знакомые, но я знал, что ему было стыдно принимать эту неприкрытую милостыню. Выяснилось, что в скобяном магазине не требовался водитель для доставки товара, никто не нуждался и в новом кассире. Часто по ночам я слушал, как отец поднимается с кровати и ходит по дому. Вошло в обыкновение, что утром, часов до одиннадцати, он отсыпался, а по ночам не спал часов до четырех. Он тоже превращался в «сову».

Однажды в воскресенье мама попросила меня съездить к Вулворту на Мерчантс-стрит и купить ей коробку формочек для пирожных. Я отправился в путь. Ракета бежала сегодня подо мной особенно быстро. В магазине я исполнил поручение мамы и поехал обратно.

По пути я остановился у кафе «Яркая звезда».

Здесь трудился мистер Юджин Осборн, который в войну служил в Первой пехотной дивизии. Тот самый мистер Юджин Осборн, который так легко узнавал немецкие ругательства, стоило ему их услышать.

С самой Брэндиуайнской ярмарки воспоминания о том, что я услышал в доме сестер Гласс, не давали мне по-

коя. Где попугай мог научиться немецким ругательствам, если его хозяйка не знает ни слова по-немецки? Кроме того, я вспомнил еще и кое-что другое, а именно слова мистера Осборна: «Конечно, он не только ругался. Там были и другие немецкие слова, но они были произнесены невнятно».

Как такое могло получиться?

Я оставил Ракету на тротуаре и вошел в кафе.

Кафе было совсем маленькое, всего на несколько столиков, пару кабинок и стойку, у которой сидели посетители, болтая с официантками — миссис Мадлен Хакаби и молоденькой Кэрри Френч. Нужно сказать, что хорошенькая блондинка мисс Френч пользовалась большим успехом, а миссис Хакаби более всего напоминала пару миль разбитой проселочной дороги. Но миссис Хакаби служила официанткой в «Яркой звезде» задолго до того, как я появился на свет, и было достаточно одного ее сурового взгляда, чтобы в кафе воцарился порядок. В это время дня здесь было пусто, вот и сейчас за столиками сидели лишь несколько человек, преимущественно пенсионеры. Среди них был и мистер Каткоут, который читал газету. Телевизор был включен. Сидевший у стойки мужчина ухмылялся, глядя на мисс Френч. Это был не кто иной, как Дик Моултри, похожий на тюленя в людском обличье.

При виде меня его улыбка испарилась как призрак, которого коснулся первый рассветный луч.

— Привет! — крикнула мисс Френч, увидев, что я направился к стойке, и просияла лучезарной улыбкой. Если бы не выступающие вперед зубы, она могла бы поспорить красотой с самой Чили Уиллоу. — Чем могу служить?

— Мистер Осборн сегодня работает?

— Само собой.

— Можно мне поговорить с ним?

— Обожди минутку.

Мисс Френч повернулась к окошку в стене между залом и кухней. Я увидел, как большой живот мистера Моултри вдавился в край стойки, когда он наклонился вперед, чтобы получше разглядеть ноги мисс Френч.

— Юджин! — позвала она. — Тут с тобой хотят поговорить!

— Кто? — услышал я в ответ.

— Как тебя зовут? — спросила меня мисс Френч.

Мы с ней вращались в разных кругах, да и я был в «Яркой звезде» слишком редким гостем, чтобы меня узнавали в лицо.

— Кори Маккенсон.

— А, так ты сын Тома? — удивилась она, и я утвердительно кивнул в ответ. — Это мальчишка Маккенсонов! — крикнула она мистеру Осборну.

Мой отец, как и «Beach Boys», иногда любил потусоваться. Я почувствовал на себе пристальный взгляд мистера Моултри. Он с шумом отхлебнул кофе, пытаясь привлечь мое внимание, но я и ухом не повел.

Из вращающейся двери в кухню появился мистер Осборн. На нем были фартук и белый поварской колпак. Он шел, на ходу вытирая руки полотенцем.

— Добрый день! — приветствовал он меня. — Что привело тебя сюда?

Мистер Моултри весь подался вперед — и ушами, и пузом.

— Может быть, мы присядем за столик? — спросил я мистера Осборна. — Вон туда.

Я кивнул в сторону одного из самых дальних столиков.

— Можно и присесть. Давай ведем.

Я, намеренно усевшись так, чтобы находиться спиной к мистери Мултри, сказал:

— Я был в доме мисс Гласс в тот вечер, когда вы привели свою дочь Уинифред на урок музыки.

— Да, я помню тебя.

— А того попугая помните? Вы еще сказали, что он ругается по-немецки.

— Да, то, что он болтал, насколько я понимаю, звучало как немецкая речь.

— А вы не помните, что именно говорил попугай кроме ругательств?

Мистер Осборн откинулся на спинку стула. Склонив голову набок, он задумчиво вертел в руке вилку из столового набора, так что была видна татуировка на пальцах с буквами «А», «Р», «М», «И», «Я».

— А для чего тебе нужно это знать, могу я спросить? — осведомился он.

— Да просто так, — легкомысленно пожал я плечами. — Стало любопытно, и все.

— Значит, тебе стало любопытно? — Мистер Осборн слегка улыбнулся. — И ты пришел сюда только для того, чтобы спросить у меня, что наболтал попугай?

— Именно так, сэр.

— Но это случилось почти три недели назад. Почему же ты не заглянул ко мне раньше?

— Дело в том... что у меня не было времени.

Все это было чистой правдой: я хотел зайти к мистеру Осборну и расспросить его, но последние события — сбежавший динозавр из Затерянного мира и то, что мой отец потерял работу, — действительно оказались для меня более важными, и эта встреча отошла на задний план.

— Сейчас я уже не помню точно, что именно говорил попугай, за исключением, конечно, соленых словечек, которые я тебе не могу сказать без разрешения Тома.

— Так мой отец заходит к вам? Я и не знал.

— Иногда бывает. Последний раз он приходил, чтобы написать заявление для приема на работу.

— Вот как? — удивился я. — Не знал, что мой отец умеет готовить.

— Мыть посуду, — поправил мистер Осборн, внимательно меня разглядывая. Кажется, я вздрогнул. — У нас в кафе приемом на работу заведует миссис Хакаби. Она тут установила просто казарменные порядки.

Я кивнул в ответ, стараясь не встречаться с внимательным взглядом мистера Осборна.

— Так вот, попугай, — заговорил он снова с широкой улыбкой. — Попугай цвета морской волны. Ругается без умолку. Но он ведь живет в доме сестричек и принадлежит мисс Гласс Голубой. Чему же тут удивляться?

— Не она же научила его этим ругательствам!

Я и не знал, что взрослые тоже называют ее мисс Гласс Голубая.

— Признавайся начистоту, Кори. Зачем тебе понадобилась болтовня этого несчастного попугая?

— Дело в том, что я хочу стать писателем, — объяснил я, сам удивляясь своей находчивости. — И меня интересуют всякие любопытные вещи.

— Писателем? Собираешься писать рассказы и все такое?

— Именно, сэр.

— Сдается мне, трудновато тебе будет заработать этим кусок хлеба.

Мистер Осборн поставил локти на стол.

— Так ты сейчас вроде как собираешь материал для своего рассказа или что ты там решил написать?

— Да, сэр,— кивнул я, видя вдали луч надежды.— Вы попали прямо в точку!

— Но ты ведь не собираешься писать о мисс Гласс Голубой?

— Нет,— честно кивнул я.— Но в моей истории будет попугай, говорящий по-немецки.

— Вот как? Что ж, это меняет дело. В твои годы я тоже мечтал, повзрослев, стать либо солдатом, либо сыщиком. В одном моя мечта, можно сказать, сбылась.— Мистер Осборн взглянул на свои татуированные пальцы.— Жаль, что не удалось стать детективом,— заработки у них получше,— сказал он с тихим вздохом, из которого можно было понять, чем реальная жизнь солдата отличается от того, что пытались изображать мы, играя в лесу в войну.

— Вы помните, что еще кроме ругательств говорил попугай?

Мистер Осборн хмыкнул, но его улыбка не утратила своего дружелюбия.

— Если у тебя все же хватит настойчивости, чтобы стать писателем, думаю, ты преуспеешь. Это действительно так важно для тебя?

— Да, сэр. Мне необходимо это узнать.

Мистер Осборн помолчал, о чем-то размышляя.

— Болтовню этого попугая было тяжело разобрать,— наконец снова заговорил он.— Почти невозможно было услышать нечто связное.

— Но я все-таки хотел бы узнать.

— Хорошо, писатель, давай попробуем вспомнить. Надо собраться с мыслями. Впрочем, открою тебе один секрет.

Мистер Осборн подался немного вперед.

— Работая с миссис Хакаби, наслушаешься столько ругани, что хватит на всю оставшуюся жизнь.

Я посмотрел, нет ли ее поблизости, но, по-видимому, она вышла то ли на кухню, то ли в комнату отдыха.

— Помнится, попугай болтал что-то о...— Мистер Осборн закрыл глаза, вспоминая.— «Кто еще знает?» — вот что он говорил.

— А что-нибудь кроме этого вы можете вспомнить? — настаивал я.

— Да, именно это он и говорил,— кивнул головой мистер Осборн.— «Кто еще знает?» — вот что болтала эта птица в перерывах между руганью.

— «Кто еще знает» о чем? — спросил я.

— Непонятно. Просто «Кто еще знает?», а остальное я просто не разобрал. И было еще какое-то слово, похожее на имя.

— На имя? Какое имя?

— Ханнафорд, вот какое. По крайней мере, близкое к этому по звучанию.

«Ханна Фюрд», — вспомнил я.

— Может быть, я и ошибаюсь, ведь я слышал это имя только один раз. Но ругается попугай забористо, уж поверь мне!

— Вы помните что-нибудь о том, как мисс Зеленая... хм... мисс Катарина Гласс говорила, что ее попугай начинает беситься, стоит ему услышать, как играют на пианино ту пьесу?

Я постарался вспомнить название мелодии.

— «Прекрасная мечта», так, кажется, она называется?

— «Прекрасный мечтатель», — поправил меня мистер Осборн.— Конечно, я помню эту песню, потому что мисс Гласс Голубая учила ей и меня.

— Учила вас?

— Да, именно так. Я всегда мечтал научиться играть на каком-нибудь музыкальном инструменте и решил брать уроки у мисс Гласс Голубой... это было, кажется, четыре года назад, когда она преподавала музыку полную рабочую неделю. У нее было много взрослых учеников, и всех нас она заставляла учить эту мелодию. Послушай, теперь, когда ты мне сказал об этом, я вспомнил, что в те времена попугай никогда не кричал в задней комнате, как в тот вечер. Правда, смешно?

— Скорее странно,— в свою очередь поправил я мистера Осборна.

— Да, пожалуй. Что ж, мне пора возвращаться к работе, — сказал мистер Осборн, заметив миссис Хакаби, выходящую из комнаты отдыха с суровым видом, способным вселить страх даже в бывшего солдата. — Ну как, помог я тебе?

— Думаю, что да. Хотя я еще не до конца уверен.

Мистер Осборн поднялся со стула.

— Послушай, может, ты и меняставишь в этот свой рассказ?

— В какой рассказ?

Взгляд мистера Осборна снова сделался подозрительным.

— В ту историю, где главным действующим лицом будет голубой попугай.

— А, в этот рассказ! Конечно, сэр, почему бы и нет?

— Надеюсь, ты сделаешь меня положительным героем,— высказал напоследок свое пожелание повар и направился к кухонной двери.

По телевизору выступал какой-то крикливый человек в коричневой униформе.

— Эй, Юджин! — крикнул мистер Моултри. — Только послушай, что говорит этот болван!

— Мистер Осборн! — позвал я повара, прежде чем тот успел переключить свое внимание на телевизор. — Как вы думаете, если вдруг мисс Гласс Голубая станет опять играть эту мелодию на пианино, а попугай снова начнет орать, может, тогда вы разберете побольше?

— Вряд ли мне представится такая возможность, — ответил он.

— Почему?

— Пару недель назад мисс Гласс Голубая отнесла попугая доку Лезандеру. Тот объяснил ей, что у птицы началось не то воспаление мозга, не то какая-то другая болезнь. Так или иначе, попугай сыграл в ящик. Что там он болтает, Дик?

— Ты только послушай его! — Мистер Моултри кивнул головой на человека, беснующегося на экране телевизора. — Его звать Линкольн Рокуэлл! Этот сукин сын заправляет Американской фашистской партией! Можешь поверить в такое?

— Американские фашисты? — (Я заметил, что затылок мистера Осборна наливается кровью.) — Хочешь сказать, что эти сволочи, которых я помогал бить в Европе, теперь пробрались в нам в Штаты?

— Он говорит, что они собираются прийти к власти в Америке! — сообщил мистер Моултри. — Ты только послушай его, упадешь от удивления!

— Попадись он мне в руки, свернул бы его мерзкую шею!

Я уже шел к выходу из кафе, погружившись в собственные размышления. У самых дверей я услышал, как мистер Моултри, который, по словам нашего бывшего шери-

фа мистера Эмори, состоял членом ку-клукс-клана, засмеялся и сказал:

— А вот тут этот парень прав! Пора всех негров вышвырнуть обратно в Африку. Уж я бы не стал терпеть черномазого в своем доме, как некоторые, которые приглашают к себе всяких Лайтфутов!

Я знал, кому предназначались эти язвительные слова. Остановившись, я взглянул на него. Широко улыбаясь и наблюдая за мной краем глаза, мистер Моултри разговаривал с мистером Осборном. Человек на телеэкране вещал что-то о «расовой чистоте».

— Да уж, мой дом — моя крепость! Уж я-то не стану звать в свою крепость нигтеров, чтобы дом провонял до самых половиц! А ты что скажешь, Юджин?

— Линкольн Рокуэлл, говоришь? — спросил мистер Осборн. — А что, неплохое имя для фашиста!

— Есть еще в наших краях парни, которые не станут якшаться с нигтерами, верно, Юджин?

Мистер Моултри продолжал гнуть свое, словно закидывая для меня крючок с наживкой.

В конце концов болтовня Моултри достигла сознания мистера Осборна. Он брезгливо взглянул на него, как, наверно, глядел на заплесневелый сыр.

— Парень по имени Эрни Грейверсон спас мне жизнь в Европе, Дик. А он был чернее, чем туз пик.

— Послушай... я совсем не то имел в виду... — Улыбка мистера Моултри вдруг сделалась жалкой. — Я готов признать, — торопливо заговорил он, спасая остатки достоинства, — что у одного или двух черномазых на сотню встречаются мозги белого человека вместо обезьяньих.

— Знаешь, что я скажу тебе, Дик? — проговорил мистер Осборн, положив свою пятерню с армейской тату-

ировкой на плечо Моултри и крепко сжав его.— Закрой-ка ты лучше свой рот, ладно?

После этого мистер Моултри не издал больше ни звука.

Когда я выходил из бара «Яркая звезда», мужчина в коричневой униформе исчез с экрана. Забравшись на Ракету, я покатиł обратно к дому, погромыхивая формочками для выпечки в своей корзинке. Недавно скончавшийся голубой попугай, который умел разговаривать по-немецки, не шел у меня из головы. Когда я добрался до дома, отец уже спал в своем кресле. Трансляция матча команды Алабамы по радио закончилась, когда я отправлялся к Вулворту, и сейчас из динамика доносилась музыка в стиле кантри. Я вручил формочки маме, а потом сел в гостиную и стал смотреть, как спит отец. Он свернулся калачиком, обхватив себя руками. Мне пришло в голову, что так он пытается взять себя в руки. Во сне он глубоко дышал с тихим сиплящим звуком на грани храпа. Внезапно нечто, всплывшее в сознании отца, заставило его вздрогнуть. Его воспаленные красные глаза раскрылись и несколько секунд смотрели прямо на меня, а потом снова закрылись.

То, как выглядело лицо отца во сне, вселяло в меня тревогу. Оно было печальным и осунувшимся, хотя еды у нас было вдоволь. Это было лицо человека, потерпевшего поражение и почти смирившегося с ним. Все профессии важны, в том числе и посудомоя, человека труда надо уважать, ибо каждый труд необходим. Но мне была невыносима мысль, что, после того как должность помощника менеджера в отделе доставки была уже так близка, моему отцу теперь приходится обивать пороги городских кафе, выпрашивая любую работу, вплоть до посудомоя,— воистину для этого нужно было дойти до последней гра-

ни отчаяния. Полуденный кошмар заставил отца содрогнуться от ужаса, с его приоткрывшихся губ сорвался тихий то ли стон, то ли хрип. Даже во сне он не знал покоя, не в силах скрыться от преследовавших его страхов.

Я прошел в свою комнату, закрыл за собой дверь и взял одну из семи волшебных шкатулок. Достав оттуда коробку из-под сигар «Белая сова», я вынул перышко и долго рассматривал его при свете настольной лампы.

Да, сказал себе я, чувствуя, как сердце колотится все быстрее и быстрее. Да.

Это перо вполне может быть пером попугая.

Вот только цвет зеленый, изумрудно-зеленый. Ругающийся по-немецки попугай мисс Гласс Голубой был бирюзового цвета, без единого пятнышка, за исключением желтого надклювья.

Жаль, что обладательницей птицы была не мисс Зеленая, а то бы... Тогда бы ее попугай был изумрудно-зеленым!

«Вот именно!» — озарила меня мысль. Ощущение от этой догадки было такое, словно я прыгнул в озеро Саксон с гранитного утеса.

Я вспомнил, что сказала мисс Гласс Голубая, когда мисс Гласс Зеленая отказалась дать ее попугаю печенье из боязни, что тот откусит ей палец.

Всего три слова.

«Я твоего кормила...»

Кого это *твоего*? Попугая?

Могли сестры Гласс, всю жизнь свою проводившие в странном сочетании подражания друг другу и соперничества, одновременно завести себе по попугаю? Мог где-то в этом доме обитать второй попугай — изумрудно-

зеленый и настолько же тихий, насколько был криклив голубой?

Для того чтобы получить ответ на этот вопрос, мне достаточно было позвонить по телефону.

Я крепко сжал в ладони изумрудное перышко. С колотившимся сердцем я вышел из своей комнаты и направился к телефону. Нужный мне номер можно было без труда отыскать в телефонной книге.

Я едва успел найти номер сестер Гласс, когда телефон рядом с моим ухом вдруг резко зазвонил.

— Нашел! — торжествующе прошептал я и схватил трубку.

Голос, который я услышал, запомнился мне на всю жизнь.

— Кори, это миссис Коллан. Позови маму, пожалуйста.

Голос в трубке был насмерть перепуганным и дрожащим. Я сразу понял: случилось что-то ужасное и непоправимое.

— Мама! — заорал я. — Мама, к телефону! Тебя зовет миссис Коллан!

— Тише, отец спит! — шикнула мама, прежде чем взять у меня трубку, но покашливание и шорох, донесшиеся из гостиной, подсказали мне, что беспокоиться по этому поводу уже слишком поздно.

— Привет, Диана, как дела. — Неожиданно мама замолчала, и улыбка исчезла с ее губ. — Что? — выдохнула она. — О господи!

— Что такое? — спросил я. — Что случилось?

К нам подошел заспанный отец.

— Хорошо, конечно, мы приедем, — сказала в трубку мама. — Сейчас же выезжаем. Ох, Диана, господи, как же это!

Положив трубку на рычаг, мама наконец-то повернулась к нам. Я увидел, что она сильно побледнела, а глаза полны слез. Она едва держалась на ногах.

Мама посмотрела сначала на отца, а потом на меня.

— Дэви Рэй ранен, — сказала она. — Очень тяжело.

Моя ладонь раскрылась, и изумрудное перышко плавно заскользило по воздуху к полу.

Через пять минут мы все уже сидели в пикапе и ехали в больницу Юнион-Тауна, где врачи боролись за жизнь Дэви Рэя. Зажатый между родителями, я снова и снова прокручивал в голове то, что рассказала мама. Дэви с отцом отправились сегодня с утра на охоту. Дэви Рэй давно дожидался начала сезона охоты на оленей и был страшно рад, что отец взял его с собой в зимний лес. Они спустились с холма, с обыкновенного холма, как сказала миссис Коллан, но Дэви Рэй оступился — его нога попала в нору суслика, присыпанную сверху палой листвой, и он упал лицом вперед. В момент падения его ружье, оказавшееся прямо под ним, само собой выстрелило. Заряд попал Дэви в грудь. По-видимому, выстрел произошел от сотрясения в момент падения тела на землю. Мистер Коллан, немолодой мужчина, далеко не в лучшей физической форме, бегом нес своего сына на руках через лес целую милю, пока не добрался до своего пикапа.

Мама объяснила нам, что Дэви Рэй находится в реанимации хирургического отделения. Ранение очень тяжелое.

Больница в Юнион-Тауне представляла собой здание из стекла и красного камня. По моему мнению, оно было недостаточно большим для столь важного сооружения. Мы вошли через вход реанимационного отделения, где пожилая санитарка с седыми волосами объяснила, как

нам пройти. В комнате ожидания с белыми стенами мы встретили родителей Дэви Рэя. На мистере Коллане все еще была охотничья одежда с камуфляжной раскраской, перепачканная кровью, увидев которую я похолодел от ужаса. На щеках и переносице мистера Коллана специальной пастой были нанесены зелено-коричневые маскировочные полосы, которые размазались и растеклись от пота и походили теперь на ужасные синяки. Было понятно, что мистер Коллан настолько потрясен случившимся, что ему даже не пришло в голову вымыть лицо, да и что значат вода и мыло по сравнению с такими субстанциями, как кровь и плоть? Под его ногтями засохла лесная грязь. Он пребывал в состоянии шока, поразившего его в момент трагедии. Мама обняла миссис Коллан, и та разразилась рыданиями. Отец отошел с мистером Колланом к окну. Энди, младшего братишки Дэви Рэя, здесь не было: его, вероятно, оставили у родственников или соседей. Он был еще слишком мал и не смог бы понять, что делает нож хирурга в груди его старшего брата.

Присев на диванчик, я взял журнал и попытался читать. Буквы на странице расплывались.

— Все случилось так быстро, — услышал я голос мистера Коллана, — так быстро.

Мама и миссис Коллан сидели рядом, взявшись за руки. Где-то в глубине больничного холла прозвенел колокольчик, и голос в динамике попросил доктора Скофилда срочно выйти. В комнату ожидания заглянул какой-то человек в голубом свитере, и все тотчас же повернули к нему головы, но он всего лишь осведомился, не мы ли Расселы, и тут же ушел на поиски какого-то другого несчастного семейства.

Пришел священник пресвитерианской церкви Юнион-Тауна и предложил нам взяться за руки и всем вместе

помолиться. Именно к этой церкви принадлежало семейство Колланов. Я взял за руку мистера Коллана; он очень нервничал, его ладонь была вся мокрая от пота. Теперь, зная силу своей молитвы, я больше не мог позволить себе быть эгоистичным. Я от души желал Дэви Рэю поправиться и всем сердцем молил Господа об этом, но никоим образом не мог пожелать Дэви оставаться в том жутком состоянии полужизни-полусмерти, в котором оказался Бунтарь.

Приехали Джонни Уилсон и его родители. Мистер Уилсон, от которого Джонни унаследовал качества стоика, тихо разговаривал с мистером Колланом, не выказывая бурных эмоций. Миссис Уилсон и моя мама теперь сидели по обе стороны от миссис Коллан, которая лишь глядела в пол и беспрестанно повторяла, словно готовя себя к бесконечному спору с Господом Богом за жизнь Дэви Рэя:

— Он хороший мальчик, такой хороший мальчик.

Мы с Джонни смотрели друг на друга, не зная, что сказать. Хуже этого с нами в жизни ничего не случалось. Через несколько минут после Уилсонов прибыл Бен со своими родителями, а еще чуть позже — родственники Колланов. Пресвитерианский священник пригласил отца и маму Дэви отойти с ним в сторону, как я догадывался, для более сокровенной молитвы. Мы — я, Бен и Джонни — вышли в коридор, чтобы обсудить происшедшее.

— Он обязательно поправится, — сказал Бен. — Папа сказал, что эта больница очень хорошая.

— А мой отец говорит, что Дэви здорово повезло: он мог погибнуть сразу, на месте, — сказал Джонни. — Отец знал парня, который случайно выстрелил себе из ружья в живот и протянул после этого лишь пару часов.

Я взглянул на свой «таймекс». Четыре часа назад Дэви увезли на операцию, и он все еще был жив.

— Он выкарабкается, — уверенно сказал я. — Дэви сильный. Он обязательно поправится.

Мучительно медленно прошел еще один час. Спускалась ночь, а с ней — холодный туман. Мистер Коллан побывал в туалете, смыл с лица маскировочные полоски, вычистил грязь из-под ногтей, после чего переоделся в предложенную медсестрой зеленую больничную рубашку.

— Больше я на охоту не пойду, никогда в жизни, — сказал он моему отцу. — Христом Богом клянусь. Когда Дэви Рэй поправится, в доме не останется ни одного ружья.

Мистера Коллана начали душить рыдания, и он закрыл лицо руками. Отец обнял его за плечи.

— Знаешь, что он сказал мне сегодня, Том? — спросил мистер Коллан. — Всего за десять минут до того, как это случилось? Он вдруг говорит: «Мы ведь не станем стрелять в него, если увидим? Мы ведь вышли поохотиться на оленей, правда, папа? Мы ведь не станем стрелять в него?» Знаешь, про кого он говорил?

Отец покачал головой.

— Про того зверя, что сбежал с ярмарки. Почему он думал именно о нем перед тем, как случилось несчастье? Как ты считаешь, Том?

Мне было очень больно все это слышать.

В комнате ожидания появился седовласый врач в очках с тонкой стальной оправой. Мистер и миссис Коллан моментально вскочили и бросились ему навстречу.

— Могу я поговорить с вами за дверью, в коридоре? — спросил врач тихо.

Мама схватила отца за руку. Мы все поняли: седой врач принес плохие новости.

Когда Колланы вернулись, мы узнали, что операция закончена и Дэви перевезли в палату. За состоянием здоровья Дэви ведется постоянное наблюдение, а о том, чего ждать дальше, можно будет сказать только утром. Отец Дэви поблагодарил нас всех за то, что мы приехали, за помощь и поддержку, и попросил вернуться домой и поспать.

Бен с родителями оставался в больнице до десяти часов вечера, после чего они уехали. Через полчаса домой отправились Уилсоны. Родственники Колланов тоже мало-помалу разъехались. Священник сказал, что останется с нами столько, сколько понадобится. Схватив мою маму за руку, миссис Коллан попросила ее задержаться еще ненадолго. Мы остались сидеть в комнате ожидания с белыми стенами, а на улице туман превратился в дождь, затем он перестал, а потом мимо окна опять поплыл клочьями туман, пронизанный мелкой моросью.

После полуночи мистер Коллан вышел в холл к кофейному автомату, но уже через несколько минут вернулся в сопровождении седовласого врача:

— Диана, он пришел в себя!

Взявшись за руки, родители Дэви заторопились к своему сыну.

Прошло десять минут, которые показались мне вечностью, и мистер Коллан снова появился в комнате ожидания. В горящих огоньках сигарет бывает больше жизни, чем я сумел увидеть в тот момент в его глазах.

— Кори? — тихо позвал он. — Дэви Рэй хочет с тобой поговорить.

Я понял, что от страха не могу двинуть ни рукой, ни ногой.

— Давай, Кори, — настойчиво сказал отец. — Все в порядке, проведай его.

Поднявшись со стула, я направился вслед за мистером Колланом.

У входа в палату, в которой лежал Дэви, беседовали священник и седой врач. Глядя на них, ни о чем хорошем не думалось. Мистер Коллан открыл передо мной дверь палаты, и я зашел внутрь. Рядом с кроватью, покрытой прозрачной пленкой кислородной палатки, сидела на стуле миссис Коллан. От лежавшего под бледно-голубой простыней тела змеились пластиковые трубочки, по которым из бутылок на высоких штативах текла прозрачная жидкость и что-то темно-красное, наверно кровь. Рядом с кроватью имелся прибор, на круглом черном экране которого периодически появлялась зеленоватая точка. Увидев меня, миссис Коллан наклонилась к изголовью кровати Дэви и тихо шепнула ему:

— Кори пришел.

Я услышал звук тяжелого дыхания и почувствовал запах отбеливателя тканей «Клорокс» и чистящего средства «Пайн-Сол». Снаружи по стеклу барабанил дождь.

— Присядь сюда,— сказала миссис Коллан, поднимаясь со своего стула.

Я подошел к кровати. Миссис Коллан взяла одну из рук Дэви Рэя, которая была белее итальянского мрамора.

— Я постою рядышком, Дэви,— проговорила она. Потом вымученно улыбнулась, что, по-видимому, стоило ей немалого труда, и опустила руку Дэви на простыню.

Я стоял рядом с кроватью, глядя на лицо моего друга сквозь прозрачную пленку кислородной палатки.

Он был очень бледен, под его глазами залегли темно-бордовые впадины. Кто-то аккуратно причесал ему волосы, и теперь они блестели от влаги. Простыня укрывала его до самого горла, и я не видел ни малейшего следа тех

тяжких ран, из-за которых он оказался здесь. В ноздри были вставлены прозрачные трубки, губы приобрели сероватый оттенок. Лицо Дэви Рэя казалось восковым, глаза смотрели прямо на меня.

— Это я. Кори.

Дэви Рэй с трудом слотнул. Мне показалось, что зеленый сигнал на экране монитора замигал чуть быстрее, но, скорее всего, мне это только почудилось.

— Ты споткнулся,— сообщил я Дэви Рэю и тут же понял: сказать что-нибудь глупее вряд ли было возможно.

Дэви Рэй ничего не ответил. «Он не может говорить»,— подумал я.

— Бен и Джонни тоже приходили,— продолжал я.— Только они ушли.

Дэви Рэй вздохнул. Вместе со вздохом с его губ сорвалось слово:

— Бен.

Уголок его рта чуть-чуть приподнялся кверху.

— Чудило он.

— Точно,— подтвердил я и попытался улыбнуться. Я не обладал такой выдержкой, как миссис Коллан.— Ты помнишь, как все случилось?

Дэви Рэй кивнул. Его глаза лихорадочно блеснули.

— Хочу рассказать,— проговорил он, и его голос сорвался на хрип.— Нужно рассказать тебе.

— Хорошо,— кивнул я и присел рядом с кроватью.

Дэви улыбнулся.

— Я его видел.

— Ты его видел?

Я наклонился вперед, словно заговорщик, готовый услышать какую-то тайну. В ноздри ударил легкий запах крови, но я не подал виду.

— Ты видел зверя из Затерянного мира?

— Нет. Лучше.

Дэви Рэй с трудом слотнул, его лицо перекошилось от боли, улыбка утасла, но потом появилась снова.

— Я видел Первоснега,— сказал Дэви Рэй.

— Первоснега,— прошептал я.

Огромного белого оленя с рогами, раскидистыми, будто ветви дуба. Да, сказал себе я. Если кто и заслужил увидеть Первоснега, так это Дэви Рэй.

— Я видел его. Потому и упал. Не смотрел себе под ноги. Ох, Кори,— сказал он.— Олень такой красивый.

— Да уж надо думать,— отозвался я.

— Он огромный, еще больше, чем говорят! И очень-очень белый!

— Я уверен,— ответил я,— что Первоснег — самый красивый олень на свете.

— Он стоял прямо передо мной,— продолжал шептать Дэви Рэй.— Я хотел сказать о нем отцу, и в этот миг Первоснег прыгнул. Всего один прыжок — и его не стало. А я споткнулся и упал, потому что не смотрел себе под ноги. Но Первоснег тут ни при чем, он не виноват, Кори. Никто не виноват. Просто так вышло, и все.

— Ты поправишься,— сказал я.

В углу рта Дэви собиралась пузырьками кровавая слюна.

— Я все равно рад, что мне довелось повидать Первоснега,— сказал Дэви Рэй.— Ни на что бы это не променял.

После этого Дэви замолчал, слышен был лишь тихий влажный шелест его дыхания. Монитор с зеленым огоньком продолжал тихо попискивать: *блп, блп, блп...*

— Я, наверно, пойду,— сказал я и начал подниматься со стула.

Белая, как мрамор, рука Дэви схватила мою руку.

— Расскажи мне историю,— прошептал он.

Я замер. Дэви Рэй смотрел на меня не отрываясь, молящими глазами. Я снова опустился на стул. Он держал меня за руку, а я даже не пытался освободиться. Рука Дэви была холодна как лед.

— Хорошо,— кивнул я.

Мне нужно было сложить рассказ из отдельных фрагментов, как это было с вождем Пять Раскатов Грома.

— Жил-был мальчик.

— Да,— кивнул Дэви Рэй.— Пусть это будет мальчик.

— Этот мальчик умел летать на другие планеты с помощью одной лишь силы своего воображения. К подошвам его кед пристал красный песок Марса, ему случалось кататься на коньках на Плутоне. Он гонял на велосипеде по кольцам Сатурна и сражался с динозаврами на Венере.

— А мог он долететь до Солнца, Кори?

— Конечно, это для него не составляло труда. Он мог летать на Солнце хоть каждый день, стоило ему только захотеть. Он отправлялся туда, когда ему нужно было хорошенько загореть. Он надевал темные очки, когда летел на Солнце, а к вечеру возвращался домой коричневым, как головешка.

— На Солнце, наверно, страшно жарко,— предположил Дэви Рэй.

— А он брал с собой вентилятор,— пояснил я.— Этот мальчик водил знакомство с королями и королевами со всех планет, он был желанным гостем в их замках. Он побывал в красном песчаном замке короля Людвига Мар-

сианского и в облачном замке короля Николаса Юпитерского. Он помирил короля Зантаса Сатурнского и короля Дэймона Нептунского, а ведь дело едва не дошло до войны из-за спора по поводу ничейной кометы. Он посетил огненный замок короля Берла Меркурийского, а на Венере помог тамошнему королю Свейну построить замок из голубых деревьев. На Уране король Фаррон предложил мальчику остаться жить во дворце и обещал присвоить ему звание адмирала ледового военно-морского флота. Все коронованные особы знали об этом мальчике. Знали они и то, что другого такого мальчика не появится даже после того, как все звезды погаснут и загорятся снова еще миллион раз. Ведь этот мальчик, единственный во всей Вселенной, умел странствовать, легко перемещаясь с одной планеты на другую, поэтому только его имя значилось во всех книгах гостей на любой планете.

— Эй, Кори?

— Что?

Голос Дэви звучал все более и более сонно.

— Мне хочется посмотреть облачный замок. А тебе?

— Мне тоже, — отозвался я.

— Господи.

Дэви Рэй больше не смотрел на меня. Его взгляд был направлен куда-то в сторону, словно у одинокого путника, устремленного к своей вымышленной и только ему одному зримой стране.

— Я ведь никогда не боялся летать, верно? — спросил он.

— Нисколечко, Дэви.

— Я ужасно устал, Кори. — Дэви Рэй нахмурился, кровавая слюна медленно потекла по его подбородку. — Мне неловко перед тобой, что я так устал.

— Тогда отдохни,— сказал я.— А я загляну к тебе завтра.

Морщины на лбу Дэви разгладились. Улыбка скользнула по его губам.

— Если я не улечу к Солнцу сегодня ночью. Я там как следует загорю, а вы тут будете дрожать от холода.

— Кори? — Это была миссис Коллан.— Кори, доктору нужно побыть с Дэви.

— Хорошо, мэм.

Я поднялся. Холодная рука Дэви Рэя еще несколько мгновений держала мою руку, а потом его пальцы разжались.

— Завтра увидимся,— сказал я ему сквозь пластик кислородной палатки.— Пока.

— Прощай, Кори,— прошептал Дэви Рэй.

— Прощ...— Я осекся, потому что вспомнил миссис Нэвилл и первый день лета. — Пока,— с наигранным весельем кивнул я Дэви и, миновав миссис Коллан, вышел в коридор.

Я с трудом сдерживал рыдания и лишь огромным усилием воли не позволил им вырваться наружу, прежде чем за мной затворилась дверь. Я стерпел, выдюжил, как сказала бы мама Чили Уиллоу.

Мы сделали все, что было в наших силах. Домой мы ехали по затянутой туманом трассе 16, где в поисках своей возлюбленной время от времени проносился Малыш Стиви Коули на Полуночной Моне. За всю дорогу мы едва проронили несколько слов: в жизни бывают ситуации, когда слова кажутся пустым звуком. Дома я подобрал с пола зеленое перышко, оно отправилось на свое место в сигарную коробку.

Утром в воскресенье я проснулся, как будто меня кто-то толкнул в бок. В глазах у меня стояли слезы, на полу косыми полосами лежали солнечные лучи. Потом в дверях моей комнаты появился отец, одетый в ту же одежду, что и вчера.

— Кори? — позвал меня он.

Проводить жизнь в пути, странствовать, повидать королей: Людвиг, Николаса, Зантаса, Дэймона, Фаррона, Берла и Свейна. Совершить путешествие к замку из красного песка и к тому, что выгесан из голубого дуба, к огненному дворцу и, наконец, к самому прекрасному из них — сложенному из фигурных облаков. Странствовать и странствовать, оставляя за спиной планеты и звезды, всюду находя одно свое имя в книгах гостей. Одиноким путник оставил этот мир. Ему не суждено вернуться.

Глава 2

ВЕРА

Я думал, что знаком со Смертью.

Я шел со Смертью шаг в шаг, когда глядел на экран телевизора или сидел с пакетом жареного попкорна перед серебристым экраном в «Лирике». Сколько сотен ковбоев и индейцев погибли на моих глазах, простреленные навылет или сраженные стрелой, падая лицом вниз в клубящуюся из-под колес фургонов пыль? Сколько десятков полицейских и сыщиков полегло от гангстерских пуль, корчась на земле в предсмертную минуту? Сколько армий было скошено огнем пулеметов и залпами картечи, сколько кричащих от ужаса жертв было перемолото в безжалостных пастях чудовищ?

Я считал, что близко познакомился со Смертью, когда следил за пустым, неподвижным взглядом Бунтаря, устремленным в пространство. Я знал о Смерти из краткого «прощай» миссис Невилл. Я ощущал Смерть в свисте воздуха и бульканье воды, когда машина вместе с прикованным к рулю водителем уходила в холодные глубины озера Саксон.

Я ошибался.

Потому что Смерть нельзя познать. С ней нельзя по-дружиться. Если представить Смерть в виде маленького мальчика, то это та одинокая фигура, что в большую перемену обычно стоит на школьном дворе в самом дальнем углу, в то время как воздух дрожит от радостных криков остальной детворы. Если бы Смерть была маленьким мальчиком, с ним никто не стал бы водиться. Он говорил бы шепотом, а в его глазах светилось бы знание, которое не в силах вынести человеческий разум.

Слова, которые иногда всплывают в моем сознании в тихую минуту: *«Из тьмы мы вышли, и во тьму мы уйдем»*.

Я вспомнил, что так говорил док Лезандер, когда мы с ним сидели на крыльце его дома, глядя на золотистые осенние холмы. Мне не хотелось в это верить. Мне не хотелось даже думать, что Дэви Рэй попал в такое место, куда не проникает свет, где не увидишь даже огонька свечи, зажженной в память о нем в пресвитерианской церкви. Я не хотел думать, что мой друг Дэви Рэй теперь лежит в гробу, крышка которого закрыла от него солнце, что больше он не может ни дышать, ни смеяться, пусть даже это покажется всего лишь игрой теней. В дни, последовавшие после смерти Дэви Рэя, я понял, какой высокохудожественный обман мне довелось наблюдать всю свою сознательную жизнь. Все эти ковбои и индейцы, полицейские и детективы, воины и несчастные жертвы чудовищу вставали как ни в чем не бывало, как только гасли огни софитов. Потом они отправлялись по домам и ждали следующего вызова на съемку. Дэви Рэй умер навсегда, и мысль о том, что он попал в царство вечной тьмы, была мне невыносима.

Дошло до того, что меня стала мучить бессонница. В комнате мне было слишком темно, начали мерещить-

ся неясные фигуры вроде той, что я видел ночью у клетки Бунтаря. Дэви Рэй ушел во тьму, туда, где пребывали Карл Белвуд, Бунтарь и все, кто лежит на Поултер-Хилл, — многие поколения, чьи кости покоятся под перевитыми корнями деревьев; все они, конечно, ушли во тьму.

Я часто вспоминал похороны Дэви Рэя. Какой плотной была красная земля по краям могилы. Густой и тяжелой. После того как священник закончил отпевание, присутствующие стали расходиться. Кладбищенские служители, негры из Братона, забросали могилу землей, гроб исчез во тьме, и не осталось никакого просвета — ничего. Только тьма, и под ее непомерной тяжестью во мне что-то надломилось.

Я больше не был уверен, есть ли Рай на небесах, не знал, есть ли у Бога здравый смысл, какой-то план действий или причина поступать так, а не иначе. Наверно, Он тоже пребывает во тьме. Я ни во что больше не верил: ни в земную жизнь, ни в загробную, ни в Бога, ни в добро — и мучился от этого, а тем временем Мерчантс-стрит одевалась в свое рождественское убранство.

До Рождества оставалось еще целых две недели, но Зефир уже жил в предвкушении праздника. Конечно, смерть Дэви Рэя омрачила всеобщую радость. Об этом говорили у мистера Доллара, в кафе «Яркая звезда», даже в здании городской администрации — везде и всюду. Люди говорили, что он был совсем еще мальчик, что это ужасная трагедия. Но, увы, такова жизнь, нравится нам это или нет.

Я тоже слышал эти разговоры, но от них не становилось легче. Родители пытались меня утешить, объясняя, что для Дэви мучения закончились и теперь он пребывает в лучшем мире.

Но я не мог им поверить. Разве может быть где-то место лучше, чем наш Зефир?

— Он на небесах,— говорила мне мама, когда мы сидели перед огнем, потрескивающим в камине.— Дэви Рэй поднялся на небеса, ты должен в это верить.

— Но почему я должен в это верить? — возразил я, и мама взглянула на меня так, словно ее ударили по лицу.

А я ждал ответа. Я надеялся получить такой ответ, который расставил бы все на свои места, но слова, которые я слышал, не удовлетворили меня: они сводились лишь к одному — вере.

Тогда родители отвели меня к преподобному Ловою. Мы сидели в его комнате при церкви, он дал мне лимонный леденец из коробочки, которая стояла у него на столе.

— Кори,— спросил он,— ты ведь веришь в Христа?

— Да, сэр.

— И ты веришь в то, что Христос был ниспослан к нам Богом для того, чтобы принять смерть за грехи людей?

— Да, сэр.

— Тогда, стало быть, ты веришь и в то, что Христос был распят, после чего Он умер и был похоронен, а на третий день воскрес из мертвых?

Тут я нахмурился.

— Да, сэр. Но это же Иисус Христос. А Дэви Рэй был обыкновенным мальчиком.

— Я согласен с тобой, Кори. Дело в том, что Христос был послан к нам для того, чтобы показать, что жизнь — это не только то, что для всех понятно и очевидно. Он показал нам, что если мы станем жить с верой в Него, если пройдем по жизни указанным Им путем и станем жить так, как Он завещал, то и для нас у Бога найдется место на небесах. Понимаешь?

С минуту я размышлял над словами преподобного Ловоя. Священник сидел, откинувшись на спинку стула, и наблюдал за мной.

— А на небесах лучше, чем в Зефире? — спросил я.

— В миллион раз лучше, — ответил он.

— Там есть книжки с комиксами?

— Как бы тебе сказать... — улыбнулся преподобный Ловой. — Людям не дано знать точно, что их ждет на небесах. Мы знаем, что небеса неописуемо прекрасны, — и это все.

— Откуда мы это знаем? — спросил я.

— Потому что так нам говорит наша вера, — ответил преподобный. — Потому что жить без веры нельзя.

Он снова протянул мне коробку со стола.

— Хочешь еще леденец?

Сколько я ни напрягал воображение, представить себе небеса мне не удавалось. Как можно верить, что где-то тебе будет хорошо, если там нет того, что доставляет тебе радость? Если там нет комиксов и фильмов о чудовищах, нет велосипедов и проселочных дорог, по которым можно на них ездить? Где нет ни бассейнов, ни мороженого, ни лета, ни барбекю на Четвертое июля? Где нет грозы и крыльца, на котором можно сидеть и смотреть, как стучатся тучи? Небеса представлялись мне чем-то вроде библиотеки, в которой можно взять книги только по одному предмету и провести там целую вечность за чтением этих бесчисленных книг. Что могут значить для меня небеса без бумаги, пишущей машинки и волшебных шкатулок?

В таком случае небеса просто превратятся в ад, вот и все!

Дни перед Рождеством прошли серо и буднично, ничем не примечательные. Рождественские огни, красные и зеленые, светились на Мерчантс-стрит. Лампы в форме головы Санта-Клауса горели на перекрестках, светофоры были украшены серебристыми блестками.

Отец наконец устроился на работу. Теперь он три дня в неделю работал клерком на складе «Большого Пола».

В один прекрасный день Луженая Глотка обозвала меня дубиной стоеросовой шесть раз кряду. Она вызвала меня к доске и попросила рассказать классу о том, что я знаю о простых числах.

Я ответил, что ни к какой доске не пойду.

— Кори Маккенсон, немедленно встань и выйди к доске! — заорала она так, что задребезжали стекла.

— Нет, мэм, — ответил я.

За моей спиной радостно засмеялась Демон, предвкушавшая новую вылазку в нашей войне с миссис Харпер.

— Поднимайся. Сейчас же. Сию. Минуту! — Физиономия Луженой Глотки начала наливаться кровью.

Я покачал головой:

— Нет.

Через мгновение Луженая Глотка налетела на меня, словно буря. Она двигалась гораздо проворней, чем я мог себе представить. Луженая Глотка сгребла мой свитер обеими ручищами и рывком выдернула меня из-за парты, да так резко, что мое колено ударилось о крышку и меня пронзила острая боль. Я просто взбесился от ярости.

Помня о Дэви Рэе, канувшем во тьму, сознавая всю бессмысленность слова «вера», колючкой засевшего в моем мозгу, я бросился на нее.

Я врезал ей прямо в лицо. Точнее попасть я просто не мог, если бы даже прицелился. С носа Луженой Глотки слетели очки, от изумления она издала странный каркающий звук. Злость моя быстро испарилась, но дело уже было сделано.

— Ты ударил меня, как ты смел! — завопила Луженая Глотка и, схватив меня за волосы, принялась таскать из стороны в сторону.

Класс ошеломленно взирал на происходящее: то, что я себе позволил, было чересчур даже для моих одноклассников. Я же в их глазах превратился едва ли не в мифического героя, еще сам того не сознавая. Луженая Глотка влепила мне оплеуху, и я грохнулся на парту Салли Мичем, едва не сшибив ее на пол. Луженая Глотка, вереща как резаная, поволокла меня к двери и дальше — в кабинет директора.

Легко было предугадать, что по телефону тут же вызвали в школу моих родителей. Они были, мягко говоря, напуганы моим поведением. Мне запретили появляться в школе в течение трех дней. Наш директор, маленький и щуплый человечек, похожий на птичку, с очень подходящей ему фамилией Кардинале приказал мне, прежде чем я переступлю порог класса, извиниться перед миссис Харпер в письменной форме. Эта бумага должна быть подписана обоими моими родителями.

Глядя мистеру Кардинале прямо в глаза в присутствии родителей, я заявил, что меня могут исключить из школы хоть на целых три месяца, но никаких извинений миссис Харпер я писать не стану, потому что мне надоело, что меня каждый день называют дубиной стоеросовой, а кроме того, меня тошнит от математики и вообще от всего.

Отец поднялся со стула.

— Кори? — пораженно спросил он. — Да что с тобой творится?

— Никогда еще в истории этой школы ни один ученик не посмел ударить учителя! — пропищал мистер Кардинале. — Я не знаю ни единого такого случая! Этого мальчика нужно хорошенько высечь, чтобы преподать ему урок на всю жизнь!

— Мне тяжело это говорить, — подал голос отец, — но я с вами согласен.

По дороге домой я попытался еще раз все объяснить родителям, но они не хотели меня слушать. Отец сказал, что моему проступку нет прощения, а мама добавила, что ей в жизни еще не было так стыдно. Поэтому я молчал всю дорогу, а за моей спиной в кузове пикапа погромыхивала Ракета. Отец действительно собственноручно меня выпорол. Все произошло быстро, но довольно болезненно. Тогда я не знал, что за день до случившегося отец получил от босса разнос за то, что неправильно подсчитал коробки с леденцами к Рождеству. И я, конечно, ничего не знал о том, что босс моего отца в «Большом Поле» был на целых восемь лет его младше, при этом гонял на красном «тандерберде» и обращался к моему отцу запросто: «Томми».

Порку я вынес без единого звука, но, оказавшись у себя в комнате, бросился лицом в подушку и разрыдался.

Вошла мама. У нее в голове не укладывалось, что заставило меня так ужасно поступить. Она, конечно, понимает, что я еще не пришел в себя после гибели Дэви Рэя, но жизнь продолжается, а Дэви Рэй на небесах. И еще она сказала, что мне все равно придется извиниться перед миссис Харпер в письменной форме, хочу я этого или нет, и чем раньше я это сделаю — тем лучше. Оторвав голову от подушки, я ответил, что отец может пороть меня хоть каждый день и до скончания века, но я не стану писать никаких извинений.

— В таком случае, молодой человек, тебе придется посидеть дома и поразмыслить над своим поведением, — сказала она. — А на голодный желудок всегда думается легче.

Я ничего не ответил маме, потому что отвечать было нечего. Мама вышла из комнаты, а я лежал и слушал, как

родители обсуждают мое поведение: дескать, со мной происходит что-то неладное и я стал совершенно неуправляем, потеряв всякое уважение к взрослым. Потом я услышал звон расставляемых на обеденном столе тарелок, до моих ноздрей донесся запах жареного цыпленка. Тогда я повернулся лицом к стене и уснул.

Мне снова приснились четыре негритянки, а в самом конце сна я увидел ярчайшую вспышку света и беззвучный взрыв — и проснулся. Я опять сшиб спросонья будильник с прикроватного столика, но на этот раз родители не прибежали на шум. Будильник уцелел, стрелки на его циферблате показывали два часа ночи. Я встал с кровати и выглянул в окно. На острых концах серповидной луны запросто можно было повесить шляпу. По другую сторону холодного оконного стекла в тишине ночи сияли звезды. Я подумал, что ничто на свете не заставит меня извиняться перед Луженой Глоткой. Может быть, во мне проявлялись черты характера дедушки Джейберда, но я точно знал, что не приду к Гарпии с повинной головой. Черта с два.

Мне нужно было поговорить с кем-то, кто мог бы меня понять. С кем-то вроде Дэви Рэя.

Теплая куртка, подбитая овечьей шерстью, висела в чуланчике возле входной двери. К сожалению, выйти через нее я не мог, потому что скрип двери обязательно разбудил бы отца, поэтому я натянул вельветовые брюки, надел два свитера и перчатки. Потом я принялся осторожно открывать окно. Петля рамы скрипнула всего раз, но так пронзительно, что у меня волосы встали дыбом. Я подождал минутку, но не услышал за дверью шума шагов и выбрался на улицу на морозный воздух.

Прикрывая за собой окно, я предусмотрительно оставил щелочку, в которую можно было просунуть пальцы. Потом вскочил на Ракету и понесся по дороге, освещенной скудным светом острогой луны.

Я ехал по пустынным улицам, огни светофоров мигали желтым цветом. Облачко пара от моего дыхания, похожее на белого осьминога, клубилось передо мной. В окошках некоторых домов был свет: кто-то оставил его гореть, чтобы обезопасить прогулку в туалет в ночное время. Нос и уши моментально заledenели: в такую ночь все сидели по домам: и собаки, и Вернон Такстер. Направляясь к Поултер-Хилл, я сделал приличный крюк влево, примерно с четверть мили, потому что мне обязательно нужно было кое-что увидеть. Медленно, стараясь не шуметь, я проехал мимо дома с конюшней, стоявшего на участке площадью в три акра.

В одном из окон наверху горел свет, слишком яркий для ночной лампы у ванной комнаты. Док Лезандер не спал. Он слушал иностранные радиостанции.

Любопытная мысль пришла мне в голову. А что, если док Лезандер стал «совой» оттого, что боится темноты? Стремление уверить себя, что он не одинок, заставляет его сидеть всю ночь при свете, когда все спят, и крутить ручку радиоприемника, слушая голоса со всего мира.

Я решительно повернул руль Ракеты и покати́л прочь от дома ветеринара. После того как с Дэви Рэем произошло несчастье, я не пытался разгадать тайну зеленого пепрышка. В дни после его смерти, наполненные горем и тяжкими сомнениями, даже телефонный звонок мисс Гласс Голубой требовал слишком большого напряжения душевных сил. Единственное, что я мог сделать, чтобы изгнать из своей души спугнувшуюся там тьму, — как можно мень-

ше ломать голову над мрачной тайной темных глубин озера Саксон. О том, что док Лезандер имеет к этому какое-то отношение, я просто не хотел думать. Если он и вправду причастен к подобному злодейству, что тогда остается подлинным в этом мире?

Я наконец добрался до Поултер-Хилла. Кованые железные ворота кладбища были заперты, но для того, чтобы перебраться через двухфутовую каменную стену, не требовалось прибегать к магии. Оставив Ракету ждать снаружи, я стал подниматься на холм мимо залитых лунным светом надгробий. Поултер-Хилл, будучи незримой границей между двумя мирами, сам был поделен надвое Зефиром и Братоном. Белых людей хоронили с одной стороны холма, между тем как чернокожие покоились по другую, противоположную сторону. На мой взгляд, не было ничего удивительного в том, что люди, которые никогда не купались вместе в одном бассейне, пользовались разными магазинами и ходили в разные кафе, и после смерти предпочитали лежать так, чтобы не видеть друг друга. Глядя на кладбище, я решил при первом же удобном случае спросить преподобного Ловоя, суждено ли встретиться на небе черным и белым, например Дэви Рэю с Леди и Человеком-Луной? А поскольку черные и белые живут на небе вместе, то почему бы им и на земле не позавтракать в одном кафе? Если небеса у черных и белых действительно общие, то не значит ли это, что на земле мы нарушаем Божью волю и ведем себя глупо, когда сторонимся друг друга? Или, может быть, все обстоит как раз наоборот, и мы мним себя умнее Бога, исправляя Его ошибку? Конечно, если впереди нас ожидает лишь непроглядная тьма, то все вопросы о небесах и Боге просто теряют смысл. Но остается загадкой, как Мальшу Стиви

Коули, которого я видел так же ясно, как сейчас город из надгробий вокруг меня, удастся гонять в такой тьме на своей Полночной Моне.

Надгробных камней было много. Очень много. Я где-то слышал, что со смертью старика сторает целая библиотека его знаний. В «Журнале», выходящем в Адамс-Вэлли, о Дэви Рэе написали в некрологе, что он погиб в результате несчастного случая на охоте. Там говорилось также, кем были его родители, что у него остался младший братишка Энди и что его семья принадлежит к пресвитерианской общине Юнион-Тауна. В заключение сообщалось, что похороны Дэви состоятся в половине одиннадцатого утра. Я был потрясен, как много о Дэви Рэе осталось не сказано. Ни слова не говорилось о морщинках, которые появлялись в уголках его глаз, когда он смеялся, или о том, как язвительно кривился его рот, когда он собирался сказать очередную колкость в адрес Бена. Там ничего не было написано о том, как оживленно блестели его глаза, когда он находил новую, неисследованную лесную тропинку, как он прикусывал нижнюю губу, собираясь сильно швырнуть бейсбольный мяч. В некрологе о нем говорилось скупо и сухо, там не было ни капельки настоящего Дэви Рэя. Шагая среди могил, я размышлял об этой несправедливости. Сколько удивительных историй здесь похоронено и забыто! Сколько старых библиотек сожжено и развеяно по ветру, сколько новых, едва начинавших складываться! Все это богатство теперь было навеки утеряно. Жаль, что нет на свете места наподобие кинозала, куда можно было бы прийти и, выбрав из миллионов имен нужное, нажать кнопку и, глядя на появившееся на экране лицо, услышать всю историю этого человека, рассказанную им самим.

Это стало бы замечательным памятником для ушедших поколений: можно было бы слушать голоса тех, кто умолк навеки сотни лет назад. Когда я думал об этих навсегда смолкнувших голосах, мне пришло в голову, что мы расточительное поколение. Мы отказались от прошлого, обеднив тем самым свое будущее.

Так я добрался до могилы Дэви Рэя. Надгробия еще не было, на голой земле лежал лишь плоский камень, отмечавший место захоронения. Дэви лежал не на вершине холма и не у его подножия, а посередине. Я присел возле могильного камня, стараясь не наступить на невысокий холмик, который скоро наверняка размоют дожди и сгладит грядущая весна. Сидя под холодной серповидной луной, я глядел в темноту. Я знал, что днем, когда взойдет солнце, отсюда откроется отличный вид на весь Зефир и на холмы за городком. Отсюда будет виден мост с горгульями и река Текумсе. Можно будет смотреть на мост через реку, на железную дорогу, петляющую среди холмов и уходящую от Зефира к большим городам. Вид открывался прекрасный, только некому было им наслаждаться. Отчего-то я сильно сомневался, что для Дэви Рэя сейчас сколько-нибудь важно, какой вид открывается от его могилы — на город и холмы или на болотистую низину. Подобное может иметь значение разве что для нас, скорбящих, но не для тех, кто уже упокоился.

— Господи,— проговорил я. Из рта выпрвалось облачко пара.— Чего только не лезет в голову!

Ждал ли я, что Дэви Рэй мне ответит? Нет, конечно. Поэтому тишина нисколько не расстроила меня.

— Не знаю, где сейчас ты, во тьме или на небесах,— продолжал я.— Что хорошего в этих небесах, если там нет мелких невзгод, которые есть на земле. Наверно, там

ощущаешь себя как в церкви. Хорошо ходить туда на часок по воскресеньям, но обретаться там вечно я бы не хотел. И темнота мне тоже совсем не нравится. Вечное ничто. Все, о чем ты думал, во что верил, уходит безвозвратно, пропадает, словно рябь на поверхности озера, которой даже никто не видит.

Подтянув колени к груди, я обхватил их руками

— Там нет ни голоса, чтобы говорить, ни глаз, которыми можно смотреть, ни ушей — ничего нет. Для чего тогда мы рождались на свет, скажи мне, Дэви Рэй?

И снова ответом мне было молчание.

— Не понимаю я эту веру, совсем не понимаю, — сказал я. — Мама считает, что я обязательно должен верить. Преподобный Ловой тоже так считает. Но во что мне верить, Дэви Рэй, если там ничего нет? Выходит, верить — это все равно что разговаривать по телефону, когда на другом конце линии никого нет, но ты не узнаешь, что там никого нет, пока не задашь вопрос, а ответа не получишь. Жить, всю жизнь разговаривая с пустотой, — разве это не безумие, а, Дэви?

Тут я осознал, что именно этим и занимаюсь сию минуту — болтаю с пустотой. Но меня утешало, что Дэви Рэй здесь, рядом со мной. Сдвинувшись чуть в сторону, туда, где пожухлая трава уцелела от острых лопат, я откинулся на спину и лег. Я смотрел вверх, на небосвод, усыпанный звездами, ощущая благоговейный восторг.

— Посмотри на это небо, — сказал я. — Только посмотри. Вид у него такой, словно Демон высморкалась на кусок черного бархата.

Я улыбнулся, решив, что Дэви наверняка оценил бы мою шутку.

— Нет, в самом деле,— продолжал я,— оттуда, где ты находишься, тебе видно небо или нет?

В ответ — молчание. Молчание и тишина.

Я сложил руки на груди. Прижимаясь спиной к земле, я почти не чувствовал холода. Моя голова лежала рядом с головой Дэви Рэя.

— Сегодня меня выпороли,— признался я.— Отец снял с меня три шкуры. Может, я это и заслужил. Но почему Луженой Глотке все сошло с рук? Разве она не заслужила такой же порки? Почему никто и никогда не слушает детей, даже когда им есть что сказать?

Я вздохнул, пар от моего дыхания поднялся в небо к созвездиям Козерога.

— Мне велели извиниться перед ней в письменной форме, Дэви Рэй, но мне не в чем извиняться. Я просто не могу это сделать, и никто не сможет меня заставить. Может быть, я и не прав, но только наполовину, а взрослые звалили на меня всю вину. Я не могу и не хочу извиняться! Что мне делать, Дэви?

И тогда я услышал ответ.

Но это был не урезонивавший меня голос Дэви Рэя.

То был свисток товарного состава, донесшийся до меня откуда-то издалека.

Я приподнялся и сел. Вдали, между холмами, я увидел свет локомотива, который, петляя, как падающая звезда, держал курс на Зефир. Я наблюдал, как приближается поезд.

Перед мостом через Текумсе поезд обязательно притормозит. Так бывает всегда. А через мост товарняк пройдет и вовсе медленно, заставляя скрипеть и дребезжать балки и фермы старой конструкции.

Так что перед мостом, если у кого-то есть желание, вполне можно успеть вскочить в открытую дверь какого-нибудь вагона.

Только удобный момент для этого долго не продлится. Товарняк постепенно наберет скорость, а добравшись до противоположной окраины Зефира, снова помчится во весь дух.

— Не могу я писать извинения, Дэви Рэй, — тихо проговорил я. — Ни завтра, ни послезавтра. Никогда. В школу тогда дорога мне будет закрыта, как ты полагаешь?

В ответ Дэви не высказал своего мнения, не дал совета. Мне предстояло решать все самому.

— Что, если я отправлюсь в путешествие ненадолго? Дня на два-три? Просто чтобы дать им понять, что я лучше сбегу из дома, чем стану извиняться перед Луженой Глоткой? Может, тогда они наконец прислушаются ко мне, как ты думаешь?

Говоря это, я не сводил глаз с приближавшейся звезды. Паровоз снова свистнул, может быть, отпугивая с путей оленя. Мне показалось, что паровоз зовет меня: «Кор-р-ри-и-и-и-и».

Я поднялся с земли. Если я сейчас добежу до Ракеты, как раз поспею к мосту. Еще пятнадцать секунд — и впереди меня ждет новый день родительского гнева и недовольства. Новый день для мальчика, запертого в своей комнате, откуда можно выбраться, только написав покаянное письмо. Товарные поезда, проходившие через город, всегда возвращались. Я засунул руку в карман и нащупал там пару четвертаков, оставшихся со сдачи за попкорн или конфеты, купленные в «Лирике» в ту пору, когда дела еще шли хорошо.

— Я пошел, Дэви Рэй! Я пошел!

И я бросился бежать через кладбище. Добравшись до Ракеты и вскочив в седло, я уже не верил, что успею. Я крутил педали как сумасшедший, изо рта шел пар. Выбравшись на гравий железнодорожной насыпи, я слышал, как стонет и трещит мост под тяжестью товарняка; состав только-только въехал на мост, и я вполне успевал исполнить задуманное.

И вот появился локомотив, освещая путь мощным прожектором. Огромная машина съехала с моста, двигаясь чуть быстрее скорости пешехода. Потом мимо покатали вагоны с надписью «Южные железные дороги», гремя по шпалам: *бум-ка-туд, бум-ка-туд, бум-ка-туд*. Поезд снова начинал разгоняться. Я откинул подножку и установил Ракету. Потом на прощание провел рукой вдоль руля. На мгновение я увидел промелькнувший в фаре моего велика золотой глаз, освещенный лунным сиянием.

— Я вернусь! — пообещал я.

На первый взгляд казалось, что все вагоны закрыты, но вдруг в самом конце состава я увидел вагон, дверь которого была приоткрыта. Я вспомнил изуродованных коров с отрезанными головами, угодивших под поезд, несчастных искалеченных бродяг, сорвавшихся с подножек, но отогнал от себя трусливые мысли. Дождавшись вагона с приоткрытой дверью, я побежал рядом с поездом. Ступеньки находились совсем близко от меня. Вскинув правую руку, затянутую в перчатку, я крепко ухватился за металлическую перекладину, потом зацепился другой рукой и резко оторвал свое тело от земли.

И вот я уже у двери вагона. Собственная ловкость поразила меня. Наверно, когда под тобой грохочут несколько тонн стали, угрожающе скрежещут колеса, ты поневоле очень быстро становишься заправским акробатом.

Оторвав пальцы от железной перекладки, я протиснулся внутрь вагона, ступив на дощатый пол с набросанным местами сеном. Мое появление в вагоне было достаточно шумным: эхо раскатилось по пустому пространству с единственным выходом наружу, которым я только что воспользовался. Войдя, я опустился на охапку сена.

Вагон раскачивался и грохотал. Было ясно, что он не был предназначен для перевозки пассажиров.

И тем не менее пассажиры в нем были.

— Эй, Принси! — крикнул кто-то. — Смотри-ка, к нам залетела птичка!

Я вскочил. Голос, который раздался из темноты, напоминал одновременно скрежет каменного крошева, дробящегося в бетономешалке, и жалобные стенания лягушки.

— Да, я тоже вижу его! — отозвался второй голос. Этот голос, с заметным иностранным акцентом, был гладкий, словно черный шелк. — Сдается мне, Франклин, что птичка сломала себе крылышко!

Итак, я оказался в компании поездных бродяг, которые могли, не моргнув глазом, перерезать мне глотку за пару жалких четвертаков, что болтались в моем кармане. Я поспешно повернулся, чтобы выпрыгнуть через дверную щель, но Зефир уже стремительно проносился мимо.

— На твоём месте я поостерегся бы здесь прыгать, — наставительно заметил голос с иностранным акцентом. — То, что останется от тебя, будет представлять собой жалкое зрелище.

Я замер у самой двери, слыша, как колотится моё сердце.

— Мы не кусаемся, паренек! — сказал человек с голосом лягушки-бетономешалки — Верно, Принси?

— Пожалуйста, говори за себя

— Эй, парень, мы ведь просто шутим. Принси всегда шутит. Верно, Принси?

— Да,— отозвался шелковый голос,— я просто шучу. Внезапно рядом с моим лицом вспыхнула спичка. Едва не подпрыгнув от испуга, я оглянулся, чтобы разглядеть того, кто был рядом.

Передо мной стоял, так близко, что я ощущал его злобное дыхание, типичный персонаж ночного кошмара.

По сравнению с этим человеком железнодорожная шпала могла показаться Чарльзом Атласом¹. Человек был до предела истощен, его запавшие черные глаза окружены полукружьями теней, скулы выпирали, натягивая кожу. Но что это была за кожа! Пожалуй, даже в пересохшем от зноя русле ручья остается больше влаги. Каждый миллиметр этого лица был покрыт трещинами и морщинами. Трещины эти тянулись от углов рта с желтыми зубами до безволосого купола его черепа, образуя нечто вроде кепки причудливой формы. Его длинные тощие пальцы при свете спички казались высохшими, как, впрочем, и сама рука. Его горло представляло собой скопление пересохших трещин. Человек этот был одет в насквозь пропыленный костюм некогда белого цвета, но можно было только гадать, где рубашка переходит в брюки. Больше всего он походил на палку с нацепленным на нее грязным мешком.

Я замер на месте, не в силах пошевелить от ужаса ни рукой, ни ногой, ожидая, когда бандитское лезвие пере режет мне горло.

Другая рука сморщенного человека начала подниматься, словно голова гадюки. Я сжался в комок.

¹ Чарльз Атлас (1893–1972, настоящее имя Анжело Сицилиано) — популяризатор физической культуры и один из первооткрывателей бодибилдинга.

Он сжимал в кулаке пакетик с несколькими ванильными печеньями «Фиг ньютонс».

— Так, так! — проговорил с явным удивлением человек с иноземным акцентом. — Вижу, ты понравился Ахмету! Возьми печенье, не стесняйся.

— Я не думаю, что... я...

Спичка догорела и погасла. Я ощущал запах Ахмета, такой сухой, что от него, казалось, вот-вот начнут хрустеть волоски в ноздрах. Его дыхание напоминало шелест опавших листьев.

Вспыхнула и разгорелась вторая спичка. Поперек остроконечного подбородка Ахмета шла темная полоса. Ахмет по-прежнему держал в руке «Фиг ньютонс» и кивал мне. Мне показалось, что я слышу, как скрипит его кожа.

Он скалил зубы, и казалось, что это улыбается сама Смерть, слегка подогретая или даже прожаренная до хрустящей корочки. Трясущейся рукой я достал печенье из пачки. Это порадовало Ахмета. Он прошел, волоча ноги, в дальний угол вагона, опустился на колени, зажег спичку и поднес огонек поочередно к трем коротким свечным огаркам, прикрепленным воском к днищу перевернутого ведра.

В вагоне стало немного светлее, и то, что я начал различать в полумраке, мне не хотелось бы видеть ни при каких обстоятельствах.

— Так-то лучше, — сказал иноземец, прислонившись к куче рогожных мешков. — Теперь мы можем посмотреть друг другу в глаза.

Я бы предпочел сидеть к нему спиной и чтобы нас разделяло расстояние миль в пять.

Если допустить, что лицо этого человека когда-нибудь видело солнце, то с таким же успехом можно было утверж-

дать, что Леди — моя бабушка. Его кожа была настолько бледной, что Луна по сравнению с ней казалась темной, как Дон Хо¹. Он был еще не стар, по крайней мере моложе моего отца. Его красивые светлые волосы были зачесаны назад так, что оставался открытым высокий лоб, но виски уже были тронуты сединой. Блондин был облачен в темный костюм, белую рубашку и галстук, которые знали куда лучшие времена, судя по заплаткам на плечах, обтрепанным обшлагам рубашки и коричневым пятнам на галстуке. Однако в облике блондина сквозила определенная элегантность: даже сидя, он производил впечатление человека с хорошими манерами, а в его взгляде можно было заметить некоторое высокомерие. Ботинки его были изношены. То, что я сначала принял за белые носки, было голыми лодыжками. Глаза блондина вызывали у меня беспокойство — при свете свечей они мерцали багряным цветом.

Но по сравнению с третьим, совершенно чудовищным обитателем вагона, бледный блондин и усохший Ахмет казались Троем Донахью² и Юлом Бриннером³.

Третий человек стоял в дальнем углу. Его голова, поразительно напоминавшая формой лопату, подпирала потолок, а рост, по-видимому, превышал семь футов. Плечи казались широкими, как крылья самолетов с авиабазы Роббинс. Все его тело было громоздким и неуклюжим, так что возникало ощущение чего-то в корне неправильного. Он был облачен в свободную коричневую куртку и серые брюки с заплатками на коленях. Штаны, похоже, насквозь промокли, а потом их высушили, не снимая, отче-

¹ Дон Хо (1930–2007) — гавайский певец.

² Донахью Трой (1936–2001) — актер, идол подростков в конце 1950-х — начале 1960-х годов

³ Бриннер Юл (1915–1985) — актер театра и кино, родился в России.

го они сели, став тесными. Размер башмаков великана потряс меня более всего: назвать их здоровенными было все равно что назвать атомную бомбу гранатой. Они скорее напоминали землеройные машины.

— Пливет,— прошамкал великан и, грохнув ботинками, направился ко мне.— Я Фланклин.

Он улыбался, но я от души пожелал, чтобы он этого больше не делал. По сравнению с его ухмылкой выражение лица мистера Сардоникуса¹ можно было назвать лишь умиротворенно-печальным. Эта улыбка на самом деле была следствием страшного шрама, разрезавшего поперек неандертальский лоб великана. По-видимому, рана была зашита грубыми стежками каким-то косоглазым студентом-медиком, страдавшим к тому же хронической икотой. Широченное лицо великана выглядело сплюснутым, блестящие черные волосы казались нарисованными на голове. В мерцании свечей возникало впечатление, что съеденная им недавно пища плохо усвоилась и теперь великан страдает несварением желудка. Лицо несчастного уроды было нездорового сероватого оттенка. И — подумать только! — с обеих сторон его толстой, как у быка, шеи выступали наружу ржавые болты!

— Пить хочешь? — спросил он, протягивая мне какую-то смятую флягу, казавшуюся в его лапище хрупкой морской раковиной.

— Нет, сэр. Спасибо, сэр. Мне не хочется пить.

— Глотни водицки, паленек. А то পেценье застлянет у тебя в глотке.

— Нет, сэр, все в порядке.— Я откашлялся, чтобы подтвердить свои слова.— Видите?

¹ Мистер Сардоникус — герой одноименного фильма 1961 года (режиссер Уильям Касл), чье лицо застыло в ужасной гримасе из-за спазма лицевых мускулов

— Это холошо. Если все в поладке, это холошо.

Беликан вернулся в свой угол, где снова застыл причудливой статуей.

— Франклин у нас весельчак,— объяснил мне Принси.— Зато Ахмет самый молчаливый.

— А вы? — спросил я.

— Можно сказать, что я честолюбив,— ответил мне иноземец.— А ты, молодой человек?

— Я страшно испуган,— ответил я, слыша, как завывает ветер у меня за спиной. Товарняк набрал ход, и мирно спящий Зефир остался где-то позади.

— Можешь присесть, если хочешь,— предложил мне Принси.— Здесь не очень чисто, но ведь никто не обещал тебе дворец, верно?

Я тоскливо оглянулся на дверь. Поезд уже мчался, наверно, со скоростью...

— ...не меньше шестидесяти миль в час,— предположил Принси.— Что-то около шестидесяти четырех, если точнее. Так мне кажется. Я хорошо чувствую ветер.

Я присел на мешки, выбрав местечко подальше от всех.

— Итак, Кори,— продолжал Принси, засовывая руки в карманы пальто,— не соблаговолишь ли поведать нам, куда ты держишь путь?

— Думаю, что я... Стоп, минутку... Разве я называл вам свое имя?

— Безусловно. Как и положено при знакомстве любому приличному человеку.

— Но я не помню этого.

Франклин расхохотался. Его смех наводил на мысль о пустой железной бочке, по которой лупят молотком.

— Гу-у! Гу-у! Гу-у! Плинси опять за свое! Ох уж этот Плинси, вот это шутник!

— Мне кажется, что я не называл вам свое имя,— настойчиво повторил я.

— Да не будь ты так упрям,— сказал Принси.— У каждого человека есть имя. Назови же нам свое.

— Ко...— начал я и осекся. «Интересно, кто из нас спятил, я или они, все трое?» — Кори Маккенсон,— закончил я,— из Зефира.

— И ты направляешься?..

— А куда идет этот поезд? — спросил я.

— Из ниоткуда,— с улыбкой ответил Принси,— в никуда.

Я оглянулся на Ахмета. Сидя на корточках, он пристально разглядывал меня поверх колеблющихся огоньков свечей. Его тощие, высохшие ноги были обуты в сандалии, ногти на пальцах были длиной не менее двух дюймов.

— Холодно, наверно, ходить в сандалиях на босу ногу? — спросил его я.

— Ахмету все равно,— отозвался Принси.— Эта обувь как раз для него. Ведь он египтянин.

— Египтянин? Как же он попал сюда?

— Его путь был долог и усыпан прахом,— уверил меня Принси.

— Кто же вы такие? Может, вы...

— Ты сразу все поймешь, если проявишь немного смелости. Бокс, вот и весь ответ,— проговорил Принси, тяжело, как лопатой, переворачивая слова во рту.— Ты слышал когда-нибудь о человеке по имени Франклин Фицджеральд? Он известен также как Большой Филли Фрэнк?

— Нет, сэр.

— Тогда зачем ты сказал нам, что знаешь его?

— Я... так сказал?

— Познакомься с Франклином Фицджеральдом.
Принси кивнул в сторону великана, стоявшего в углу.

— Привет,— пролепетал я.

— Плиятно познакомиться,— отозвался Франклин.

— Меня зовут Принси фон Кулик. А это — Ахмет-Не-
Выговоришь-Кто.

— Ги-ги-ги.— Франклин смущенно прикрыл рот пер-
терней с покрытыми шрамами костяшками.

— Так вы не американец? — спросил я Принси.

— Я гражданин мира, к вашим услугам,— поклонил-
ся тот.

— А откуда вы прибыли сюда? — поинтересовался я.

— Я принадлежу к народу, у которого нет родины.
По сути дела, и народом его не назовешь.— Принси сно-
ва улыбнулся.— Да, не народ. Но мне это нравится. Мою
страну столько раз завоевывали и грабили иноземные за-
хватчики, что на ней просто клейма некуда ставить. Здесь,
в ваших краях, гораздо легче выжить.

— Вы тоже боксер?

— Я? — Принси скривился, словно ему в рот попа-
ло что-то горькое.— О нет! Я мозг, дополняющий муску-
лы Франклина. Я его менеджер. Ахмета же можно назвать
тренером. Мы прекрасно ладим, за исключением тех дней,
когда готовы убить друг друга.

— Го-го! — громыхнул Франклин.

— В данный момент мы держим путь из последнего
места, где находились, в следующий пункт, где вскоре ока-
жемся.— Принси слегка пожал плечами.— Вот так мы и
существуем.

Пообвыкнув, я решил, что, каким бы пугающим ни ка-
залось поначалу это трио, никто из них не собирается ме-
ня обижать.

— А часто мистеру Фицджеральду приходится драться? — поинтересовался я.

— Франклин способен вступить в бой в любое время, в любом месте и с любым противником. К сожалению, из-за внушительных размеров быстрота его движений оставляет желать лучшего.

— Плинси хочет сказать, что я медлительный, — пояснил Франклин.

— Именно. Что ты можешь к этому добавить, Фрэнки?

Брови гиганта нависли у него над переносицей, и мне почудилось, что они вот-вот рухнут на землю, столь нелегким оказался для него заданный вопрос.

— У меня нет инстинкта убийцы, — добавил он наконец.

— Но мы усердно работаем над этим, верно, Молчаливый Сэм?¹ — спросил Принси египтянина.

Ахмет обнажил в улыбке свои желтые кривые зубы и энергично закивал. Я подумал, что ему надо быть осторожнее, чтобы голова не сорвалась с плеч.

Взгляд мой наткнулся на болты в шее у Франклина.

— Мистер Принси, а откуда у мистера Фицджеральда эти болты?

— Дело в том, что Франклин состоит из многих частей, — начал объяснение Принси, а Франклин снова хихикнул. — Некоторая часть его составляющих имеет свойство со временем ржаветь. Его бои на боксерском ринге не всегда заканчивались для него благополучно. Короче говоря, у него такое количество переломов, что докторам пришлось скреплять его сломанные кости проволокой.

¹ Молчаливый Сэм — статуя солдату армии конфедератов в кампусе Северокаролинского университета

Эти болты крепятся к металлическому стержню, который поддерживает позвоночник Франклина. Это болезненно, но такова необходимость.

— Эй,— подал голос Франклин,— это вовсе не так больно.

— У нашего Фрэнки сердце льва,— пояснил Принси.— К сожалению, это сочетается с разумом мыши.

— Ги-ги-ги! Этот Плинси такой болтун!

— Меня мучит жажда,— сказал Принси и поднялся с места.

Он тоже был высок, где-то шесть футов четыре дюйма, и худ, хотя ему было далеко до тощего, как жердь, Ахмета.

— Тогда делжи.

Франклин протянул Принси свое питье.

— Нет, это мне не нужно! — Бледная рука Принси отстранила флягу.— Мне хочется... Я не знаю, чего мне хочется.

Он оглянулся на меня.

— С тобой такое бывало, когда тебе чего-то хочется, а чего — никак не можешь понять?

— Конечно, сэр,— с готовностью откликнулся я.— Однажды я думал, что хочу кока-колу, а на самом деле мне хотелось пива из корнеплодов.

— Вот именно. У меня в горле так же сухо и пыльно, как под подушкой у Ахмета!

Проществовав мимо меня, Принси выглянул, чтобы полюбоваться проносящимся лесом. Снаружи не было ни огонька — только темные деревья на фоне звездного неба.

— Итак! — воскликнул он.— Теперь ты узнал, кто мы такие. А как насчет тебя? Сдается мне, что ты решил сбежать из дома?

— Нет, сэр. Я хочу сказать... что просто решил ненадолго уехать, вот и все.

— Неприятности в школе? Или поссорился с родителями?

— И то и другое,— ответил я.

Прислонившись спиной к стене вагона рядом с открытой дверью, Принси понимающе кивнул.

— Обычные невзгоды в жизни каждого мальчика. Поверь, Кори, мне это знакомо. Я тоже сбегал из дома, думая, что это ненадолго. Ты полагаешь, это поможет решить твои проблемы?

— Я не знаю. Ничего другого мне не пришло в голову.

— Мир совсем не похож на твой родной Зефир. Он не знает жалости к маленьким мальчикам. Мир может быть прекрасным, но бывает и жестоким, и подлым. Это следует знать.

— Правда? — усомнился я.

— Это так же верно, как то, что мы странствуем уже много лет. Нам довелось повидать мир, и мы знаем людей, населяющих его. Иной раз, когда я размышляю об этом мире, меня охватывает страх: вокруг полно насилия, грубости, неуважения к людям. И увы, Кори, год от года мир не меняется к лучшему — он становится все хуже и хуже.

Принси взглянул на небо, где по пятам за нами неслась луна.

— О мир, о мир превратный! — продекламировал он. — Несчастья так нам ухудшают жизнь, что облегчают смерть¹.

— Как мило,— проворковал Франклин.

¹ Шекспир У Король Лир Акт IV, сцена 1 Перевод Б Пастернака.

— Это Шекспир,— счел необходимым пояснить Принси.— Его рассуждения о вечных бедах человечества.

Повернувшись спиной к луне, он взглянул на меня своими алыми зрачками.

— Хочешь услышать совет от выдавшего виды скитальца, Кори?

Мне не особенно этого хотелось, но из вежливости я кивнул:

— Конечно, сэр.

Принси выглядел озадаченным, словно он сумел прочитать мои мысли.

— Так или иначе, я считаю себя обязанным дать тебе этот совет. Не торопись взрослеть. Оставайся мальчиком так долго, как только сможешь, потому что стоит только растерять магию детства, обратно ее вернуть не удастся, как бы ты ни старался.

Мне показалось, что я уже где-то слышал это, но не смог вспомнить, кто говорил мне нечто подобное.

— Но ты все равно не прочь повидать мир, верно, Кори? — с улыбкой спросил Принси.

Я кивнул, загипнотизированный его горящими зрачками.

— Тогда считай, что тебе крупно повезло. Я вижу огни большого города.

Вскочив, я выглянул за дверь. Вдали, за извилистой линией драконьего хребта холмов звездное небо словно было промыто земным свечением.

Принси объяснил, что как только товарный состав замедлит ход перед станцией, мы сможем покинуть вагон без риска сломать себе ноги.

Город медленно поднимался ввысь по обе стороны от нас, деревянные приземистые постройки сменились кир-

пичными и каменными домами. Даже в этот поздний час город был полон жизни. Жужжали, перемигиваясь, неоновые вывески. По улицам торопливо катили машины, по тротуарам брели темные фигуры. Состав загрохотал по рельсам, где железнодорожные пути, перекрещиваясь, расходились во все стороны, где вокруг спали другие поезда, и начал замедлять ход. Наконец, когда скорость поезда сравнялась со скоростью пешехода, огромные башмаки Франклина коснулись земли. За великаном, подняв облачко пыли, выбрался наружу Ахмет.

— Если собираешься выходить, то сейчас самое время, — сказал Принси, стоявший за моей спиной.

Я спрыгнул и удачно приземлился. За мной последовал Принси. Мы прибыли в город, и я понял, что меня и мой дом разделяют многие мили.

Мы пошли вдоль железнодорожных путей, слыша вокруг свистки и пыхтение паровозов. В воздухе пахло гарью, но то был холодный огонь. Принси сказал, что нам нужно подыскать какое-нибудь место для ночлега. Мы углубились в переплетение серых улиц с высокими серыми домами, время от времени останавливаясь, чтобы дождаться Франклина, который действительно оказался невероятно медлительным.

Наконец мы добрались до района, где сплошные стены домов перемежались узкими переулками, где свет неоновых фонарей отражался в лужах стоячей воды, а асфальт был весь в выбоинах и трещинах. Проходя мимо одного из переулков, я услышал приглушенное рычание, за которым последовал звук ударов по человеческому телу. Я остановился и увидел, что один мужчина держал другого под руки, а третий методично бил его кулаками в лицо. Из носа и рта избиваемого текла кровь, его глаза были

мокрыми от слез, в них застыли изумление и страх. Человек, работавший кулаками, делал свое дело не спеша, совершенно спокойно, словно рубил дерево.

— Говори, где деньги, сукин сын,— твердил первый мужчина тихим и злобным голосом.— Говори, все равно ведь отдашь!

Избиение продолжалось, костяшки пальцев третьего мужчины уже были обгарены алой кровью. Жертва стояла и всхлипывала, а кулаки продолжали взлетать и обрушиваться на покрытое синяками, распухшее лицо несчастного.

Бледная рука стиснула мое плечо.

— Мы ведь идем своей дорогой, Кори? Так будет лучше.

Невдалеке от нас подъехала к тротуару и затормозила полицейская машина. Из нее вылезли двое полицейских и встали слева и справа от человека с длинными волосами в грязной одежде. Полицейские были крепкие и упитанные, их револьверы блестели в кобурах из черной кожи. Подавшись вперед, один из них что-то прокричал прямо в лицо длинноволосому человеку. Потом второй полицейский, схватив его за волосы, развернул кругом и ударил лицом о ветровое стекло машины. К моему изумлению, стекло даже не треснуло, но колени длинноволосого подкосились. Полицейские принялись запихивать его в машину, и тот даже не пытался сопротивляться. Когда они проезжали мимо, я на мгновение увидел лицо длинноволосого, таращившегося через окно,— с его разбитого лба стекали струйки крови.

Из открытой двери дома доносилась музыка. В ней не было ни мелодии, ни смысла, один только ритм. Рядом прямо в луже собственной мочи сидел, опираясь спиной о стену, мужчина. Он бессмысленно улыбался, глядя в про-

странство перед собой. К нему подошли двое парней, один из них держал в руках жестяную канистру с бензином.

— Эй, давай поднимайся! — крикнули они и стали пинать его ногами. Но тот продолжал улыбаться с отсутствующим видом.

— Поднимайся, поднимайся! — насмешливо перердразнил он их.

В следующее мгновение он был весь с головы до ног облит бензином. Один из парней выхватил из кармана коробок спичек.

Принси увлек меня за угол. Франклин, с унылым выражением на лице тащившийся позади Ахмета, тяжело дышал.

Раздалось завывание сирены, но машина промчалась мимо. Я почувствовал, как к горлу подступает тошнота, голова раскалывалась от боли. Все это время Принси держал свою руку на моем плече — от этого становилось чуть-чуть спокойней.

На перекрестке в мигающем неоновом свете стояли четыре женщины. Все они были примерно одного возраста — помладше мамы, но постарше Чили Уиллоу. Платья так туго обтягивали их тела, что казались нарисованными на коже. Может быть, они ждали какую-то важную персону. Когда мы проходили мимо них, я почуял аромат духов. Внимательнее взглядевшись в лицо одной из них, я увидел перед собой белокурого ангела. Но это лицо было лишено жизни, оно напоминало мордашку красивой куклы.

— Если эта скотина будет так со мной обходиться, он горько пожалеет, — сказала блондинка другой девушке, брюнетке. — Я заставляю этого ублюдка считаться с собой.

Возле девушек затормозила красная машина. На ангельском лице блондинки тут же появилась, словно ее

включили, дежурная улыбка, обращенная к водителю. Остальные девушки столпились вокруг нее, в их глазах горела тщетная надежда.

Мне не понравилось то, что я увидел, но Принси вел меня дальше.

В дверном проеме следующего дома лежала женщина, над ней стоял, застегивая молнию на штанах, мужчина в джинсовой куртке. Лицо женщины, все в черных кровоподтеках, представляло собой сплошное месиво.

— Так тебе и надо,— говорил мужчина.— Теперь надолго запомнишь, кто твой хозяин.

Нагнувшись, он схватил женщину за волосы и рывком приподнял ее голову.

— Отвечай, сука! Теперь ты поняла, кто твой босс?

Ее опухшие глаза молили о пощаде. Окровавленный рот приоткрылся, обнажив осколки зубов.

— Ты,— прохрипела она и заплакала,— ты босс.

— Пойдем дальше, Кори,— сказал Принси.— Не нужно останавливаться.

Я поплелся дальше. Куда ни кинешь взгляд — всюду один убогий бетон. Нигде нет ни деревца, ни клочка травы. Я вскинул голову, но не увидел звезд сквозь серую пелену, затянувшую небо. Мы свернули за угол, и я услышал какой-то стук. Маленькая белая собачонка с торчащими ребрами рылась в мусорном баке, выискивая остатки пищи среди пустых консервных банок. Внезапно появившийся грузный мужчина злобно прохрипел, глядя на собачку, из пасти которой свисала банановая кожура:

— Вот я тебя и застукал.

Размахнувшись, он обрушил бейсбольную биту на спину собачки. Пронзительно завизжав от боли, она забилась на асфальте с переломанным хребтом, выронив изо рта

кожуру. Стоявший над ней мужчина еще раз вскинул бит и вновь обрушил ее вниз, на этот раз на голову несчастной собачки, разбив ее вдребезги, так что не осталось ничего, ни морды, ни глаз — одна сплошная кровавая каша. Белые лапы продолжали отчаянно биться и скрести тротуар, словно собака пыталась убежать.

— Кусок дерьма, — прохрипел мужчина и наступил тяжелым башмаком на худые торчащие ребра собаки.

Слезы навернулись мне на глаза. Я пошатнулся, но рука Принси удержала меня.

— Не останавливайся, — сказал он. — Иди скорей вперед.

Я так и сделал, и скоро кровавое месиво осталось позади. Но тут я почувствовал, что меня вот-вот вырвет, и мне пришлось остановиться, прислонившись к стене из грубого камня.

— Паленек заблался слишком далеко от дома, Плинси, — проговорил за моей спиной Франклин. — Это неполадок.

— Ты думаешь, *мне* это нравится? — отозвался Принси.

Дойдя до края стены, я снова остановился. Впереди светилось окно, за которым была жилая комната. Мне были слышны громкие голоса о чем-то жарко спорящих людей, но видел я только мальчика, сидящего у окна. Он был примерно моего возраста, но что-то в его лице подсказывало мне, что он значительно старше. Мальчик смотрел в пол остекленевшим взглядом, а голоса за его спиной становились все громче и громче. Неожиданно в руках мальчика появились губка и тюбик с клеем, такой же, каким я и мои друзья склеивали пластмассовые модели самолетов. Выдавлив клей на губку, мальчик поднес ее к лицу и,

закрыв глаза, принялся вдыхать испарения. Через минуту он упал вместе со стулом назад, его тело затряслось в ужасных конвульсиях. Рот открылся, а зубы стали с лязганьем стучать друг о друга, то и дело прикусывая язык.

Я вздрогнул, всхлипнул и отвернулся. Рука Принси коснулась моего затылка и притянула меня к себе.

— Ты видел, Кори? — спросил он, с трудом сдерживая ярость. — Этот мир сжирает мальчиков без остатка. А ты еще не готов засунуть ручку метлы ему в глотку.

— Я хотел... я просто хотел...

— Тебе пора домой, — сказал Принси. — Обратно в Зефир.

Сам не знаю как, мы снова оказались на железнодорожной станции. Принси сказал, что они проедут часть пути вместе со мной, чтобы удостовериться, что я сел в нужный мне поезд. Через несколько минут к нам подкатил на малой скорости товарняк Южной железнодорожной компании, один из вагонов был приоткрыт.

— Садимся! — крикнул Принси и прыгнул.

За ним последовал Франклин, проделавший все достаточно ловко и быстро, несмотря на свои огромные башмаки. Затем в вагон прыгнул Ахмет, подняв облачко пыли.

Поезд набирал ход. Я бежал рядом, пытаясь за что-то ухватиться, но не решаясь на прыжок, потому что у этого вагона не было лесенки.

— Эй! — крикнул я. — Только не бросайте меня!

Поезд начал обгонять меня. Я поддал ходу, чтобы не отстать. В темном проеме двери никого не было — ни Принси, ни Франклина, ни Ахмета.

— Не бросайте меня! — что есть силы закричал я, чувствуя слабость в ногах.

— Прыгай, Кори! — кричал из темноты Принси.—
Прыгай!

Рядом со мной скрежетали тонны стали.

— Я боюсь! — крикнул я в ответ, ощущая, как земля уходит из-под ног.

— Прыгай! — снова позвал Принси.— Мы тебя поймем!

Но я больше не видел их. Сколько ни вглядывался, не видел ничего, кроме тьмы. Со спины ко мне подбирался город, часть того мира, что заживо съедает мальчишек.

И мне не оставалось ничего другого — только верить.

Бросившись вперед, я нырнул в темный зев вагонной двери.

И полетел вниз — сквозь ледяную ночь и звезды.

И тут мои глаза раскрылись.

Я услышал свисток товарного состава, который удалялся от Зефира в иной мир.

Поднявшись с земли, я сел, глядя на могилу Дэви Рэя.

Я проспал всего около десяти минут. За это короткое время я успел проделать долгий путь и вернуться назад — дрожащий и подавленный, но зато в целости и сохранности. Я понимал, что мир за пределами Зефира не так уж плох. Я ведь много читал о нем в «Нэшнл джиографик». Я знал, как прекрасны города, музеи, памятники отваге и человеколюбию. Но часть мира оставалась от меня скрытой, как обратная сторона Луны, подобно тому как человек, убитый близ нашего городка, лежал скрытый от лунного света под толщей воды. Так же как мой Зефир, внешний мир не был однозначно плох или хорош. Принси, кем бы он ни был, прав: прежде чем мне доведется лицом к лицу предстать перед этим чудовищем, я должен вырасти и повзрослеть. А сейчас я просто мальчик, который хочет

засыпать ночью в своей кровати и просыпаться утром в доме, где есть отец и мама. Необходимость извиняться перед Луженой Глоткой по-прежнему лежала на мне тяжёлым грузом. Я должен был пробиться сквозь джунгли, в которых оказался.

Я стоял при свете сияющих звезд и с печалью смотрел на свежую могилу.

— Прощай, Дэви Рэй,— сказал я и, забравшись на Ракету, покати к дому.

На следующий день мама заметила, что у меня утомленный вид. Она спросила, не мучают ли меня по ночам кошмары. Я ответил, что со своими проблемами вполне могу справиться сам. На завтрак мама приготовила превосходные блины.

Я так и не написал никакого извинения, сидя вечером в своей комнате один, а чудовища сочувственно смотрели на меня со стен. Я слышал, как в разное время четыре раза звонил телефон. Потом пришли отец и мама, чтобы поговорить со мной.

— Почему ты ничего нам не сказал? — спросил отец.— Мы не знали, что эта ваша учительница так издевается над учениками.

Как я уже говорил, отец знал по собственному опыту, как туго приходится, когда тебя третируют.

Нам позвонили родители моих одноклассников: мама Салли Мичем, усатая мамаша Демона, отец Лэдда Девайна и мать Джо Петерсона. Они рассказали моим родителям о том, что услышали от своих детей, и все в один голос заявили: пусть я и не прав, что вышел из себя и распустил руки, сбив очки с носа Луженой Глотки, но та тоже во многом виновата.

КНИГА 2. ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

— Учитель не имеет права называть ученика дубиной стоеросовой. Все люди заслуживают уважения независимо от возраста,— сказал отец.— Завтра я собираюсь поговорить с мистером Кардинале и прояснить ситуацию.

Отец озадаченно посмотрел на меня.

— Но почему ты ничего не рассказал нам, Кори?

Я пожал плечами:

— Наверно, потому, что не рассчитывал на твою поддержку.

— Да,— протянул отец,— выходит, мы недостаточно верили в тебя, приятель.

И взъерошил мне волосы.

Как здорово иногда бывает вернуться домой!

Глава 3

ЛОСКУТКИ ОДЕЯЛА

Отец сдержал обещание. Он действительно отправился с визитом к мистеру Кардинале. Директор, до которого от других учителей давно доходили слухи, что Луженая Глотка окончательно распоясалась, решил, что тех дней, что я провел под домашним арестом, вполне достаточно для наказания. Мне было позволено вернуться в школу. Приносить извинения больше не было необходимости.

В школе меня приняли как героя-победителя. В последующие годы со мной не мог сравниться славой ни один астронавт, даже те из них, кто побывал на Луне. Луженая Глотка была утрюма и унижена: суровый выговор директора Кардинале рождественскими колоколами звенел в ее голове. Но и я тоже наломал дров и должен был признать свою долю вины. Вот почему в первый же день по возвращении в школу, а он был последним днем учебы перед началом рождественских каникул, как только закончилась перекличка, я поднял руку. Луженая Глотка раздраженно спросила:

— В чем дело?

Я поднялся с места: Все глаза были устремлены на меня в ожидании очередного героического жеста в великой

войне с несправедливостью, ущемлением прав и запретом на виноградную жевательную резинку.

— Миссис Харпер,— начал я и остановился, ощутив, как поколебалась моя благородная решимость.

— Давай говори, да побыстрее! — брызнула слюной Гарпия.— Я не умею читать мысли, дубина ты стоеросовая!

Что бы ни сказал Гарпии мистер Кардинале, этого явно не хватило, чтобы она сложила оружие. Но тем не менее я решил продолжать, зная, что поступаю правильно.

— Я не имел права поднимать на вас руку, миссис Харпер. Приношу вам свои извинения.

О повергнутые герои! О колоссы на ногах из хлипкой глины! О могучие воины, павшие от укуса крошечной мухи, проникшей к ним под доспехи сквозь едва различимую щель! Я понял, что они испытывали в тяжкую минуту, когда слышал неодобрительный гул и шепот разочарования, распутившиеся вокруг меня, подобно горьким цветам. Сойдя с пьедестала, я тут же угодил в выгребную яму.

— Ты приносишь свои извинения? — Луженая Глотка, казалось, была поражена больше всех остальных. Она сняла с носа очки и тут же нацепила их обратно.— Ты хочешь сказать, что виноват перedo мной?

— Да, мэм.

— Ну что ж... ну что ж...

Она явно растерялась и не могла найти нужных слов. Она ступила в незнакомые ей воды великодушия и прощения и осторожно нащупывала дно под ногами.

— Я и не знаю, что...

Возможность прощения манила ее — великодушие, исполненное красоты и волшебной силы, милосердие,

прекрасное своей быстротечностью. Я увидел, как ее лицо стало расслабляться и разглаживаться.

— ...и сказать, хотя... — Миссис Харпер с трудом сглотнула. Наверно, у нее встал в горле комок от волнения. — Хотя я рада, что у тебя в конце концов хватило ума извиниться, дубина ты стоеросовая!

Комок в ее горле определенно был горстью гвоздей. Исторгнув его наружу, она наконец смогла внятно изъясняться.

— Сядь на место и открой учебник математики!

Выражение ее лица вовсе не смягчилось, решил я, со вздохом усаживаясь на место. Это было лишь секундное затишье перед новым сильным порывом ветра.

Среди оглашаемого воплями бедлама, в который превращалась школа в большую перемену, пока Луженая Глотка распекала какого-то несчастного мальчишку за то, что тот извел все свои обеденные деньги на бейсбольные карточки, я заметил, как Демон выскользнула из столовой. Она вернулась примерно через пять минут и, прежде чем Луженая Глотка успела заметить ее отсутствие, с невинным видом устроилась на своем месте возле самой двери. Я обратил внимание, что Демон и окружающие ее девочки переглядываются и хихикают, явно что-то замышляя.

Прозвенел звонок, и мы гурьбой повалили в класс. Вместе с нами за свой стол с плотоядным видом львицы, выписывающей круги вокруг мясной кости, уселась Луженая Глотка.

— Открыть книги по истории Алабамы! — проорала она. — Глава десятая! Период Реконструкции! Живо!

Она потянулась за собственным учебником истории, и я услышал, как из ее горла вырвался придушенный хрип.

Оказалось, что книгу невозможно оторвать от стола. На глазах у всего класса Луженая Глотка схватила книгу обеими руками, уперлась локтями в стол и потянула изо всех сил, но книга осталась лежать на своем месте. Кто-то фыркнул, с трудом сдерживая смех.

— Что тут смешного? — рывкнула классная, с яростью взирая на нас. — Кто думает, что это смешно... — начала она, но тут же вскрикнула от испуга, потому что ее локти наотрез отказались покидать поверхность стола.

Чувствуя подвох, Луженая Глотка предприняла попытку подняться с места. Но ее обширный зад тоже не захотел расставаться с сиденьем, а когда она приподнялась выше, то вслед за юбкой потянулся и стул.

— Что происходит? — выкрикнула она, но большая часть класса, включая и меня самого, уже визжала от смеха.

Луженая Глотка дернулась было к двери и тут же с ужасом обнаружила, что ее крепкие коричневые туфли прочно прилипли к полу, словно прибитые гвоздями. Так она и осталась сидеть, скрючившись за столом, задом приклеившись к стулу, словно притянутая подошвами к незримому магниту, локтями влипнув в стол. Со стороны могло показаться, что Луженая Глотка склонилась перед нами в глубоком поклоне, но на ее перекошенном от ярости лице не было и следа учтивости.

— Помогите! — завопила Луженая Глотка; на ее глаза навернулись слезы, она была близка к помешательству. — Кто-нибудь, помогите мне!

Крики о помощи были направлены в сторону двери, но все так смеялись и кричали, что ее вопли едва ли были слышны по ту сторону стекла. Рванувшись, она сумела-таки высвободить ценой разорванного платья один локоть,

но тут же, по ошибке опершись свободной рукой о столешницу, вновь оказалась скованной по рукам и ногам.

— Помогите! — опять заорала она. — Кто-нибудь, освободите меня!

В конце концов директор школы мистер Кардинале прислал чернокожего сторожа мистера Денниса освобождать Луженую Глотку из плена. Для того чтобы одолеть прочную субстанцию, прикрепившую различные части Луженой Глотки к столу, стулу и полу, мистер Деннис в конце концов был вынужден воспользоваться слесарной ножовкой. В процессе отпиливания рука мистера Денниса нечаянно соскользнула, и Гарпия лишилась небольшого клочка кожи.

После того как Луженую Глотку, пыхтевшую и бесвязно бормотающую всякую чушь, увезли на каталке «скорой помощи» по украшенному остролистом коридору прочь из школы, я услышал, как мистер Деннис сказал директору Кардинале, что это был самый крепкий клей, с которым ему приходилось иметь дело. По словам мистера Денниса выходило, что вещество это меняло цвет в зависимости от того, на что было намазано, становясь совершенно незаметным. Клей почти не имел запаха, разве что чуть-чуть отдавал дрожжами. Под конец мистер Деннис добавил, что Луженой Глотке, которую он почитательно величал миссис Харпер, еще сильно повезло, что ее кисти не оторвались от запястий, настолько сильным был клей. Мистер Кардинале зашелся в припадке ярости, но во всем классе не было обнаружено ничего, что напоминало бы баночку или тюбик для хранения клея. Директор топал ногами, кляня детей, которые становятся такими коварными и дерзкими в своих шалостях.

Мистер Кардинале плохо знал Демона. Я так и не сумел ничего выяснить точно, но подозреваю, что она заранее подвесила бутылку с клеем за окном на прочной леске и, пока весь класс уминал ланч, втянула клей в окошко и исполнила задуманное. Когда все необходимые поверхности были смазаны, бутылка была выброшена через окно на газон, где ее можно было незаметно подобрать после уроков. Я никогда не слышал о клее, который бы держал так прочно. Позднее я узнал, что Демон сварила клей сама, используя для него в качестве ингредиентов ил со дна Текумсе, пригоршню земли с кладбища Поултер-Хилл и кое-какие рецепты своей матери, например пирога, который та стряпала на день рождения дочери. С тех пор я даже думать не мог, что когда-нибудь решусь отведать дьявольской стряпни миссис Сатли. Кстати, миссис Сатли звала свой пирог «суперским», что в какой-то мере отражало его суть.

Я понимал: за тем, что Демону удалось перескочить сразу через класс, стояли объективные причины, но никогда не догадывался, что подлинный ее талант лежал в области химии.

В один промозглый день мы с отцом отправились в лес. Выбрав подходящую небольшую елку, мы срубили ее и принесли домой. В тот же вечер мама налушила кукурузы, и мы все вместе развесили на елке бусы из кукурузных зерен, блестящую серебряную и золотую мишуру и прочие рождественские украшения, которые весь год хранились в картонной коробке в чулане, чтобы быть извлеченными оттуда всего на одну неделю.

Бен разучивал рождественские гимны. Я несколько раз пытался дознаться у него, есть ли у мисс Гласс Зеле-

ной попугай, но ничего определенного он так и не сказал. Никакого зеленого попугая он ни разу не видел, хотя и допускал, что сестры могли что-то прятать в задних комнатах своего домика.

Мы с отцом сходили в магазин и купили маме повременную книгу и новую сковородку, а потом мы с мамой купили отцу несколько пар носков и белье. Отец в одиночку наведася к Вулворту и приобрел для мамы флакончик духов, а она приготовила ему в подарок клетчатый шарф. Таким образом, я хорошо был осведомлен, что находилось внутри красивых пакетов, разложенных под елкой, и испытывал от этого приятное чувство. Ничего не зная только о содержимом двух пакетов с моим именем. Один из них был побольше, другой — поменьше: внутри них хранились тайны, ожидавшие назначенного часа.

Я сходил с ума от желания снять телефонную трубку и набрать номер сестер Гласс. В последний раз, когда подобная мысль пришла мне в голову, разыгралась трагедия. Однако я никогда не забывал о зеленом перышке. Очнувшись от очередного сна, в котором четыре негритянские девочки звали меня по имени, я протер глаза, щурясь от зимнего солнца, и взял с ночного столика, куда положил его еще с вечера, зеленое перышко. Я решил не звонить сестрам Гласс, а лично к ним навеститься.

Оседлав Ракету, я покатил по украшенным к Рождеству гирляндами улицам Зефира к пряничному домику на Шентак-стрит. Нащупав в кармане перышко, я поднялся на крыльцо и постучал в дверь дома сестер Гласс.

Мне открыла мисс Гласс Голубая. Было еще довольно рано, едва минуло девять утра. На мисс Гласс Голубой был лазурный халат, на ногах — стеганные голубые шлепанцы.

Ее светлые волосы были убраны в обычную высокую, как Маттерхорн¹, прическу, которую она, по-видимому, сооружала первым же делом, проснувшись поутру. Я вспомнил картины, которые видел в Че. Мисс Гласс Голубая взглянула на меня сквозь свои очки в черной оправе с толстыми стеклами. Под глазами у нее были темные впадины.

— А, Кори Маккенсон,— равнодушно проговорила она.— Что привело тебя ко мне?

— Я могу войти к вам на минутку?

— Я в доме одна.

— Гм... Так могу я зайти на минуточку?

— Я одна,— повторила мисс Гласс Голубая, и я заметил, как на ее глаза за стеклами очков навернулись слезы.

Она вошла в дом, оставив дверь открытой. Я прошел вслед за мисс Голубой в жилище, по-прежнему являвшее собою музей изящных и легко бьющихся вещей, каким я увидел его во время первого урока Бена. И тем не менее... чего-то не хватало.

— Я одна,— в очередной раз сказала мисс Гласс Голубая, рухнув на хлипкий диван, и разрыдалась.

Чтобы не напустить в комнату холод, я притворил за собой дверь и вошел в гостиную.

— А где мисс Зел... я хотел сказать, ваша сестра мисс Гласс?

— Нет больше мисс Гласс,— ответила мисс Голубая с гримасой боли на лице.

— Ее нет дома? — не понял я.

— Нет. Она сейчас... только небесам известно, где она сейчас.

¹ Маттерхорн — живописнейшая гора в Альпах, расположенная на границе между Швейцарией и Италией

Мисс Голубая сняла очки, чтобы промокнуть слезы голубым кружевным платочком. Приглядевшись, я обнаружил, что без очков и с несколько менее высокой прической мисс Голубая выглядит совсем не такой... устрашающей — пожалуй, это слово было наиболее подходящим.

— Что случилось? — спросил я с тревогой.

— Что случилось? — повторила она. — А то, что мое сердце вырвано у меня из груди, разбито и безжалостно растоптано. Вот так!

По ее лицу заструились новые слезы.

— О господи, я не могу об этом даже думать!

— Вас кто-то обидел?

— Обидел! Да меня просто предали! — воскликнула мисс Голубая. — И кто это сделал? Моя плоть и кровь!

Она взяла со столика листок светло-зеленой бумаги и протянула его мне.

— Вот, сам прочитай!

Я послушно взял листок. Текст был написан темно-зелеными чернилами изящным почерком.

Дорогая Соня! Можно ли противиться взаимному зову двух сердец? Нет, конечно, остается лишь отдаться подобной страсти. Я не могу больше сопротивляться собственному чувству. В моей душе бушует пожар страстей. Музыка всегда остается прекрасной, дорогая сестра, даже если ноты выцветают. Любовь правит миром, и песнь ее разносится вечно. Я просто обязана отдать свою судьбу во власть этой сладчайшей и глубочайшей симфонии. Я должна уехать с ним, Соня. У меня нет другого выбора, как только отдать ему себя, отдаться и душой и телом. К тому времени, когда ты будешь читать это, мы должны будем уже...

— Пожениться?

Должно быть, я это выкрикнул, потому что мисс Гласс Голубая подскочила на своем диване.

— Пожениться,— мрачно подтвердила она.

...пожениться, и я от души надеюсь, что ты сумеешь понять: таким образом мы не просто претворяем в жизнь наши бренные мечты и желания, а исполняем волю Великого Маэстро.

С любовью и наилучшими пожеланиями,

твоя сестра Катарина.

— Разве справедливо так со мной поступать, черт возьми? — спросила мисс Гласс Голубая.

Ее нижняя губа задрожала.

— И с кем же убежала ваша сестра?

Мисс Голубая назвала мне имя, от звука которого ее хрупкое тело, казалось, вот-вот переломится пополам.

— Вы хотите сказать, что ваша сестра вышла замуж... за мистера *Каткоута*?

— За Оуэна,— пролепетала сквозь слезы мисс Голубая.— Мой милый Оуэн сбежал от меня с моей собственной сестрой.

Я не мог поверить своим ушам. Оказывается, мистер Каткоут не только сбежал с мисс Гласс Зеленой и женился на ней, но еще и крутил с мисс Гласс Голубой. До сих пор я был уверен, что в нем все еще сохранилась толика ковбоя с Дикого Запада, но, как оказалось, в нем жив еще и удалой южанин, не менее дикий.

— Не кажется ли вам, что мистер Каткоут для вас несколько *староват*? — спросил я мисс Голубую, осторожно положив записку рядом с ней на софу.

— В душе мистер Каткоут все так же юн и молод,— отозвалась она, и глаза ее подернула мечтательная поволока.— О господи, как я тоскую по нему! Как мне не хватает этого мужчины!

— Я хотел вас кое о чем спросить,— поторопился сказать я, прежде чем краны мисс Голубой открылись снова.— У вашей сестры был попугай?

Теперь мисс Голубая уставилась на меня так, будто у меня с головой было не в порядке.

— Попугай? — недоверчиво переспросила она.

— Совершенно верно, мэм. Насколько я знаю, у вас был голубой попугай. Может, у вашей сестры был зеленый?

— Нет, у нее нет попугая,— ответила мисс Голубая.— Я твержу тебе, что мое сердце разбито, а ты болтаешь о каких-то попугаях!

— Прошу прощения. Мне просто нужно было узнать.

Вздохнув, я обвел глазами комнату. Кое-что из безделушек исчезло. Я глубоко сомневался, что мисс Зеленая когда-нибудь вернется, и чувствовал, что и мисс Голубая это понимает. Птичка наконец выскользнула из клетки. Засунув правую руку в карман, я нащупал там зеленое перышко.

— Извините, что побеспокоил вас,— проговорил я, направляясь к двери.

— Я осталась одна, даже мой попугай и тот покинул меня,— пожаловалась мисс Голубая.— А ведь он был такой ласковый и внимательный.

— Да, мэм. Мне очень жаль.

— Не то что грязная жадная птица, принадлежавшая Катарине! — в ярости выкрикнула она.— Как я бы-

ла слепа, почему не разглядела ее истинную суть? Оказывается, все это время она имела виды на моего Оуэна!

— Подождите! — воскликнул я. — Вы ведь только что сказали, что у вашей сестры не было попугая?

— Я сказала не так. Я сказала, что у нее *нет* больше попугая. Когда он наконец издох, дьявол в аду перевернулся!

Возвратившись от двери, я вытащил из кармана зеленое перышко и, держа на раскрытой ладони, показал ей. Мое сердце билось как сумасшедшее.

— Попугай вашей сестры был вот такого цвета, мисс Гласс? Такого, как это перо?

Она мельком взглянула на мою руку.

— Да, такого. Бог свидетель, уж я-то всегда узнаю его перья: ведь он постоянно бился в клетке и выбрасывал перья наружу. А перед смертью он почти совсем облысел.

Внезапно спохватившись, она замолчала.

— Постой-ка. Откуда у тебя перо этого исчадия ада?

— Я нашел его. В одном месте.

— Эта птица издохла... Не помню, когда же это было?

— В марте, — подсказал я, потому что знал наверняка.

— Точно, это случилось в марте. Только-только начали набухать почки на деревьях, а мы с Катариной разучивали пасхальные гимны. Но... — Мисс Голубая нахмурилась, на минутку забыв о своем разбитом сердце. — Откуда ты это знаешь, Кори Маккенсон?

— Птичка на хвосте принесла, — быстро ответил я. — А от чего умер попугай мисс Катарины?

— От мозговой лихорадки, как и мой попугай. Доктор Лезандер сказал, что среди тропических птиц это обычное явление и, если такое случается, ничего нельзя поделать.

— Доктор Лезандер?

От этого имени у меня перехватило дыхание.

— Он так любил моего попугая! Говорил, что в жизни не видел такую ласковую птицу.

Губы мисс Голубой презрительно искривились.

— А как он не любил попугая Катарины, просто ненавидел! Иногда мне казалось, что он готов был убить его, как, впрочем, и я, лишь бы от него избавиться!

— Да, он вполне на это способен,— тихо проговорил я.

— На что способен? — удивленно переспросила мисс Гласс Голубая.

Я пропустил ее вопрос мимо ушей.

— Что же случилось с зеленым попугаем после того, как он умер? Доктор Лезандер забрал его?

— Нет, попугай заболел, отказался есть и пить, и Катарина сама отнесла его к доктору Лезандеру. А на следующий день попугай издох.

— От мозговой лихорадки,— добавил я.

— Да, от мозговой лихорадки,— кивнула мисс Голубая.— Почему ты задаешь такие странные вопросы, Кори? И откуда, скажи на милость, у тебя взялось это зеленое перо?

— Я не могу сказать вам... пока не могу. Мне очень жаль, мисс Гласс.

Почувяв какую-то тайну, мисс Голубая подалась вперед.

— Что ты от меня скрываешь, Кори? Если это секрет, клянусь, я не выдам его ни одной живой душе!

— Я не могу вам сказать. Честно, не могу!

Я засунул перышко обратно в карман, видя, что мисс Голубая снова опечалилась.

— Я лучше пойду. Поверьте, я ни за что не стал бы вас беспокоить, но дело очень важное.

Направляясь к двери, я заметил пианино, и тут меня внезапно пронзила мысль — словно стрела вождя Пять Раскатов Грома впиалась в голову прямо между глаз. Я вспомнил слова Леди, что в кошмарных снах про озеро Саксон она слышит фортепианную музыку и видит руки, сжимающие рояльную струну и бейсбольную биту. В то же время я припомнил пианино, стоявшее в комнате с керамическими птичками, которые мне показывала миссис Лезандер.

— Доктор Лезандер тоже брал у вас уроки игры на фортепиано? — спросил я.

— Не он, а его жена.

Жена дока Лезандера. Массивная Вероника, похожая на лошадь.

— Когда это было? Недавно?

— Нет, лет пять назад, когда у меня было полно учеников. Когда Катарина едва не заставила нас побираться, — ледяным тоном добавила мисс Голубая. — Насколько я помню, миссис Лезандер получила несколько золотых звездочек.

— Золотых звездочек?

— Успехи своих учеников я поощряла золотыми звездочками. По моему мнению, миссис Лезандер вполне могла бы стать профессиональной пианисткой. У нее отличные руки для игры на фортепиано. И она любила мою песню.

Лицо мисс Голубой просветлело.

— Какую песню?

Вместо ответа мисс Голубая поднялась и прошествовала к пианино. Она принялась наигрывать ту самую ме-

лодию, которую я слышал в тот вечер, когда попугай ругался по-немецки.

— «Прекрасный мечтатель»,— сказала мисс Голубая и закрыла глаза, наслаждаясь музыкой.— Увы, это все, что у меня теперь осталось. Прекрасные, прекрасные мечты.

Застыв посреди комнаты, я слушал музыку. Почему эта красивая мелодия так испугала попугая в тот вечер?

Я припомнил слова мисс Гласс Зеленой: «Это все твоя мелодия! Я же просила тебя никогда не играть эту пьесу! Он каждый раз начинает беситься!»

На что мисс Голубая ответила: «Я всегда играла эту вещь для него, и она ему нравилась!»

Сквозь сгустившуюся тьму пробился слабый лучик света, словно проблеск солнца, увиденный со дна сквозь толщу темной воды. Общая картина пока не выстраивалась, но я уже знал, что нахожусь на верном пути.

— Мисс Гласс? — спросил я, точнее, не спросил, а прокричал, потому что мисс Голубая, как тогда, когда учила Бена, уже почему-то колотила по клавишам.— Мисс Гласс?

Мисс Голубая перестала играть на самой горестной ноте. Слезы стекали по ее лицу на подбородок.

— Ну, что еще?

— Эта музыка, которую вы сейчас играете: ваш попугай от нее тоже кричал и волновался?

— Конечно нет, как ты мог так подумать! Это все — злые наговоры Катарины. Она сама ненавидела мою любимую мелодию.

Судя по тону, которым это было сказано, я понял, что она говорит неправду.

— Вы ведь совсем недавно снова стали давать уроки игры на фортепиано, правда? С тех пор как зеленый по-

пугай... э-э-э... умер, вы часто играли свою любимую музыку?

Мисс Голубая задумалась.

— Насколько я помню, не слишком часто. Я несколько раз исполняла ее на репетиции в церкви, чтобы размять руки. А дома я не слишком много играю, поскольку уроков сейчас не даю. Не то чтобы мне этого не хотелось, просто Катарина, — мисс Голубая произнесла это имя с презрительной усмешкой, — вечно твердила, что я причиняю боль ее утонченному слуху. И кто бы это говорил — развратная похитительница мужчин!

Свет вдали продолжал брезжить. Нечто постепенно принимало форму, но впереди лежал еще долгий путь.

— Всюду эта Катарина! — внезапно выкрикнула мисс Голубая, ударив по клавишам с такой силой, что весь инструмент сотрясся. — Я всегда на цыпочках ходила перед всемогущей Катариной, только и делала, что плясала под ее дудку! А как я ненавидела и презирала все зеленое!

Мисс Голубая поднялась с места, тощая, кипящая от негодования.

— Я сейчас же вынесу из дома все зеленое и сожгу, пусть даже для этого придется спалить все до основания! Я больше никогда не увижу ничего зеленого и лягу в могилу с улыбкой на устах!

Жажда разрушения разгоралась в мисс Голубой с необычайной силой. Я понял, что не вынесу этого зрелища, и взялся за дверную ручку.

— Спасибо, что смогли уделить мне минутку, мисс Гласс.

— Вот именно — мисс Гласс! — выкрикнула она. — Одна-единственная мисс Гласс! И я горжусь этим, слышишь меня, Кори Маккенсон? Я горжусь этим!

Она схватила прощальное письмо, написанное на бледно-зеленой бумаге, и, стиснув зубы, принялась рвать его на мелкие клочки. Воспользовавшись благоприятной обстановкой, я выскочил вон. Но прежде чем за мной затворилась дверь, я услышал, как со звоном опрокинулся шкаф с безделушками. Мое предчувствие меня не обмануло: грохот от падения был просто ужасающим.

По дороге домой я попытался уложить в голове все фрагменты новых знаний. «Лоскутки одеяла», как сказала бы Леди. В моих руках оказалось немало таких лоскутков, но как сложить их вместе, чтобы получился правильный узор?

Убит человек, которого никто не знает.

На месте преступления найдено перо мертвого зеленого попугая.

Другой попугай, голубой, от звуков некой красивой мелодии сходит с ума и начинает ругаться по-немецки.

Доктор Лезандер — «сова», и он на дух не переносит молоко.

Кто еще знает?

Ханнафорд?

Если зеленый попугай сдох в лечебнице дока Лезандера, как его перо очутилось возле озера?

Что связывает между собой двух мертвых попугаев, убитого мужчину и доктора Лезандера?

Добравшись до дому, я первым делом побежал к телефону. Чувствуя, что необходимость добраться до истины пересиливает страх перед возможной трагедией, я набрал номер сестер Гласс. Мисс Голубая сняла трубку только после девятого гудка, когда я уже отчаялся дожидаться ответа.

— Алло?

— Мисс Гласс, это снова я, Кори Маккенсон. Мне очень нужно задать вам еще один вопрос.

— Я больше не хочу ничего слышать об этой Бенедиктине Арнольд!¹

— О ком? Но я хочу спросить не о вашей сестре, а о попугае. Прежде чем умереть у доктора Лезандера, ваш попугай когда-нибудь болел?

— Да, оба наших попугая заболели в один и тот же день, и мы с Катариной отнесли их к доктору Лезандеру. На следующий день ее проклятая птица умерла.

В голосе мисс Голубой послышалось раздражение.

— Да в чем дело, Кори Маккенсон, можешь ты мне наконец сказать?

Свет, брезживший вдали, сделался немного ярче.

— Еще раз огромное спасибо, мисс Гласс,— поспешно протараторил я и повесил трубку.

Мама из кухни поинтересовалась, зачем это я звонил мисс Гласс. Я немедленно ответил, что собираюсь написать рассказ об учительнице музыки.

— Что ж, это будет чудесно,— кивнула мама.

Так я обнаружил, что профессия писателя позволяет с удобством манипулировать истиной по своему усмотрению, надо только следить, чтобы это не стало пагубной привычкой.

Наконец я добрался до своей комнаты и там крепко призадумался. Это заняло немало времени, но несколько лоскутков одеяла я все-таки сумел пришить друг к другу.

Вот к какому выводу я пришел: в ночь убийства незнакомца, тогда, в марте, оба попугая находились в лечеб-

¹ Арнольд Бенедикт (1741–1801) — генерал, герой Войны за независимость, позднее перешедший на сторону англичан. Имя Бенедикта Арнольда стало нарицательным именем изменника и предателя.

нице у дока Лезандера. Зеленый попугай издох в ту же ночь, а голубой выжил, но приобрел привычку скверно ругаться по-немецки, стоило ему только слышать «Прекрасного мечтателя». Миссис Лезандер играет на пианино, и ей знаком «Прекрасный мечтатель».

Если это так, можно ли допустить, что, когда мисс Гласс Голубая садилась за пианино и наигрывала эту мелодию, попугай вспоминал нечто услышанное им — то, что кто-то сказал или прокричал по-немецки, сопровождая свои слова руганью, в то время как миссис Лезандер исполняла на пианино ту же самую песню? Но для чего, скажите на милость, миссис Лезандер было нужно играть на пианино, когда рядом с ней кто-то кричал и ругался?

Да, решил я. Вот именно.

И меня вдруг озарило.

Миссис Лезандер специально играла на пианино «Прекрасного мечтателя», чтобы заглушить крики и ругань. Оба попугая находились с ней в одной комнате, сидели в своих клетках. Вместе с тем казалось маловероятным, чтобы кто-то кричал и ругался там, где играла пианистка, прямо рядом с ней.

Я вспомнил голос дока Лезандера, доносившийся из вентиляционного отверстия его подвального кабинета. Док Лезандер позвал нас с отцом спуститься к нему, и мы отлично его слышали. Ему даже не было нужды подниматься по лестнице на несколько ступенек. Не для того ли миссис Лезандер весь вечер наигрывала первую же пришедшую ей на память мелодию, чтобы никто снаружи не слышал криков в доме? А пара попугаев в комнате все слышала и запоминала.

А что, если доктор Лезандер избил в своем подвале незнакомца бейсбольной битой, а потом удушил рояль-

ной струной? Попугаи же могли все это слышать. Возможно, избиение продолжалось всю ночь, а птицы, взбудораженные этими жуткими звуками, до утра метались в своих клетках, теряя перья. А когда ужасное преступление было совершено, доктор Лезандер и его похожая на лошадь супруга вытащили из подвала нагое тело убитого и усадили за руль его собственной машины, укрытой до времени в сарае. После этого один из них поехал на своей машине к озеру, а другой повел следом машину убитого, почему бы и нет? Предположим, в спешке никто из них не заметил, что одно из перьев зеленого попугая вылетело из клетки и застряло в складке плаща или в кармане. Поскольку у Лезандеров аллергия на молоко, их не было в списке клиентов молочника и они не могли знать, что в это же время на трассе 10 окажется мой отец!

Кто еще знает?

Ханнафорд?

Да, события могли развиваться именно так, вполне могли.

Но совсем не исключено, что все произошло совсем не так.

Случившееся могло бы стать хорошим сюжетом для очередной загадочной истории из сериала «Мальчишки Харди». Все доказательства, которыми я располагал, — зеленое перышко мертвого попугая и наполовину сшитое лоскутное одеяло со швами, которые грозили вот-вот разойтись. Как быть, например, с немецкими ругательствами? Док Лезандер был голландцем, а не немцем. Кем был неизвестный? Что может связывать человека с татуировкой в виде крылатого черепа на плече и ветеринара из маленького городка? Швы расходились, лоскутки могли распасться.

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Но все же оставались «Прекрасный мечтатель», зеленое перышко и «Кто еще знает?».

Кто еще знает *что*? Я чувствовал: это могло стать ключом к разгадке всей шарады.

Родителям я, конечно, не сказал ни слова. Когда сомнений не останется, я им все открою. А до тех пор пока я не пойму, что готов к этому, буду держать рот на замке. Единственное, что я знал теперь наверняка, — среди нас живет совершенно не известный нам человек.

Глава 4

КРЕПОСТЬ МИСТЕРА МОУЛТРИ

За два дня до Рождества в нашем доме раздался телефонный звонок. Мама сняла трубку. Отец был на работе в «Большом Поле».

— Слушаю? — сказала мама и услышала на другом конце линии голос Чарльза Дамаронда.

Мистер Дамаронд звонил нам, чтобы пригласить нашу семью на прием, который устраивала Леди в Братонском центре досуга в честь окончания строительства и предстоящего 26 декабря открытия Музея гражданских прав. Прием должен состояться в сочельник. Одежда повседневная. Мама спросила, согласен ли я пойти, и я ответил, что, конечно, согласен. Отца даже не пришлось спрашивать, потому что он все равно не пошел бы, а кроме того, он работал в сочельник: на склад пришли коробки с яичным коктейлем¹ и мороженая индейка, которую нужно было принять и расфасовать.

Отец не имел ничего против нашего похода в Братон. Когда мама сказала об этом, он не стал возражать — про-

¹ Яичный коктейль — яично-алкогольный напиток: вино, коньяк или ром со взбитыми желтками, сахаром и сливками. Традиционный рождественский напиток, подается холодным или горячим.

сто кивнул, а взгляд его был устремлен куда-то вдаль. Наверно, он видел большой валун на берегу озера Саксон. Вот почему, подкинув отца утром в сочельник к «Большому Полу», мама вернулась домой, чтобы мы успели подготовиться к поездке в Центр досуга Братона. Хотя парадной формы одежды не требовалось, мама велела мне надеть белую рубашку с галстуком. Сама она облачилась в нарядное платье, и мы отправились в Братон.

Одна из интересных особенностей климата южной Алабамы состоит в том, что хотя в октябре может здорово подморозить, а в ноябре выпасть снег, на Рождество погода в этих краях всегда стоит теплая. Не то чтобы как в июле, но не хуже бабьего лета, это точно. Тот год тоже не был исключением. Свитер, который я надел, оказался совершенно лишним: когда мы добрались до красного кирпичного здания Центра досуга рядом с баскетбольной площадкой на Бакхарт-стрит, я здорово вспотел.

Красная стрелка указывала на Братонский музей гражданских прав — выкрашенное в белый цвет деревянное строение размером с крупный жилой трейлер, пристроенное к Братонскому центру досуга. Белое здание музея было окружено красной ленточкой. До официального открытия оставалось еще два дня, но на парковке Центра стояло много машин и чувствовалось сильное оживление. Приехавшие на машинах — в основном черные, но было здесь и несколько белых — проходили в Центр досуга. Мы с мамой пошли за ними следом. В главном зале Центра, где на стенах были развешаны рождественские венки из сосновых шишек и стояла большая украшенная елка с красными и зелеными гирляндами на ветвях, пришедшие выстроились в очередь, чтобы расписаться в книге посетителей, которой заведовала миссис Велвадайн. Гости на-

ливали себе напиток цвета лайма из вместительной чаши. На столиках было разложено праздничное угощение: чипсы, соусы и маленькие сэндвичи, пара индеек, прожаренных до золотистой корочки и поджидających, пока их разрежут, коротенькие колбаски и два увесистых окорока. Три последних стола были буквально уставлены яствами: торты, пудинги, пироги, — всего вволю. Жаль, что отец не пришел сюда, хотя бы для того, чтобы взглянуть на это изобилие. Настроение было веселым и праздничным, люди оживленно болтали и угощались под аккомпанемент двух скрипок. Обстановка была самая непринужденная, хотя присутствующие принарядились словно на бал. Преобладали костюмы и воскресные платья, мелькали белые перчатки и шляпки, украшенные цветами. В этой пестроте красок и богатстве нарядов даже павлин ощутил бы себя мокрой курицей. Собравшиеся были горды собой и Братоном, это было ясно без слов.

Нила Кастайл подошла к нам и крепко обняла маму. Потом вручила нам картонные тарелки и провела сквозь толпу. Индейку как раз собрались разрезать; если мы не поторопимся, самые лучшие куски расхватают. По пути Нила Кастайл указала на мистера Торнберри, который, облачившись по случаю праздника в мешковатый коричневым костюм, отплясывал под пиликанье скрипачей. Улыбавшийся во весь рот Гэвин пытался не отставать от дедушки. Мистер Лайтфут, элегантный, как Кэри Грант¹, в своем черном костюме с бархатными лацканами, медленно продвигался сквозь толпу с картонной тарелкой, на которой были уложены слоями ломтики ветчины, куски пирога и сэндвичи, нелепым образом сохраняя рав-

¹ Грант Кэри (1904–1986) — самый романтичный актер Голливуда, ставший символом целой эпохи американского кинематографа.

новесие. Нам с мамой до краев наполнили тарелки всякой вкусной едой, лаймовая шипучка пузырилась в высоких стаканах. Появились Чарльз Дамаронд с женой. Они поблагодарили маму за то, что она нашла время заглянуть на праздник. Мама сказала в ответ, что не пропустила бы его ни за что на свете. Вокруг сновали дети, их бабушки и дедушки тишечно пытались их догнать. Повернувшись ко мне с лукавой улыбкой на устах, мистер Деннис спросил, не знаю ли я случайно, что за проказник намазал клеем стол несчастной миссис Харпер, да так ловко, что та завязла, как муха в патоке. Я ответил, что у меня есть на этот счет некоторые соображения, но ничего конкретного я сказать не могу. Мистер Деннис спросил, не имею ли я в виду некую обладательницу козявчатого носа. Я ответил, что это не исключено.

Кто-то заиграл на аккордеоне, кто-то достал губную гармошку, и скрипки немедленно подхватили мотив. Какая-то пожилая дама в платье цвета свежей орхидеи пустилась в пляс с мистером Торнберри, и, по-моему, в этот момент он очень радовался тому, что остался в живых. Мужчина с бородкой серо-стального цвета схватил меня за плечо и, низко наклонившись, прошептал в самое ухо:

— Значит, взял да и засунул ручку от метлы ему прямо в глотку? Вот это здорово, хе-хе-хе!

Крепко сжав на прощание мое плечо, мужчина исчез в толпе.

Миссис Велвадайн и другая такая же полная дама, обе в украшенных цветочным узором платьях, ярких настолько, что природа блекла рядом с ними, поднявшись на сцену, шутливыми криками согнали с нее музыкантов. Встав перед микрофоном, миссис Велвадайн сказала, что Леди счастлива приветствовать всех пришедших разделить с

ней эту радость. Музей гражданских прав, на строительство которого было отдано столько сил, почти готов. Он откроется на следующий день после Рождества и расскажет не только о жителях Братона, но и о той борьбе, что позволила им стать такими, какие они есть. Сражения еще предстоят, не надо думать, что впереди все безоблачно. И хотя многого надо добиться, пройден уже немалый путь — именно это должен продемонстрировать Братонский музей гражданских прав.

Во время этой речи мистер Дамаронд подошел к нам с мамой.

— Она хочет повидаться с вами, — тихонько прошептал он маме на ухо.

Не стоило объяснять, о ком шла речь, — мы молча двинулись за ним следом.

Из зала мы вышли в коридор, по пути миновав комнату со столом для пинг-понга, мишенями для дартса на стенах и автоматом для игры в пинбол. В другой комнате стояли рядом четыре доски для игры в шаффлборд¹, а в следующей — спортивные снаряды и боксерская груша. В конце коридора мы подошли к белой двери, еще пахнувшей свежей краской. Мистер Дамаронд открыл дверь и пропустил нас вперед.

Мы оказались в Музее гражданских прав. Деревянный пол был покрыт лаком, свет приглушен. За стеклянными витринами на черных манекенах демонстрировались подлинные одеяния рабов и белых южан времен Гражданской войны, а также примитивные глиняные горшки, вышивка и кружева. В отделе с книжными полками хранилось примерно с сотню тонких переплетенных в ко-

¹ Шаффлборд — настольная игра, популярная в пабах; монеты или металлические диски палочком передвигают по разделенной на девять клеток доске.

жу томиков. Книжки были похожи на дневники или блокноты. На стенах висели увеличенные черно-белые фотографии. На одной из них я увидел Мартина Лютера Кинга¹, а на другой — губернатора Уоллеса², заслоняющего собой вход в школу.

Посреди комнаты стояла Леди в платье из белого шелка и в белых перчатках, по локоть закрывавших ее тонкие руки. Ее голова была покрыта белой шляпкой с широкими полями, под которой сияли прекрасные изумрудные глаза.

— Вот это,— сказала она нам,— моя мечта.

— Все чудесно,— ответила мама.

— Это необходимо,— поправила маму Леди.— Никто в целом мире не сможет понять, куда он идет, пока у него не будет под рукой карты тех мест, по которым он уже успел пройти. Ваш муж не пришел?

— Сегодня он на работе.

— Он теперь не на молочной ферме, насколько я знаю?

Мама кивнула. У меня сложилось впечатление, что Леди знает, где сейчас работает отец.

— Привет, Кори,— поздоровалась со мной Леди.— Недавно тебе снова пришлось пережить приключение?

— Да, мэм.

— Если ты всерьез собрался стать писателем, тебе стоит обратить внимание на эти книги.

Леди кивнула в сторону полок.

— Ты знаешь, что это?

¹ Кинг Мартин Лютер, мл. (1929–1968) — баптистский священник, один из лидеров движения за гражданские права негров.

² Уоллес Джордж (1919–1998) — политический деятель, избранный в 1962 году губернатором Алабамы, сторонник сегрегации — отделения негритянского населения от белых, раздельного обучения и медицинского обслуживания.

Я ответил, что нет, не знаю.

— Это дневники,— объяснила Леди.— Голоса людей, которые жили в этих местах задолго до нас. Кстати говоря, не только чернокожих. Если кто-нибудь захочет узнать, как жили люди сто лет назад,— вот они, эти голоса, они ждут его здесь.

Подойдя к одной из стеклянных витрин, Леди провела по ней затянутыми в перчатку пальцами, проверяя, нет ли пыли. Не обнаружив ее следов, Леди что-то удовлетворенно пробормотала.

— По моему твердому убеждению, каждый должен знать, откуда он пришел. И это относится не только к чернокожим, но и к белым. Я считаю что, если человек потерял прошлое, то и будущее он для себя не отыщет. Вот для чего нужен этот музей.

— Значит, вы хотите, чтобы жители Братона *помнили*, что их предки были рабами? — спросила мама.

— Да, я хочу, чтобы они помнили и об этом. И не для того, чтобы испытывать к себе жалость, ощущать себя обиженными, заслуживающими того, чего они лишены. Напротив, я хочу, чтобы, зайдя в этот музей, они могли сказать себе: «Вот посмотрите, кем мы были и кем стали».

Леди повернулась и взглянула на нас.

— Двигаться можно только вперед и вверх,— сказала она.— Нужно читать. Писать. И думать. Вот три ступени великой лестницы, ведущей к свету. Нельзя все время оставаться жалобно скулящим рабом, смиренным и тупым. Все это в прошлом и больше не вернется. Впереди нас ожидает новая жизнь.

Сделав несколько шагов, она остановилась перед картиной с горящим крестом.

— Я хочу, чтобы мои соплеменники не забывали, откуда они пришли,— продолжала она.— Нельзя вычерки-

вать прошлое из своей памяти. Не стоит также задерживаться на нем, ведь это значит — предавать будущее. Но я помню, что мой прадед тащил за собой по полю плуг. Он трудился от рассвета до заката, в жару и в холод. За свою работу он не получал от хозяина никакой платы — только скудную еду да крышу над головой. Он тяжело работал и часто бывал жестоко бит. Порой вместо пота из его пор сочилась кровь, но он продолжал идти вперед, даже когда уже не оставалось сил и хотелось упасть на землю. Он нес свой крест и отвечал: «Да, масса», в то время как его сердце разрывалось в груди, а гордость была втоптана в грязь. Он покорно трудился, прекрасно понимая, что его жену и детей в мгновение ока могут отправить на рынок рабов, где их продадут с аукциона и навеки разлучат с ним. Он пел днем в поле и лил слезы по ночам. Он работал и страдал, терпел невероятные муки, для того чтобы... Господи... для того, чтобы я могла хотя бы окончить школу. Я хочу, чтобы об этом знали и помнили все мои соплеменники,— сказала Леди, с вызовом подняв подбородок к нарисованным языкам пламени.— Вот такая у меня мечта.

Я отошел от мамы и остановился перед одной из увеличенных фотографий, на которой зающий полицейский пес рвал на упавшем чернокожем мужчине рубашку, а полицейский уже занес над головой негра свою дубинку. На другой фотографии худенькая чернокожая девочка шла сквозь толпу, сжимая в руках учебники, а белые мужчины и женщины с перекошенными от злобы лицами выкрикивали ей в спину насмешки и оскорбления. На третьем снимке...

Я замер.

Мое сердце подпрыгнуло.

На третьей фотографии была сторевшая церковь с выбитыми витражными стеклами, среди руин бродили по-

жарные. На унылых лицах чернокожих застыло выражение недоумения от только что пережитого шока. Перед церковью — голые деревья без единого листочка.

Где-то я уже видел этот снимок, точно видел.

Мама и Леди о чем-то тихо разговаривали, стоя перед витриной с изготовленной рабами глиняной посудой. Я снова посмотрел на снимок и вспомнил, где его видел. В старом номере журнала «Лайф», который мама собиралась выкинуть.

Я повернул голову влево, всего на шесть дюймов.

И увидел их.

Четырех девочек-негритянок из своего навязчивого сна.

Под каждым снимком на медных пластинках были выгравированы их имена: Дениза Макнэйр, Кэрол Робинсон, Синтия Уэсли, Эдди Мэй Коллинз.

Они весело улыбались, еще не ведая о том, какое ужасное будущее им уготовано.

— Мэм? — глухо проговорил я. — Мэм?

— В чем дело, Кори? — с тревогой спросила мама.

Но я смотрел на Леди.

— Кто эти девочки, мэм? — спросил я дрогнувшим голосом.

Подойдя ко мне, Леди рассказала о начиненной динамитом бомбе замедленного действия, которая убила этих девочек 15 сентября 1963 года в Бирмингеме, в баптистской церкви на 16-й стрит.

— О... нет, — прошептал я.

Я услышал приглушенный закрывавшей его лицо маской голос Джеральда Харджисона, державшего в руках деревянный ящик: *«Они поймут, что случилось, только когда будут бить чечетку в аду».*

И голос Большого Дула Блэйлока: *«Я добавил туда пару штук на всякий случай».*

Я с трудом слотнул. Глаза четырех мертвых девочек внимательно следили за мной.

— Кажется, я знаю,— наконец проговорил я.

Примерно через час я и мама вышли из дверей Братонского центра досуга. Мы должны были встретиться с отцом, чтобы вместе идти на вечернюю службу в церковь. Ведь сегодня был сочельник.

— Привет, Тыква! Счастливого Рождества тебе, Подсолнух! Заходи внутрь, Дикий Билл!

Я услышал дока Лезандера прежде, чем увидел. Как всегда, он стоял в дверях церкви в своем сером костюме с галстуком-бабочкой в красную и зеленую полоску и красном жилете. На лацкане у него был значок Санта-Клауса, и когда док Лезандер улыбался, его передний серебряный зуб ярко блестел.

Мое сердце застучало изо всех сил, а ладони сильно вспотели.

— Счастливого Рождества, Калико! — приветствовал док Лезандер маму, назвав ее так непонятно почему.

Потом схватил руку моего отца и потряс ее.

— Как дела, Мидас?

Взгляд ветеринара упал на меня. Он положил руку мне на плечо.

— Счастливых каникул тебе, Шестизарядный!

— Благодарю, Птичник,— ответил я.

И тут я ясно это увидел.

Его губы продолжали улыбаться, рот вел себя умно и не дрогнул. Но глаза едва заметно дернулись. Из них ушел рождественский свет, что-то жесткое, как камень, появи-

лось в его взгляде. Но уже через пару секунд выражение его лица вновь изменилось.

— Что ты задумал, Кори? — Рука на моем плече слегка напряглась. — Хочешь отнять у меня работу?

— Нет, сэр, — ответил я, чувствуя, как сжимается рука дока Лезандера, а все мое остроумие улетучивается.

Он еще секунду пристально смотрел на меня, и в это мгновение я испытал настоящий страх. Потом его пальцы разжались, отпустив мое плечо, и док Лезандер обратился к новому семейству, появившемуся в дверях вслед за нами.

— Давай-ка заходи внутрь, Маффин! Счастливого Рождества, Даниэль Бун!

— Э-гей, Том! Поторопись, я занял тебе местечко!

Мы сразу поняли, кто кричит. Дедушка Джейберд, бабушка Сара, дед Остин и бабушка Элис уже ждали нас. Дед Остин, как обычно, выглядел глубоко несчастным. Дедушка Джейберд, стоя между скамьями, махал нам руками и кричал, ставя себя в неловкое положение и устранивая на Рождество точно такой же переполох, как и на Пасху. Он оставался верен своим дурным привычкам в любое время года. Однако когда он взглянул на меня и сказал: «Здравствуй, молодой человек», — я понял, что повзрослел в его глазах.

Во время праздничной службы, когда мисс Гласс Голубая исполняла на пианино «Тихую ночь», орган напротив нее молчал. Я не сводил глаз с четы Лезандеров, сидевших пятью рядами впереди нас. Я видел, как, медленно повернув свою лысую голову, док Лезандер обвел глазами присутствующих, словно выясняя, все ли пришли. Но я-то знал, в чем было дело. Наши взгляды на мгновение встретились. На лице ветеринара появилась холодная

улыбка. Потом он наклонился к уху своей жены и что-то прошептал, но та сидела неподвижно.

Я представил себе, как крутится в его голове зловецкий вопрос: «Кто еще знает?» И то, что он сказал своей похожей на лошадь Веронике, где-то между «тьма рассеивается» и «все залито светом», могло быть: «Кори Маккенсон знает».

«Кто ты такой? — думал я, наблюдая за ним, пока преподобный Ловой проводил рождественское богослужение. — Кто ты такой на самом деле, под этой своей вечно улыбающейся маской, которую так ловко носишь?»

Все зажгли свечи, и церковь наполнилась мерцающими огоньками. Преподобный Ловой пожелал нам здоровья и счастья, добавив, что мы должны нести в своих сердцах царящий на Рождество дух веселья, после чего служба закончилась. Отец, мама и я отправились домой. Завтрашний день был посвящен бабушкам и дедушкам, но сочельник был наш и только наш.

В этом году наш рождественский обед не блистал яствами, как прошлогодний, но благодаря щедрости «Большого Пола» у нас было сколько душе угодно яичного коктейля. Наступило время открывать подарки. Мама нашла радиостанцию, передающую рождественские песнопения, а я, расположившись под елкой, наконец-то принялся разворачивать оберточную бумагу на своих подарках.

От отца я получил книжку в бумажной обложке. Она называлась «Золотые яблоки Солнца» и принадлежала перу писателя по имени Рэй Брэдбери.

— У «Большого Пола» книжками тоже торгуют, — сказал отец. — Им там отведен целый стеллаж. Парень из отдела реализации продукции сказал мне, что Брэдбери —

отличный писатель. Сам он тоже купил эту книгу и говорит, что там есть хорошие рассказы.

Открыв книгу, я прочитал название первого рассказа. Он назывался «Сирена». Просмотрев его, я выяснил, что речь здесь идет о морском чудовище, привлеченном жалобными стенаниями туманного горна. Я немного считал рассказ, и у меня возникло ощущение, что его писал мальчишка моего возраста.

— Спасибо, папа! — радостно воскликнул я. — Отличная книга!

Пока мама и отец распаковывали свои подарки, я занялся вторым пакетом, предназначенным лично мне. Из красивой обертки выскользнула фотография в серебристой рамке. Я поднес ее к свету камина.

Человека на снимке я знал отлично. Это был один из моих самых лучших друзей, хотя сам он об этом понятия не имел. Внизу, чуть наискось, было написано: «Кори Маккенсону. С наилучшими пожеланиями. Винсент Прайс». От восторга у меня перехватило дыхание. Винсент Прайс¹ знает мое имя!

— Я знаю, что тебе нравятся его фильмы, — объяснила мне мама. — Я написала на киностудию и попросила их прислать фотографию, и видишь, они откликнулись на мою просьбу.

О рождественская ночь! Волшебная пора!

После того как подарки были распакованы, оберточная бумага убрана, в камин подкинули новое полено, а наши желудки согрела очередная чашка яичного коктейля, мама рассказала отцу о нашей поездке в Музей гражданских прав. Отец сидел молча, не сводя глаз с треща-

¹ Прайс Винсент (1911–1993) — американский актер

ших в камине поленьев, но слушал внимательно. После того как мама закончила свой рассказ, отец сказал:

— Невероятно. Никогда не думал, что подобное может у нас случиться.

Отец нахмурился, и я знал, о чем он думает. Ему бы прежде никогда не пришло в голову, что многое из происшедшего в Зефире со времени трагедии на озере Саксон могло здесь случиться. Возможно, виной всему был наш жестокий век, который, похоже, добрался и до нашей глуши. В новостях все чаще упоминалась страна под названием Вьетнам. Гражданские конфликты то и дело вспыхивали в крупных городах, напоминая сражения какой-то необъявленной войны. Смутные дурные предчувствия расплазались по нашей стране словно утренний туман, предчувствие эры сплошного пластика, одноразовых вещей, циничной коммерции. Мир становился другим, и Зефир изменялся вместе с ним. Пути назад, в мир, каким он был прежде, не было.

Но сегодня на землю опустилась рождественская ночь, а завтра наступит Рождество, и в мире должны царить покой и счастье.

Увы, покой продлился не более десяти минут.

Мы услышали, как над Зефиром с воем пронесся реактивный самолет. В этом не было ничего необычного: самолеты часто взлетали или садились на авиабазу Роббинс. Звук реактивных двигателей был знаком нам так же хорошо, как свистки товарных поездов, но на этот раз...

— Слышите, как низко пролетел? — спросила нас мама.

Отец сказал, что, судя по звуку, самолет едва не задел крыши домов. Он собирался выйти на крыльцо, но в этот миг мы услышали громкий шум, словно кто-то бил моло-

том в пустую бочку. Эхо гулкового удара разнеслось над Зефиром, и через миг по всему городу, от Темпла-стрит до Братона, заливисто лаяли собаки, так что даже бродячая труппа певцов рождественских гимнов вынуждена была прекратить пение. Выскочив на крыльцо, мы с тревогой прислушивались к переполоху. Первой моей мыслью было, что реактивный самолет упал и разбился, но потом я снова услышал рев его двигателей. Он сделал несколько кругов над Зефиром, мигая огнями на концах крыльев, а потом повернул в сторону базы ВВС Роббинс.

Собаки еще долго лаяли и выли. Из домов выходили люди, чтобы узнать, в чем дело.

— Что-то случилось, — с тревогой сказал нам отец. — Позвоню Джеку и узнаю, что к чему.

Новый шериф Марчетт только-только вступил в должность, ставшую вакантной после отъезда из города Дж. Т. Эмори. После того как Бэйлоки оказались за решеткой, преступность в Зефире резко пошла на спад. Наиболее серьезной задачей, стоявшей перед шерифом Марчеттом, была поимка зверя из Затерянного мира, который в один прекрасный день атаковал автобус компании «Трэйлвейз» и с такой силой врезался в него своими отпиленными рогами, что водитель автобуса и все восемь пассажиров были доставлены в больницу Юнион-Тауна с травмами.

Отец дозволился до миссис Марчетт, и та сообщила ему, что шериф убежал, едва успев натянуть шляпу, после телефонного звонка, оторвавшего его от праздничного стола. Миссис Марчетт пересказала отцу то небольшое, что узнала от своего мужа. Выслушав ее, отец ошеломленно сказал нам:

— Бомба. На город упала бомба.

— Что? — Мама успела уже вообразить вторжение русских.— Куда?

— На дом Дика Моултри,— ответил отец.— Миссис Моултри сказала Джеку, что бомба пробила крышу, пол в гостиной и застряла где-то в подвале.

— Господи боже мой! Неужели весь дом взорвался?

— Нет. Но бомба в подвале, и Дик тоже находится там.

— Дик в подвале?

— Вот именно. Миссис Моултри подарила мужу на Рождество новый верстак. Дик как раз собирал его в подвале, когда все это случилось. Теперь он не может выбраться оттуда из-за неразорвавшейся бомбы.

Не прошло и нескольких минут, как по всему городу раздалось завывание сирен гражданской обороны. Вскоре отцу позвонил мэр Своуп и попросил присоединиться к группе добровольцев, собиравшихся у здания суда. Им будет поручено оповестить всех жителей Зефира и Братона о срочной эвакуации.

— Вы собираетесь эвакуировать целый город в рождественскую ночь? — переспросил отец, не веря своим ушам.

— Именно так, Том,— ответил мэр Своуп.— Ты ведь знаешь, что бомба с реактивного самолета упала прямо на дом...

— ...Дика Моултри, я об этом слышал. Так, значит, она вывалилась из самолета?

— Совершенно верно. Нам нужно немедленно эвакуировать жителей, потому что эта чертова штуковина может взорваться в любую минуту.

— Почему бы тебе не позвонить на авиабазу? Пускай они приедут и заберут бомбу!

— Я только что разговаривал по телефону с их офицером, отвечающим за связи с общественностью. Когда я сказал, что один из их реактивных самолетов уронил на наш город бомбу, знаешь, что он мне ответил? Он сказал, что я, должно быть, съел слишком большой кусок рождественского торта с ромом. Этот офицер заверил меня, что ничего подобного не может случиться в принципе: мол, ни один из пилотов авиабазы не может проявить такую небрежность, чтобы случайно нажать на предохранительный рычаг и сбросить бомбу на город с гражданским населением. Он сказал также, что *если* это на самом деле произошло, то их команда саперов все равно в Рождество отдыхает, и поэтому, *если бы* то, о чем я говорю, действительно случилось, то он надеется, что у властей в городе, на который бомба никак *не могла* упасть, хватит ума немедленно эвакуировать население, потому что такая бомба, которая, конечно, *никак не могла* просто так взять и упасть с самолета, может взорваться, и тогда от большей части города останутся одни щепки! Что ты на это скажешь, Том?

— Он должен понимать, что ты говоришь ему правду, Лютер. Этот парень обязан был послать кого-нибудь, чтобы тот обезвредил бомбу. .

— Может, он и пришлет кого-нибудь, но только *когда*? — спросил мэр Своуп. — Завтра днем? Но разве кто-то сможет спать, зная, что рядом всю ночь будет тикать адская машина? Я не имею права рисковать, Том: нам немедленно нужно вывезти людей из города.

Отец попросил мэра Своупа подвезти его до сборного пункта. Потом повесил трубку и объявил мне и маме, что нам придется сесть в наш пикап и отправиться на ночь к деду Остину и бабушке Элис. Когда ситуация прояснит-

ся, он приедет за нами. Мама принялась уговаривать отца ехать вместе с нами с той же неизбежностью, с какой грозовые облака разражаются дождем. Но отец твердо стоял на своем, а по недавнему опыту мама знала, что спорить с ним в таких ситуациях бесполезно. Поэтому она сказала мне:

— Возьми свою пижаму, Кори. Захвати зубную щетку, пару чистых носков и белье. Мы едем к деду Остину.

— Папа, а разве Зефир взорвется? — спросил я.

— Нет. Мы уезжаем для большей безопасности, на всякий случай. Скоро с военно-воздушной базы пришлют кого-нибудь, чтобы обезвредить эту бомбу, я в этом абсолютно уверен, — ответил он.

— Том, пожалуйста, будь осторожен, — сказала мама.

— Обещаю тебе. Счастливого Рождества, — улыбнулся он нам.

Мама тоже выдавила в ответ улыбку.

— Ты сумасшедший, Том! — сказала она и крепко поцеловала отца.

Мы с мамой собрали необходимую одежду. Сирены гражданской обороны завывали почти пятнадцать минут без перерыва: от них по спине бежали мурашки, и даже собаки вынуждены были замолчать. Жители города, получая оповещение об эвакуации, отправлялись в путь, чтобы провести ночь в домах своих друзей и родственников в окрестных городках или в мотеле «Юнион Пайнс» в Юнион-Тауне. Вскоре приехал мэр Своуп, чтобы подвезти отца. К тому времени мы с мамой уже были готовы к отъезду. Прежде чем мы успели выйти за дверь, позвонил Бен и сообщил, что он с родителями едет в Бирмингем к тете и дяде.

— Вот это да! — выпалил Бен. — Знаешь, что я слышал? Говорят, у мистера Моултри сломаны обе ноги и позво-

ночник, а бомба лежит прямо на нем! Вот это действительно круто!

Я не мог с этим не согласиться. Никто из нас не ожидал, что столько всего случится в сочельник.

— Ну все, мне нужно бежать! Поговорим после. Да, постой... Счастливого Рождества!

— Счастливого Рождества, Бен!

Я повесил трубку. Мама подняла мне воротник, мы уселись в пикап и покатали к дому деда Остина и бабушки Элис. Никогда в жизни я не видел на трассе 10 столько автомобилей. Если бы зверю из Затерянного мира вздумалось тогда атаковать вереницу машин, только небеса могли бы нас спасти: легковушки и грузовики посыпались бы друг на друга, как кегли, а если бы и бомба позади нас все-таки рванула, люди полетели бы по воздуху даже без всяких крыльев.

Зефир, залитый рождественскими огнями, остался позади.

Все, что произошло потом, я узнал позже, потому что, понятно, никак не мог быть свидетелем этих событий.

Любопытство всегда отличало моего отца. Вот и тут он внезапно понял, что ему просто необходимо увидеть бомбу собственными глазами. Когда Зефир и Братон постепенно опустели, он покинул группу добровольцев, с которыми объезжал город, и прошел несколько кварталов до дома мистера Моутри.

То было небольшое деревянное строение бледно-голубого цвета с белыми ставнями. Через пробитую крышу лился свет. Перед домом стояла машина шерифа с включенными фарами. Отец поднялся на крыльцо, перекосившееся от чудовищного удара. Входная дверь была распахнута, стены покрыты трещинами. Бомба, врезавшись в

дом, сдвинула его с фундамента. Войдя внутрь, отец сразу увидел в просевшем полу огромную дыру, занявшую едва ли не половину гостиной. Вокруг дыры на полу валялись елочные украшения, на самом ее краю каким-то непонятным образом удерживалась на весу маленькая серебристая звездочка. Самой елки видно не было.

Отец подошел к дыре и заглянул вниз. Доски и балки были перекручены, словно гигантские макароны. На них лежал слой штукатурки, похожей на сыр пармезан. Стабилизаторы из серого металла высывались наружу из обломков, а нос бомбы воткнулся в земляной пол подвала.

— Вытащите меня отсюда! Ох, мои ноги! Отвезите меня в больницу! Я умираю!

— Ты не умрешь, Дик. Старайся не двигаться.

Мистер Моултри лежал посреди груды обломков, на нем покоился плотницкий верстак, припертый сверху балкой, толстой как ствол столетнего дуба. Балка была расколота — как догадался отец, она раньше служила опорой для пола в гостиной. Поперек балки крест-накрест лежала рождественская елка, осколки лампочек, шаров и прочих украшений поблескивали по сторонам. Бомба вовсе не придавила мистера Моултри, но находилась всего в каких-то четырех футах от его головы. Рядом с Моултри стоял на коленях шериф Марчетт, оценивая причиненный урон.

— Джек! Это я, Том Маккенсон!

— Том? — Шериф Марчетт поднял вверх голову, и отец увидел, что все его лицо покрыто известковой пылью. — Тебе нельзя здесь находиться — немедленно выйди!

— Я заглянул, чтобы узнать, как у вас дела! А бомба-то совсем не такая здоровая, как про нее болтали!

— Но заряд в ней приличный,— отозвался шериф.— Если бомба взорвется, то не только от этого дома, но и от всего близлежащего квартала камня на камне не останется.

— О-о-о-ох-х! — застонал Дик Моултри. Острые щепки разорвали на нем рубашку, и было видно, как его объемистый живот переваливается с одной стороны на другую.— Джек, я умираю!

— Дик тяжело ранен? — спросил шерифа отец.

— Трудно сказать: не удалось подобраться к нему достаточно близко. Говорит, что у него сломаны ноги, да, похоже, и пара ребер в придачу, судя по тому, как он хрипит.

— У него всегда такое дыхание,— крикнул сверху отец.

— «Скорая помощь» вот-вот прибудет.— Шериф Марчетт взглянул на свои наручные часы.— Я вызвал «скорую» сразу же, как попал сюда. Не знаю, что их задерживает.

— А что ты сказал им? Что несчастного парня ударило свалившейся с неба бомбой?

— Да,— ответил шериф.

— В таком случае Дик у еще долго придется ждать помощи.

— Вытащите меня отсюда! — снова заорал мистер Моултри, пытаясь спихнуть с себя нагромождение пыльных досок, но, сморщившись от боли, отказался от этой затеи. Потом, повернув голову с блестящими от пота щеками, он взглянул на бомбу.

— Ради всего святого, уберите *это* отсюда! — взмолился он.— Господи Иисусе, помоги мне!

— А где миссис Моултри? — поинтересовался отец.

— Ищи ветра в поле! — Белое от известковой пыли лицо мистера Моултри скривилось в презрительную усмешку. — Она задала стрекача сразу, как поняла, что здесь происходит. И пальцем не пошевелила, чтобы мне помочь!

— Тут ты не прав, Дик! Ведь это она позвонила мне, верно? — подал голос шериф.

— Да какой от тебя толк? О-ох, мои ноги! Говорю вам, у меня переломы в двух местах!

— Может быть, мне спуститься? — спросил шерифа отец.

— На твоём месте я бы не стал этого делать, а рванул бы из города, как все разумные люди. Но если тебе так уж хочется, конечно, спускайся. Только будь осторожен! Лестница обвалилась, поэтому я поставил стремянку.

Отец осторожно спустился вниз и какое-то время стоял, обозревая груды досок и балок, под которой находился мистер Моултри. На вершине этой кучи красовалась елка.

— По-моему, мы сможем сдвинуть вот эту балку, — предложил отец шерифу. — Ты, Джек, возьмешься за один конец, а я за другой.

Первым делом они сняли сверху елку, а потом оттащили в сторону балку, которая толщиной могла поспорить с дубом, так что попотеть им пришлось изрядно. Увы, тяжесть, давившая на мистера Моултри, по-прежнему была велика.

— Мы освободим Дика из-под обломков, перенесем его в твою машину, Джек, и отвезем в больницу, — предложил отец. — Сдается мне, что «скорая помощь» не приедет.

Шериф снова опустился рядом с мистером Моултри на колени.

— Эй, Дик! Когда ты в последний раз вставал на весы?

— Давно ли я взвешивался? Черт возьми, не помню!

А зачем тебе это понадобилось?

— Сколько ты весил, когда в последний раз проходил врачебный осмотр?

— Сто шестьдесят фунтов.

— Когда это было? — поинтересовался шериф Марчетт. — Когда ты учился в третьем классе? Я спрашиваю, сколько ты весишь сейчас, понимаешь меня, Дик?

Мистер Моултри нахмурился и раздраженно что-то пробормотал себе под нос. Потом ответил:

— Более двухсот фунтов.

— А точнее?

— Черт, Джек! Я вешу двести девяносто фунтов! Теперь ты доволен, садист ты этакий?

— Возможно, Дик, у тебя сломаны ноги. И ребра тоже. Не исключено, что вдобавок повреждены какие-то внутренние органы. А теперь оказывается, что ты весишь двести девяносто фунтов. Как ты думаешь, Том, сможем мы втащить его наверх по стремянке?

— Ни за что на свете, — ответил отец.

— Я тоже так думаю. Ему придется ждать, пока сюда доставят лебедку.

— К чему это вы клоните? — взвизгнул мистер Моултри. — Хотите бросить меня здесь? — Он вновь испуганно оглянулся на бомбу. — Тогда хотя бы уберите подальше от меня эту чертову шутовину!

— Я готов сделать для тебя, Дик, все, что угодно, — отозвался шериф. — Но бомбу я трогать не могу. Что, если взрывной механизм на взводе и все, что нужно для того, чтобы она взорвалась, — это прикоснуться к ней пальцем? Думаешь, я хочу брать на себя ответственность за твою

жизнь, не говоря уж о Томе и самом себе? Нет уж, увольте, сэр!

— Мэр Своуп сказал мне, — подал голос отец, — что разговаривал с каким-то военным с авиабазы Роббинс. Этот парень ему не поверил...

— Я знаю. Лютер заглянул сюда, прежде чем отправился прочь из города вместе с семейством. Он в подробностях рассказал мне, что наболтал ему этот сукин сын. Но не исключено, что пилот, сообразив, что натворил, мог до смерти перепугаться и просто ничего никому не сказать. Может быть, он и в кабину самолета забрался, изрядно нагрузившись, прямо из-за праздничного стола. Так или иначе, помощи с авиабазы придется ждать долго.

— А что мне прикажете здесь делать? — завопил мистер Моултри. — Просто лежать и терпеть эти невыносимые муки?

— Если хочешь, я могу сходить наверх и принести тебе подушку, — предложил шериф Марчетт.

— Дик? Как ты, в порядке? — донесся сверху тихий, испуганный голос.

— Да я просто хоть куда! — заорал в ответ мистер Моултри. — Я безумно рад лежать здесь с переломанными ногами и этой чертовой бомбой рядом с башкой! Господи всемогущий! Не знаю, кто ты, там, наверху, но ты еще больший идиот, чем тот парень, что уронил на меня бомбу, раз задаешь такие вопросы... А, это ты!

— Привет, Дик! — робко проблеял мистер Джеральд Харджисон. — Как дела?

— Отлично: мы только что прервали танцы и прилегли отдохнуть! — Лицо мистера Моултри стало покрываться красными пятнами. — Вот дерьмо!

Стоя на краю дыры в полу, мистер Харджисон опасливо глянул вниз.

— Так это и есть та самая бомба, вот там? — снова про-
блеял он.

— Нет, это жирный гусиный огузок, — огрызнулся
мистер Моултри. — Конечно, это бомба!

Мистер Моултри сделал несколько резких движений, пытаясь выбраться из-под кучи мусора, но не преуспел, только поднял облако густой удушливой пыли и причинил себе сильную боль. Отец оглядел подвал. В одном из углов стоял письменный стол, над которым на стене висела табличка с надписью «Мой дом — моя крепость». Рядом красовался плакат, изображающий пучеглазого негра, отплясывающего степ. По низу плаката шла приписка от руки: «Бремя белого человека». Отец подошел к столу и обнаружил на нем кипу беспорядочно разбросанных газет. Потянув на себя верхний выдвижной ящик стола, потрясенный отец увидел огромные голые груди красотки с обложки журнала «Джагтз». Под журналом обнаружилась мешанина из канцелярских скрепок, карандашей, аптечных резинок и тому подобных мелочей. Под руку отцу попалась передержанная фотография, сделанная на «кодаке». На фото мистер Моултри был в белом одеянии с винтовкой в одной руке, а другой прижимал к груди белый остроконечный колпак и капюшон. Мистер Моултри широко улыбался, чрезвычайно довольный собой.

— Эй, Том, уйди отсюда! — внезапно крикнул мистер Моултри, с трудом повернув голову. — Хотя я и не могу двигаться, но я еще не умер, и ты не имеешь права запросто копать в моем столе!

Закрыв ящик с фотографией, отец вернулся туда, где стоял шериф Марчетт. Наверху, прямо над их головами, нервно шаркал подошвами по перекошенному полу мистер Харджисон.

— Эй, Дик,— наконец снова подал он голос,— я просто хотел заглянуть к тебе. Чтобы убедиться, что ты... ну, в общем, жив и все такое, сам понимаешь!

— Да, пока я еще жив. Это так же верно, как то, что моя жена предпочла бы, чтобы эта бомба стукнула меня прямо по черепу.

— Мы уезжаем из города,— смущенно объявил мистер Харджисон.— Скорее всего, вернемся на следующий день после Рождества, часов около десяти утра. Ты слышишь меня, Дик? В десять утра!

— Да, слышу! Мне наплевать, когда ты вернешься!

— И все же, Дик, я вернусь после Рождества в десять утра. Я думал, что тебе нужно это знать... Чтобы ты смог верно поставить часы.

— Чтобы я смог поставить часы? Ты что, спятил...— Мистер Моултри внезапно замолчал.— Ах да, все в порядке. Я обязательно это сделаю.

Мистер Моултри улыбнулся, повернувшись к шерифу Марчетту.

— Дело в том, что мы с Джеральдом договорились помочь одному нашему другу вынести весь ненужный хлам из его гаража на следующий день после Рождества. Вот почему он все твердит мне о времени, когда вернется.

— Ах, вот как! Что это за друг, Дик?

— Этот парень живет в Юнион-Тауне,— торопливо отозвался мистер Моултри.— Ты его не знаешь.

— Я знаю многих жителей Юнион-Тауна. Так как же его зовут?

— Джо,— отозвался мистер Харджисон, в то время как мистер Моултри назвал совсем другое имя: «Сэм».

— Джо Сэм,— торопливо поправился мистер Моултри, улыбаясь и истекая потом.— Джо Сэм Джонс.

— Сдается мне, Дик, что тебе не удастся помочь после Рождества никакому Джо Сэму Джонсу расчистить его гараж,— покачал головой шериф Марчетт.— Скорее всего, ты встретишь утро этого дня в уютной палате какой-нибудь больницы.

— Эй, Дик, я ухожу! — крикнул сверху мистер Харджисон.— Уверен, у тебя все будет хорошо, так что не переживай.

И тогда мистер Харджисон случайно задел носком левого ботинка серебристую звездочку, давно уже висевшую на краю пробитой бомбой дыры в полу. Отец наблюдал, как маленькая звездочка плавно и грациозно, словно большая снежинка, летит вниз.

Звездочка ударилась в один из стабилизаторов в хвостовой части бомбы и разлетелась дождем блестящих кусочков стекла.

В последовавшее за этим мгновение полной тишины все четверо мужчин слышали *это*.

Из бомбы донесся шипящий звук, как будто внутри проснулась змея, растревоженная в своем логове. Потом шипение стихло, и из недр бомбы донеслось негромкое злое тиканье, не похожее на тиканье будильника, а скорее напоминавшее звук перегретого мотора, в котором вот-вот закипит вода.

— Вот черт! — прошептал шериф Марчетт.

— Господи помилуй! — произнес, задыхаясь, мистер Моултри.

Его лицо, только что пылавшее румянцем, стало белым, как у восковой куклы.

— Бомба заработала,— сказал отец, едва сдерживая волнение.

Речь мистера Харджисона была еще более выразительной. За него все сказали его ноги, которые моментально вынесли его по искривленному полу на скособоченное крыльцо домика мистера Моултри и дальше, к припаркованной у обочины машине, да так шустро, словно им, как ядром, выстрелили из пушки. Автомобиль мистера Харджисона унесся прочь стремительно, как Роуд Раннер¹: мгновение назад он был еще здесь и тут же исчез.

— Господи, Господи, Господи, — твердил мистер Моултри, обливаясь слезами. — Не дай мне умереть!

— Том! — подал голос шериф Марчетт. — Нам, похоже, пора уносить ноги.

Он говорил тихо, словно взрывной механизм бомбы мог сработать от сотрясения воздуха.

— Не оставляйте меня одного! Джек, ты не имеешь права! Ты ведь шериф!

— Ничего не могу больше для тебя сделать, Дик. Клянусь, что хотел бы тебе помочь, но это не в моих силах. Может быть, тебе поможет чудо или волшебство, но, боюсь, дело — труба.

— Не бросайте меня здесь одного! Вытащите меня отсюда — я заплачу вам столько, сколько вы попросите!

— Извини, Дик. Будем выбирать, Том.

Отцу не нужно было второго приглашения. Ловко, как обезьяна по стволу дерева, он взлетел по стремянке.

— Я подержу стремянку, Джек, — сказал он, оказавшись наверху. — Давай выбирайся.

Бомба продолжала тикать, отмеряя время.

¹ Роуд Раннер — персонаж мультфильмов серии «Песенки с приветом», кукушка, всегда ускользающая от койота Вилли, который разными способами пытается ее поймать.

— Ничем не могу помочь тебе, Дик,— еще раз повторил шериф Марчетт, взбираясь по лестнице.

— Нет! Послушайте! Я все для вас сделаю, только вытащите меня! Я вытерплю любую боль!

Но отец и шериф Марчетт уже шли к двери.

— Умоляю вас! — заорал им в спину мистер Моултри. Его голос задрожал, из горла вырвались глухие рыдания. Он вновь попытался вырваться из-под обломков, но безуспешно. Сильная боль заставила его кричать еще громче:

— Вы не можете оставить меня умирать здесь одного! Это бесчеловечно!

Когда шериф и отец оказались на улице, мистер Моултри все еще кричал им вслед и плакал. Их лица были вытянутыми и напряженными.

— Да, работу здесь предстоит проделать нелегкую,— заметил шериф Марчетт.— Тебя куда-нибудь подвезти, Том? — спросил он отца.

— Да,— ответил отец, нахмурившись.— Нет. Не знаю,— сказал он наконец, прислонившись к машине.

— Да не убивайся ты так, Том. Мы все равно ничем не можем ему помочь, ты и сам это прекрасно знаешь.

— Может быть, кому-нибудь из нас стоит подождать снаружи, на случай если появится команда саперов.

— Отличная мысль.— Шериф Марчетт оглянулся по сторонам.— Хочешь вызваться добровольцем, Том?

— Нет.

— Я тоже. А кроме того, саперы все равно подъедут не скоро. У меня предчувствие, что бомба вот-вот взорвется, а с ней взлетит на воздух целый квартал, так что поступай как знаешь, а я собираюсь унести отсюда ноги, пока цел.

Шериф подошел к своему автомобилю и открыл дверь.

— Эй, Джек, обожди-ка минутку,— сказал отец.

— Ни единой минуты. Если ты едешь, садись.

Отец забрался в машину, шериф завел мотор.

— Куда тебя подвезти, Том?

— Послушай, Джек. Ты сам сказал: Дика может спасти только чудо или волшебство. Кто, по-твоему, единственный человек, способный сотворить для Дика чудо?

— Преподобный Блессет, но он давно покинул наш город.

— Нет, я говорю не о нем. О ней.

Шериф Марчетт, взявшийся было за рычаг переключения передач, замер.

— Тот, кто способен превратить патроны в охотничьем подсумке в клубок зеленых садовых змей, сможет сладить и с бомбой. Как ты думаешь, Джек?

— Никак, Том! Я думаю, что Леди тогда была ни при чем. Наверно, Блэйлок Большое Дуло просто спятил от своего поганого виски и вместо патронов запихнул в свой подсумок несколько пригоршней змей!

— Перестань, Джек! Ты же видел этих змей, как и я, собственными глазами! Там их были сотни! Как ты думаешь, сколько времени потребовалось бы Большому Дулу, чтобы их собрать?

— В эти фокусы с вуду я не верю,— твердо сказал шериф Марчетт.

И тогда отец сказал первое, что пришло ему на ум, и даже сам испугался своих слов:

— Не нужно бояться просить у нее помощи, Джек. У нас нет другого способа спасти Дика.

— Черт побери,— пробормотал шериф. Он оглянулся на дом Моултри, из дыры в крыше которого в небо струился свет.— Но она, наверно, уже давно уехала из города.

— Может быть, да, а может, и нет. Что нам мешает доехать до дома Леди и проверить?

Большинство домов в Братоне стояли с темными окнами: их обитатели, напуганные сигналами сирен, бежали, спасаясь от угрожавшего городу взрыва. Однако в окнах жилища Леди мерцали, переливаясь, огоньки.

— Я подожду в машине,— сказал шериф Марчетт.

Отец кивнул и выбрался наружу. Глубоко вдохнув холодный рождественский воздух, он заставил свои ноги сдвинуться с места и донести его до двери. Взявшись за маленькую серебряную рукоятку дверного молотка, он сделал то, на что, как ему казалось, не решился бы никогда в жизни,— оповестил Леди о том, что пришел к ней в дом.

Он ждал, надеясь, что она ему ответит.

Он ждал, глядя на ручку входной двери.

Он ждал.

Через пятнадцать минут после того, как отец постучал в дверь дома Леди, на улице, где жил мистер Моултри, раздался шум: грохот и лязг, звяканье и бренчание, вызвавшие неистовый лай собак. Пикап с заржавелыми бортами и просевшей подвеской остановился у обочины перед домом четы Моултри. Дверца со стороны водителя открылась, и на дорогу выбрался высокий и тощий чернокожий человек. На дверце по трафарету не очень аккуратно была намалевана надпись: «Починка Лайтфута».

Человек двигался очень медленно, казалось, каждое движение причиняет ему боль. На нем был свежевыстиранный комбинезон и серая кепка, из-под которой выбивались седые волосы. Чрезвычайно медленно человек

подошел к кузову пикапа и нацепил монтерский пояс, с которого свешивались различные молоточки, отвертки и какие-то загадочные гаечные ключи. Он не спеша поднимал с асфальта ящик для инструментов, старинное металлическое чудо, где можно было найти любой из болтов и гаек, о которых может только помыслить монтер. Двигаясь так медленно, словно на него давило бремя минувших веков, мистер Маркус Лайтфут подошел к покосившейся входной двери дома Дика Моултри. Перед тем как войти, он постучал, хотя дверь была распахнута. Один раз, потом, не дождавшись ответа, второй...

Одна вечность сменялась другой. Цивилизации достигали своего рассвета и гибли. Звезды рождались в яростном сверкающем великолепии, дрожали и умирали в холодных просторах космоса.

...и третий раз.

— Слава богу! — крикнул в ответ мистер Моултри охрипшим голосом. — Я знал, что ты не бросишь меня умирать тут одного, Джек! Господи мило...

Он затих, умолкнув на полуслове, потому что наверху, в дыре в полу гостиной, куда он неотрывно устремлял свой взор, вместо помощи с небес он узрел черное лицо посланца из геенны огненной.

— Так-так, — проговорил мистер Лайтфут, глаза которого сразу обнаружили бомбу, а ухо уловило тиканье ее взрывного механизма. — Похоже, вы действительно угодили в нештучную передрагу.

— Зачем ты сюда явился, черный дикарь: полюбоваться, как меня разнесет на куски? — прохрипел мистер Моултри.

— Не-а. Наоборот, пришел для того, чтобы сохранить вас в целости и сохранности.

— Ты?! Ты пришел сюда, чтобы помочь мне?

Набрав в легкие побольше воздуха, мистер Моултри заорал что было силы, надсаживая горло:

— Джек! Кто-нибудь, помогите мне! Кто-нибудь белый!

— Мистер Моултри, сэр,— сказал монтер, дождавшись, когда крик лежавшего внизу человека стихнет.— От такого шума бомба может взорваться раньше времени.

Мистер Моултри, покраснев как кетчуп, с выступившими на лбу капельками пота, вновь принялся метаться, отчаянно пытаясь освободиться. Он молотил руками в тщетной надежде разгрести обломки, в приступе ярости схватил собственную рубашку и сорвал с себя ее остатки, его пальцы судорожно цеплялись за воздух, но не находили опоры. Но боль вновь придавила его к полу подобно тому, как один борец прижимает к коврику другого. Мистер Моултри замер, хватая широко раскрытым ртом воздух; он так и остался лежать со сломанными ногами и тикавшей возле его головы бомбой.

— Сдается мне,— пробормотал мистер Лайтфут и зевнул, потому что час и вправду был поздний.— Сдается мне, лучше будет, если я спущусь вниз.

Казалось, уже наступил Новый год, когда подошва ботинка мистера Лайтфута, на поясе которого позвякивали инструменты, коснулась нижней ступеньки стремянки. Взяв свой ящик, мистер Лайтфут направился было к мистеру Моултри, но тут его внимание привлек плакат на стене с пучеглазым танцором. Лайтфут внимательно разглядывал его, а внутри бомбы продолжал тикать неумолимый механизм, отсчитывающий секунды.

— Ага,— наконец проговорил Лайтфут и покачал головой.— Ага.

— Над чем это ты потешаешься, безмозглый дикарь?

— Это не негр,— отозвался монтер.— Это белый человек, выкрашенный в черный цвет, и выглядит он чрезвычайно глупо.

Наконец заставив себя оторваться от фотографии Эла Джолсона¹, мистер Лайтфут подошел к бомбе. Отбросив в сторону несколько досок с торчавшими гвоздями и кровельную дранку, он уселся прямо на пол, в красную пыль. Наблюдать за ним было все равно что смотреть на переползающую футбольное поле улитку. Ящик с инструментами он поставил себе под бок, словно старого и надежного товарища. Потом достал из нагрудного кармана очки в тонкой проволочной оправе, подышал на них и тщательно протер линзы рукавом рубашки. Все это мистер Лайтфут проделывал невыносимо медленно.

— Господи, да чем же я заслужил такую муку? — простонал мистер Моултри.

Мистер Лайтфут нацепил на нос очки.

— А вот теперь можно приступить к делу, — сказал он. Он наклонился поближе к бомбе и нахмурился, морщинки между бровями сделались глубже.— Посмотрим, что к чему.

Мистер Лайтфут снял со своего пояса самый миниатюрный молоточек, облизнул большой палец и медленно-медленно смочил своей слюной его головку. Потом он принялся выстукивать бок бомбы, лишь слегка касаясь его, так что звук едва можно было слышать.

— Не смей бить по ней молотком, господи ты боже мой! Из-за тебя мы оба взлетим на воздух!

— Не взлетим,— ответил мистер Лайтфут, продолжая осторожно простукивать молоточком поверхность бомбы.

Потом прижался ухом к железной оболочке.

¹ Джолсон Эл (1886—1950) — актер, певец, звезда Голливуда 20—30-х годов, считался одним из лучших эстрадных исполнителей страны

— Ага,— удовлетворенно проговорил он.— Я слышу тебя.

Молча наблюдая за тем, как пальцы Лайтфута скользят по поверхности бомбы, словно глядя маленькую собачонку, Моултри испытывал невыразимые мучения.

— Ага.— Пальцы монтера нащупали едва различимый шов.— Вот где скрывается дверца к твоему сердцу!

Чуть ниже стабилизаторов в хвосте бомбы он обнаружил четыре винтика и со скоростью таяния ледника принялся выбирать на своем поясе подходящую отвертку.

— Ты ведь пришел сюда для того, чтобы убить меня? — простонал мистер Моултри. Внезапно в его голове что-то со щелчком встало на место.— Это ведь *она* послала тебя, чтобы расправиться со мной? *Она*, верно?

— Угадали, но лишь наполовину,— спокойно отозвался мистер Лайтфут, примериваясь отверткой к первому винту.

Прошла еще целая вечность, и последний винтик упал на ладонь Лайтфута. Глядя на него, мистер Лайтфут принялся напевать «Раз в морозную ночь снеговик...» в своей убаюкивающей манере. Примерно между вторым и третьим винтами звук часового механизма изменился: тиканье перешло в скрежет. Мистер Моултри лежал, обливаясь потом, с остекленевшими глазами и дергающейся в приступе безумного страха головой. За короткое время он потерял не меньше пяти фунтов веса.

Мистер Лайтфут достал из ящика с инструментами маленький пузырек синего цвета. Открыв пузырек, он подцепил кончиком указательного пальца немного жирной смазки, напоминавшей цветом кожу утря. Плюнув на эту субстанцию, он стал втирать ее в шов, опоясывающий бомбу. Потом, ухватившись за стабилизаторы, он попытался повернуть их против часовой стрелки, но ничего не

получилось. После этого мистер Лайтфут попробовал повернуть хвостовую часть бомбы в противоположном направлении, однако и на этот раз его усилия не дали результата.

— Вот незадача! — Мистер Лайтфут посуровел и неодобрительно нахмурил брови. — Но со мной не балуй!

Снова взявшись за миниатюрный молоток, он еще раз простучал все отверстия, из которых только что выкрутил винты. Тут мистер Моултри потерял еще несколько унций веса: его штаны внезапно насквозь промокли. А мистер Лайтфут снова крепко ухватился за стабилизаторы обеими руками и сильно надавил на них.

Медленно, не желая поддаваться, с пронзительным *скри-и-и-ик* хвостовая часть бомбы стала поворачиваться. Откручивать бомбе «хвост» было крайне тяжело, и мистер Лайтфут время от времени был вынужден делать передышку, чтобы размять затекшие пальцы. Потом он снова брался за оперение бомбы с упорством медведя, вцепившегося в ветку дерева. В конце концов хвостовая часть высвободилась, открыв электронные схемы, замысловатое переплетение разноцветных проводов и черные блестящие пластиковые цилиндры, напоминавшие спинки та-
раканов.

— Ого! — пораженно выдохнул мистер Лайтфут. — Вот это красотища!

— Он убьет меня! — простонал мистер Моултри. — Убьет до смерти!

Скрежет сделался громче. С помощью металлического зонда мистер Лайтфут прощупал маленькую красную коробочку, из которой доносился шум. Затем проделал то же самое собственным пальцем, а убрав его, удовлетворенно присвистнул:

— Ага! Потихоньку нагревается.

Мистер Моултри заплакал, хлюпая носом, слезы текли тонкой струйкой из опухших глаз.

Ловкие пальцы мистера Лайтфута снова принялись за дело, прощупывая проводки до мест их подключения. Над красной коробочкой поднимались волны теплого воздуха. Мистер Лайтфут в задумчивости потер подбородок.

— Знаете,— проговорил он,— возникла одна проблема...

Мистер Моултри весь дрожал, казалось, он вот-вот потеряет сознание.

— Видите ли,— мистер Лайтфут легонько постучал по подбородку пальцем, напряженно размышляя,— всю жизнь я только чинил вещи. Я никогда не ломал их.

Глубоко вдохнув воздух, он так же медленно выпустил его из легких.

— А здесь, сдается мне, без маленькой поломки никак не обойтись.— Он утвердительно кивнул.— Господи! Рука не поднимается разбивать такую красоту.

Он выбрал другой молоток, более тяжелый.

— Но делать нечего.

И он с силой опустил молоток на красную коробочку, пластиковое покрытие которой с треском раскололось от края до края. Мистер Моултри до крови прикусил язык. Сняв красные пластиковые половинки, мистер Лайтфут принялся рассматривать механизмы и проводки, открывшиеся внутри коробочки.

— Одна тайна внутри другой,— пробормотал он.

После чего порылся в своем ящичке и вытащил маленькие кусачки для проволоки, новенькие, еще с магазинной биркой, на которой значилась цена — 99 центов.

— Ну ладно,— сказал он бомбе и вздохнул.— Смотри только не рыгни мне в лицо.

— О Господи, о Иисус в небесах, о райские врата, откройтесь мне, ибо я иду к вам,— забормотал, задыхаясь, мистер Моултри.

— Когда доберетесь туда, скажите святому Петру, что старого монтера ему осталось ждать недолго.

Сказав это, мистер Лайтфут потянулся кусачками к паре проводков, перекрещивавшихся у самого сердца механизма,— одному черному, другому белому.

— *Подождите*,— вдруг прошептал мистер Моултри.— Подождите...

Рука мистера Лайтфута замерла.

— Я должен облегчить душу,— торопливо проговорил мистер Моултри, тараща глаза не хуже танцора на плакате.— Мне надо исповедаться, пробиться к свету, чтобы попасть на небеса. Послушайте, что я скажу...

— Я слушаю,— отозвался мистер Лайтфут, сидя рядом с бомбой, механизм которой продолжал работать.

— Джеральд и я... мы с ним... но в основном это затея Джеральда... я с самого начала хотел от всего отказаться... но сейчас... сейчас устройство уже запущено и... оно работает в десять утра. В первый день после Рождества. Слышите меня? В десять утра. Там ящик, полный динамита, а в нем — часовой механизм. Мы заплатили Блэйлоку Большое Дуло... и он достал его для нас.

Мистер Моултри с трудом сглотнул, как видно ощущая адское пламя, уже начавшее припекать ему задницу.

— Бомба заложена так, чтобы взорвать Музей гражданских прав. Мы... но это была идея Джеральда, он все задумал, когда узнал, что Леди собирается строить этот музей. Послушайте меня, Лайтфут.

— Я слушаю вас,— спокойно и тихо отозвался негр.

— Богом клянусь, я не знаю точно, где лежит бомба. Джеральд спрятал ее где-то возле музея или Центра досуга. Но бомба уже там, и она взорвется на следующий день после Рождества ровно в десять часов утра.

— Вот как? — спросил мистер Лайтфут.

— Именно так, истинная правда! И пусть Бог теперь заберет меня на небо, потому что я очистил свою душу!

— Ага-ага!

Мистер Лайтфут протянул руку. Подцепив черный проводок, он щелкнул кусачками, и тот оказался перерезанным пополам. Но бомбу не так-то легко было заставить молчать.

— Вы слышите меня, Лайтфут? Этот ящик с динамитом уже сейчас там, возле музея!

Мистер Лайтфут подцепил кусачками белый проводок. На его скулах напряглись желваки, на лбу мелкой россыпью алмазного порошка блеснул пот.

— Нет, — ответил он, — ее там нет.

— Чего нет?

— Бомбы нет. Теперь уже нет. Бомбу нашли. А теперь я перережу последний проводок.

Рука Лайтфута задрожала.

— Возможно, я ошибся и сначала нужно было перерезать другой провод. Теперь может всякое случиться.

— Господи, помилуй меня! — запричитал мистер Моултри. — Клянусь, что буду хорошим мальчиком до конца своих дней, только дай мне еще пожить!

— Ну что ж, перережаю! — сообщил мистер Лайтфут.

Мистер Моултри крепко зажмурил глаза. Кусачки тихо щелкнули.

Б-БА-А-А-А-БАХ!

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Посреди оглушительного вихря огня и разрушения мистер Моултри пронзительно закричал.

Но когда его крик стих, то вместо ангельских арф или пения чертей «Он был веселым и хорошим парнем» он услышал уже знакомое «ага».

Мистер Моултри изумленно таращил глаза.

А мистер Лайтфут широко улыбался. Он задул синеватый огонек пламени на отрезанном конце белого провода. Бомба была укрощена и лежала тихо и неподвижно. Мистер Лайтфут заговорил голосом, охрипшим после того громкого вопля, который он только что исторг в самое ухо Моултри.

— Прошу прощения, — улыбнулся он, — но случай был такой, что никак невозможно было удержаться.

Казалось, из мистера Моултри выпустили воздух, словно из воздушного шара, который проткнули насквозь. Испустив тихое шипение, он потерял сознание.

Глава 5

ШЕСТНАДЦАТЬ КАПЕЛЬ КРОВИ

Я вернулся домой.

Ящик с динамитом, снаряженный часовым механизмом и взрывателем, с дополнительной пашкой, добавленной щедрой рукой Блэйлока Большое Дуло, действительно был найден вскоре после того, как я поведал Леди, кто и при каких обстоятельствах являлся мне в снах. Разглядывая снимок в журнале, я, должно быть, накрепко запомнил его, и после истории с горящим крестом, а тем более после того, как я стал свидетелем ночной сделки в лесу, я подсознательно знал, что могло содержаться в ящике. Вот почему я несколько раз сбивал с прикроватного столика тикающий будильник. Единственным слабым местом в этом логическом построении оставалось то, что до своего визита в Музей гражданских прав я никогда не видел фотографии девочек-негритянок, погибших во время взрыва в баптистской церкви на 16-й стрит. Не уверен, но, может быть, их фотография тоже была в журнале «Лайф». Впрочем, мама выбросила журнал, и сказать что-то наверняка было невозможно.

Леди поняла, что к чему, как только я описал ей свои сны. Она привлекла всех посетителей Центра досуга на

поиски деревянного ящичка, который мог находиться либо в самом Центре, либо в Музее гражданских прав, либо где-то поблизости на улице. Поиски закончились безрезультатно, хотя мы обшарили все вокруг. Потом Леди вспомнила, что мистер Харджисон служит почтальоном. На Букхарт-стрит, прямо перед Центром, был большой почтовый ящик. Чарльз Дамаронд подсадил Гэвина, тот заглянул внутрь, и мы все услышали, как он крикнул: «Нашел!» Гэвин не сумел вытащить ящичек, потому что тот был слишком тяжел для него. Вызвали шерифа Марчетта, явившегося вместе с зефирским почтмейстером мистером Конрадом Оутмэном, который принес ключ. В деревянном ящичке оказалось столько динамита, что им можно было взорвать не только Музей гражданских прав, но и Центр досуга, а заодно и два-три близлежащих дома. Оказывается, за четыре сотни долларов можно устроить очень большой взрыв.

Мистер Харджисон отлично знал, когда достают письма из почтовых ящиков. Никто не должен был туда соваться до полудня 26 декабря, поэтому таймер был установлен ровно на 10 часов утра. По словам шерифа Марчетта, бомба была изготовлена настоящим профессионалом: часовой механизм можно было установить так, чтобы он сработал через двенадцать, двадцать четыре и даже сорок восемь часов. Он попросил Леди не разглашать известие о находке, потому что не хотел, чтобы мистер Моултри или мистер Харджисон узнали об этом раньше, чем с внутренностей ящичка будут сняты отпечатки пальцев. По возвращении домой из Братона мы с мамой обо всем рассказали отцу, и тот, конечно, держал язык за зубами, когда вместе с шерифом Марчеттом находился в доме Моултри и там появился мистер Харджисон. Признание мистера

Моултри завершило дело, поскольку полиция обнаружила на бомбе отпечатки пальцев мистера Харджисона. Их обоих препроводили в бирмингемский офис Федерального бюро расследований, и, понятное дело, их имена надолго исчезли из списка жителей нашего города.

Торжества по случаю открытия Музея гражданских прав удались на славу. Кошмарные сны с участием четырех девочек-негритянок больше не посещали меня. Теперь, если бы вдруг мне захотелось их увидеть, я знал, куда идти.

В последовавшие за Рождеством дни главной темой разговоров были две бомбы — та, что упала на город с реактивного самолета, и та, которую нашли в почтовом ящике рядом с Музеем гражданских прав в Братоне. Бен, Джонни и я устроили дискуссию о том, действительно ли мистер Лайтфут боялся перерезать проводки бомбы или нет. Бен считал, что на месте мистера Лайтфута любой бы испугался, а мы с Джонни придерживались точки зрения, что в области механики, пусть даже дело касалось бомбы, монтер-негр был таким же асом, как Немо Керлисс в бейсболе, и, глядя на проводки, он точно знал, что делает в каждое мгновение. Кстати, в Бирмингеме Бен повидал кое-что любопытное. Вместе с родителями он гостил у своего дяди Майлса, служащего одного из городских банков, и дядя устроил Бену экскурсию в подвал, где хранятся деньги. Теперь единственное, о чем мог говорить Бен, — какой приятный аромат у денег и как красив их зеленый цвет. Он рассказал, что дядя Майлс даже дал ему подержать пачку из пятидесяти стодолларовых купюр, от которых Бен до сих пор испытывает приятное покалывание в пальцах. Бен объявил, что хоть и не решил еще, чем будет заниматься в жизни, но одно знает наверняка: его будущее будет связано с деньгами, большими-большими

деньгами. Слушая Бена, мы почувствовали, как нам не хватает Дэви Рэя: уж он-то нашел бы, что ему ответить.

Джонни получил два рождественских подарка, о которых давно мечтал. Первым был полицейский комплект с номерным значком, справочником полицейского, комплектом для снятия отпечатков пальцев, наручниками и порошком, который пристаёт к обуви грабителей и обнаруживается только под ультрафиолетовым светом. Вторым подарком был специальный деревянный ящичек для коллекций с множеством отсеков, в котором удобно хранить и демонстрировать наконечники для стрел. Джонни уже заполнил все отсеки, оставив только один-единственный для идеально гладкого наконечника вождя Пять Раскатов Грома, если, конечно, тот соизволит когда-нибудь вернуть его Джонни.

Оставался невыясненным лишь один вопрос, касающийся бомбы и мистера Лайтфута. Мама задала его на третий день после Рождества, когда на крыши домов Зефира лил холодный дождь.

— Том? — спросила она.

Мы сидели в гостиной и грелись перед пылающим камином. Я читал «Золотые яблоки Солнца» — эту книгу с недавних пор невозможно было вырвать у меня из рук даже силой.

— Скажи мне, каким образом мистер Лайтфут оказался в доме Моултри? Не думаю, что он добровольно вызвался разминировать бомбу.

Отец ничего не ответил.

Точно так же как родители каким-то шестым чувством догадываются о настроении своих детей, так и дети чувствуют настроение своих родителей. Я отложил книгу. Отец как ни в чем не бывало продолжал читать газету.

— Том, так ты не знаешь, кто велел мистеру Лайтфуту это сделать?

Отец откашлялся и прочистил горло.

— Можно сказать, что знаю,— тихо отозвался он.

— И кто же это был?

— Можно сказать... что я приложил к этому руку.

— Ты приложил руку? Каким же образом?

Отец оставил газету, очевидно поняв, что придется выложить все до конца.

— Я... съездил к Леди и попросил ее помочь.

Мама потрясенно молчала. В окно барабанил дождь, в камине трещало полено.

— Я так поступил, решив, что это единственный шанс для Дика. После того, что она сделала с патронташем Большого Дула... в общем, я подумал, что, может быть, она сумеет ему помочь. И я оказался прав. Леди тут же, прямо при мне, позвонила Маркусу Лайтфуту.

— Так ты был у Леди дома? Ушам своим не верю! Ты сам пришел к Леди?

— Да, я побывал у нее. Сидел в ее кресле. Она угостила меня чашечкой кофе.

Отец пожал плечами.

— Честно говоря, я ожидал увидеть высохшие черепа на стенах и пауков «черная вдова» в каждом углу. Но ничего такого я не заметил. Я даже не знал, что она верующая.

— Ты был в доме у Леди,— повторила мама.— Не могу поверить! И это после всех твоих страхов — ты вдруг сам явился к ней!

— Я никогда не боялся Леди,— поправил маму отец.— Просто мне было немного не по себе, когда я думал о ней, только и всего.

— И она согласилась помочь Дику Моултри? Зная, что это он подложил бомбу к музею в Братоне?

— Как тебе сказать... там все было совсем не так просто,— признался отец.

— Не так просто? — Мама ждала продолжения, но отец замолчал.— Я хотела бы услышать, как все было,— сказала мама.

— Она заставила меня пообещать, что я к ней загляну. Говорит, одного взгляда на меня достаточно, чтобы понять: меня что-то гложет изнутри, просто ест заживо. Ей даже не нужно было видеть меня, это заметно и на твоём лице, Ребекка, и на лице Кори. Будто бы это утопленник на дне озера Саксон не дает нам всем покоя.

Отложив газету, отец устремил взор на огонь.

— И знаешь, она права. Я пообещал прийти к ней завтра в семь часов вечера. Я собирался тебе все рассказать. А может быть, и не сказал бы ничего, не знаю.

— Это все твоя гордость, Том,— упрекнула его мама.— Выходит, ты сделал для Дика Моултри то, что отказался сделать для меня.

— Не совсем так, Ребекка. Просто я тогда не был готов прийти к Леди. А Дику была нужна помощь, и я нашел ее для него. А теперь я готов обратиться к ней за помощью для себя и для вас с Кори.

Поднявшись из кресла, мама подошла к отцу и встала за его спиной. Опустив руки ему на плечи, она прислонилась подбородком к его затылку. Я взглянул на их тени и увидел, что они слились в одну. Отец поднял руку и обнял маму за шею. Несколько мгновений они так и стояли, прижавшись друг к другу, под треск огня в камине.

И вот настал вечер, когда отец должен был отправиться к Леди.

Мы подъехали к ее дому без десяти минут семь. Мистер Дамаронд открыл нам дверь. Отец без всяких колебаний переступил порог дома Леди, все его страхи улетучились. К нам вышел Человек-Луна в халате и домашних туфлях и предложил отведать сухих крендельков, посыпанных солью. Миссис Дамаронд сварила нам кофе с цикорием по-новоорлеански, и мы подождали в гостиной, пока Леди готовилась принять нас.

Свои подозрения относительно дока Лезандера я решил пока держать при себе. Я все никак не мог поверить, что док Лезандер, который был так добр и внимателен к Бунтарю, может оказаться жестоким убийцей. Я составил цепочку из двух попугаев, но в конце этой цепочки не было звена, которое соединяло бы ее с доктором Лезандером и мертвецом на дне озера Саксон. Кроме зеленого перышка, у меня не было ничего — одни догадки. Разве тот факт, что доктор не любит молоко и не спит по ночам, делает его убийцей? Прежде чем я расскажу родителям о своих подозрениях, я должен запасть куда более весомыми доказательствами.

Нам не пришлось долго дожидаться. Мистер Дамаронд пригласил нас следовать за ним, но провел нас он не в спальню Леди, а в комнату напротив. Там нас дожидалась Леди, сидевшая на стуле с высокой спинкой перед раскладным карточным столиком. На ней не было ни мантии жреца культа вуду, ни шляпы колдуна — она надела обычное темно-серое платье с булавкой в форме танцующего арлекина на отвороте. Но эта комната определено была ее приемной, на полу лежал плетенный из тростника коврик, а в углу в большом глиняном горшке росло кривое деревце. Выкрашенные бежевой краской стены

были голыми. Мистер Дамаронд вышел, закрыв за собой дверь, после чего Леди кивнула моему отцу:

— Присядайте, Том.

Отец повиновался. Я знал, что папа нервничает: он слотнул, и в горле у него щелкнуло. Когда Леди взяла с пола докторский саквояж, стоявший возле стула, отец чуть вздрогнул. Поставив саквояж на стол, Леди раскрыла его.

— Надеюсь, будет не больно? — спросил отец.

— Не знаю. Это от многого зависит.

— От чего?

— Насколько глубоко нужно будет залезть, чтобы добраться до истины, — ответила Леди.

Она опустила руку в саквояж и достала оттуда что-то завернутое в кусок синей ткани. Развернув ткань, она поставила на стол серебряную шкатулку филигранной работы и положила рядом колоду карт. Вслед за картами на стол лег листок бумаги для пишущих машинок. В свете лампы я увидел на бумаге водяные знаки «Нифти» — точно таким же сортом я пользовался, печатая свои рассказы. Вслед за бумагой Леди достала из саквояжа аптекарский пузырек с тремя речными камушками-гольщиками: один был черный, как эбеновое дерево, другой — красновато-коричневый, третий — белый с серыми полосками.

— Раскройте правую руку, — сказала она отцу и, когда тот исполнил ее просьбу, вытряхнула из пузырька речные гольши ему на ладонь. — Теперь потрите камни в руке, — велела она отцу.

Услышав эту просьбу, отец нервно улыбнулся, но повиновался.

— Эти камни случайно не из живота Старого Моисея?

— Нет. Это простые гольши, я сама их нашла. Покажите их в руке, они успокоят вас.

— Хорошо,— отозвался отец, и камни зашуршали в его ладони.

Мы с мамой стояли в стороне, не желая мешать Леди, что бы там она ни собиралась делать. Я терялся в догадках, чего следует ожидать. Может быть, сейчас начнется церемония с факелами, когда люди танцуют, образовав круг, и безумно орут? Хотя на это пока не было похоже. Леди принялась тасовать колоду. Судя по тому, как ловко она это делала, можно было подумать, что она давала уроки Маверик¹.

— Расскажите мне о своих снах, Том,— попросила она под монотонный шелест летящих между ее гибкими пальцами карт.

Отец с тревогой оглянулся на нас.

— Вы хотите, чтобы они вышли? — спросила Леди, но отец покачал головой.

— Мне снова и снова снится, как автомобиль падает в озеро Саксон. После этого я оказываюсь в воде и вижу сквозь стекло автомобиля мертвеца. Его лицо... оно полностью разбито. На его запястьях — наручники. Вокруг горла затянута рояльная струна. Машина погружается в пучину, вода заливают салон... — Отец на секунду замолчал. Камешки щелкали в его руке. — И тут утопленник поворачивается ко мне и улыбается. На его разбитом лице улыбка выглядит особенно ужасно. А потом он начинает говорить, и голос звучит глухо... словно грязь булькает в его горле.

— Что он говорит вам?

— Он говорит... он говорит мне: «Пойдем со мной вниз, в темноту».

¹ Маверик — герой сериала 1957–1962 годов о знаменитом азартном игроке с Дикого Запада.

Лицо отца исказилось от боли. Глядя на него, я тоже страдал.

— Именно это он и говорит мне обычно: «Пойдем со мной вниз, в темноту». Потом он протягивает ко мне руку, ту, на которой нет наручника. Он тянет руку, и я отшатываюсь, потому что ни за что на свете не могу позволить ему прикоснуться ко мне. На этом сон кончается.

— У вас бывают и другие сны?

— Бывают иногда, но этот повторяется особенно часто. Иногда мне кажется, что я различаю доносящуюся откуда-то издалека музыку, словно кто-то играет на пианино или рояле. Иногда мне кажется, что я слышу, как кто-то громко кричит, но разобрать слова невозможно. Иногда я вижу пару рук: в одной из них рояльная струна, а в другой — толстая деревянная дубинка, обмотанная черной изолянтной. Лица в снах, как правило, расплывчатые, будто я вижу их сквозь кровь, которая заливает мне глаза, а иногда я едва могу сфокусировать взгляд. Но все-таки чаще всего я вижу во сне падающую в озеро машину.

— Ребекка рассказывала вам, что иногда я тоже вижу обрывки ваших снов? — спросила Леди, не прекращая тасовать карты. Звук был гипнотическим, успокаивающим. — Как и вы, я тоже слышу фортепианную музыку и вижу рояльную струну и бейсбольную битку. Я видела и татуировку, но больше ничего.

Леди тихо улыбнулась.

— Сдается мне, Том, что мы во сне подключены к одной и той же розетке, но на вашу долю достается больше электричества. Что скажете?

— Вам виднее, ведь это вы мистик, а не я, — ответил отец.

— Точно, я. По крайней мере, так считают. Но у всех людей, Том, во сне открывается особое зрение. Все люди, кто больше, кто меньше, видят во сне отдельные лоскутки одеяла. Вышло так, что вы, Том, оказались ближе всех к иному, не нашему миру. Ближе меня, Том. Вот такие дела.

Отец продолжал катать в ладони камушки. Леди тасовала карты и ждала.

— Сначала я видел сны сразу, как засыпал,— заговорил он.— Но потом сны начали приходить, когда я вообще не спал и даже днем. Мережится одно и то же, раз за разом — лицо за окном машины и распухшие губы, которые зовут: «Пойдем со мной вниз, в темноту». Я слышу этот голос, словно в горле у него булькает донная грязь и я... Я уже близок к помешательству, потому что никак не могу от этого избавиться. Совсем не отдыхаю. А по ночам я не сплю, просто боюсь заснуть...— Голос отца смолк.

— Чего вы боитесь? — попыталась помочь Леди.

— Боюсь... снова услышать мертвеца, боюсь, что он заставит меня сделать то, чего желает.

— Чего же он хочет от вас, Том?

— Думаю, он хочет, чтобы я убил себя,— глухо ответил отец.

Леди перестала тасовать карты. Рука мамы нашла мою руку и крепко сжала ее.

— Мне кажется, он хочет, чтобы я пришел к озеру и утопился. Он ждет меня к себе вниз, в темноту.

Леди пристально смотрела на отца, казалось, что ее изумрудные глаза вбирают в себя свет.

— Зачем же ему это нужно, Том?

— Не знаю. Может быть, ему одиноко там, внизу.

Отец попытался улыбнуться, но у него ничего не вышло: губы его не слушались.

— Я хочу, чтобы вы крепко-крепко подумали. Вспомните, что говорит утопленник, слово в слово.

— Да. Он говорит мне: «Пойдем со мной вниз, в темноту». Он говорит это неразборчиво, потому что у него разбита челюсть и в горле что-то клокочет. Грязь, или кровь, или вода, не знаю... но слова точно такие.

— И больше ничего? Он не называет вашего имени?

— Нет, ничего такого.

— Вам не кажется это забавным, Том? — спросила отца Леди.

Отец хмыкнул.

— Знаете, я давно уже не нахожу в этом ничего забавного!

— Дело вот в чем: мертвец имеет возможность поговорить с вами — передать послание с того света — и тратит все время на то, чтобы склонить вас к самоубийству. Почему бы ему не сказать вам, кто его убил?

Отец мигнул. Теперь настала его очередь прекратить катать в ладони камушки.

— Я... я никогда не задумывался об этом.

— Тогда подумайте теперь. У мертвеца есть голос, пусть даже и не слишком разборчивый. Почему бы ему не назвать имя убийцы?

— Не знаю. По-моему, он бы сделал это, если бы мог.

— Он назвал бы это имя, — согласилась Леди. — Если бы знал, что разговаривает с *вами*.

— Не понимаю.

— Может быть, в эту розетку включены три вилки?

Лицо отца озарилось пониманием. Точно так же, как и мое лицо, и лицо мамы.

— Мертвец разговаривает вовсе не с вами, Том,— сказала Леди.— Он разговаривает со своим убийцей.

— Вы... хотите сказать, что я...

— Вы видите сны убийцы, Том, точно так же, как я вижу ваши сны. Господи, Том! Похоже, во сне у вас открывается зоркое око!

— Значит, он не хочет... чтобы я убил себя за то, что не смог вытащить его из машины?

— Нет,— ответила Леди.— Я в этом уверена.

Отец зажал свободной рукой рот. В его глазах заблестели слезы, и я услышал, как мама рядом со мной всхлипнула. Отец наклонил голову вперед. На стол упала одна-единственная слеза.

— Теперь надо сделать разрез поглубже,— сказала Леди, кладя руку на предплечье отца.— Это будет больно, но принесет вам облегчение, Том. Словно вырезать из тела рак.

— Да.— Голос отца звучал хрипло.— Да.

— Если хотите, можете выйти и полчаса погулять, а потом возвращайтесь назад.

Плечи отца задрожали. Непомерная ноша покидала его, тонна за тонной. Он глубоко, с усилием вдохнул воздух, словно человек, чья голова только что показалась на поверхности темных вод.

— Со мной все в порядке,— сказал он, но так и не поднял глаз.— Дайте мне всего минуту.

— Я не тороплю вас, подождем сколько нужно.

Наконец отец взглянул на Леди. Он по-прежнему оставался тем же человеком, что и мгновение назад; его лицо все так же было изрезано морщинами, а подбородок немного отвис. Но в глазах его появился свет, словно он снова стал мальчишкой. Он был свободен.

— Наверно, вы пытаетесь угадать, кто убийца? — спросила отца Леди.

Отец кивнул.

— На том берегу реки у меня много друзей. Доживете до моих лет, Том, и у вас там друзей будет больше, чем на этом берегу. Они видят и знают гораздо больше нас и иногда говорят об этом мне. Но они обожают играть со мной в игры, загадывать всякие шарады. Ни разу в жизни я не получила от них четкого и прямого ответа на свой вопрос. Ответ всегда был уклончивым, но я не помню ни одного случая, чтобы обитатели того берега ошиблись. Как вы посмотрите на то, что я обращаюсь к ним по этому поводу?

Леди спросила отца так, словно говорить о таких вещах для нее было делом привычным.

— Я не возражаю.

— У вас не должно быть возражений. Вы ведь твердо решили, Том?

— Да, — после краткого колебания ответил отец.

Открыв серебряную шкатулку, Леди вытряхнула на стол шесть небольших гладких костей.

— Положите на стол голыши, — приказала она отцу. — А это возьмите в правую руку.

Отец брезгливо посмотрел на то, что лежало перед ним на столе.

— Это обязательно? — спросил он.

Леди ответила не сразу. Потом вздохнула и сказала:

— Вовсе нет. Эти кости создают нужное настроение, только и всего.

Быстрым движением руки Леди смахнула со стола кости обратно в серебряную шкатулку и отставила ее в сторону. Потом снова взялась за саквяж. На этот раз на сто-

ле появился флакон с прозрачной жидкостью и пластмассовая коробочка с ватными тампонами. Поставив все это между собой и отцом, Леди откупорила бутылочку.

— Оставьте в покое голыши, Том,— сказала она отцу.— И дайте мне указательный палец.

— Зачем?

— Затем, что я об этом прошу.

Отец повиновался. Откупорив пузырек, Леди перевернула его, смочив один из ватных тампонов, после чего протерла тампоном кончик указательного пальца отца.

— Это спирт,— объяснила она.— Я купила его у доктора Пэрриша.

Взяв лист бумаги, она положила его на стол. Потом развернула нечто, находившееся в куске синей ткани. Это была палочка с двумя иглами на одном из концов.

— Не отдергивайте палец,— предупредила Леди отца, взяв в руку палочку с иглами.

— Что вы собираетесь делать? Вы что, хотите уколоть меня этим?

Быстро качнувшись вниз, иглы впились в кончик отцовского пальца.

— Ой! — вскрикнул он.

Я тоже вздрогнул, даже почувствовал в кончике указательного пальца фантомную боль. Через мгновение в дырочках, пробитых иглами, появилась кровь.

— Держите палец так, чтобы кровь не попадала на бумагу,— велела Леди отцу.

После этого, действуя очень быстро, она протерла спиртом кончик собственного указательного пальца на правой руке, а левой резко уколола себя иглой. У нее тоже потекла кровь.

— Теперь задавайте свои вопросы,— сказала она.— Проговорите их отчетливо, но не вслух, а про себя. Спра-

шивайте так, будто ожидаете, что вам сразу ответят. Давайте говорить.

— Сделано,— сказал отец через несколько секунд.— Что теперь?

— Какого числа машина упала в озеро Саксон?

— Шестнадцатого марта.

— Капните восемь капель крови в центр листа. Не жалейте. Восемь капель — ни больше ни меньше.

Отец сдвинул кончик пальца, и капли крови закапали на бумагу. Леди добавила на белый лист бумаги восемь капель своей крови.

— Хорошо, что это случилось не тридцать первого,— пробормотал отец.

— Возьмите бумагу в левую руку и скомкайте так, чтобы кровь оказалась внутри,— приказала Леди отцу, не обращая внимания на его шутку.

Отец сделал все так, как она сказала.

— Держите бумагу и повторите свои вопросы вслух.

— Кто убил человека, который лежит на дне озера Саксон?

— Сожмите бумагу крепче,— сказала отцу Леди, зажимая ранку на своем кровоточащем пальце другим ватным тампончиком.

— Ваши друзья сейчас здесь? — спросил отец, стискивая левой рукой бумажный комочек.

— Мы скоро все узнаем, чуточку терпения.

Леди вытянула вперед левую руку, раскрыв ладонь.

— Отдайте бумагу мне.

Как только она оказалась на ее ладони, Леди строго проговорила, обращаясь в пустоту:

— А теперь не выставляй меня душой. Вопрос, который ты слышала, очень важный и заслуживает ответа. И по

возможности, поменьше загадок. Нам нужен ответ, который мы могли бы понять. Надеюсь, ты поможешь нам.

Леди замолчала и ждала, наверно, секунд пятнадцать. Потом бросила скомканный листок бумаги на середину стола.

— Разверните бумагу, Том.

Отец послушно принялся разворачивать листок. Сердце мое бешено колотилось. Если бы я увидел написанное кровью имя «доктор Лезандер», наверно, тут же грохнулся бы в обморок.

Когда листок наконец был развернут и разглажен на столе, мы с мамой заглянули туда через плечо отца. В самом центре листка расплылось большое пятно крови, несколько капелек поменьше кольцом окружали его со всех сторон. Я не смог бы разглядеть в этом беспорядке имя, даже если бы речь шла о моей жизни. Леди несколько секунд рассматривала бумагу, а потом, достав из саквояжа карандаш, принялась соединять между собой отдельные пятнышки.

— Я ничего не вижу,— признался отец.

— Нужно верить,— сказала Леди.

Как замороженный, я следил за тем, как кончик карандаша скользит по бумаге от одного пятнышка крови к другому. За карандашом тянулась длинная изогнутая линия.

Кончик карандаша продолжал двигаться, и неожиданно я понял, что вижу перед собой цифру «3».

Карандаш снова вывел кривую.

Вторая тройка. Карандаш остановился и оторвался от бумаги. Все пятна крови были соединены между собой.

— Вот все, что мы получили,— сказала Леди, нахмурившись.— Две тройки.

— Но это не имя, верно? — спросил отец.

— Они снова решили заставить меня поломать голову. Хотела бы я, чтобы на этот раз они предложили загадку *полегче!*

Леди в раздражении отбросила от себя карандаш.

— Что ж, это все, чем мы располагаем,— сказала она.

— Неужели *это* все? — Отец пососал уколотый палец.— Вы уверены, что сделали все правильно?

Взгляд, которым Леди удостоила отца, невозможно описать словами.

— Две тройки,— повторила она.— Вот и весь ответ. Может быть, это тридцать три. Если мы догадаемся, что это значит, раскроем имя убийцы.

— Не знаю никого, у кого бы было по три буквы в имени или фамилии. Или это адрес?

— Понятия не имею. Все, что мне известно,— эти две тройки, что я вижу перед собой.

Леди подтолкнула измятый листок к отцу — теперь бумага, которой надлежало оберегать его от душевной боли и неприятностей, принадлежала ему.

— Извините, Том, но это все, что я могу сделать.

— Понимаю,— сказал отец, вставая и беря со стола бумагу.

Как только это было сказано, Леди тотчас сняла маску официальности и снова превратилась в общительную пожилую женщину. Она сказала, что чувствует запах свежего кофе и шоколадного рулета, приготовленного миссис Перл из булочной «Бейк-шопп». Отец, который до визита к Леди ел как птичка, умял два огромных куска рулета, запив их двумя чашками черного кофе с цикорием. Они с Человеком-Луной поговорили немного о том памятном дне, когда семейство Блэйлоков потерпело поражение в схватке с законом у автобусной остановки компа-

нии «Трэйлвейз». Отец посмеялся, вспомнив, какой ужас охватил Большое Дуло, когда он вместо патронов обнаружил в своем подсумке садовых змеек.

Отец выздоровел и снова стал самим собой, может быть, даже лучше прежнего.

— Спасибо вам за все, — сказал он Леди, когда мы уже стояли в дверях.

Мама взяла ее за руку и поцеловала в черную, как эбенное дерево, щеку. На прощание Леди взглянула на меня своими зелеными, сияющими, как изумруд, глазами.

— Ты по-прежнему собираешься стать писателем? — спросила она.

— Я еще не решил, — ответил я.

— Мне кажется, писатель держит в своих руках множество ключей. За свою жизнь он успевает посетить огромное количество миров и побывать в шкуре самых разных людей. А если писателю повезет и он по-настоящему талантлив, ему выпадает шанс жить вечно. Как тебе это нравится, Кори? Тебе хотелось бы жить вечно?

Я подумал об этом. Вечность, так же как и небеса, были понятиями, подразумевавшими невероятную протяженность времени.

— Нет, мэм, — наконец ответил я. — Я бы просто устал.

— Ты должен понимать, — сказала она, положив мне руку на плечо, — что я веду речь о голосе писателя, о его книгах — они-то и живут вечно, в отличие от мальчишка, который вырастет, и мужчины, который когда-нибудь умрет.

Леди наклонилась ко мне, приблизив лицо. Я почувствовал исходившее от нее тепло жизни, словно в глубине ее тела горело неугасимое солнце.

— Тебя будут целовать девушки, много девушек,— прошептала она мне.— Ты тоже будешь целовать девушек. Но *это* ты должен запомнить навсегда.

Она легко поцеловала меня в лоб.

— Помни во все следующие лета, полные поцелуев и девушек, что первой, кто тебя поцеловал,— на ее старом, но прекрасном лице появилась улыбка,— была Леди.

После этого мы отправились домой. Взяв телефонную книгу, отец проштудировал все страницы, разглядывая и сравнивая имена, изучая адреса в поисках заветного числа 33. Оно встречалось в адресах двух частных домов и одного офиса. То были: Филип Колдуэлл, Риджетон-стрит, 33; Дж. И. Грэйсон, Дирман-стрит, 33, и «Крафтс Барн» на Мерчантс-стрит, 33. По словам отца, мистер Грэйсон ходил в одну с нами церковь и ему было около девяти лет. Что касается мистера Филипа Колдуэлла, то, насколько мог припомнить отец, тот служил коммивояжером в компании «Вестерн Авто» в Юнион-Тауне. В «Крафтс Барн» всем заведовала женщина с голубыми волосами по имени Эдна Хатауэй, которую мама немного знала. По маминим словам, было весьма сомнительно, что миссис Хатауэй, дама преклонного возраста, которая не отваживается на прогулки по городу в одиночестве, имеет какое-либо отношение к трагедии на озере Саксон. Отец решил нанести визит мистеру Колдуэллу завтра, с утра пораньше, пока тот не уехал на работу.

Любая тайна не могла оставить меня равнодушным и гнала из постели. Я был умыт и причесан, не успела стрелка часов указать на цифру 7, и отец сказал, что я могу составить ему компанию в поездке к мистеру Колдуэллу, если обещаю держать рот на замке, когда он будет разговаривать с хозяином.

По дороге отец сказал, что я должен понимать: из дипломатических соображений в разговоре с мистером Колдуэллом ему придется прибегнуть к откровенной выдумке. Я был несколько шокирован, услышав от отца такое признание, но напомнил себе, что и сам в последнее время нередко прибегал ко лжи во спасение, поэтому не имею морального права осуждать своего родителя. Так или иначе, оправдание у нас имелось.

Небольшой дом мистера Колдуэлла, сложенный из красного кирпича, находился в четырех кварталах от заправочной станции и был ничем не примечателен. Припарковав пикап у тротуара, мы вылезли из машины и прошли к входной двери. Отец нажал кнопку звонка. Ждать нам пришлось долго. Дверь открыла женщина средних лет с отвислыми щеками и заспанными глазами. На ней был розовый стеганый халат.

— Прошу прощения, мистер Колдуэлл дома? — спросил отец.

— Филип! — крикнула женщина внутрь дома. — Фи-и-ли-и-ип!

Ее голос напоминал циркулярную пилу, на высоких оборотах вгрызающуюся в толстое бревно.

Через минуту перед нами появился седовласый мужчина с галстуком-бабочкой, в коричневых брюках и свитере цвета ржавчины.

— Слушаю вас.

— Здравствуйте, я Том Маккенсон. — Отец протянул мужчине руку. — Я слышал, что вы работаете в компании «Вестерн Авто» в Юнион-Тауне? Вы шурин Рика Спанера?

— Совершенно верно. Вы знаете Рика?

— Одно время мы работали вместе в «Зеленых лугах». Как у него дела?

— Дела у него пошли в гору после того, как он недавно нашел работу. Правда, для этого ему пришлось переехать в Бирмингем. Не завидую Рику, сам бы я ни за что не согласился жить в большом городе.

— Совершенно с вами согласен. По правде сказать, я заявился к вам в такую рань только потому, что сам недавно потерял работу на молочной ферме.

Отец невесело улыбнулся.

— Теперь я работаю у «Большого Пола».

— Я бывал там. Здоровенный магазин.

— Да, сэр, в точности так. Но поэтому мне там и неуютно. Я хотел спросить у вас... э-э-э... гм...

Хотя отец и подготовился к вранью, ложь застряла у него в горле.

— В «Вестерн Авто» для меня не найдется работы?

— Вряд ли. В прошлом месяце мы уже взяли нового человека, так что сами понимаете.— Мистер Колдуэлл нахмурился.— А почему вы пришли ко мне? Могли бы зайти в контору и спросить там.

Отец пожал плечами.

— Решил сэкономить на бензине, только и всего.

— Все равно советую заглянуть в офис и написать заявление. Никогда не знаешь, что случится завтра. Менеджера по кадрам зовут мистер Аддисон.

— Благодарю вас. Возможно, я так и сделаю.

Мистер Колдуэлл кивнул. Отец продолжал топтаться у двери.

— У вас ко мне что-то еще?

Глаза отца внимательно изучали лицо хозяина дома. Мистер Колдуэлл недоуменно поднял бровь.

— Нет,— ответил отец, и по его голосу я понял, что он не нашел ответа на свой вопрос.— Благодарю вас. Извините за беспокойство.

— Пожалуйста, ничего страшного. Советую все-таки заглянуть в офис и написать заявление. Мистер Аддисон подошьет его в папку, и при случае у вас может появиться шанс.

— Хорошо. Обязательно.

Мы возвратились в машину. Запустив двигатель, отец спросил:

— Похоже, с ним мы промахнулись, как ты считаешь?

— Похоже на то, сэр.

Все это время я старался понять, что общего с доком Лезандером могло иметь число 33, но так и не нашел ни одной зацепки. Сплошная пустота.

Как и в баке у нашего грузовичка.

— Ого! — присвистнул отец, взглянув на стрелку.— Придется заправляться. Надеюсь, не возражаешь?

Он улыбнулся мне, и я ответил ему улыбкой.

Мы завернули на стоянку. Мистер Хайрам Уайт, выбравшись из своего святилища радиаторов и ремней передачи, прошаркал к колонке, чтобы накачать нам бензина.

— Отличный денек выдался,— заметил мистер Уайт, поглядывая на голубое небо.

Вновь похолодало. Январь рвался поскорее войти в свои права, словно норовистая лошадка, грызущая удила.

— Это точно,— отозвался отец, прислонившись плечом к двери грузовичка.

— Сегодня не собираетесь устраивать стрельбу?

— Нет, вроде бы ничего такого не намечается.

Мистер Уайт ослабился.

— Скажу тебе честно, Том, это было даже круче, чем по телевизору.

— Слава богу, что никого не убили.

— Да, хорошо еще, что автобус тогда опоздал, а то не обошлось бы без жертв.

— Верно как дождь.

— Слышал о том, как чудище напало на автобус на трассе десять?

— Само собой.

Отец взглянул на часы.

— Эта зверюга едва не перевернула автобус, такую-то махину. Знаешь Корнелиуса Макгроу? Он вот уже восемь лет водит тридцать третий.

— Лично не знаком.

— Так вот, он мне рассказывал, что чудище было здоровенное, что твой бульдозер. А бегаёт быстро, как олень. Он сказал, что в последний момент пытался свернуть в сторону, но зверюга так саданула автобус в борт рогом, что он едва не развалился. Пришлось отправить его на свалку.

— Да ну?

— Точно.

Наполнив бак, мистер Уайт вытащил пистолет из отверстия и вытер его тряпкой, чтобы не испачкать бензином борт нашего грузовика.

— Вчера пришел новый автобус взамен разбитого. Гляжу, а за рулем-то снова старина Корни! И номер тот же — тридцать третий. Выходит, на свете мало что меняется. Как считаешь, Том?

— Никогда об этом не задумывался, — ответил отец и расплатился.

— Поезжай осторожней! — крикнул вслед мистер Уайт.

Мы уже проехали половину дороги к дому, когда отец вдруг сказал:

— Нужно просмотреть телефонную книгу еще раз. Может быть, я все-таки что-то упустил.

Он мельком взглянул на меня, а потом снова перевел взгляд на летевшую под колеса дорогу.

— Выходит, насчет Леди я ошибался, Кори. Она оказалась вполне приличной женщиной.

— Да, сэр.

— Ну и ладно, хорошо, что так все вышло. Теперь, когда я узнал, что этот парень совсем не меня зовет со дна озера, у меня здорово полегчало на душе. А того, кого он зовет, можно только пожалеть. Этот несчастный, наверно, глаз ночью не может сомкнуть, если вообще спит.

«Убийца — “сова”», — вспомнил я слова Вернона. Все, теперь, кажется, пора.

— Папа! — начал я. — Мне кажется, я знаю, кто...

— Господи помилуй! — внезапно воскликнул отец и так ударил по тормозам, что пикап развернуло и вынесло на чью-то лужайку. Мотор содрогнулся и умолк. — Ты слышал, что только что сказал мистер Уайт?

Голос отца дрожал от возбуждения.

— Он сказал «тридцать третий»! «Тридцать третий номер», вот что он сказал!

— Не понял, сэр.

— Автобус компании «Трэйлвейз»! Номер тридцать три! Он несколько раз повторил это, а я и ухом не повел! Может быть, Леди говорила нам именно об этих цифрах?

Я почувствовал прилив гордости, оттого что отец интересуется моим мнением, но все, что я мог ответить, было:

— Не знаю.

— Корнелиус Макгроу точно не мог быть убийцей. Он даже не местный. Но какая связь может существовать между автобусом и убийцей человека, которого сбросили в озеро Саксон?

Отец крепко задумался, стиснув руль. На крыльце появилась женщина с метлой в руках и закричала нам, чтобы мы немедленно убирались, пока она не позвонила шерифу. Мы тут же последовали ее совету.

Развернув грузовик, отец покатиł обратно к заправочной станции. Мистер Уайт вновь появился перед нами на пороге своего заведения.

— Неужто уже успели сжечь полный бак бензина? — поинтересовался он.

Ноединственное, что нужно было отцу, — утолить свое любопытство.

— Когда снова приедет тридцать третий? — торопливо спросил он мистера Уайта, и тот ответил, что ждать автобус следует завтра около полудня.

Отец обещал, что обязательно приедет.

За ужином он сказал маме, что, может быть, он ошибается и из этого ничего не выйдет, но завтра в полдень он обязательно отправится на заправочную станцию, чтобы встретить автобус. Ему нужно видеть вовсе не Корнелиуса Мактроу: он обязательно хочет узнать, кого тридцать третий доставит в Зефир или же заберет из городка.

На следующий день в полдень я был вместе с отцом возле заправки. Мистер Уайт доводил нас до исступления рассказами, как трудно стало нынче достать хороший «годжо», чтобы отмыть руки от машинного масла.

Отец тронул меня за руку и сказал:

— Вот он идет, Кори.

И мы вышли из тени на яркий солнечный свет, чтобы встретить автобус. «Трэйлвейз» под номером 33, четко выведенным на табличке на ветровом стекле, промчался мимо, даже не притормозив, лишь раз приветственно прогудев. Мистер Уайт в ответ помахал мистеру Мактроу рукой.

Отец долго смотрел автобусу вслед, а когда он повернулся к мистеру Уайту, я понял, по тому, как были напряжены его скулы, что у него появилась цель.

— Автобус опять придет послезавтра, Хайрам? — спросил отец хозяина заправки.

— В точности так, Том, — ответил тот. — Ровнехонько в полдень, как часы.

Прищурившись, отец легонько постучал пальцем по губам. Я знал, о чем он думает. Как он сможет встречать автобус в те дни, когда должен будет находиться на работе в «Большом Поле»?

— Хайрам, — сказал он наконец, — ты никогда не думал завести себе на заправке помощника?

— Ну... в общем-то, тут особенно...

— Я согласен на доллар в час, — решительно перебил его отец. — Буду качать тебе бензин, вымету гараж, сделаю все, что ты попросишь. Если нужно будет работать сверхурочно, прекрасно. Доллар в час. Ну что скажешь, Хайрам?

Озадаченно хмыкнув, мистер Уайт оглянулся на свой захламленный гараж.

— Ты как раз напомнил мне, что я давно собирался устроить тут ревизию. Разобрать и пересчитать тормозные колодки, прокладки, шланги радиаторов и все такое. Еще одна пара сильных рук и крепкая спина мне не мешают.

Точь-в-точь Квазимодо — хранитель приводных ремней. Мистер Уайт протянул руку отцу.

— Если тебе действительно нужна эта работа, Том, считай, что ты ее получил. С шести часов утра, если тебя это устраивает.

— Ровно в шесть буду на месте, — отозвался отец, пожимая руку мистеру Уайту.

Чего-чего, а решительности моему отцу не занимать.

В назначенный час автобус опять пролетел мимо заправки, даже не замедлив хода, но отец знал, что он снова прибудет в полдень, точно по расписанию, и остается только ждать его.

В наступивший Новый год мы смотрели по телевизору праздничные гуляния на Таймс-сквер. Ровно в полночь в небе над Зефиром загорелись огни фейерверка, в церкви забили в колокол, а на улице задудели в охотничьи рога и горны. Наступил 1965 год. За новогодним столом мы съели по пятнистой фасолине, чтобы наступающий год принес нам серебро, по листику капусты, чтобы он принес нам золото, а потом смотрели по телику футбол до тех пор, пока наши мягкие места не заболели от долгого сидения. Прислушиваясь краем уха к реву болельщиков, отец шариковой ручкой выводил в блокноте, лежащем у него на коленях, бесконечные 33... 33... 33 в виде мозаики цифр. В конце концов мама попросила отца отложить блокнот и ручку и расслабиться хотя бы на Новый год. Отец так и сделал, но вскоре его пальцы вновь машинально нащупали блокнот. По тому, как мама поглядывала на отца, я понял, что его состояние снова вызывает у нее тревогу: число 33 стало для него новой навязчивой идеей, изводившей не хуже ночных кошмаров. Время от времени отец видел прежний сон, но теперь относился к нему спокойнее, зная, что утопленник зовет на дно вовсе не его. Очевидно, отцу для того, чтобы избавиться от одной навязчивой идеи, пришлось найти взамен другую.

После каникул я, Бен, Джонни, как и все юное поколение Зефира, вернулись к учебе. В первый же день мы обнаружили, что у нас теперь новая учительница — мисс

Фонтэйн, молоденькая девушка, свежая и прекрасная, как весна. Кстати, за окнами зима бушевала вовсю.

Каждый второй день, ровно в полдень, отец выходил из дверей бензозаправочной станции при любой погоде — будь то пронизывающий ветер, мокрый снег или бледное холодное солнце — и дожидался появления тридцать третьего автобуса компании «Трэйлвейз», с водителем Корнелиусом Мактроу за рулем. И всякий раз при появлении автобуса сердце отца начинало бешено колотиться.

Автобус не остановился ни разу. Он следовал своим маршрутом куда-то дальше.

Когда автобус уходил, отец возвращался в служебное помещение, где по большей части проводил время за игрой в домино с мистером Уайтом. Отец усаживался на скрипучий стул, дожидаясь следующего приезда автобуса.

Глава 6

НЕЗНАКОМЕЦ СРЕДИ НАС

Наступил январь, холодный как могила.

В одиннадцать часов в субботу шестнадцатого числа я забрался на Ракету и покатил к «Лирику» на встречу с Беном и Джонни. Небо было затянуто покрывалом низких туч, в воздухе висела ледяная изморось. Я закутался в одежду по самые уши, словно эскимос, но, добравшись до кинотеатра, предполагал снять куртку и перчатки. Сегодня шел «Ад для героев». Афиша этого фильма изображала американских солдат с потными лицами, припавших к земле за пулеметом и базукой в ожидании вражеской атаки. В качестве дополнения к фильму предполагались мультики о Даффи Даке и очередная серия «Бойцов с Марса». Предыдущая серия закончилась на том, что бойцов завалило в марсианской шахте огромным валуном. Я обдумывал, как они могли бы спастись из завала: например, в последний момент вдруг обнаруживался боковой туннель, о котором они раньше не знали.

По пути к кинотеатру я сделал крюк, как потом оказалось, многое определивший в последующих событиях. Я свернул, чтобы проехать мимо дома дока Лезандера.

Я не видел его с рождественской службы. Тогда я называл его Птичником и смело встретил его взгляд, словно вмиг заледеневший. Я даже начал подумывать, не сбежала ли чета Лезандеров. Несколько раз я собирался поделиться своими догадками и подозрениями с отцом, но у того в голове крутилось только «тридцать три», а у меня не было никаких доказательств, кроме зеленого перышка да двух мертвых попугаев. Я остановился у начала подъездной аллеи и какое-то время наблюдал за домом Лезандеров. Окна были темными. Дома ли хозяева? Мне хотелось это выяснить. Быть может, ветеринар и его жена бежали под покровом ночи, по неизвестным мне приметам решив, что им угрожает опасность? Какое-то время я наблюдал за домом: ни проблеска света, никаких других признаков жизни. Герои и бойцы могут подождать. Я направил велосипед по дорожке к дому Лезандеров и объехал его крутом. Табличка с надписью «Пожалуйста, держите на привязи своих животных» была на месте. Я слез с Ракеты, поставил ее на стойку и осторожно заглянул в ближайшее окно.

Кромешная темень. Поначалу я мог различить только очертания мебели, но потом глаза немного привыкли к мраку и я сумел разглядеть двенадцать керамических птичек, стоящих на пианино. В этой комнате обычно находились клетки с птицами. Кабинет доктора Лезандера был расположен ниже, ближе к преисподней. Невольно мне представилась миссис Лезандер, восседающая за пианино и раз за разом наигрывающая «Прекрасного мечтателя», в то время как зеленый и голубой попугаи бьются в клетках, а снизу, из подвала, через вентиляционное отверстие доносятся ругательства и крики. Но почему ругались по-немецки?

Внезапно вспыхнул свет. Мое сердце подпрыгнуло и заколотилось: так, вероятно, чувствует себя заключенный, застигнутый при попытке совершить побег. Мгновенно обернувшись, я увидел у заднего крыльца машину, фары которой были направлены прямо на меня. Это был серый «бьюик» последней модели, его никелированный радиатор напоминал оскаленные в хищной улыбке зубы с металлическими коронками — работа врача-ветеринара хорошо оплачивалась. Я бросился к Ракете, но не успел поднять стойку, как чей-то голос спросил:

— Кто тут?

Передо мной стояла миссис Лезандер, сильно смахивавшая на медведицу из-за коричневого пальто, окутывавшего ее дородное тело. Воротник моей куртки был поднят, но, должно быть, она узнала Ракету.

— Кори, это ты?

Я понял, что попался. «Не волноваться,— сказал я себе.— Держать себя в руках».

— Да, мэм. Это я.

— Само провидение прислало тебя к нам,— заявила она.— Мне как раз нужна помощь.— Она обошла свою машину и отворила переднюю дверь со стороны пассажира.— Я была в бакалейной лавке. Одной мне не донести все пакеты.

Кажется, Ракета что-то прошептала мне в этот миг. Верный велик настойчиво советовал мне вкрадчивым, озабоченным голосом: *«Беги, Кори. Сматывайся поскорее, пока еще можешь это сделать. Я унесу тебя прочь, только крепче держись за руль».*

— Так ты поможешь мне?

Миссис Лезандер достала из машины первый из полудюжины увесистых бумажных пакетов. На них всех боль-

шими красными буквами было написано: «Кладовая Большого Пола».

— Я тороплюсь в кино,— неуверенно сказал я.

— Но это займет всего минутку.

Что может случиться со мной посреди бела дня? Я взял из рук миссис Лезандер пакет. Она достала еще два пакета и, зажав один из них под мышкой, заперла машину. Подул ветер, полы пальто миссис Лезандер распахнулись, и этот миг я понял, что именно ее массивную фигуру видел на опушке леса в то мартовское утро.

— Пойдем,— сказала она мне.— Дверь открыта.

Миссис Лезандер нависла у меня за спиной. Чувствуя, как ужас сжимает мое горло, я покорно переступил порожек дома ветеринара, словно входил в марсианскую шахту.

— Десять,— сказал мистер Уайт, хлопая по столу очередной костяшкой домино.

— И еще десять,— отозвался отец, выставя костяшку на своем конце стола.

— Вот черт, не знал, что она у тебя припасена! — Мистер Уайт затряс головой.— А ты хитрец, Том!

— Стараюсь не подкачать.

Раздалось тихое постукивание снежной крупы по стеклу. Мистер Уайт выглянул в окно. Облака потемнели, огни бензозаправочной станции пятнами света легли на асфальт. Отец бросил взгляд на стенные часы, которые показывали без двенадцати двенадцать.

— Ладно, что тут у нас? — Потирая подбородок, мистер Уайт, напоминая горбатого сфинкса, изучал свои костяшки.— А что скажешь на это? — выкрикнул он, хватывая одну из них.— Сейчас запишем на мой счет очков пятнадцать.

На улице зашипели тормоза.

Автобус номер 33 подъезжал к заправке мистера Уайта.

— Вот это да! — воскликнул он. — Что-то Корни сегодня рановато!

Отец уже был на ногах. Миновав кассовый аппарат, полки с моторным маслом и присадками к бензину, он направился к двери.

— Не иначе, Корни поймал попутный ветер! — заметил мистер Уайт. — А может, увидел чудовище на трассе десять и прибавил газу!

Отец вышел на холод. Автобус остановился у желтой вывески компании «Трэйлвейз». Гидравлические двери со вздохом отъехали в сторону.

— Смотрите под ноги, джентльмены, не оступитесь! — услышал отец напутствие водителя.

Из автобуса вышли двое мужчин. Холодная снежная крупа хлестнула отцу в лицо, выл ветер, но отец не спешил спрятаться в тепло. Одному из приехавших было на вид за шестьдесят, другой казался вдвое моложе. Старший из мужчин, одетый в твидовое пальто и коричневую шляпу, держал в руке чемодан. Младший, в джинсах и бежевой куртке, нес большую спортивную сумку.

— Удачи вам, мистер Штайнер! — крикнул приехавшим Корни Макгроу.

Старший из мужчин, повернув голову, поднял руку в кожаной перчатке и помахал в ответ. Хайрам Уайт, вышедший вслед за отцом, поздоровался с приезжими, потом задрал голову вверх, обращаясь к мистеру Макгроу:

— Эй, Корни, как насчет горячего кофейку?

— Нет, спасибо, Хайрам, мне нужно двигаться дальше. Моя сестра Дженни сегодня утром родила. Когда закон-

чу маршрут, надо будет навестить ее. Это у нее третий ребенок, но мальчик впервые. В следующий рейс привезу тебе сигару.

— Буду держать спички наготове. Правь осторожней, дядюшка Корни!

— Не беспокойся, старина! — отозвался Макгроу.

Дверь затворилась, автобус тронулся с места, а двое незнакомцев остались стоять напротив отца.

Лицо старшего, мистера Штайнера, было изборождено морщинами, но подбородок был тверд, как гранитная глыба. Мокрый снег забрызгал его очки.

— Прошу прощения, — проговорил он с иностранным акцентом. — Вы не подскажете, где тут у вас отель?

— Сойдет и комната внаем, — подал голос молодой человек; у него были редкие светлые волосы и монотонный выговор жителя Среднего Запада.

— У нас нет отеля, — отозвался отец. — И комнат внаем никто не сдает. У нас здесь редко появляются приезжие.

— Вот как, — нахмурился мистер Штайнер. — А ближайший отель, скорее всего, в другом городе и до него далеко?

— В Юнион-Тауне есть мотель, называется «Юнион Пайнс». До него...

Отец замолчал, уже подняв руку, чтобы указать направление.

— Может быть, вас нужно подвезти, парни?

— Было бы очень неплохо. Это как раз то, что нам нужно, мистер...

— Том Маккенсон, сэр.

Отец пожал протянутую руку в перчатке. От крепкого пожатия мужнины у отца хрустнули костяшки пальцев.

— Джейкоб Штайнер,— представился старший.—
А это мой друг Ли Ханнафорд.

— Приятно познакомиться,— сказал отец.

Шестой пакет был самый тяжелый. В нем оказались собачьи консервы.

— Это нужно отнести вниз,— сказала мне миссис Лезандер, раскладывая банки с другими консервами на полки в буфете.— Когда спустишься, просто поставь пакет на стол. Я сама разберусь.

— Хорошо, мэм.

В кухне горел яркий свет. Миссис Лезандер сняла пальто, оставшись в темно-сером платье. Достав из пакета банку растворимого кофе «Фолджер», она открыла ее, легко повернув крышку.

— Могу я спросить тебя, Кори, — осведомилась она, повернувшись ко мне своей широкой спиной, — зачем ты подглядывал к нам в окна?

— Я... э-э-э...

«Соображай же быстрее!» — мысленно заорал я сам на себя.

— Я думал, что могу заглянуть к вам для того, чтобы... потому что...

Миссис Лезандер обернулась и внимательно посмотрела на меня. Лицо ее было спокойным и совершенно безучастным.

— Потому что... я хотел спросить у доктора Лезандера, не даст ли он мне работу в дневное время. Я думал, может, ему нужна помощь, ну, убирать за животными и все такое. Я согласен на любую работу.

Внезапно на плечо мне опустилась рука.

Я едва не завопил от ужаса. Кровь так внезапно отлила от моего лица, что кожу словно обдало морозом.

— Весьма амбициозный молодой человек, — проговорил доктор Лезандер. — Ты согласна со мной, Вероника?

— Да, Франс, — ответила миссис Лезандер и, отвернувшись, продолжила раскладывать покупки по полочкам кухонного шкафа.

Доктор убрал руку с моего плеча. Обернувшись, я взглянул на него. Очевидно, он только что встал с постели: на нем был красный шелковый халат поверх пижамы, глаза еще были заспанными, седая щетина окружала его аккуратно подстриженную бородку. Доктор зевнул, прикрыв рот той самой рукой, которую только что держал на моем плече.

— Можно попросить у тебя чашечку кофе, дорогая? — обратился он к жене. — Чем крепче, тем лучше.

Миссис Лезандер принялась накладывать для мужа кофе в чашку, на которой был нарисован колли, поставила ее на кухонный стол и взяла с плиты чайник с горячей водой.

— Я сегодня слушал Восточный Берлин, около четырех утра, — сообщил жене доктор. — Берлинский оркестр исполнял Вагнера, как всегда чудесно.

Налив кипятка в чашку, миссис Лезандер помешала кофе и придвинула темную жидкость поближе к мужу, который с наслаждением вдохнул аромат.

— О-о-о, да! — проговорил он. — Именно то, что мне сейчас нужно.

С шумом отхлебнув маленький глоток, доктор удовлетворенно заметил:

— Горячий и крепкий!

— Мне нужно идти, — сказал я, медленно продвигаясь к задней двери. — Я договорился встретиться с Беном Сирсом и Джонни Уилсоном в «Лирике».

— Но ты ведь, кажется, хотел поговорить со мной о работе?

— Сейчас мне надо идти.

— Нет, глупости.

Рука доктора снова легла на мое плечо. Казалось, что пальцы у него выкованы из железа.

— А ведь мне и в самом деле нужен юный помощник. Мне было бы очень приятно, Кори, если бы ты приходил днем и выполнял мои поручения.

— Правда?

Я просто не знал, что еще ему сказать.

— Правда, Кори.— Док Лезандер широко улыбнулся, не отводя от меня внимательного взгляда.— Ты ведь очень сообразительный молодой человек, верно, Кори?

— Сэр?

— Я говорю, что ты очень толковый молодой человек. К чему излишняя скромность? Ты умеешь проникать в суть вещей, находить факты и вытрясать из них все, словно... упрямый терьер.

Губы доктора Лезандера снова растянулись в улыбке, блеснула металлическая коронка. Он отхлебнул кофе.

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

Мой голос едва заметно дрожал.

— Это твое качество мне особенно нравится, Кори. Упрямство и целеустремленность терьера, с которыми ты докапываешься до сути вещей. Прекрасная черта характера для мальчика.

— Его велосипед остался снаружи, Франс,— сказала миссис Лезандер, убирая в шкаф пачки «Райс-а-рони», риса с мясом и овощами, произведенного в Сан-Франциско.

— Можно тебя попросить занести его внутрь?

— Мне нужно идти,— снова пролепетал я, ощущая, как страх сдавливает мое горло.

— Это неразумно,— улыбнувшись, ответил доктор.— На улице изморось, и вообще сегодня с погодой творится что-то неладное. Ты ведь не хочешь, чтобы твой прекрасный велосипед покрылся коркой льда?

— Но мне... действительно нужно...

— Я занесу велосипед в дом,— сказала миссис Лезандер.

Она вышла, и вскоре уже вкатывала мой велосипед через порог и дальше в чулан. Все это время рука доктора ни на мгновение не отпускала мое плечо.

— Ну вот и хорошо,— сказал доктор и отхлебнул еще кофе.— Лучше сразу обо всем позаботиться, чем потом сожалеть.

Миссис Лезандер вернулась на кухню, держа во рту большой палец левой руки. Она сосала его. Вынув палец изо рта, показала нам кровь.

— Только посмотри, Франс,— сказала она.— Я поранилась о велосипед.

Произнесла она это совершенно бесстрастно, почти с клинической отстраненностью, и снова засунула палец в рот. На ее нижней губе осталось пятнышко крови.

— Раз уж ты здесь, Кори, думаю, тебе будет интересно ознакомиться со своими обязанностями.

— Бен и Джонни...— выдавил я из себя,— они ждут меня.

— Ничего, подождут, никуда не денутся. А потом зайдут в зал, сядут на свои места и станут смотреть фильм. Если ты не придешь, они подумают, что-то случилось. С мальчиками ведь всякое случается.

Пальцы дока Лезандера начали мять мое плечо.

— И о чем же сегодня фильм?

— «Ад для героев». Это фильм про войну.

— Ах, про войну. Насколько я могу догадаться, сюжет построен на том, как brave американские парни решат почем зря жалких немецких псов, или я ошибаюсь?

— Франс,— негромко сказала миссис Лезандер.

Они быстро переглянулись, и взгляды эти были похожи на удары кинжалами.

Затем доктор вновь обратился ко мне:

— Давай же, Кори, спустимся вниз. Ты не возражаешь?

— Моя мама будет беспокоиться,— предпринял я новую попытку, хотя уже знал, что все бесполезно.

— Но ведь она думает, что ты пошел в кино?

Брови дока Лезандера приподнялись.

— А теперь давай спустимся вниз, и я покажу тебе, за что я собираюсь платить тебе двадцать долларов в неделю.

У меня перехватило дыхание.

— Двадцать долларов?

— Вот именно. Двадцать долларов в неделю толковому и способному помощнику кажется мне подходящей ценой. Идем?

Доктор подтолкнул меня к ступенькам, ведущим в подвал. Его рука была сильной и уверенной — мне пришлось подчиниться. Док Лезандер щелкнул выключателем, и лестница передо мной осветилась. Спускаясь, я слышал, как шуршит за моей спиной красный шелковый халат доктора и шлепают по ступенькам его тапки. На ходу он шумно, с какой-то жадностью отхлебывал кофе из чашки. Звук был неприятный, и я понял, что напуган до смерти.

Мой отец так и не довез Джейкоба Штайнера и Ли Ханнафорда до мотеля «Юнион Пайнз». Они с трудом втиснулись втроем в пикап. Пришлось включить стеклоочистители, чтобы мокрый снег не мешал видеть дорогу. Отец спросил, не хотят ли они сначала перекусить. Оба его спутника ответили согласием, и было решено заехать в кафе «Яркая звезда».

— Мы бы хотели расположиться в той кабинке, что в самом конце зала, — сказал отец Кэрри Френч, и официантка проводила их к заветному месту, вручив каждому меню.

Мистер Штайнер снял пальто и перчатки, оставшись в твидовом костюме и бледно-сером жилете. Свое пальто и шляпу он повесил на стоявшую рядом вешалку. Его седые, еще густые волосы были коротко подстрижены и торчали, как щетина на щетке. После того как мистер Штайнер и отец расположились за столиком в кабинке, молодой человек стянул с себя куртку, под которой оказалась синяя клетчатая шерстяная рубашка с закатанными рукавами, открывавшими мускулистые руки. А на его правом предплечье, повыше локтя...

— О господи! — выдохнул отец.

— В чем дело? — спросил Ханнафорд. — Здесь не разрешено снимать куртку?

— Конечно можно.

На лбу отца выступил пот. Мистер Ханнафорд присел рядом со своим старшим товарищем.

— Я хотел спросить... эта ваша татуировка...

— Она беспокоит вас, приятель?

Синевато-серые глаза молодого человека угрожающе сузились в маленькие щелки.

— Ли! — предупредительно повысил голос мистер Штайнер. — Не нужно.

Казалось, он отдает своему свирепому псу приказ «сидеть».

— Никаких проблем,— ответил отец.— Просто дело в том...

Ему стало трудно дышать, комната внезапно закружилась перед его глазами.

— Дело в том, что я уже видел раньше такую татуировку.

Какое-то время все молчали. Мистер Штайнер заговорил первым:

— Могу ли я спросить, где вы ее видели раньше, мистер Маккенсон?

— Прежде чем я отвечу, мне хотелось бы знать, откуда вы приехали в наши края и что вас сюда привело.

Отец с трудом заставил себя оторвать взгляд от нечетких очертаний черепа с развешивающимися над висками крыльями.

— Я ничего не скажу,— известил своего спутника мистер Ханнафорд.— Мы не знаем этого парня.

— Верно, Ли. Но ведь мы никого здесь не знаем.

Мистер Штайнер оглянулся по сторонам, осматривая зал своим цепким, как у ястреба, взглядом. В кафе находилось около дюжины посетителей, обедавших и обменивавшихся новостями. Кэрри Френч добродушно отбивалась от приставаний парочки фермеров. По телевизору передавали баскетбольный матч.

— Можем ли мы вам довериться, мистер Маккенсон?

— Почему вы об этом спрашиваете? — удивился отец.

Что-то в манере держаться этого человека, в его быстром пристальном взгляде, мигмом оценивающим обстановку, заставило отца задать следующий вопрос:

— Вы полицейский?

— По профессии — нет. Но по сути — очень близко к тому.

— Кто же вы по профессии?

— Можно сказать, что я занимаюсь историческими исследованиями, — ответил мистер Штайнер.

Кэрри Френч подошла к ним своей грациозной походкой, подчеркивающей красоту ее длинных ног, держа наготове блокнотик для заказов.

— Чем вас угостить сегодня?

— У вас есть лепешки? — спросил мистер Ханнафорд, вытаскивая из нагрудного кармана пачку «Лаки страйк».

— Прошу прощения?

— Лепешки! Есть они у вас или нет?

— Мне кажется, — терпеливо проговорил мистер Штайнер, воспользовавшись паузой, во время которой молодой человек прикуривал сигарету, — что в этой части страны их называют оладьями.

— Время завтрака уже закончилось, и мы не подаем такие блюда. — Кэрри неуверенно улыбнулась. — Прошу прощения.

— Господи Иисусе! Тогда принесите мне хотя бы гамбургер.

Ли Ханнафорд выпустил сигаретный дым сквозь узкие ноздри.

— Куриный суп с лапшой свежий? — поинтересовался мистер Штайнер, рассматривая меню.

— Сделан из консервов, но только что приготовлен.

— Увы, дорогая, я не ем консервированные супы. — Мистер Штайнер строго взглянул на официантку поверх круглых очков. — Принесите мне гамбургер, как и моему другу. Только хорошенько прожарьте мясо, прошу вас.

«Прошу» — вот как он произнес это.

Отец заказал тушеную говядину и кофе.

Кэрри задержалась у столика.

— Скажите, вы ведь приезжие? — спросила она.

— Я из Индианы, — ответил мистер Ханнафорд, — а он...

— Я родился в Варшаве, это в Польше. Спасибо, Ли, я сам могу ответить за себя.

— Однако вы оба издалека, — заметил отец, когда Кэрри наконец отошла, чтобы отнести заказ на кухню.

— В настоящее время я живу в Чикаго, — пояснил мистер Штайнер.

— Все равно это далеко от Зефира. — Взгляд отца и дело возвращался к татуировке на руке молодого человека. По-видимому, мистер Ханнафорд когда-то пытался свести ее, но безуспешно. — Ваша татуировка что-то означает?

Ли Ханнафорд выпустил дымок из угла своего рта.

— Она означает, — ответил он, — что я не люблю, когда люди суют нос не в свое дело.

Отец кивнул. Краска гнева медленно начала проступать на его щеках.

— Вы это серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Прошу вас, джентльмены, — попытался успокоить их мистер Штайнер.

— Интересно, что ты ответишь, крутой парень, если я скажу тебе одну вещь? — Отец положил на стол локти и наклонился вперед, ближе к лицу мистера Ханнафорда. — Десять месяцев назад я видел точно такую же татуировку на плече одного мертвого человека.

Мистер Ханнафорд ничего не ответил. Лицо его не выражало никаких эмоций, глаза смотрели холодно. Затянувшись, он выпустил дым в потолок.

— Человек, о котором вы говорите, был блондин? — наконец спросил мистер Ханнафорд. — Цвет волос почти такой же, как у меня?

— Да.

— Примерно такое же телосложение?

— Думаю, да.

— Так-так.

Мистер Ханнафорд тоже подался вперед, приблизив к отцу свое словно высеченное из мрамора лицо.

— Тогда я вот что скажу: вы видели моего брата.

— ...вот эти клетки должны быть тщательно вычищены, — говорил доктор Лезандер. Сейчас они были пусты. — Пол тоже нужно подмести. Будешь приходить сюда три раза в неделю, Кори, и каждый раз пол должен быть вымыт дочи́ста. Кроме того, надо накормить всех животных и налить им в поилки воду. С ними также необходимо играть, чтобы они двигались.

Я шел вслед за ветеринаром, который показывал мне одну за другой комнаты своего подвала. Время от времени я поднимал голову вверх и видел под самым потолком вентиляционные отверстия.

— Сено я заказываю в тюках. Тебе придется помогать разгружать машины, распаковывать тюки — для этого нужно разрезать проволоку — и распределять сено по лошадиным стойлам. Должен сказать, что управляться с тюками, разрезать упаковочную проволоку — нелегкая работа. Проволока прочная, как рояльная струна. Кроме

того, тебе придется выполнять различные мои поручения, это тоже будет входить в твои обязанности.

Ветеринар повернулся ко мне:

— Итак, двадцать долларов за дневную работу три раза в неделю, скажем, с четырех до шести — по-моему, это хорошая цена?

— Господи!

Я не мог поверить своим ушам. Доктор Лезандер предлагал мне целое состояние.

— Если ты захочешь приходить еще и по субботам... скажем, с двух до четырех, я стану приплачивать дополнительно еще пять долларов.

Доктор Лезандер снова сдержанно улыбнулся. Отхлебнув кофе из чашки с колли, он поставил ее на пустую клетку из проволоочной сетки.

— Кори,— тихо сказал он.— Прежде чем я дам тебе эту работу, у меня есть к тебе просьба, даже две.

Я молчал, ожидая продолжения.

— Первое: я хочу, чтобы твои родители не знали, сколько я тебе плачу. Пусть лучше думают, что ты получаешь всего десять долларов в неделю. Дело в том, что мне известно: твой отец теперь работает на заправочной станции. Я видел его, когда приезжал туда. Кроме того, твоя мать дни напролет проводит на кухне за выпечкой, пытаясь сохранить свой бизнес. В этих условиях мне представляется более разумным не говорить им о том, сколько денег ты получаешь. Как ты думаешь?

— Вы хотите сказать, что я должен обмануть своих родителей? — искренне удивился я.

— Конечно, решать тебе самому. Но если твои родители узнают, что ты зарабатываешь приличные деньги, они

предложат тебе... поделиться с ними. А ведь на свете существует так много приятных вещей, которые мальчик твоего возраста сможет позволить себе на двадцать пять долларов в неделю. Другое дело, что ты должен быть осмотрительным в своих расходах. Не стоит тратить все деньги в одном месте. Я даже могу предложить подвезти тебя в Юнион-Таун или в Бирмингем, чтобы ты смог там что-нибудь себе купить. Может быть, ты мечтаешь иметь нечто такое, что твои родители не могут себе позволить?

Я задумался. Потом ответил:

— Нет, сэр. Мне как-то ничего не приходит в голову.

Доктор Лезандер рассмеялся, словно его позабавил мой ответ.

— Обязательно что-нибудь надумаешь. С полным карманом денег у тебя быстро появятся свежие идеи.

Я ничего не ответил. Мне совсем не понравилось, что док Лезандер решил, будто я способен скрыть от родителей такие вещи.

— И второе.

Док Лезандер сложил руки на груди, и я увидел, что его язык двигается во рту, касаясь щеки.

— Это связано с Соней Гласс.

— Сэр? — непонимающе произнес я.

Мое несколько успокоившееся сердце снова заколотилось как бешеное.

— Мисс Соня Гласс, — повторил док Лезандер. — Некоторое время назад у нее заболел попугай, и она принесла его ко мне. Так вот: ее попугай умер от воспаления мозга. Прямо здесь.

Док Лезандер прикоснулся рукой к клетке.

— Несчастное создание. Хочу тебе сказать, что моя Вероника и Соня ходят в один и тот же класс воскресной

школы. Нам показалось, что мисс Гласс ужасно расстроена твоими странными вопросами, Кори. Она рассказала Веронике, что ты настойчиво расспрашивал ее о какой-то пьесе, которую мисс Гласс исполняет на пианино, и о том, почему попутай так... странно реагирует на эту музыку.

Док Лезандер улыбнулся.

— Еще мисс Гласс сказала Веронике, что, похоже, ты знаешь какой-то секрет, и спросила, не догадываюсь ли я или Вероника, в чем он состоит. Кроме того, есть еще одна маленькая деталь, а именно то, что в твоём владении каким-то образом оказалось зеленое перышко ныне покойного попутая мисс Катарины Гласс. Соня сказала, что не поверила своим глазам, когда увидела у тебя это перышко.

Глядя в пол, доктор Лезандер начал разминать пальцы правой руки.

— То, что она сказала, — правда?

Я с трудом сглотнул. Если я сейчас скажу, что это неправда, док ни за что не поверит.

— Да, сэр.

Доктор Лезандер закрыл глаза. На его лице появилась боль, но лишь на мгновение.

— Где же ты нашел это перышко, Кори?

— Я... нашел его...

Наступил момент истины. У меня возникло ощущение, будто в комнате что-то свернулось, как змея, готовая броситься и укусить. Хотя свет, струившийся сверху, был ярким, даже резким, казалось, что в углах комнаты с кафельным полом спускаются тени. Внезапно я понял, что доктор Лезандер расположился между мной и лестницей. Он ждал, его глаза были по-прежнему закрыты. И даже ес-

ли я сейчас сумею проскользнуть мимо доктора на лестницу, наверху меня все равно схватит миссис Лезандер. Я опять упустил свой шанс.

— Я нашел его на озере Саксон,— ответил я, бросая вызов судьбе.— На опушке леса. Перед восходом солнца, когда машина, к рулю которой был прикован наручниками мертвец, упала в озеро.

Доктор Лезандер улыбнулся, по-прежнему не открывая глаз. Смотреть на это было страшно. Влажная кожа на его лице туго натянулась, лысый череп блестел в свете лампы. А потом он засмеялся, смех лился из него ручейком, булькавшим сквозь блестящие металлом зубы. Когда его глаза наконец раскрылись, их взгляд пронзил меня. Несколько мгновений я видел перед собой два лица одновременно: нижняя улыбающаяся половина и верхняя, выражавшая неприкрытую ярость.

— Так-так,— проговорил доктор и потряс головой, словно только что услышал замечательно смешную шутку.— И что же теперь мы будем с *этим* делать?

— Вы когда-нибудь видели раньше этого человека, мистер Маккенсон?

Мистер Штайнер, сидевший напротив моего отца в дальней кабинке кафе «Яркая звезда», вытащил из пиджака кожаный бумажник. Оттуда он достал фотографию в прозрачной пластиковой оболочке и положил на стол перед отцом.

Фотография была черно-белая, неважного качества. На ней был снят мужчина в светлом пальто по колено, приветливо махавший рукой кому-то за пределами снимка. Темные волосы этого человека были гладко зализаны на-

зад, так что казалось, будто на голову надета шапочка, квадратный подбородок был разделен надвое ямочкой. Позади мужчины виднелся блестящий капот старомодного автомобиля, откуда-то из тридцатых — сороковых годов. Несколько мгновений отец изучал снимок, уделив особое внимание глазам и улыбке, застывшей на лице белым шрамом. Но сколько бы он ни рассматривал фотографию, перед ним было лицо незнакомца.

— Нет, — наконец ответил он, толкнув через стол снимок к мистеру Штайнеру, — я никогда не видел этого человека.

— Теперь он наверняка сильно изменился. — Мистер Штайнер тоже взглянул на снимок, но так, будто глядел в лицо заклятого врага. — Он мог сделать пластическую операцию. Самый простой способ изменить свою внешность — это обриться наголо и отрастить бороду. Тогда даже родная мать может вас не узнать.

— Извините, но мне незнаком этот человек. Кто он?

— Его зовут Гюнтер Внизу-в-Темноте.

— Как вы сказали?

Сердце отца едва не выскочило у него из груди.

— Гюнтер Внизу-в-Темноте, — повторил мистер Штайнер, затем проговорил имя более отчетливо, и стало понятно, что он произнес его не по-английски: — Данинадерк¹.

Откинувшись на спинку стула, отец даже открыл рот от изумления. Мир закружился перед его глазами, и ему пришлось схватиться за край стола, чтобы не упасть.

— О господи! — прошептал он. — Господи боже мой! «Пойдем со мной... Данинадерк».

¹ Игра слов «Down in the Dark» — «Dahninaderke»

— Прошу прощения? — осторожно осведомился мистер Штайнер.

— Кто он такой?

Отец едва ворочал языком от волнения.

Ответил Ли Ханнафорд:

— Это человек, который убил Джеффа, если, конечно, именно мой брат покоится на дне этого проклятого озера.

И отец рассказал им обо всем, что случилось в то мартовское утро. Мистер Ханнафорд едва сдерживал ярость: он был настолько зол, что, казалось, способен был откусить голову кобре. Он едва притронулся к своему гамбургеру, но при этом выкурил одну за другой три сигареты.

— Мой брат, мой безмозглый брат, как мы догадываемся, пытался шантажировать его. На квартире Джеффа в Форт-Уэйне мы нашли его дневник, который был зашифрован, он писал его по-немецки. Я нашел этот дневник в мае, когда бросил работу в Калифорнии, чтобы отыскать Джеффа. Всего пару недель назад нам удалось подобрать ключ к шифру.

— В основе его было «Кольцо Нибелунга» Вагнера, — заметил мистер Штайнер. — Очень и очень замысловатый шифр.

— Да, мой брат всегда сходил с ума от всяческой тайнописи. — Мистер Ханнафорд затушил очередную сигарету в тарелке с кетчупом. — Особенно когда был мальчишкой. Всегда зашифровывал свои записи. Так что обо всем мы выведали из дневника. Джефф шантажировал Гюнтера Данинадерка, вначале обирая его на пять сотен долларов в месяц, потом поднял цену до восьми сотен, а потом дошел до тысячи. Из дневника мы узнали, что Данинадерк живет в Зефире, штат Алабама. Под чужим име-

нем, само собой. Джефф и его дружки-подонки помогли Гюнтеру достать новые документы, после того, как он с ними связался. Но Джефф, как видно, решил получить дополнительное вознаграждение за свои услуги. В дневнике он писал, что скоро сорвет большой куш, соберет свои манатки и переедет во Флориду. Он написал, что отправится из Форт-Уэйна в Зефир тринадцатого марта. Эта запись в его дневнике была последней.

Ли потряс своей белокурой головой.

— Похоже, у брата совсем крыша поехала, когда он решил впутаться в такое дело. Кстати говоря, я, наверно, тоже спятил, потому что теперь увяз во всем этом дерьме по уши.

— Увяз в чем? — переспросил отец. — Я не понимаю вас.

— Вам знаком термин «неонацисты»? — спросил отца мистер Штайнер.

— Если вы подразумеваете фашистов, то я знаю, о ком идет речь.

— Нет, неонацисты. Новые фашисты. Ли и его брат были членами американской неонацистской организации, которая действует в Индиане, Иллинойсе и Мичигане. Символом этой организации является татуировка, которую вы видите на плече у Ли. Джефф и Ли примкнули к наци в одно и то же время, но Ли через год покинул их компанию и перебрался в Калифорнию.

— Прямым ходом и переехал.

Ли зажег новую спичку и прикурил очередную сигарету.

— Я решил убраться от этих ублюдков как можно дальше. Видите ли, они убивают людей, которые осмеливаются утверждать, что Гитлер гадил отнюдь не розами.

— Но ваш брат остался в их организации?

— Да, черт возьми. И даже сумел выбиться в командиры одного из их поганных штурмовых отрядов или как там это у них называется. И это мой брат, с которым мы входили в число лучших юных футболистов США, отставившая честь школы!

— Вы еще не объяснили мне, кто такой Гюнтер Данинадерк,— заметил отец.

Мистер Штайнер переплел пальцы и положил их перед собой на стол.

— Я как раз подвожу свой рассказ к этому, мистер Маккенсон. Разыскав дневник брата, Ли отнес его на филологический факультет Индианского университета, где попросил оказать ему помощь в расшифровке записей. Один из моих друзей преподает там немецкий язык. Как только он сумел расшифровать фамилию Данинадерк, он немедленно переслал дневник мне в Северо-Западный университет в Чикаго. С сентября я взял эту работу на себя. Возможно, мне следовало объяснить вам, что я ректор филологического факультета и по совместительству профессор истории. А кроме того — и это играет важную роль в моей жизни,— я разыскиваю нацистских военных преступников.

— Повторите, пожалуйста, еще раз,— попросил отец.

— Нацистских военных преступников,— повторил мистер Штайнер.— За последние семь лет я помог выследить и арестовать троих: Биттриха в Мадриде, Савельсхагена в Олбани, штат Нью-Йорк, и Гейста в Аллентауне, штат Пенсильвания. Как только я увидел в письме фамилию Данинадерк, понял, что у меня появился шанс добавить к своему списку четвертого.

— Так он военный преступник? А в чем его преступление?

— Доктор Гюнтер Данинадерк руководил больницей в концентрационном лагере Эстервеген в Голландии. Он и его жена Кара производили селекцию заключенных, определяя, кто может продолжать работу, а кто должен быть отправлен в газовую камеру.

На лице мистера Штайнера на мгновение появилась страшная гримаса.

— Именно эта пара в одно солнечное утро решила, что я еще имею право на дальнейшее существование, а моя жена — нет.

— Это ужасно,— подал голос отец.

— Ничего, я давно это пережил. Узнав об этом, я выбил Данинадерку передний зуб, за что провел год на каторжных работах. Но от тяжелого труда я окреп, что в результате спасло мне жизнь.

— Выбили ему передний зуб?

— Именно так. Я как следует ему врезал. Да, это была та еще парочка!

Лицо мистера Штайнера скривилось от мучительных воспоминаний

— Мы звали его жену Птичницей, потому что у нее была коллекция из двенадцати птичек, сделанных из глины, смешанной с пеплом из человеческих костей. А у самого доктора Данинадерка, который до войны работал ветеринаром в Роттердаме, была одна занятная привычка.

Отец с трудом выдавил из себя:

— Какая привычка?

— Он любил провожать заключенных в газовую камеру и, когда они проходили мимо, придумывал им имена.

Глаза мистера Штайнера были прикрыты: перед его мысленным взором проплывали видения ужасного прошлого.

— Он давал смешные имена, самые разные. Я никогда не забуду, как он назвал мою Веронику, мою прекрасную златовласую Веронику: Солнечный Лучик. Он сказал ей: «Полезай внутрь, Солнечный Лучик! Полезай прямо внутрь!» Она была очень больна, и ей пришлось ползти по собственным...

Слезы затуманили стекла очков мистера Штайнера. Он быстро снял их и вытер глаза. Видно было, что этот человек привык в любой ситуации держать свои чувства под строгим контролем.

— Прошу прощения,— пробормотал он.— Иногда я забываюсь.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Ли Ханнафорд моего отца.— Вы ужасно побледнели.

— Могу я... можно мне взглянуть на эту фотографию еще раз?

Мистер Штайнер положил снимок перед отцом
Отец глубоко вздохнул.

— О нет! — прошептал он — Господи боже, только не он!

Мистер Штайнер догадался по голосу отца.

— На этот раз вы его узнали?

— Да. Я знаю, где он живет. Не так далеко отсюда. Точнее сказать, совсем рядом. Но он... такой приятный человек.

— Я знаю подлинную суть доктора Данинадерка. И что представляет из себя его жена, мне тоже хорошо известно. Думаю, и вы это поняли, когда увидели, во что превра-

тилось лицо Джеффа Ханнафорда. Я уверен, что доктор Данинадерк и Кара пытали его, чтобы дознаться, кому еще известно их местожительство, а может быть, они хотели выяснить, о чем он написал в своем дневнике. А когда он им ничего не сказал, они забили его до смерти. Увидев лицо Джеффа Ханнафорда, вы могли убедиться, насколько порочна душа доктора Гюнтера Данинадерка. Молю Бога, чтобы вам никогда больше не довелось видеть подобное зрелище.

Поднявшись с места, отец полез в карман за бумажником, но мистер Штайнер опередил его, выложив деньги на стол.

— Я отвезу вас к нему, — сказал отец, направляясь к двери.

— Такой смысленый молодой человек, — говорил мне доктор Лезандер, стоя между мной и лестницей, ведущей к свободе. — Я вижу в тебе, Кори, устремленность терьера. Тебе хватило крошечного зеленого перышка, чтобы распутать все до конца! Я восхищаюсь тобой, Кори!

— Доктор Лезандер! — Я чувствовал себя так, словно мою грудь сковали стальные обручи. — Мне правда пора домой.

В ответ доктор шагнул ко мне. Я отступил.

Он не спешил, будучи уверен в своей власти надо мной.

— Я хочу, чтобы ты отдал мне зеленое перышко. Знаешь почему?

Я отрицательно покачал головой.

— Потому что ты расстроил мисс Соню Гласс. Это перо напомнило ей о прошлом, отчего ей стало невыгра-

зимо горько. Прошлое нужно оставить в покое, Кори. Мир должен продолжать жить дальше. Ты согласен со мной?

— Не знаю...

— Но увы, подобно этому зеленому перышку, прошлое вновь и вновь напоминает о себе. Кому-то обязательно надо вытащить его и выставить на всеобщее обозрение. Если же человек хочет выбраться, чтобы не утонуть в этой грязи, он вынужден расплачиваться за свое прошлое снова и снова. Это несправедливо, Кори, это неправильно. Ты понимаешь, что я имею в виду?

Я ничего не понимал, где-то упустив нить его рассуждений.

— Мы обладали чувством чести! — сказал доктор Лезандер, и глаза его лихорадочно заблестели. — Мы знали, что такое гордость! Но взгляни на мир, что окружает нас, Кори! Только посмотри, во что он превратился! Мы знали место назначения, но нам не дали привести туда мир. И вот теперь мы имеем то, что имеем. Хаос и вульгарность окружают нас со всех сторон. Расы смешиваются друг с другом, люди совокупаются с такой легкостью, которой не позволяют себе даже животные. В свое время у меня была возможность стать врачом рода людского. Я много раз делал это. И знаешь, Кори, я скорее встану на колени в грязь, чтобы вылечить свинью, чем спасу человеческое существо. Вот какое мнение сложилось у меня о людской расе! Вот что я думаю о лжецах, повернувшихся к нам спиной и запятнавших нашу честь! Вот что я... вот что я думаю обо всем этом!

Схватив со стола чашку с колли, доктор Лезандер со всего маху швырнул ее об пол. Чашка ударилась о кафель рядом с моей правой ногой и с треском разлетелась на мелкие осколки.

Наступила тишина.

Еще через минуту сверху донесся голос миссис Лезандер:

— Франс? Что разбилось, Франс?

«Его мозги»,— подумал я.

— Мы разговариваем,— ответил ей доктор Лезандер.— Всего лишь разговариваем, и только.

Я услышал над головой тяжелые шаги миссис Лезандер, уходившей прочь.

Потом над нами что-то заскрипело.

Еще через пару мгновений зазвучало пианино.

Играли «Прекрасного мечтателя». Миссис Лезандер и вправду была очень хорошей пианисткой. Я вспомнил, как мисс Гласс Голубая сказала, что руки Вероники будто созданы для фортепиано. Интересно, достаточно ли сильны эти руки, чтобы стянуть горло мужчины проволокой для связывания тюков с сеном и задушить его до смерти? Или это сделал сам доктор Лезандер, пока его жена наверху играла на пианино эту мелодию, а испуганные попугаи кричали и бились в своих клетках, запоминая звуки этого зверского насилия?

— Двадцать пять долларов в неделю,— сказал мне доктор Лезандер.— Но ты должен принести мне зеленое перышко и должен обещать мне никогда, никогда, не говорить о нем с мисс Соней Гласс. Прошлое мертво и должно оставаться в своей могиле — именно там его законное место. Ты согласен со мной, Кори?

Я кивнул, готовый согласиться на все, что угодно, лишь бы выбраться отсюда.

— Хороший мальчик. Когда ты принесешь мне перо? Завтра днем?

— Да, сэр.

— Это очень, очень хорошо. Когда ты принесешь мне перышко, я уничтожу его, чтобы мисс Соня Гласс никогда больше не мучилась воспоминаниями о прошлом, никогда не думала о нем. И сразу же, как ты принесешь его, я выплачу тебе деньги за первую неделю. Договорились?

— Да, сэр.

Все, что угодно, все, что угодно.

— Вот и прекрасно.

Док Лезандер сделал шаг в сторону от лестницы.

— Только после вас, *mein herr*¹.

Я начал подниматься по ступеням.

Во входную дверь позвонили.

«Прекрасный мечтатель» мгновенно оборвался. Я снова услышал скрип: стул отодвинули от пианино. Уже на самом верху лестницы док Лезандер положил мне руку на плечо и прошептал:

— Подожди-ка.

Мы услышали, как отворилась входная дверь.

— Том! — воскликнула миссис Лезандер. — Чем я обязана...

— Отец! — что есть силы заорал я. — *На помощь!*

Рука доктора Лезандера зажала мне рот. Я услышал, как он издал приглушенный вопль разочарования, как видно вызванного тем, что дело приняло такой оборот.

— Кори! Отойдите с дороги!

Отец ворвался в дом, вслед за ним вошли мистер Штайнер и Ли Ханнафорд. Оттолкнув в сторону могучую женщину, отец бросился вперед, но в следующее мгновение

¹ Милостивый государь (*нем.*)

с криком «*Nein!*»¹ она впечатала свой могучий кулак в его скулу. Отец с разбитой в кровь бровью неловко упал на мистера Штайнера.

Только мистер Штайнер смог разобрать то, что прокричала Вероника своему мужу: «Гюнтер, беги! Хватай мальчишку и беги!» Не успела она выкрикнуть эти слова, как мистер Ханнафорд, схватив ее сзади за горло, свалил на пол и прижал сверху всем своим весом. Она все же сумела подняться на одно колено, но тут рядом с ней оказался мистер Штайнер, попытавшийся скрутить ей руки. Кофейный столик и лампа с грохотом перевернулись. Мистер Штайнер, потеряв шляпу, с разбитой губой, закричал:

— Все кончено, Кара! Все кончено, ты слышишь меня!

Но только не для ее мужа.

Предупрежденный криком миссис Лезандер, он подхватил меня под мышку, а другой рукой выгреб из ящика кухонного стола, где их оставила его жена, ключи от машины и бросился к черному ходу. Я вырывался, как мог, но он выволок меня через заднюю дверь на улицу, под мокрый снег. Ветер развевал полы его красного шелкового халата. На бегу он потерял один шлепанец, но не стал останавливаться. Запихнув меня в «бьюик», он с размаху захлопнул дверцу, едва не прищемив мне ногу, и рухнул на сиденье, чуть было не сев мне на голову. Мистер Лезандер повернул ключ зажигания, и мотор, взревев, мгновенно ожил. Потом он дал задний ход, и машина выехала на подъездную аллею. Я успел приподняться и увидеть, как отец в свете фар выскочил из дома через заднюю дверь.

¹ Нет! (нем.)

— Папа!

Я схватился за ручку двери со своей стороны, но в тот же миг ощутил резкую боль от врезавшегося в мое плечо локтя. Сильная рука схватила меня за шею и, словно старый мешок, бросила на пол, где я и остался лежать, едва не лишившись чувств от боли. Доктор Гюнтер Данинадерк, убийца, которого я всегда знал как дока Франса Лезандера, включил первую скорость, мотор «бьюика» взревел, и машина рванулась вперед.

Отец побежал обратно через дом, чтобы быстрее добраться до нашего пикапа. На ходу ему пришлось перепрыгивать через все еще боровшихся Штайнера, Ханнафорда и Кару Данинадерк. Жена доктора еще не прекратила борьбы, и Ханнафорду пришлось несколько раз ударить ее кулаком в лицо, что ее отнюдь не украсило.

Доктор Лезандер гнал автомобиль по улицам Зефира, шины «бьюика» отчаянно визжали на поворотах. Я хотел подняться с пола машины, но доктор прикрикнул на меня:

— Не смей вставать! Лежи смирно, гаденыш!

Он влепил мне оплеуху, от которой я свалился обратно на пол. Должно быть, мы пронесли мимо «Лирика»; я попытался представить себе, как велики муки ада, которые в состоянии вынести настоящий герой. Мы с ревом въехали на мост с горгульями, и, когда руль на мгновение вырвался из рук доктора Лезандера, машина вильнула в сторону, задев бортом ограждение моста, отчего в воздух полетели искры и кусочки хрома. От удара корпус машины жалобно застонал. Заскрежетав зубами, доктор Лезандер вновь овладел управлением и помчался к трассе 10.

Свет фар, отразившись от зеркала заднего вида, ударил в глаза доктора Лезандера. Он выкрикнул по-немец-

ки какое-то ругательство, перекрыв рев мотора. Я легко представил себе, что пришлось вынести попутаям в ту страшную ночь. Но я также знал, чьи фары направляют свет в зеркало заднего вида «бьюика». Я знал, кто преследует нас, повиснув на хвосте у «бьюика», не жалея мотора старого пикапа, вот-вот готового взорваться.

Протянув руку, я схватил нижнюю часть рулевого колеса и дернул его, заставив машину вильнуть вправо. «Бьюик» бросило на обочину шоссе, зашуршал гравий, по которому скользнули колеса. Доктор Лезандер наградил меня очередной порцией проклятий на немецком языке, заорав с такой силой, словно выстрелили из гаубицы, и саданул кулаком по моим пальцам, так что они тут же разжались. Тем же самым кулаком он ударил меня прямо в лоб с такой силой, что из глаз у меня полетели пурпурные звездочки, и на том мои геройские выходки закончились.

— Оставьте меня в покое! — заорал доктор Лезандер, оглянувшись на пикап, чьи фары вновь появились в зеркале заднего вида. — Почему бы вам не оставить меня в покое!

Крепко вцепившись в руль, едва не срывая покрышки с колес, стараясь совладать со скоростью и земным притяжением, он вел «бьюик» по извилистым поворотам трассы 10. В голове моей все еще звенело, но я вновь попытался взобраться на сиденье.

Доктор Лезандер заорал:

— Ну-ка вниз, ты, маленький гаденыш! — и попытался схватить меня за шиворот, но у него ничего не вышло, так как на такой сложной дороге нужно было держать руль обеими руками.

Я оглянулся на отцовский пикап: всего каких-нибудь двадцать футов заполненного мокрым снегом воздуха от-

деляли его передний бампер от заднего бампера «бьюика». Мы со свистом пролетели несколько крутых поворотов. Мне приходилось хвататься за сиденье, когда доктор Лезандер увеличивал скорость, пытаясь оторваться от отцовского пикапа. Я услышал щелчок и успел повернуть голову как раз вовремя, чтобы увидеть, как доктор Лезандер распахнул бардачок ударом кулака. Через мгновение его рука появилась наружу, сжимая тупорылый пистолет 38-го калибра. Резко бросив руку назад и едва не проломив мне голову, не успей я вовремя пригнуться, он выстрелил два раза, не целясь. Заднее стекло разлетелось на мелкие осколки, осыпавшиеся под колеса отцовского пикапа водопадом зазубренных льдинок. Пикап вильнул, почти съехав с дороги, его задние колеса опасно занесло, но отец сумел выровнять машину. Тогда рука доктора Лезандера, сжимавшая пистолет, снова пронеслась над моей головой. Я схватился за его запястье, изо всех сил стараясь отвести дуло к спинке сиденья. «Бьюик» начало бросать из стороны в сторону, поскольку теперь доктору Лезандеру приходилось бороться одновременно и со мной, и с рулевым колесом. Мне удалось несколько мгновений продержаться, не отпуская его руки.

Внезапно пистолет выстрелил прямо возле моего лица. Пуля, пробив сиденье, вылетела через дверь наружу с металлическим лязгом. От грохота и огня близкого выстрела, встряхнувшего мое тело до самых костей, я, кажется, отпустил руку доктора, но точно сказать не могу, потому что в следующий миг доктор Лезандер нанес мне скользящий удар рукояткой пистолета в правое плечо. Такой ужасной боли мне никогда раньше не доводилось испытывать, она переполнила меня до краев и вылилась изо

рта криком. Не окажись на пути подкладки моей теплой куртки, этот удар наверняка сломал бы мне ключицу. Схватившись за правое плечо, я упал спиной прямо на дверцу машины с перекошенным от боли лицом, ощущая, что моя правая рука онемела. Словно в навязчивом сновидении, подобном сну из «Захватчиков с Марса», я увидел черную гладь озера Саксон. Доктор Лезандер нажал голой ступней на педаль тормоза и, когда пикап подлетел поближе, повернулся назад и вскинул пистолет, на этот раз прицелившись. В свете фар его лицо блестело от пота, зубы были крепко стиснуты, а глаза как у дикого, затравленного зверя. Доктор Лезандер выстрелил, и в ветровом стекле отцовского пикапа появилась дыра размером с кулак. Я видел, как указательный палец доктора снова жмет на спусковой крючок. Я всей душой жаждал помешать ему, но боль в плече не давала мне возможности даже пошевелиться.

Какая-то огромная темная масса внезапно выскочила из леса по другую сторону дороги, примерно в том месте, где в то памятное мартовское утро я заметил стоявшую на опушке миссис Лезандер.

Зверь бросился на нас. Доктор Лезандер даже не успел увидеть, как он приблизился вплотную к «бьюику».

Удар чудовища из Затерянного мира, врезавшегося в борт машины, и грохот выстрела слились в один душевраздирающий звук, словно настал конец света.

Одновременно с громом выстрела и страшным криком доктора Лезандера «бьюик», визжа покрышками, встал на два колеса с моей стороны и начал съезжать с дороги. Дверь со стороны водителя оказалась сильно вдавленной внутрь, словно от могучего удара самого Господа Бога. Доктор Лезандер навалился на меня, придавив так

сильно, что затрещали ребра. Я услышал храп и рычание: трицератопс, оберегавший свою территорию, сталкивал враждебного динозавра с трассы 10. Лицо доктора Лезандера вплотную прижалось к моему, его тело грозило раздавить меня своим непомерным грузом, и я ощущал его страх, пахнувший зеленым луком. Потом он снова закричал, как, наверно, и я: мы поняли, что машина летит куда-то вниз.

Страшный удар, сопровождаемый громким всплеском, сотряс нас.

Темная вода мгновенно залила пол машины: озеро Саксон приняло нас в свои объятия. По мере того как kloчущая вода лилась в салон через разбитые окна и щели в погнутых дверях, радиатор «бьюика» медленно поднимался вверх. Окно со стороны водителя тоже было разбито, но до него вода еще не дошла. Доктор Лезандер лежал, навалившись на меня, пистолет выпал из его руки. Его глаза остекленели, изо рта сочилась кровь: он, должно быть, прикусил язык или губу. Его левая рука, принявшая на себя основную тяжесть сокрушительного удара зверя, была согнута под каким-то причудливым углом. Я увидел на фоне красного шелка рукава влажный блеск белой кости: она прорвала кожу на запястье и вышла наружу.

Озеро все быстрее проникало в машину, вокруг вздымались и лопались здоровенные пузыри. Сквозь разбитое выстрелом заднее окно внутрь обрушился настоящий водопад. Я никак не мог выбраться из-под тела доктора Лезандера. «Бьюик» начал медленно, словно наевшийся до отвала боров, переворачиваться, и машина с моей стороны резко ушла под воду. Из рта доктора Лезандера пошла кровавая пена, и я понял, что от удара трицератопса пострадали и его ребра.

— Кори! Кори!

Я взглянул поверх доктора Лезандера на разбитое окно, которое быстро поднималось надо мной, и увидел отца.

Его мокрые волосы прилипли к голове, по лицу ручьями стекала вода, из рассеченной брови сочилась кровь. Голыми руками он принялся лихорадочно очищать оконный проем от осколков стекла. «Бьюик» содрогался и стонал. Вода добралась до сиденья, ее прикосновение заставило дока Лезандера заметаться надо мной, а меня всего передернуло от холода.

— Хватайся за мою руку! — крикнул отец, перегнувшись через разбитое окно и пытаясь дотянуться до меня.

Я не мог сдвинуться с места из-за лежавшего на мне тяжелого тела.

— Помоги мне, папа! — прохрипел я.

Он рывком просунулся глубже. Должно быть, осколки стекла врезались ему в бока, но на его лице не отразилось ни тени боли. Его губы были плотно сжаты, глаза сосредоточены на мне, словно фонари с покрасневшими веками. Его руки тянулись в мою сторону, стремясь преодолеть разделявшее нас расстояние, но схватить меня он никак не мог.

Тело дока Лезандера накренилось. Он прорычал что-то непонятное на немецком. Его наполненные болью глаза раскрылись, моргнув. Вода хлопала вокруг, пронизывая могильным холодом. Доктор Лезандер взглянул на свое сломанное запястье и протяжно застонал.

— Слезьте с него! — закричал отец. — Ради всего святого, отпустите моего сына!

Доктор Лезандер содрогнулся всем телом и закашлялся. Из его рта и носа вдруг брызнула алая кровь. Он схватился за бок и, отняв руку, увидел, что она тоже вся в кро-

ви. Удар зверя из Затерянного мира был настолько силен, что сломанные ребра доктора Лезандера проткнули ему внутренности.

Рев воды становился оглушительным. Багажник «бьюика» уже почти весь погрузился в воду.

— Умоляю вас! — крикнул отец, все так же безуспешно стараясь дотянуться до меня. — Отдайте мне моего сына!

Доктор Лезандер оглянулся по сторонам, словно пытаясь определить, где он находится, и слегка приподнялся, что дало мне возможность дышать свободно, без ощущения, будто я втиснут в банку с сардинами. Доктор Лезандер посмотрел туда, где пенилась темная вода, врываясь в машину через разбитое заднее стекло. Я услышал, как он выдохнул, словно простонал:

— Ох!

Это был вздох полного и окончательно поражения.

Потом лицо доктора Лезандера повернулось ко мне. Кровь капала из его носа и струилась по щекам.

— Кори, — проговорил он булькающим голосом. Его здоровая рука стиснула мое запястье. — Выбирайся наружу, — прошептал он. — Брыкучий бычок.

Приподнявшись еще выше с искаженным от боли лицом, он вложил мою руку в ладонь отца.

Отец вытащил меня наружу, и я обхватил руками его шею. Крепко прижав меня к себе, он поплыл к берегу. По его героическому лицу стекали слезы и капли воды.

Застонав напоследок и сильно накренившись, «бьюик» стал погружаться в глубины озера. Вода закрутилась вокруг нас, затягивая вниз. Отец забил ногами, сиюсь вырваться из могучего объятия озера, но водоворот был слишком сильным. Раздалось шипение от соприкоснове-

ния воды с раскаленным металлом, и «бьюик» ушел под воду. Вода увлекала нас вниз. Я почувствовал, как отец борется с засасывающим водоворотом, но потом он хрипло вздохнул, ловя ртом воздух, и я понял, что он выбился из сил.

Вода сомкнулась над нашими головами.

Где-то под нами в бескрайнюю сумрачную пещеру, не знающую солнца, опускался «бьюик». Последние пузырьки воздуха серебристыми медузами поднимались вверх. Отец отчаянно бил ногами, стараясь вырваться наверх, но сила водоворота была слишком велика: мы погружались вслед за доктором Лезандером. Сквозь воду я увидел неясные очертания его белого лица, прижатого к переднему стеклу. Из его раскрытого рта вырывалось несколько пузырей.

Неожиданно из темных глубин появилась какая-то тень и приблизилась к машине. Возможно, это был просто большой ком мха или поросший тиной мусор, какое-нибудь тряпье, выброшенное в озеро. Но что бы это ни было, оно медленно и неумолимо всплыло внутрь салона «бьюика» через разбитое заднее окно. Погружаясь на дно, автомобиль доктора Лезандера кружился в подводном сумраке, словно какая-то странная карусель на Брэндиуайнской ярмарке. Чувствуя, что мои легкие вот-вот разорвутся от недостатка воздуха, я все-таки не мог отвести глаз от белого пятна, в которое превратилось лицо доктора Лезандера. Мне показалось, что проскользнувшее в салон автомобиля лохматое мшистое существо окутало тело доктора словно какой-то отвратительной гнилой мантией. И кем бы оно ни было, у него были зубы: я увидел, как они хищно сверкнули в его пасти, словно падающие звезды. Потом «бьюик» перевернулся крышей вниз,

став похожим на огромную черепаху. Последние остатки воздуха, вырвавшись из машины, устремились вверх и, подхватив, понесли нас, освобождая из ненасытной пасти озера. Мы приближались к мерцающей светом поверхности.

Отец поднял меня над собой, чтобы я мог наконец свободно вздохнуть.

Снаружи было все так же сумрачно и тускло, но зато сколько угодно воздуха. Торопясь отдышаться, держась друг за друга, мы барахтались в покрытой рябью темной воде.

В конце концов, собравшись с силами, мы доплыли до берега и выбрались сквозь ил и камыши на твердую землю. Отец тяжело опустился на землю рядом с пикапом. Его руки были в кровь изрезаны стеклом. Я расположился рядом с ним на красной скале, устремив взор на озеро Саксон.

— Эй, приятель? — позвал меня отец. — Ты в порядке?

— Да, сэр, — отозвался я, стуча зубами, но нисколько не боясь сейчас простудиться.

— Давай-ка заберемся в грузовик, — сказал отец.

— Хорошо, — согласился я, но не смог сдвинуться с места.

Мое распухшее плечо, которое потом на несколько дней превратится в один сплошной болезненный синяк, пока что благодатно онемело от холода.

Отец подтянул колени к груди. Дождь со снегом продолжал сыпать с неба, но мы настолько промокли и замерзли, что нам до этого не было никакого дела.

— Мне нужно рассказать тебе кое-что про доктора Лезандера, — сказал мне отец.

— Мне тоже есть что тебе рассказать,— отозвался я. Я прислушался к ветру, который пронесся по поверхности озера, что-то шепнув при этом.

Он ушел вниз в темноту. Он вышел из тьмы и во тьму вернулся.

— Он назвал меня «брыкучий бычок»,— сказал я.

— Надо ж такое придумать.

Мы не могли долго оставаться на берегу озера. Ветер пронизывал до костей. В такую погоду можно было запросто замерзнуть до смерти.

Подняв голову, отец взглянул на низкие серые облака, затянувшие январское небо. Потом улыбнулся, словно мальчишка, с плеч которого наконец свалилась тяжелая ноша.

— Господи,— проговорил он,— какой замечательный день!

Возможно, ад был предназначен для героев, но жизнь определенно оставалась для живущих.

Дальше произошло вот что.

Мама, упавшая в обморок при виде нас, быстро очнулась, обняла отца и меня, но тут же отпустила. Мы вернулись к ней грязные с головы до ног, но живые. Самое главное: отец перестал видеть кошмарные сны о мертвце со дна озера Саксон.

Мистер Штайнер и мистер Ханнафорд, пусть и несколько разочарованные тем, что им не удалось даже пальцем тронуть доктора Гюнтера Данинадерка, все же удовлетворились исходом дела, поскольку справедливость восторжествовала. В их распоряжении оказалась Кара Данинадерк и ее птицы из человеческих костей. Это стало

для них утешением. Последнее, что я о ней слышал: ее отправили в темницу, где даже свет был закован в решетку.

Узнав о случившемся со мной, Бен и Джонни были вне себя от переполнявших их эмоций. Бен буквально прыгал до потолка, а Джонни не находил себе места, когда я рассказал им, что, пока они сидели в кинотеатре и таращились на экран, я сражался за свою жизнь с самым настоящим нацистским военным преступником. Сказать, что в школе я стал знаменитостью, было все равно что утверждать, будто луна в ночном небе размером всего с речной гольцш. Чтобы послушать мой рассказ, собрались даже учителя. Хорошенькая мисс Фонтэйн восторженно внимала мне, а мистер Кардинале пожелал услышать мой рассказ дважды.

— Ты просто обязан стать писателем, Кори! — сказала мне мисс Фонтэйн.

— У тебя настоящий дар слова! — поддержал ее мистер Кардинале. — Думаю, из тебя получится отличный писатель!

Писатель? Автор?

Рассказчиком — вот кем я решил стать.

Где-то в конце января холодным, но солнечным субботним утром, оставив Ракету на крыльце, я забрался с родителями в кабину нашего пикапа. Отец повез нас через мост с горгульями по трассе 10 — медленно, высматривая между деревьями зверя из Затерянного мира. Хотя он свободно гулял в окрестных лесах, ни в тот день, ни после я больше ни разу не видел трицератопса. Наверно, это был прощальный подарок от Дэви Рэя.

Мы добрались до озера Саксон. Вода на поверхности была гладкой и спокойной. Ни малейшего намека на то, что покоилось на дне, но мы все отлично знали.

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Встав на один из красных скалистых уступов, я засунул руку в карман и вытащил оттуда зеленое перышко. Отец помог мне привязать к нему бечевку с маленьким свинцовым шариком на конце. Сильно размахнувшись, я забросил перышко в озеро, и оно ушло под воду быстрее, чем вы произнесете «Данинадерк». Гораздо быстрее, я в этом уверен.

Я не нуждался в сувенирах, напоминающих о разыгравшейся здесь трагедии.

Отец стоял по одну сторону от меня, мама — по другую. Вместе мы были замечательной командой.

— Теперь все,— сказал я им.

И мы вернулись домой, где меня дожидались мои чудовища и волшебная шкатулка.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ЗЕФИР КАК ОН ЕСТЬ

Закончилась долгая холодная зима, и я возвращаюсь домой.

Я еду на юг от Бирмингема по межштатной автомагистрали 65, по этой оживленной дорожной артерии, ведущей к главному городу нашего штата. Потом сворачиваю налево, на более узкую трассу 205 и еду, следуя всем ее изгибам, мимо сонных городков: Куперс, Рокфорд, Хиссоп и Коттедж-Гроув. Нигде теперь не видно знака, отмечающего поворот на Зефир, но я знаю дорогу и уверенно держу путь к дому.

В прекрасный субботний полдень, в самом начале весны, я еду не один. Рядом со мной сидит моя жена Сэнди, а сзади в бейсболке «Бирмингемских Баронов» и с бейсбольными карточками, разбросанными по всему сиденью, расположилось, свернувшись калачиком, наше «подрастающее поколение». Кто знает, может, когда-нибудь эти карточки будут стоить кругленькую сумму? В моей машине включено радио — прошу прощения, стереофоническая кассетная магнитола, — из динамиков льются звуки музыки группы «Tears for Fears»¹. Мне кажется, что Роланд Орзабал — фантастический певец.

¹ «Tears for Fears» — британская рок-группа, созданная в начале 1980-х годов Роландом Орзабалом и Куртом Смитом.

На дворе 1991 год. Вы можете в это поверить? Мы вплотную подобрались к рубежу нового столетия, чем бы это ни грозило миру — закатом или рассветом. По моему убеждению, каждый сам должен это решить для себя. Год 1964-й кажется теперь древней историей. Фотографии, снятые в том году «полароидом», давно уже пожелтели. Никто больше не носит такие стрижки и одежду, как тогда. Сами люди, как мне кажется, тоже изменились. И не только на Юге, но и повсюду. В лучшую или худшую сторону? Каждый решает сам.

Чего только ни случилось в мире с давно минувшего 1964-го! Подумать только! Такой стремительной, сумасшедшей карусели не могли вообразить даже завсегдатаи Брэндиуайнской ярмарки. Мы пережили Вьетнам — те, конечно, кому повезло, — эпоху лозунга «Власть цветам!»¹, Уотергейт и крах Никсона, аятоллу, Ронни и Нэнси, падение Стены и начало конца коммунистической России. Нам воистину довелось жить во времена смерчей и комет. И как реки текут в моря, так время течет в будущее. То, что нас может ждать в грядущем, поражает воображение. Но, как верно сказала когда-то Леди, невозможно понять, куда ты идешь, пока не осознаешь, где ты был прежде. Иногда мне кажется, что нам предстоит постигнуть еще очень многое.

— Какой чудесный день! — воскликнула Сэнди, откинувшись на спинку сиденья и глядя на проносящиеся мимо леса и луга. Я оглянулся на нее и в очередной раз усладил свой взор ее видом. В белокурых волосах моей подруги играл солнечный свет, как будто в них рассыпаны золотые

¹ «Власть цветам!» — лозунг хиппи — «людей-цветов», считавших, что преобразовать общество можно только с помощью проповеди всеобщей любви и духовной чистоты, символами которых являются цветы

цветы. Есть там и чуточку серебра, что мне тоже нравится, хотя Сэнди это немного расстраивает. У нее светло-серые глаза, уверенный и спокойный взгляд. Она может быть твердой, как скала, когда мне нужна сила, и мягкой, словно пуховая подушка, когда я нуждаюсь в утешении и покое. Вместе мы отличная команда. У нашей дочери глаза и уравновешенность матери, мои темно-каштановые волосы и неутолимая тяга к познанию мира. У ней острый орлиный нос моего отца и изящные кисти с удлинненными артистическими пальцами моей матери. По мне, так лучшего сочетания трудно и придумать.

— Эй, пап! — Бейсбольные карточки на мгновение забыты.

— Да?

— Волнуешься?

— Нет,— ответил я.

«Всегда говори правду»,— напомнил я себе.

— Ну, может, чуть-чуть.

— Что там будет?

— Представить себе не могу. Мы уехали из Зефира в тысяча девятьсот шестьдесят шестом году. Это было... ну-ка посчитай, сколько лет назад это случилось?

Молчание, продлившееся несколько секунд.

— Двадцать пять.

— Верно, как дождь,— согласился я.

Моя дочурка преуспевает в математике, она явно пошла в кого-то из родни со стороны Сэнди.

— Как же так вышло, что за все это время ты ни разу тут не был? Я хочу сказать, если ты так любил свой город...

— Я собирался сюда приехать несколько раз. Однажды я даже добрался до самого поворота на трассу шесть-

десять пять. Но Зефир совсем не тот, что был раньше. Конечно, нет ничего удивительного в том, что в мире многое меняется... но Зефир я всегда считал своим домом, и мне больно думать, что перемены затронули его так сильно.

— И что же там изменилось? Ведь это по-прежнему маленький городок?

Я услышал, как снова зашелестели бейсбольные карточки, раскладываемые по командам и алфавиту.

— Не думаю, что там многое изменилось,— ответил я.— Авиабазу закрыли в тысяча девятьсот шестьдесят четвертом году, бумажная фабрика на Текумсе прекратила работу еще через пару лет. Юнион-Таун значительно увеличился в размерах — в четыре или пять раз по сравнению с временами моего детства. Но Зефир... он стал меньше.

— Гм?

Внимание моей дочери уже отвлеклось на другое.

Я оглянулся на Сэнди, и мы улыбнулись друг другу. Ее рука нашла мою. Мы любили, чтобы наши руки были вместе. Впереди нас, вокруг Адамс-Вэлли, поднимались холмы, покрытые деревьями в желто-багровом пламени распускающихся почек. Кое-где уже появилась зелень, хотя апрель еще не начинался. Воздух за бортом машины был еще прохладным, но сияющее солнце обещало близость лета.

Как я уже упоминал, я и мои родители переехали из Зефира в Бирмингем в августе 1966 года. Отец, служивший в магазинчике скобяных изделий мистера Вандеркампа, первым почувал ветер перемен и решил тронуться в путь в поисках более сочных пастбищ. В Бирмингеме он отыскал себе работу: его взяли помощником менеджера в ночную смену на фабрику компании «Кока-Кола», в цех бутылочного розлива. Он стал зарабатывать вдвое боль-

ше, чем получал, когда развозил молоко. В 1970-м, когда его повысили до менеджера ночной смены, мы сочли, что наконец-то стали зажиточными. Это случилось в тот год, когда я поступил в Алабамский университет. Отец успел порадоваться моему диплому журналиста, прежде чем скончался от рака в 1978 году. Слава богу, он ушел легко. Мама горевала ужасно, я боялся, что потеряю и ее. Но в 1983 году во время морского путешествия на Аляску со своим церковным кружком мама познакомилась с вдовым джентльменом, владельцем конного завода в Боулинг-Грин, штат Кентукки. Через два года она вышла за него замуж и с тех пор живет вместе с ним. Он очень хороший человек и прекрасно относится к моей матери, но он не мой отец. Однако жизнь продолжается, и никогда заранее не знаешь, куда приведет незнакомая дорога.

«Трасса 10» — возвестил знак на развилке с тремя проржавевшими дырками от пуль.

Мое сердце забилося быстрее. В горле пересохло. Я знал, что увижу перемены, но страшился их.

Всю жизнь, насколько у меня хватало сил, я старался не постареть. Сама по себе эта работенка не из легких. Я имею в виду не прожитые годы — они заслуживают уважения, а старческое восприятие мира. Я знаю парней моего возраста, которые, проснувшись однажды утром, внезапно забывают, что их отцы когда-то запрещали им слушать «Rolling Stones», этих демонов рок-музыки. Они забывают, как родители требовали, чтобы их длинные, закрывающие лоб волосы были немедленно подстрижены, грозя заслушание выгнать их из дома. Они уже не помнят, что значило для них, сегодняшних боссов, быть подчиненными. Нынешняя жизнь, конечно, стала гораздо более жест-

кой, чем была когда-то. Сегодня зачастую приходится делать нелегкий выбор с весьма тяжелыми последствиями. Само собой, дети нуждаются в руководстве, и я благодарен своим родителям, чья направляющая длань помогла мне избежать многих ошибок. Однако сегодня, как мне кажется, родители уже не могут быть учителями для своих детей. Родители, во всяком случае большинство из них, подают пример в основном на словах, а не на деле. По моему мнению, когда героем для ребенка является его отец или мать, а еще лучше — оба вместе, тернистый путь познания и обретения опыта становится намного легче. В нашем жестоком мире, где в детях хотят видеть миниатюрные подобиya взрослых, лишённые очарования, магии и красоты невинности, даже небольшое количество теплоты и добра помогает вытерпеть тяготы бытия...

Впрочем, моя фамилия не Ловой и не Блессет, так что довольно проповедей.

Конечно, и я немало изменился с давно минувшего 1964 года. У меня поредели волосы, я теперь ношу очки. Появились морщины, некоторые из них залегли в уголках рта, скорее всего, от неизжитого оптимизма. По мнению Сэнди, я похорошел по сравнению с тем временем, когда она познакомилась со мной. Вероятно, это и называется любовью. Но, как уже упоминалось, я всеми силами стараюсь избежать привычки стареть. В этом мне очень помогает музыка. Я уверен, что музыка — это язык молодости, и чем больше музыки ты способен понять и принять, тем ты моложе. Я благодарен «Beach Boys» за то, что они разбудили в моей душе тягу к музыке. В настоящий момент моя коллекция пластинок — прошу прощения, компакт-дисков — включает в себя песни таких певцов

и групп, как Элвис Костелло, «U2», Шинед О'Коннор, «Concrete Blonde», «Simple Minds» и «Technotronic». Должен признаться, что иногда я испытываю ностальгию по классике рока, такой как «Led Zeppelin» или «Lovin' Spoonful». Короче говоря, имея такой выбор, я предаюсь настоящему пиршеству слуха.

Проехав мимо заросшей бурьяном дороги, уходящей в глубь леса, я вспомнил, что за руины лежат в ее конце на расстоянии пятидесяти ярдов отсюда. Вскоре после того как Блэйлоки отправились в тюрьму, мисс Грейс закрыла свое заведение. Во время урагана в июле 1965-го у лесного домика снесло крышу. Я сильно сомневаюсь, что от обители мисс Грейс сегодня вообще что-нибудь осталось. Выходящие стебли кудзу в наших местах всегда отличались буйным ростом.

Бен поступил в Алабамский университет в том же году, что и я, но специализировался на бизнесе. Окончив курс, он остался в аспирантуре, чем меня несказанно удивил: никогда бы не поверил, что Бен может получать удовольствие от учебы. В университете мы продолжали время от времени встречаться, но мало-помалу он настолько ушел с головой в свою предпринимательскую среду, что наши с ним дорожки разошлись. Он вступил в студенческое общество «Сигма Кси» и быстро дорос до вице-президента. Сейчас он живет в Атланте и работает биржевым маклером. Его жену зовут Джейн Энн, у них двое детей — мальчик и девочка. Мой приятель теперь состоятельный человек, ездит на золотистом «БМВ» и растолстел еще больше. Три года назад, прочитав одну из моих книг, он позвонил мне, и с тех пор мы регулярно видимся раз в несколько месяцев. Прошлым летом мы с Беном совершили поезд-

ку в маленький городок на границе штатов Алабама и Флорида, чтобы навестить тамошнего шефа полиции по имени Джон Уилсон.

Я всегда знал, что в жилах Джонни течет кровь вождя. В своем городке он установил твердый порядок и шутить с собой не позволит. В городке все любят и уважают его за справедливость: он занимает свой пост уже второй срок. Джонни познакомил нас со своей женой Рейчел. Она производит на мужчин потрясающее впечатление: вполне могла бы работать манекенщицей. От своего мужа она не отходит ни на шаг. У Джонни и Рейчел нет детей, но они все равно счастливы. В уик-энд мы вышли в море на рыбалку из Дестина¹, и Джонни поймал отличного марлина. Моя леска запуталась, обмотавшись вокруг лодки, а Бен просто испекся на солнце — он так не обгорал никогда в жизни. Но мы отлично провели время: гонялись друг за другом и хохотали до упаду.

Оно появилось перед нами прежде, чем я подумал о нем. Все у меня внутри сжалось.

— Озеро Саксон,— сказал я.

Жена и дочь вытянули шеи, чтобы лучше видеть.

Озеро совершенно не изменилось. Такого же размера, как и раньше, та же темная вода, по берегам — тина и камыши, те же красные скалы. Даже сейчас мне не составило особого труда представить, как останавливается пикап отца, как он выскакивает из машины и бросается в озеро вслед за тонущим автомобилем. Ничего не стоило вообразить и «бьюик», уходящий в пучину, воду, заливающую салон сквозь разбитое заднее стекло, и отца, кото-

¹ Дестин — город на так называемом Изумрудном побережье Флориды, пользующийся известностью как «самое удачное для рыбалки место в мире».

рый отчаянно пытается дотянуться до меня изрезанной стеклом рукой. Эти воспоминания живы во мне.

«Отец, я люблю тебя», — подумал я, когда озеро Саксон осталось позади.

Я вспомнил его лицо, освещенное огнем камина, когда мы сидели рядом и он рассказывал мне о докторе Гюнтере Данинадерке. Не сразу нам да и всем жителям Зефира удалось осознать, что док Лезандер и его жена совершали столь ужасные преступления. Тем более что он не был законченным злодеем, иначе он не выпустил бы меня из тонущей машины. До сих пор я верю в то, что на свете нет таких отпетых негодяев, чью душу невозможно спасти. Быть может, я наивен, как и мой отец. Но лучше быть наивным, подумал я, чем черствым и бесчувственным.

Позже я понял, зачем доктор Данинадерк каждую ночь слушал радио на коротких волнах. Я почти уверен, что он дожидался сообщений иностранных радиостанций о тех деятелях нацистского режима, кто пойман и передан в руки правосудия. Я знаю, что под личиной холодного спокойствия он жил, мучимый вечным страхом, в постоянной готовности в любую минуту услышать стук в дверь. Он заставлял людей страдать, но страдал и сам. Убил бы он меня, получив зеленое перышко, как когда-то вместе со своей Карой замучил до смерти Джеффа Ханнафорда, шантажировавшего его? Честно скажу, не знаю. А вы как считаете?

О да! Демон.

О ней мне рассказал Бен. Демон, уже в старших классах школы заставившая всех поверить в ее гениальность, поступила в Университет Вандербильта, выучилась на химика и была принята на работу в компанию «Дюпон». Там она сразу же добилась успеха, но ее неординарная

натура не позволила ей отказаться от своих странных привычек. Последнее, что Бен слышал о Демоне: она организует шоу в Нью-Йорке и недавно сцепилась с Джесси Хелмсом¹ по поводу устраиваемого ею действия, в котором она произносит громогласные тирады против корпоративной Америки, сидя в детском надувном бассейне, наполненном... сами догадайтесь чем.

Единственное, что я могу сказать по этому поводу: от души желаю Джесси Хелмсу не становиться на дороге у Демона, иначе ему можно будет только посочувствовать — в один прекрасный день он рискует оказаться приклеенным к собственному письменному столу.

Я следовал тем же изгибам дороги, по которым когда-то мчал меня, замирающего от ужаса, Донни Блэйлок. А потом холмы расступились, и дорога стала прямой, словно пробор, сделанный в парикмахерской мистера Доллара. Впереди показался мост с горгульями.

Но их больше не было на своих местах. Головы генералов армии конфедератов были отрублены. Возможно, это было актом вандализма, а может, генералов обезглавил некто, выставивший потом эти головы на аукционе в качестве образчиков южного примитивизма и выручивший по тысяче долларов за штуку. Уж не знаю, что стряслось, но голов и след простыл. Железнодорожная эстакада была на своем месте, все так же блестела река Текумсе. Я подумал: Старый Мозес, наверно, рад, что бумажная фабрика наконец-то закрылась. У него больше не застревает грязь в зубах, когда он сгребает черепах со дна реки. Конечно, никто больше не устраивает ему угощения в

¹ Хелмс Джесси (1921–2008) — сенатор-республиканец от штата Северная Каролина, крайний консерватор

пятницу на Страстной неделе. Традиция эта как-то сама собой умерла после того, как в 1967 году в почтенном возрасте ста девяти лет скончалась Леди, переправившись на другой берег своей реки. Вскоре после этого, если верить Бену, из города уехал ее муж Человек-Луна, перебравшийся в Нью-Орлеан, и чернокожая община Братона начала стремительно уменьшаться, даже более быстрыми темпами, чем остальное население Зефира. Сегодня Текумсе стала чище, но я сомневаюсь, что Старый Мозес поднимается теперь к поверхности реки и выставляет свою чешуйчатую голову, чтобы выпустить из топок ноздрей пар и воду. Наверно, он прислушивается к плеску воды о камни в ночной тишине и спрашивает на языке рептилий: «Почему больше никто не приходит к реке, чтобы со мной поиграть?»

Возможно, Старый Мозес все еще обитает в нашей реке. А может быть, он оставил нас, спустившись по течению Текумсе в море.

Мы миновали мост без горгулий. С другой стороны начинался мой родной город.

— Вот мы и приехали.

Я услышал, что произношу эти слова, сбрасывая скорость, но тут же понял, что сказать так было не совсем верно. Мы добрались до пункта назначения, но это место больше не является Зефиром.

По крайней мере, это не был тот Зефир, каким я его помнил. Дома по-прежнему стояли на месте, но многие из них обветшали, а дворы приобрели заброшенный вид. Нашему взору предстал еще не город-призрак, потому что в некоторых домах — их было очень мало — все еще жили люди, а по улицам катили редкие машины. Но всюду

чувствовалось запустение: великолепный праздник жизни переместился в какое-то другое место, оставив после себя вещественные свидетельства своего пребывания, как мертвые цветы в старом саду.

Правда жизни оказалась гораздо суровее, чем я мог себе представить.

Сэнди тоже это почувствовала.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Не знаю, скоро увидим, — отозвался я, не без некоторого усилия изобразив на лице слабую улыбку.

— Здесь почти никого не осталось, верно, папа?

— Почти никого, — ответил я.

Не доезжая до центра, я свернул на Мерчантс-стрит. Я не был готов к тому, что увидел. Добравшись до края бейсбольного поля, где мы выдержали яростную атаку Брэмлинов, я остановил машину.

— Не возражаете, если мы постоим здесь несколько минут? — спросил я.

— Нет, — ответила Сэнди, стиснув мою руку.

Кстати, насчет Брэмлинов. Будучи служителем закона, Джонни снабдил меня информацией о них. Прошедшие годы показали, что братья были сшиты из разного материала. Гота стал выступать за школьную футбольную команду и даже стал героем на час в матче против школы Юнион-Тауна, когда перехватил мяч на самой линии гола своей команды и заработал стремительной пробежкой решающие очки. Всеобщее признание сотворило с ним чудо, продемонстрировав, что ему крайне недоставало внимания со стороны родителей, которые были слишком глупыми или злобными, чтобы одарить его им. В настоящее время Гота живет в Бирмингеме, работает страховым агентом, а в свободное время тренирует футбольную

команду младшего возраста. Джонни добавил, что Гота больше не высветляет перекисью волосы, потому что лыс, как коленка.

В противоположность брату Гордо продолжил путь на самое дно. Мне тяжело об этом говорить, но в 1980 году Гордо был застрелен владельцем магазина «Севен-Илевен» в городе Батон-Руж, штат Луизиана, где он связался с дурной компанией. Гордо пытался ограбить кассу, в которой было меньше трех сотен долларов, при этом он прихватил с собой столько сладких пирогов «Литтл Дебби», сколько смог унести. Мне кажется, что однажды у него был шанс изменить свою судьбу, но он не внял предостережению ядовитого плюща.

— Я выйду на минутку размять ноги,— сказал я своим спутникам.

— Если хочешь, мы выйдем с тобой.

— Нет,— отрезал я.— Сейчас не нужно.

Выбравшись из машины, я запагал по заросшему травой бейсбольному полю. Добравшись до круга питчера, я постоял там, ощущая, как приятно холодит лицо легкий ветерок и ласкает кожу солнце. Деревянные трибуны, где я впервые увидел Немо Керлисса, заметно просели. Тогда, подняв руку к небу, я замер и принялся ждать.

Что, если мяч Немо, брошенный им в небо столько долгих лет назад, сейчас внезапно упадет мне в ладонь?

Я ждал.

Но этого так и не случилось. Немо, мальчик с совершенной рукой, загнанный в ловушку невыносимыми жизненными обстоятельствами, забросил мяч далеко за облака. Мяч так и не упал на землю, он никогда больше не вернется. И только я, Бен и Джонни запомнили этот случай навсегда.

Сжав ладонь в кулак, я опустил руку.

Отсюда был хорошо виден Поултер-Хилл.

Холм тоже уступил разрушительной силе времени. Между надгробиями пробивалась трава, нигде не было видно свежих цветов, словно туда давно никто не заглядывал. «Какая досада!» — подумал я, потому что именно там лежал подлинный Зефир.

Мне не хотелось бродить среди могильных камней. Вернувшись из своего путешествия на поезде, я простился с Дэви Рэем, а он со мной. Мне больше нечего было там делать.

Повернувшись спиной к смерти, я отправился к живущим.

— Вот моя школа, — сказал я жене и дочери, остановившись рядом с площадкой для игр.

Тут уже все выбрались из машины, и Сэнди шла бок о бок со мной, пока мои ботинки вздымали пыль школьного двора. Наше «подростающее поколение» принялось носиться по площадке все более и более широкими кругами, словно пони, выпущенный на волю после долгого пребывания в стойле.

— Осторожно! — предупредила Сэнди дочь, заметив разбитую бутылку.

Беспокойство столь свойственно матерям.

Я обнял Сэнди за талию, и ее рука притянула меня к себе. Та часть школьного здания, где раньше занимались младшие классы, сейчас стояла пустой и заброшенной, несколько стекол было разбито. Там, где когда-то визжало и голосило множество детей, стояла оглушительная тишина. Я взглянул на место около забора, где когда-то сцепились Гота Брэнлин и Джонни. Я посмотрел на ворота, сквозь которые пронесся на своей Ракете, спасаясь от Гор-

до, препровождая его на справедливый суд Люцифера. Я увидел...

— Эй, папа, смотри, что я нашла!

Наше «подростающее поколение» трусцой возвращалось назад.

— Я нашла его вон там! Классная штука!

Глянув на маленькую раскрытую ладонь, я невольно улыбнулся.

То был черный наконечник стрелы, идеальной формы и совершенно гладкий. На поверхности не было заметно ни единой царапины. Он был сделан человеком, привыкшим гордиться своим трудом. Вероятнее всего, вождем племени.

— Можно, я оставляю его себе? — спросила моя дочурка.

Ее зовут Скай. В январе ей исполнилось двенадцать. Она сейчас переживает период, который Сэнди называет стадией мальчишества. Скай предпочитает носить бейсболку задом наперед, любит бегать, заразительно смеясь, по пыльным улицам. Она уже не играет с куклами и мечтает сходить на концерт «New Kids on the Block»¹. Все придет к ней в свое время, я нисколько в этом не сомневаюсь. Сейчас же Скай просто очаровательна.

— Думаю, что ты вполне имеешь на это право, — заверил я ее.

Скай поспешно запрятала наконечник в кармашек джинсов, словно какое-то заветное сокровище.

Как видите, это часть жизни и девчонок тоже, не только мальчишек.

¹ «New Kids on the Block» — американская вокальная поп-группа, созданная в 1984 году в Бостоне, штат Массачусетс.

Мы покатали вдоль Мерчантс-стрит к центру города, к его остановившемуся сердцу.

На улице трудно было отыскать хотя бы одну открытую дверь. Закрыта была парикмахерская мистера Доллара, «Пигли-Вигли», кафе «Яркая звезда», магазин скобяных товаров, «Лирик» — всё-всё. Только витрины «Вулворта» чисто вымыты. Стремительный рост числа магазинов, квартир и торговых пассажей в Юнион-Тауне загубил дух коммерции в Зефире, как когда-то открытие «Кладовой Большого Пола» сделало ненужной развозку молока. Жизнь не стоит на месте, но можно ли назвать это прогрессом?

Мы проследовали мимо здания суда. Тишина. Позади остался плавательный бассейн и остов «колеса обозрения». Тишина, и здесь тишина.

Мы проехали мимо домика мисс Гласс Голубой. Услышать безмолвие там, где когда-то звучала музыка, было особенно тяжело.

Мисс Гласс Голубая. Мне хотелось бы поведать вам, что произошло с ней, но об этом я ничего не знаю. Если она ещё жива, то ей сейчас за восемьдесят. Мне просто не известно о ней ничего, и все тут. Так же, как и о многих других, кто уехал из Зефира за прошедшие годы: о мистере Долларе, о шерифе Марчетте, о Джазисте Джексоне, о мистере и миссис Дамаронд, о Ниле Кастайл и Гэвине, о миссис Велвадайн, о мэре Своупе. Надеюсь, что все они живы и здоровы и поныне и проживают в других городах. Думаю, что все они забрали с собой по кусочку Зефира и, куда бы ни отправились, бросили в землю на новом месте семена нашего городка. Так, как это сделал я.

После окончания колледжа я два года подвизался в одной из бирмингемских газет в качестве журналиста. При-

думывал заголовки и редактировал статьи других. Возвращаясь с работы, я садился к своей волшебной шкатулке — не той шкатулке, что прежде, но новой, хотя и не менее волшебной, — и писал, писал, писал. Рассказы я рассылал по почте, но они возвращались назад. Потом, скорее от отчаяния, я решил написать роман. Подумать только: он сразу же нашел издателя.

Сегодня из моих книг можно составить библиотеку. Пока еще небольшую, но она постоянно растет.

Я замедлил ход машины у большого дома в конце улицы, рядом с конюшней.

— Раньше он жил здесь, — объявил я Сэнди.

— Ого! — подала голос Скай. — Зловещее местечко!

Похоже на дом с привидениями.

— Нет, — отозвался я. — Думаю, теперь это обычный дом.

Подобно тому как Бо знает все о футболе¹, для моей дочери нет секретов о домах с привидениями. Она отлично знакома с Винсентом Прайсом и Питером Капнингем², фильмами киностудии «Хаммер»³, произведениями По⁴, «Марсианскими хрониками»⁵ и городком под названием Жребий⁶. Кроме того, ей известно про путешествие Алисы сквозь зеркало и о Стойком оловянном солдате, Гад-

¹ Бо знает все о футболе (Bo knows football) — рекламная кампания кроссовок фирмы «Найк», проводившаяся в 1989–1990 годах с участием профессионального бейсболиста и звезды американского футбола Бо Джексона и прославленного рок-н-рольного музыканта Бо Диддли.

² Кашинг Питер (1913–1994) — английский актер.

³ «Хаммер филмз» — британская киностудия, основанная в 1934 году и прославившаяся производством фильмов ужасов.

⁴ По Эдгар Аллан (1809–1849) — поэт и прозаик, теоретик литературы.

⁵ «Марсианские хроники» — собрание фантастических рассказов Рэя Брэдбери, выпущенное в 1950 году.

⁶ «Жребий» — вторая книга Стивена Кинга.

ком утенке и путешествиях Стюарта Литгла¹. Она знает о Стране Оз и о джунглях, где живет Тарзан, хотя еще слишком мала, чтобы оценить что-то, кроме цветов и красок, она уже способна различить манеру Ван Гога², Уинслоу Гомера³ и Миро⁴. Она слушает Дюка Эллингтона⁵ и Каунта Бэйси⁶, не забывая при этом о «Beach Boys». На прошлой неделе она спросила у меня разрешения поставить фотографию в рамке на свой туалетный столик. По ее словам, парень, изображенный на снимке, необыкновенно крутой.

Его зовут Фредди.

— Скай,— сказал ей я.— По-моему, наедине с этой физиономией ты не сможешь заснуть...

И тут же замолчал. «Ого,— подумал я,— ого, что творится!»

Фредди повстречался со Скай. Попробуй Расскажи ей теперь о том, как велика сила воображения!

Повернув машину на Хиллтоп-стрит, я покати́л в сторону дома.

Я добился успеха как писатель. Эту работу нельзя назвать простой, но мне она нравится. Мы с Сэнди не из той породы людей, кому нужно владеть половиной мира, чтобы быть счастливыми. Впрочем, должен признаться, что

¹ Стюарт Литгл — говорящий белый мышонок, персонаж одноименного фильма.

² Ван Гог Винсент (1853–1890) — всемирно известный нидерландский художник-постимпрессионист

³ Гомер Уинслоу (1836–1910) — американский живописец.

⁴ Миро Хуан (1893–1983) — испанский живописец, скульптор, график, дизайнер

⁵ Эллингтон Дюк (1899–1974) — выдающийся композитор, джазовый дирижер, пианист-самоучка.

⁶ Бэйси Каунт (1904–1984) — джазовый пианист, органист, руководитель биг-бэнда.

однажды я крепко потратился, купив красное авто с откидным верхом, которое обнаружил на аукционе подержанных машин, когда мы с Сэнди отдыхали в Новой Англии. Такие автомобили относят к разряду спортивных. Я занялся его реставрацией, придав ему такой вид, какой он, должно быть, имел во времена расцвета Зефира. Иногда, гоняя в нем один по шоссе, когда ветер развеивает мне волосы, а солнце палит в лицо, я ловлю себя на том, что утрачиваю чувство реальности и разговариваю с ним. Я даже дал ему имя.

Думаю, вы сами догадаетесь, как я назвал его.

Уезжая из Зефира, мы взяли велосипед с собой. У нас бывали разные приключения; золотой глаз многое повидал на своем веку и всегда оберегал меня от неприятностей. Но время шло, велик начал натужно скрипеть под моим весом, а рукам стало не хватать размаха руля. Велосипед отправился на покой в подвал, где и стоит сейчас, прикрытый брезентом. В один прекрасный уик-энд, вернувшись из колледжа, я обнаружил, что мама устроила распродажу домашних вещей, включив в нее и содержимое подвала.

— Вот деньги, которые один человек выложил за твой старый велосипед! — сказала она, протянув мне двадцатидолларовую бумажку. — Он купил его для сына, разве это не здорово, Кори?

— Конечно здорово, — ответил я.

А потом, поздно вечером, уткнулся отцу головой в плечо и заплакал, словно мне было снова двенадцать лет, а не двадцать.

Мое сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Вот он. Прямо передо мной.

— Это мой дом, — сказал я Скай и Сэнди.

Дом постарел, вылинял под солнцем и дождями. Он нуждался в покраске и ремонте, в любви и заботе, но некому было дать их ему, потому что он был пуст. Остановив машину у края тротуара, я взглянул на дом и внезапно увидел, как на крыльцо, улыбаясь, вышел отец. Он был в отличной форме, сильный и подтянутый, каким я его и запомнил.

— Привет, Кори,— крикнул он мне.— Как дела?

— Отлично, сэр, — ответил я.

— Ты добился в жизни чего хотел, я верил в тебя. Ведь я был прав?

— Да, сэр,— ответил я.

— У тебя красивая жена, Кори, и прекрасная дочь. А какие книги ты написал! Я всегда, с самого начала, знал, что ты добьешься своего.

— Отец? Ты не против, если мы войдем и побудем немного в доме?

— Ты хочешь войти сюда? — Отец оперся о столбик навеса крыльца.— Но зачем тебе это, Кори?

— Тебе не тоскливо одному? Здесь так тихо.

— Тихо? — Отец от души рассмеялся.— Иногда мне действительно хочется, чтобы здесь было потише! Здесь никогда не бывает тихо.

— Но ведь дом... пуст? Там же нет никого?

— Там просто не протолкнуться,— ответил отец, взглянув на весеннее солнце, стоящее поверх холмов.— Но тебе не следует входить сюда, чтобы увидеть их всех, Кори. Даже ради меня. Не надо ворошить прошлое. У тебя чудесная жизнь, Кори. Гораздо лучше, чем я мог себе представить. Как дела у мамы?

— Она счастлива. Я хочу сказать, что ей, конечно, не достает тебя, но...

КНИГА 2 ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

— Но ведь жизнь для живых,— заключил он наставительно, своим отцовским тоном.— А теперь поезжайте дальше и занимайтесь своими делами, вместо того чтобы бродить по старому дому с прогнившим полом.

— Хорошо, сэр, — ответил я, но не тронулся с места.

Отец повернулся, чтобы войти внутрь, но замер на пороге.

— Кори? — спросил он.

— Да, сэр.

— Я всегда любил тебя и твою маму. Я рад, что у вас все хорошо. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Я кивнул.

— Ты всегда был мне хорошим сыном,— сказал отец и вернулся в дом.

Крыльцо опустело.

— Кори? Кори?

Я обернулся и взглянул на Сэнди.

— Что ты там увидел? — тревожно спросила она.

— Тень,— ответил я.

Прежде чем уехать окончательно, мне хотелось побывать еще в одном месте. Я повел машину по извивам Темпл-стрит в сторону поместья Такстеров, что находится на самом ее верху.

Вот где действительно произошли серьезные перемены.

Часть больших домов оказалась буквально стертой с лица земли. На их месте колыхалась высокая трава.

Но в конце улицы меня ждал новый сюрприз: поместье Такстеров разрослось, выпустив во все стороны, как побеги, флигели. Имение казалось огромным.

«Господи боже мой! — пронеслось у меня в голове.— Значит, Вернон по сию пору живет здесь!» Я въехал в ворота, миновав местительный плавательный бассейн. В вет-

вах раскидистого дуба был сооружен шалаш. Поместье было ухожено: земля в отличном состоянии, все новые постройки гармонировали с общим стилем.

Я остановил машину перед парадным входом.

— Просто не могу поверить своим глазам! — сказал я Сэнди. — Я должен узнать, живет ли здесь, как и раньше, Вернон.

Выбравшись из машины, я направился к парадной двери, весь дрожа от возбуждения.

Но прежде чем я успел добраться до двери, я услышал звон колокольчика: *динь... динь... динь...*

До моих ушей донеслись звуки, набирающие силу, словно приливные волны.

У меня буквально перехватило дыхание.

Потому что через мгновение появились они.

Они высыпали гурьбой наружу через распахнутые двери, словно осы из дыры в потолке нашей церкви в то памятное пасхальное воскресенье. Они мчались ко мне, заливаясь смехом, с пронзительными криками, толкая друг друга. Они неслись ко мне в облаке оглушительного шума.

Множество мальчишек — и белых, и черных.

Они закружились вокруг и обтекли меня, словно я был островком на пути течения их реки. Некоторые устремились к шалашу в ветвях дуба, другие весело носились по ухоженной зеленой лужайке. Я оказался в центре вселенной юности и задора. И тут я заметил табличку на стене рядом с дверями поместья.

«Зефирский приют для мальчиков» — вот что было на ней написано.

Особняк Вернона стал приютом.

Мальчишки продолжали носиться вокруг, бешено выплескивая застоявшуюся энергию в этот великолепный воскресный день. На втором этаже распахнулось окно, из

которого выглянула женщина с покрытым морщинами лицом.

— Джеймс Люциус! — выкрикнула она. — Эдвард и Грегори! Немедленно идите сюда! Начинается урок музыки!

На женщине был голубое платье.

Две незнакомые мне пожилые дамы вышли из дверей поместья, чтобы присмотреть за юными сорванцами. Я мысленно пожелал им удачи. Появившийся вслед за ними молодой человек обратился ко мне:

— Чем могу помочь вам, сэр?

— Я раньше жил здесь, в Зефире. — Я был настолько ошеломлен, что едва мог говорить. — Когда же здесь открылся приют?

— В тысяча девятьсот восемьдесят пятом, — ответил молодой человек. — Мистер Вернон Такстер передал этот дом детям.

— Мистер Такстер жив?

— Он покинул город. Мне очень жаль, но у меня нет сведений о его дальнейшей судьбе. — У молодого человека было приятное открытое лицо, светлые волосы и глаза василькового цвета. — Я могу узнать ваше имя?

— Я... — И тут я понял, кто этот молодой человек. — Могу я сначала спросить, как зовут вас?

— Бубба Уиллоу. — Молодой человек улыбнулся, и я увидел черты лица Чили. — Преподобный Бубба Уиллоу.

— Рад познакомиться. — Мы пожали друг другу руки. — Я знал вашу мать, мы встречались однажды.

— Мую мать? В самом деле? Так как же вас зовут?

— Кори Маккенсон.

Мое имя не произвело на него никакого впечатления. Я был для Чили всего лишь маленьким корабликом, однажды прошедшим мимо.

— Как поживает ваша мать?

— О, прекрасно. Она переехала в Сент-Луис и сейчас работает учительницей в шестом классе школы.

— Думаю, ее ученикам повезло.

— Пастор? — проскрипел старческий голос. — Пастор Уиллоу?

Из дверей приюта вышел пожилой темнокожий человек в выцветшем комбинезоне. На его тощей талии висел монтерский пояс с разнообразными молотками, отвертками и загадочными гаечными ключами.

— Пастор, я заделал ту течь в трубе наверху. Теперь погляжу, что там с холодильником.

Глаза старого негра остановились на мне.

— Ого! — воскликнул он. — А я ведь знаю тебя, парень!

Его лицо озарила улыбка, словно день настал после темной ночи.

Мы обнялись под аккомпанемент звяканья инструментов на монтерском поясе.

— Кори Маккенсон! Господи, глазам своим не верю! Неужели это ты?

Мой взгляд обратился к женщине в голубом.

— Да, мэм, это я и есть.

— Господи, Господи! Прошу прощения, преподобный!

Но внимание женщины тут же вновь переключилось туда, куда и должно было быть направлено, — на подрастающее поколение мальчишек.

— Джеймс Люциус! Не смей забираться на дерево — ты обязательно свалишься!

— Могу я пригласить вас и вашу семью зайти к нам? — спросил меня преподобный Уиллоу.

— Пожалуйста, мистер Маккенсон, — с улыбкой поддержал его мистер Лайтфут. — Нам есть о чем поболтать.

КНИГА 2. ЛЮДИ И ПРИЗРАКИ

— На кухне кофе и свежие пончики,— принялся соблазнять меня преподобный.— Миссис Велвадайн готовит так, что пальчики оближешь!

— Кори Маккенсон, немедленно заходи внутрь! — И сразу же после этого: — Джеймс Люци-и-и-ус!

Сэнди и Скай вышли из машины. Зная меня, Сэнди не стала отказывать мне в удовольствии немного посидеть со старыми знакомыми. Мы не задержимся здесь надолго, потому что мой новый дом теперь далеко от родного города, но побыть здесь часок было как раз то, что нужно.

Когда они вошли, я на мгновение задержался на пороге, прежде чем присоединиться к ним.

Я поднял голову и взглянул в яркую синеву неба.

Мне показалось, что я заметил там четыре маленькие фигурки с развешивающимися за спиной крыльями, летящие в сопровождении крылатых собак; они устремлялись вниз и вновь взмывали вверх в потоках солнечного света.

Они навсегда останутся там, по крайней мере до тех пор, пока будет жива магия.

А у магии здоровое, сильное сердце.

Моя благодарность

Никакая книга не может быть написана без чьей-то помощи и влияния. «Жизнь мальчишки» не является исключением. Пользуясь случаем, я хотел бы поблагодарить некоторых людей, компании, книги, фильмы и музыкальные группы, которые помогли создать «Жизнь мальчишки», неважно, знают они о своей помощи или нет.

Я благодарю Форреста Дж. Аккермана, Роджера Кормана, Бориса Карлоффа, Винсента Прайса, Лона Чейни-старшего и Лона Чейни-младшего, Джангла Джима, Ская Кинга и Пенни, «Скрин Триллз Иллюстрейтед», Яна Флеминга и Бонда, Юдору Уэлти, Боба Кейна, Барбару Стил, Биг Дэдди Рота, Парней из Готорна, пусть младшего уже и нет с нами; «Клатч Карго», «Спейс Энджелз», «Супер Кар», Капитана и Тома Террифика, Йенси Дерринджера, «Знаменитых монстров из Фильмландии», Гордона Скотта, Вика Морроу и Боевой отряд, Джима Уоррена (прости, Форри!), Бостона Блэки, Зорро, Киско Кида и Панчо, Уистлера, Кирка Дугласа в «Спартаке», «Rolling Stones», «Триллер» и голубей из ада, компанию «Хаммер филмз», Питера Кашинга, последний «Ван Хельсинг», Кристофера Ли, Эдгара Райса Барроуза, Реда Скелтона и проходящий парад, «Крипи и Ири», Рэя Харрихаузена и Имира, мистера Телевидение, Милтона Берла, «Этот бе-

зумный, безумный, безумный, безумный (я ничего не пропустил?) мир», Эдгара Аллана По, Лестера Дента или Кеннета Роубсона, короче говоря, того, кто быстро произвел на свет «Док Сэвэджиз»; «Три Дог Найт» (привет, Кори!); Клэйтона Мура, единственного и неповторимого Одинокого Рейнджера; Ричарда Матесона, Роя Роджерса и Триггера, «Людей Икс», Буффало Боба и Хауди, братьев Гримм, Белу Лутоши, Паладина, «Внешние границы», Бриджит Бардо (я не все свое время проводил с «Джيو-графикс»); Бэзила Ратбоуна, «Мистер Диллон! Мистер Диллон!», сэра Артура Конан Дойла, «Захватчиков с Марса», Джина Отри, Стива Ривза, Тетушку Би, доктора Ричарда Кимбла, группу «The Who», Ганса Христиана Андерсена, «13 привидений» и таинственные очки, Сержанта Престона из «Юкона», мистера и миссис Норт, Худого Человека, Питера Лорра, Альфреда Хичкока, «Здесь, Лэсси», Эррола Флинна, несравненного Робина Гуда, человека по имени Джед, «Акванавтов», Стива Ропера и Майка Номада, Клинта Уокера, Куки (мои волосы выпадают!); «Гордо», «Родан», «Рептиликус», Чарльза Лофтона, Орала Робертса, который исцелит себя сам; «Храбрых людей», Виктора Матьюра, размахивающего дубиной; Уолта Диснея, мистера Лаки, Берта Ланкастера, «Алису в Зазеркалье», Бронко и Шугарфута, «Маверикс», диких, как ветер в Орегоне; Джо и Франка, «Фантазию», дом на холме с привидениями, Гая Мэдисона и Энди Девайна, «Мистерианз», «Дементиа 13» (Йикса!), Капитана Америку и Баки, Харпер Ли, Стива Маккуина (Невозмутимого), перепрыгивающего на мотоцикле через колючую проволоку; Тома Свифта и Хиса, а также многих-многих других, о которых вспомню, пока не закончу писать это.

МОЯ БЛАГОДАРНОСТЬ

Двух людей, очень сильно повлиявших на жизнь этого мальчишки и его книги,— мистера Рода Серлинга, за его талант и воображение, которое простирается далеко за пределы «Зоны», и мистера Рэя Брэдбери. Ваше озеро всегда будет глубже и красивее, чем мое, в вашем кувшине больше тайн, ваши ракеты точнее достигают сердца. Огромное вам спасибо.

Старые часы на стене показывают, что настало время заканчивать. До свидания, друзья!

Роберт Маккаммон

14 апреля 1990 — 23 сентября 1990

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ОГОНЬ ОСЕНИ	5
Глава 1. Шляпа с зеленым пером	7
Глава 2. Волшебная шкатулка	34
Глава 3. Обед у Вернона	56
Глава 4. Гнев Пяти Раскатов Грома	91
Глава 5. Дело № 3432	114
Глава 6. Наперегонки с мертвецом	146
Глава 7. Полдень в Зефире	168
Глава 8. Из Затерянного мира	208
Часть вторая. ХОЛОДНАЯ ПРАВДА ЗИМЫ	253
Глава 1. Одинокий путник	255
Глава 2. Вера	290
Глава 3. Лоскутки одеяла	328
Глава 4. Крепость мистера Моултри	349
Глава 5. Шестнадцать капель крови	389
Глава 6. Незнакомец среди нас	418
Часть третья. ЗЕФИР КАК ОН ЕСТЬ	461
Моя благодарность	488

Литературно-художественное издание

Роберт Р. Маккаммон

ЖИЗНЬ МАЛЬЧИШКИ

Книга 2

Люди и призраки

Ответственный редактор *Е. Березина*

Редактор *М. Абушик*

Художественный редактор *А. Сауков*

Технический редактор *О. Шубик*

Компьютерная верстка *М. Львов*

Корректоры *М. Ахметова, Е. Шнитникова*

ООО «Издательский дом «Домино».

191014, Санкт-Петербург, ул. Некрасова, д. 60.

Тел. (812) 272-99-39. E-mail: dominospb@hotmail.ru

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 30.03.2011. Формат 84х108 1/32.

Печать офсетная. Бум. офс. Усл. печ. л. 26,04.

Тираж 3000 экз. Заказ 3205

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК

«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-49523-8

9 785699 495238 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

**International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders
international@eksmo-sale.ru**

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118.**

E-mail: vlpzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.

Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.

Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».

Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.

Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2

Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.

Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601

www.bookvoed.ru

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ТЕМНЫЙ МИР

В реальный быт маленького американского городка 60-х годов прошлого века вплетены обстоятельства, совершенно непостижимые с точки зрения здравого смысла: сонное захолустье превращается в удивительный мир, населенный причудливыми существами и фантомами. Тут и древний ящер — зверь из Затерянного мира, и речное чудовище Старый Мозес, и призраки погибших людей, с которыми можно общаться.

Однако все эти чудеса не кажутся чем-то сверхъестественным, потому что они пропущены через восприятие 12-летнего Кори Маккенсона, талантливого выдумщика, мечтающего стать писателем. Его жизнь наполнена фантазиями и волшебством, захватывающими приключениями и невыдуманными опасностями...

«Жизнь мальчишки» — лучшая из полутора десятков книг мастера мистического романа Роберта Рика Маккаммона, принесящая ему две престижные литературные премии — Bram Stoker Awards 1991 и World Fantasy Award 1992.

ISBN 978-5-699-49523-8

9 785699 495238 >